

ВЛАСТВУЮЩАЯ ЭЛИТА*

I. Высшие круги

Сфера приложения сил и возможностей обыкновенных людей ограничена миром их повседневных дел и забот, но даже в этом кругу, замыкающемся профессиональной работой, семейными и соседскими отношениями, они часто оказываются во власти таких внешних сил, которые они не могут ни понять, ни подчинить себе. "Великие перемены" ни в какой степени не зависят от них, но тем не менее оказывают влияние на их поведение и воззрения. Эти перемены довлеют теперь над простыми людьми со всех сторон, а сама структура современного общества обрекает их на служение чужим замыслам. Вот почему они чувствуют, что в эпоху, когда они лишены влияния на общественную жизнь, они лишены также возможности строить свою собственную жизнь по своему желанию и разумению.

Но не все люди являются в этом смысле обыкновенными людьми. С централизацией средств информации и политической власти

некоторые лица достигли в американском обществе такого положения, которое дает им возможность взирать на обыкновенных людей, так сказать, сверху вниз и своими решениями оказывать могущественное влияние на их повседневную жизнь. Они добились этого положения не своим личным трудом — они сами предоставляют работу или отнимают ее у тысяч людей. Их жизнь не замыкается кругом обычных семейных забот; они имеют возможность избавиться от этих забот. Они могут проживать во многих домах и отелях, но они не связаны ни с какой территориальной общиной. Им не приходится посвящать свою жизнь всего лишь удовлетворению повседневных потребностей, поискам "хлеба насущного"; они в известной мере сами творят свои потребности и заставляют других удовлетворять их. Отрицают ли они свою общественную власть или открыто признают ее — это не меняет того факта, что их технический и политический опыт в данной области далеко превосходит опыт низших слоев населения. Большинство американцев могло бы сказать о своей элите то же самое, что говорил Яков Буркхардт о "великих людях": "Им дано все, что не дано нам".

Властвующая элита состоит из людей,

занимающих такие позиции, которые дают им возможность возвыситься над средой обыкновенных людей и принимать решения, имеющие крупнейшие последствия. Принимают ли они эти решения или нет – это менее важно, чем самый факт владения такими ключевыми позициями; их уклонение от известных действий и решений само по себе является действием, зачастую влекущим за собой более важные последствия, чем решения, которые они принимают. Это обусловлено тем, что они командуют важнейшими иерархическими институтами и организациями современного общества. Они руководят крупными корпорациями, они управляют механизмом государственной власти и претендуют на ее прерогативы. Они направляют деятельность военного ведомства. Они занимают в социальной системе стратегические командные пункты, в которых ныне сосредоточены действенные средства, обеспечивающие власть, богатство и известность, которыми они пользуются.

Властвующая элита не состоит из людей, правящих в одиночку. Их наиболее важные идеи и решения – это зачастую идеи и решения, подсказанные советниками и консультантами, трибунами и творцами общественного мнения.

Ступенькой ниже властвующей элиты располагаются на общественной лестнице профессиональные политики из средних звеньев власти, принадлежащие к кругам конгресса и другим влиятельным группам, а также к богачам старой и новой формации, проживающим в крупных и мелких городах и в сельской периферии. С ними переплетаются в самых причудливых формах (которые мы покажем) те профессиональные знаменитости, которые постоянно живут рекламой и вместе с тем всегда жаждут (пока они остаются знаменитостями) еще более широкой рекламы. Эти знаменитости не стоят, правда, во главе какой-либо господствующей иерархии, но они зачастую наделены способностью отвлекать внимание публики или давать выход влечению масс к захватывающим переживаниям или же более прямым путем завоевывать расположение тех, кто стоит непосредственно у власти. Более или менее независимые в своих ролях толкователей основ общественной морали, специалистов по делам государственного управления, представителей бога на земле, людей, формирующих чувства и настроения народных масс, эти знаменитости и консультанты непосредственно причастны к той сцене, на которой элита показывает публике

творимую ею историческую драму. Но творится эта драма в иерархических верхах главенствующих социальных институтов.

1

Правда о природе элиты, о ее могуществе не является неким секретом, который власть имущие знают, но таят про себя. Эти люди имеют самые различные представления о своей роли в происходящих событиях и принимаемых решениях. Нередко они не имеют на этот счет твердого мнения, а еще чаще к их оценкам своего собственного могущества примешиваются их опасения и надежды. Каковы бы ни были подлинные размеры их власти, они обычно точнее представляют себе сопротивление, оказываемое другими в процессе ее использования, чем ее природу и размеры. Вдобавок к этому большинство власть имущих американцев основательно овладели официальной фразеологией, которой прикрываются политические отношения, — и в некоторых случаях овладели настолько основательно, что пользуются ею и в своем кругу и сами, таким образом, начинают верить в нее. Личные представления самих действующих лиц — это лишь один из нескольких источников, которые необходимо изучить для понимания социальной роли американских высших кругов. А между тем многие из тех, кто отрицает существование элиты

или, во всяком случае, ее общественную значимость, опираются в своих доводах на представления власть имущих людей о себе или по крайней мере на их публичные высказывания.

Существует, однако, и другая точка зрения. Те, кто чувствует, хотя бы и смутно, что в Америке имеется теперь сплоченная и могущественная группа, оказывающая огромное влияние на жизнь страны, часто обосновывают это ощущение ссылкой на исторические тенденции нашего времени. Они, например, чувствовали на себе исключительное значение военных факторов, и из этого они непосредственно делают вывод, что генералы, адмиралы и те государственные деятели, которые находятся под их влиянием, должны, очевидно, обладать безмерным могуществом. Они слышат, что конгресс снова передоверил кучке людей право принимать решения, заведомо связанные с вопросами войны и мира. Они знают, что атомная бомба была сброшена на Японию именем Соединенных Штатов Америки, хотя никто и никогда не советовался с ними по этому вопросу. Они чувствуют, что живут в эпоху крупных решений, но знают, что сами они их не принимают. Вот почему, рассматривая исторические особенности современной жизни,

они приходят к выводу, что в центре ее должна, видимо, находиться могущественная элита, принимающая решения или воздерживающаяся от них.

Люди, у которых крупные исторические события вызывают подобные ощущения, предполагают, что элита существует и что ее власть велика. Но, с другой стороны, те, кто внимательно прислушивается к отзывам людей, несомненно причастных к высокой политике, часто не верят в существование элиты, наделенной решающей властью.

Обе эти точки зрения следует принимать во внимание, но ни та ни другая не выражает всей истины. Ключ к пониманию могущества американской элиты надо искать не только в изучении поверхностных аспектов исторических событий и не только в личных оценках, сообщенных нам людьми, от которых явно зависят политические решения. За отдельными людьми такого пошиба и за историческими событиями кроется то, что связывает их воедино: важнейшие институты современного общества. Эти иерархические институты — государство, корпорации, армия — образуют собой орудия власти; как орудия власти, они сейчас имеют такое значение, какого они никогда еще не имели

на протяжении всей истории человечества; на вершинах этих иерархий находятся командные пункты современного общества, выявление которых дает нам социологический ключ к пониманию роли американских высших кругов.

В современной Америке основная движущая сила развития страны сосредоточена в экономических, политических и военных институтах. Все другие социальные институты оказались на задворках современной истории и вынуждены в соответствующих случаях подчиняться первым трем. Нет такой семьи, которая могла бы оказывать такое же прямое влияние на государственные дела, как любая крупная корпорация; никакая церковь не в состоянии оказывать ныне такого же прямого влияния на жизненный путь молодых американцев, как военное ведомство; ни одно высшее учебное заведение не в состоянии столь решительно влиять на важные события, как Национальный совет безопасности. Религиозные, просветительные и семейные институты не представляют собой самостоятельных центров национального могущества; напротив, особенности этих децентрализованных сфер жизни все в большей мере формируются "большой тройкой", внутри которой совершаются

ныне события, влекущие за собой решительные и немедленные последствия.

Семья, церковь и школа приспособляются к современной жизни; правительство, армия и корпорации формируют ее. И в процессе формирования современной жизни они превращают эти более слабые институты в орудия осуществления своих целей. Церковь поставляет армии своих священников, где их используют для усиления эффективности пропаганды морального "права" убивать. Школа отбирает и обучает людей для работы в корпорациях и для выполнения специальных функций в армии. Институт "большой семьи" исчез, конечно, давно: его разрушила промышленная революция; а в наши дни отцов и сыновей разлучают с семьями (в принудительном порядке, если нужно) каждый раз, когда армия призывает их в свои ряды. И вместе с тем ореол, окружающий все эти второстепенные институты, используется для того, чтобы узаконить власть и решения "большой тройки".

Судьба современного человека зависит не только от семьи, в которой он родился или в которую вошел посредством брака, но все больше и больше и от корпорации, где в самые лучшие свои годы он расходует свои лучшие силы; не

только от школы, где он воспитывается ребенком и юношей, но и от государства, которое не оставляет его в покое на протяжении всей его жизни; не только от церкви, где он порой слушает слово божие, но и от армии, где его муштруют.

Если централизованное государство не было бы уверено в том, что частная и государственная школа будут насаждать патриотические чувства, то его руководители незамедлительно постарались бы изменить децентрализованную систему народного образования. Если бы процент банкротств среди пятисот крупнейших американских корпораций был так же высок, как общий процент разводов среди 37 млн. американских супружеских пар, то это привело бы к экономической катастрофе международного масштаба. Если бы военнослужащие отдавали армии не больше времени и сил, чем верующие отдают церкви, к которой они принадлежат, то наступил бы военный кризис.

Внутри каждого из трех главенствующих социальных институтов мы замечаем, что типичная для него структурная единица ныне разрослась, управление ею приобрело авторитарный характер и, если иметь в виду диапазон влияния выносимых ею решений, — стала централизованной.

Эти особенности современного развития главенствующих институтов обусловлены баснословно мощной техникой, ибо они, как социальные институты, объединили эту технику и управляют ею так же, как она в свою очередь формирует их особенности и определяет темпы их развития.

Сфера экономики, состоявшая когда-то из великого множества малых и самостоятельных производственных единиц, подпала под власть 200—300 гигантских корпораций, связанных между собой как в административном, так и в политическом отношении. Они-то и держат в своих руках ключи ко всем важным решениям, связанным с экономикой.

Система государственного управления, некогда децентрализованная совокупность нескольких десятков слабо связанных между собою штатов, стала централизованным исполнительным аппаратом; она вобрала в себя множество ранее раздробленных функций и проникает ныне во все поры общественного строя.

Военное ведомство, некогда хилое учреждение, окруженное атмосферой недоверия (поддерживавшейся милицией отдельных штатов), превратилось в крупнейший и самый

дорогостоящий правительственный орган. Несмотря на видимость добродушия, проявляемого им в пропагандистских выступлениях перед широкой публикой, оно приобрело теперь всю жестокость и грубость разбухшего бюрократического аппарата.

В каждой из этих главенствующих областей современной жизни орудия власти, находящиеся в распоряжении правящей группы, стали неизмеримо более мощными. Ее командные позиции усилились. Внутри каждой из этих сфер была разработана и туго завинчена современная авторитарная система управления.

По мере того как все эти три сферы расширяются и централизуются, последствия их деятельности приобретают все больший размах и их взаимные связи все возрастают. Решения горстки крупных корпораций определяют не только экономическую, но и военную и политическую обстановку во всем мире. Решения военного ведомства связаны с политической жизнью и самым чувствительным образом сказываются на ней, равно как и на самом объеме экономической деятельности. Решения, принимаемые в политической сфере, определяют экономическую деятельность и военные программы. Прошло то время, когда, с одной

стороны, существовала сфера экономики, а с другой – сфера политики, включавшая в себя военное ведомство, деятельность которого не влияла на политическую и деловую жизнь. Теперь существует пронизанная политикой экономика, связанная тысячью нитей с военными институтами и их решениями. Если государство вмешивается в ту область, в которой господствуют корпорации, то и последние в свою очередь вмешиваются в вопросы управления государством. С точки зрения объективных тенденции развития именно в этом треугольнике власти лежат истоки образования блокированной системы социального господства, которая составляет важнейшую историческую особенность нашего времени.

Факт взаимопереплетения трех основных сфер общественной жизни ясно обнаруживается при любой критической ситуации в развитии современного капиталистического общества: экономическом крахе, войне, буме. Во всех этих случаях правящие круги убеждаются в тесной взаимосвязанности основных социальных институтов. В XIX в., когда масштабы всех институтов были значительно меньше, их свободная интеграция достигалась в сфере саморегулирующейся экономики в результате

свободной игры рыночных сил, а в саморегулируемой системе государственного управления — в результате голосования и политического торга. Тогда предполагалось, что из нарушения равновесия и всякого рода трений, вызванных ограниченными решениями (а в ту пору любые решения могли иметь только ограниченные последствия), само собой возникнет со временем новое равновесие. В наши дни такое предположение исключается, и люди, стоящие во главе каждой из трех главенствующих иерархий, не исходят в своей деятельности из такого предположения.

Дело в том, что последствия решений, принятых или непринятых в каждой из этих областей, столь велики и обширны, что они распространяются и на другие области, и потому существует стремление к координированным директивным решениям или к согласованному воздержанию от директивных решений. Это не всегда было так. Когда в народном хозяйстве преобладали многочисленные мелкие предприниматели, то, например, банкротство даже многих из них все-таки могло иметь чисто местное значение; политические и военные органы в эту область не вмешивались. Но теперь, при существующих политических расчетах и

военных обязательствах, могут ли они допустить, чтобы важнейшие частнокапиталистические корпорации, занимающие ключевые позиции в экономической системе, рухнули во время экономического кризиса? Политические и военные органы все больше и больше вмешиваются в экономические дела, и, в меру того как они это делают, важнейшие решения, принимаемые в каждой из трех иерархий, контролируются представителями двух других. Таким образом, экономические, военные и политические институты оказываются теснейшим образом связанными друг с другом.

В каждом из этих необычайно разросшихся и централизованных институтов пришли к руководству те высшие круги, которые образуют собой экономическую, политическую и военную элиты. В верхах экономики вместе с богачами из мира корпораций подвизаются руководящие администраторы крупнейших корпораций; в верхах политической системы — официальные руководители государства; в верхах военного ведомства — элита, состоящая из политических деятелей, облаченных в военные мундиры, сосредоточенная в Объединенном совете начальников штабов, в его непосредственном окружении и в среде высшего генералитета.

Так как каждая из этих областей сомкнулась с остальными, так как последствия принимаемых в них решений имеют тенденцию стать всеобъемлющими, то руководящие деятели каждой из трех областей – военная знать, главари корпораций, официальные руководители государства – спланиваются воедино, образуя тем самым властвующую элиту Соединенных Штатов.

2

Американские высшие круги, то есть те, кто находится на указанных командных постах, и их ближайшее окружение, часто рассматриваются с точки зрения того, чем они владеют; а владеют они большей, чем другие люди, долей наиболее высоко расцениваемых благ и источников наслаждений. В представлении людей, рассматривающих дело с этой точки зрения, властвующая элита попросту состоит из лиц, имеющих максимум того, что вообще можно иметь, а сюда обычно относят деньги, власть, престиж, а также образ жизни, определяемый обладанием этими благами. Но люди, составляющие элиту,— это не просто те, кто имеет больше всех; они не имели бы "больше всех", если бы они не занимали свои особые позиции в важнейших социальных институтах, ибо эти институты являются неременными основами власти, богатства, престижа и в то же время главным орудием осуществления власти, приобретения и сохранения богатства, реализации самых высоких притязаний на престиж.

Под могущественными людьми мы, конечно, подразумеваем тех, кто имеет возможность осуществлять свою волю даже в том случае, когда

другие сопротивляются ей. Никто, следовательно, не может быть по-настоящему могущественным, если он не имеет доступа к управлению важнейшими социальными институтами, ибо власть подлинно могущественных людей заключается прежде всего в том, что они распоряжаются этими общественными орудиями власти. Ими распоряжаются высокопоставленные политические деятели, крупнейшие сановники; ими распоряжаются адмиралы и генералы; ими распоряжаются главные акционеры и руководители крупнейших корпораций. Правда, не вся власть коренится в таких институтах и не вся она осуществляется через их посредство, но только в них и через них власть может быть более или менее длительной и значительной.

Богатство тоже приобретается и удерживается в этих институтах и через их посредство. Пирамида богатства не может быть правильно понята, если считать, что она складывается только из огромных личных состояний; могущество семейств, - обладающих огромными наследственными капиталами, усиливается в настоящее время, как мы увидим, современными корпорациями: каждое из этих семейств было тесно связано и сейчас тесно связано с какой-нибудь архибогатой корпорацией, — и эта

неизменная юридическая связь с корпорацией нередко дополняется и прямым участием (в управлении ею).

Главный источник богатства — это современная корпорация; но на нынешнем этапе развития капитализма государственный аппарат тоже открывает и закрывает множество путей к богатству. Не только размер, но и источник дохода, не только возможности приобретения потребительских товаров, но и возможности распоряжения производительным капиталом определяются позициями, занимаемыми данным лицом в сфере политики и экономики. Если наш интерес к крупнейшим богачам не сводится только к вопросу об их расточительном или скарредном потреблении, то мы обязаны изучить их взаимоотношения с современными формами корпоративной собственности, а также с государством, так как именно этими взаимоотношениями определяется ныне возможность сохранения крупной собственности и получения высокого дохода.

Высокий престиж окружает ведущие звенья социальных институтов, и этот престиж все повышается. Совершенно очевидно, что престиж зависит, и часто в решающей степени, от доступа к механизму рекламы, использование которого

является ныне важнейшим и нормальным признаком, присущим деятельности всех крупных институтов современной Америки. И к тому же одна из особенностей трех главных иерархий — властвующих в мире корпораций, в государственном аппарате, в военном ведомстве — состоит в том, что в наше время все чаще и чаще совершается переход людей из одной в другую. В результате происходит своего рода "накопление" престижа. Притязания на престиж могут сначала основываться, скажем, на высоком положении данного лица в военной сфере, затем — в возросшем размере — на его деятельности в просветительном учреждении, управляемом заправилами корпораций, и реализоваться, наконец, в области политики, где в лице, например, генерала Эйзенхауэра и тех, кого он представляет, власть и престиж сливаются, достигнув наконец предельно высокого накала. Подобно богатству и власти, престиж обладает кумулятивным свойством: чем больше престижа вы имеете, тем больше вы можете его приобрести. Эти ценности могут также размениваться одна на другую: богатому легче, чем бедному, обрести власть; тем, кто занимает высокое положение в обществе, легче заполучить в свое распоряжение средства, ведущие к богатству, чем тем, кто не

имеет этого преимущества.

Если мы возьмем сотню наиболее могущественных американцев, сотню самых богатых, сотню самых знаменитых и лишим их позиций, которые они занимают в главенствующих социальных институтах, отнимем у них людские и денежные ресурсы, которыми они распоряжаются, средства массовой рекламы, которые ныне работают преимущественно на них, то они сразу окажутся безвластными, безвестными и бедными. Власть не коренится в природе власть имущего, богатство не заложено в личности богача, известность не есть внутреннее свойство, присущее определенному лицу. Чтобы быть знаменитым, богатым, власть имущим — для этого требуется доступ к главенствующим институтам, ибо командные позиции, которые люди в них занимают, определяют в значительной мере их шансы на получение и удержание этих высоко ценимых жизненных благ.

3

Возможна и такая трактовка людей из высших кругов, при которой они предстают как члены высшей социальной прослойки, как ряд групп, члены которых знают друг друга, встречаются в обществе, связаны деловыми отношениями и потому считаются друг с другом при вынесении известных решений. Согласно этой концепции, элита сама ощущает себя и воспринимается другими как центральное ядро, образовавшееся внутри "высших социальных классов". Она составляет более или менее компактное социальное и психологическое целое; люди, принадлежащие к элите, сознают себя членами определенного класса общества. Одни допускаются в их круг, другие не допускаются; грань, отделяющая элиту от прочих людей, сводится скорее к качественным, чем к чисто количественным различиям. Элита в большей или меньшей степени сознает себя как социальный класс, и члены ее ведут себя по отношению к своим иначе, чем по отношению к членам других классов. Они благожелательно относятся друг к другу, понимают друг друга, заключают между собой браки, стремятся к тому, чтобы действовать и думать если не совместно, то по крайней мере

одинаково.

Мы не хотим пока предрешать вопрос о том, являются ли действительно люди из элиты, занимающие командные посты в описанных нами главенствующих институтах, членами подобного общественно признанного класса, или вопрос о том, происходит ли значительная часть членов властвующей элиты из такого четко выраженного особого класса. Этот вопрос еще предстоит исследовать. Но для того, чтобы яснее очертить предмет исследования, надо остановиться на одной особенности, ясно выступающей в биографиях и мемуарах людей богатых, власть имущих и именитых: лица, принадлежащие к высшим кругам, в какой бы области они ни подвизались, являются членами взаимопереплетающихся "партий" и связанных между собой самым различным образом "клик". Среди тех, кто "сидит на одной и той же террасе", существует нечто вроде взаимного притяжения, — хотя часто бывает так, что это становится ясно им самим и другим только в такие моменты, когда они чувствуют необходимость отмежеваться от других, только в тех случаях, когда в процессе совместной обороны они добираются до сознания того, что их объединяет, и тем самым теснее смыкают свои ряды против "чужаков".

Представление о существовании такой правящей прослойки связано с предположением, что большинство ее членов отличается общностью социального происхождения, что на протяжении всей их жизни они поддерживают неофициальные связи друг с другом и что существует известная взаимозаменяемость людей на командных ролях в иерархиях, распоряжающихся богатством, властью, славой. Следует, безусловно, сразу же отметить, что если такая элитная прослойка действительно существует, то по своей социальной внешности и форме она в силу весьма важных исторических причин резко отличается от тех аристократических родов, которые некогда управляли различными европейскими странами.

То обстоятельство, что американское общество не прошло через феодализм, оказало решающее влияние на характер американской элиты, так же как и на историю американского общества в целом. Ибо это означает, что в США не было дворянства или аристократии, возникших еще в докапиталистическую эпоху, которые находились бы в серьезной оппозиции к крупной буржуазии. Оно означает, что американская крупная буржуазия монополизировала не только богатство, но и

власть и престиж. Оно означает, что никакая группа дворянских семей не занимала здесь командных позиций и не монополизировала те блага, которые обычно высоко ценятся, и что здесь, безусловно, не нашлось такой прослойки, которая бы это совершила открыто на основе унаследованных прав. Оно означает, что здесь не было ни высших сановников церкви, ни придворной знати, ни лендлордов в доблестных доспехах, окопавшихся в своих замках, ни лиц, имеющих монопольное право на занятие высоких постов в армии, — не было тех элементов, которые сопротивлялись бы разбогатевшей буржуазии и препятствовали бы ее социальному возвышению во имя своих прирожденных прав и прерогатив.

Но это обстоятельство *не* означает, что в Соединенных Штатах не существует высших слоев. То, что они произошли из "среднего класса", не имевшего признанных атрибутов аристократического превосходства, вовсе не означает, что они так и остались средним классом, когда огромный рост их богатства дал им возможность самим добиться социального превосходства. Их происхождение и их историческая молодость могли сделать высшие слои в Америке менее заметными, чем в других странах. Но в Америке фактически существуют в

наши дни такие разряды и масштабы богатства и власти, о каких люди из средних и низших слоев населения знают очень мало и даже не могут себе представить. Существуют семьи, полностью огражденные своим богатством от каких бы то ни было экономических неурядиц и потрясений, переживаемых просто преуспевающими людьми и низшими классами. Существуют также могущественные люди, которые в совершенно келейном порядке принимают решения, чреватые огромными последствиями для низших слоев населения.

Американская элита вступила в современную историю как элита такой буржуазии, которая, в сущности, не имела исторических соперников. Ни в одной стране буржуазия ни до, ни после этого не располагала такими благоприятными возможностями и преимуществами. Не имея вооруженных соседей, она легко прибрала к рукам изолированный континент, изобиловавший естественными ресурсами и необычайно заманчивый для рабочей силы, ищущей применения. Остов политического строя и идеология для его оправдания уже существовали. Против меркантилистских ограничений буржуазия выдвинула заимствованный у Европы принцип "laissez-faire", против южных

плантаторов — принцип индустриализма.. Революционная война положила конец притязаниям на знатность, существовавшим в колониальную эпоху, ибо лоялисты покинули страну и многие имения были разрушены. Джексоновский переворот, вызвавший целую революцию в системе соотношений общественного веса различных слоев населения, положил конец притязаниям старинных семей Новой Англии на общественную исключительность, основанную на высоком происхождении. Гражданская война уничтожила власть, а, следовательно, со временем и престиж воинственных южных плантаторов, претендовавших до войны на особое уважение. Темп всего капиталистического развития исключал возможность развития и упрочения родовитой аристократии в Америке.

В Америке не существовало прочно утвердившегося правящего класса, связанного с землей и расцветшего в блеске военной славы, который мог бы сдерживать стремительное историческое развитие торговли и промышленности или подчинить себе капиталистическую элиту, как это было, например, в Германии и Японии.

И ни один подобный правящий класс в мире

не мог сдержать поступательное движение американского правящего класса в те времена, когда ход мировой истории начал определяться насилием, опирающимся на современную индустрию. Об этом свидетельствует судьба Германии и Японии в двух мировых войнах XX в. и даже судьба самой Англии и ее образцового правящего класса, между тем как Нью-Йорк неминуемо должен был стать и стал экономической столицей западного капиталистического мира, а Вашингтон — его политической столицей.

4

Элита, занимающая командные посты в обществе, может трактоваться по-разному: ее можно рассматривать как совокупность лиц, обладающих властью, богатством и известностью; ее можно рассматривать как высший слой капиталистического общества. Можно определить ее также, пользуясь психологическими и моральными критериями, как некий вид избранных личностей. При таком определении дело выглядит совсем просто: элита – это люди исключительной силы воли и энергии.

Теоретик, склонный выводить социальные явления из свойств человеческой природы, может, например, подразумевать под элитой не какой-либо социальный слой или социальную категорию, а отдельных, ничем не связанных друг с другом индивидуумов, стремящихся превзойти самих себя и, стало быть, более благородных, более энергичных, сделанных из более добротного материала, чем прочие люди. Неважно при этом, бедны ли они или богаты, занимают ли высокое положение или низкое, славят ли их или презирают – они являются избранными просто в силу особенностей своей личности. Все остальные представляют собой

массу, которая, согласно этой концепции, постепенно, через ряд переходов, сливается в унылую посредственность.

Такую концепцию, игнорирующую социальную природу элиты, пытались развить в последнее время некоторые американские писатели консервативного направления. Но в большинстве своем моральные и психологические концепции, относящиеся к элите, гораздо менее утонченны и имеют дело не с отдельными личностями, а с прослойкой в целом. Представления об "избранных натурах" всегда, собственно, возникают в обществе, где некоторые люди владеют в большей мере, чем другие, тем, чем можно владеть. Люди, обладающие такими преимуществами, не хотят думать, что их преимущества достались им совершенно случайно. Они охотно приходят к выводу, что достойны владеть тем, чем они владеют, в силу внутренне присущих им качеств. Они считают, что они "по природе своей" являются элитой, и действительно воображают, что их богатство и привилегии являются естественным продолжением их избранной личности. В этом смысле определение элиты как группы людей, обладающих высокими нравственными качествами, есть идеологическое оружие элиты

как привилегированной правящей прослойки, независимо от того, создана ли эта идеология самой элитой или создана для нее другими.

В эпохи, когда риторические фразы о всеобщем равенстве пользуются популярностью, наиболее умные и развитые люди из низших и средних классов, а также "кающиеся" люди из высших классов порою придерживаются концепции "контрэлиты". В самом деле, в западных странах существует давняя традиция воспевать бедных, эксплуатируемых и угнетенных как истинно добродетельных, мудрых и счастливых людей; там создана целая галерея подобных образов. Уходящая своими корнями в христианские традиции, эта моральная идея контрэлиты, состоящей из индивидуальностей высокого типа, обреченных на самое низкое общественное положение, может быть использована и действительно была использована низшими классами для суровой критики правящих элит и для прославления утопических образов новой элиты, которая должна прийти на смену старым.

Но представление об элите как о группе выдающихся личностей не всегда является только лишь идеологической формулой особо привилегированных классов или

контридеологической формулой социально обойденных классов. Оно часто соответствует действительности: будучи хозяевами своей жизни и обладая особыми привилегиями, многие лица из высшего слоя общества действительно обретают со временем душевные качества, приближающиеся к тем, носителями которых они себя объявляют. Если мы даже откажемся от представления, будто мужчины или женщины, принадлежащие к элите, являются от рождения избранными натурами (а мы должны от такого представления отказаться), то нельзя все же упускать из виду, что весь их жизненный опыт и тренировка вырабатывают у них специфический душевный склад.

В наши дни приходится вносить поправки в представление об элите как о группе, состоящей из индивидуальностей высшего порядка, ибо люди, удостоившиеся занять командные позиции в обществе (формирующие в свою очередь их характер), окружены теперь множеством идейных вдохновителей, советников, "негров" и гримеров, которые изменяют их представления о самих себе, создают их общественное лицо и оказывают определяющее влияние на многие их решения. Не все, конечно, члены элиты в этом отношении одинаковы, но, вообще говоря, в Америке

сегодняшнего дня было бы слишком наивно судить о природе любой из главных групп элиты только под углом зрения личных свойств тех ее представителей, которые находятся на авансцене. Американская элита часто представляется не столько совокупностью конкретных личностей, сколько совокупностью людей, наделенных общими душевными свойствами, которые в значительной степени выдуманы и рекламируются как идеальный тип человеческой "личности". Даже самая на первый взгляд независимая, свободно царящая, профессиональная знаменитость обычно представляет собой своего рода синтетический продукт, еженедельно перерабатываемый вышколенным персоналом, систематически придумывающим и заранее взвешивающим эффект экспромтных вставок в старые номера, которые знаменитость затем воспроизводит "по наитию".

Но справедливо и то, что до тех пор, пока элита живет и процветает как социальный класс или как группа лиц, занимающих командные позиции, она будет отбирать для себя и формировать людей определенного склада и отвергать других. То, чем становится человек, его моральный и психический облик, в значительной

мере определяется воззрениями и взглядами, влиянию которых он подвергался на своем жизненном пути, и той общественной ролью, которую ему предназначают и дают возможность добиться. С точки зрения биографа специфические особенности человека, принадлежащего к высшим классам, формируются в результате общения с людьми аналогичного общественного положения в целом ряде интимных кружков, в которые он вхож и которые доступны ему на протяжении всей его жизни. В таком понимании элита представляет собой ряд высших кругов, члены которых специально подбираются, обучаются, апробируются и получают свободный и неофициальный доступ к тем, кто управляет безличными иерархическими институтами современного общества. Если существуют какие-нибудь объективные причины возникновения такой концепции элиты, которая сводит все дело к психологической общности ее членов, то они лежат в том, что наряду с осведомленностью в делах публичных, относящихся к высокой политике, люди из элиты действительно отличаются общим строем личных чувств и привязанностей. Чтобы понять элиту как общественный класс, нам надлежит изучить

целый ряд мелких интимных ячеек, в которых формируется классовая общность ее членов; самой очевидной из них была в прошлом гостиная знатной, богатой семьи, а в наши дни самой важной из них является аристократическая средняя школа и столичный клуб.

5

Между различными представлениями об элите, если их надлежащим образом толковать, имеется многолинейная связь – и все они будут нами использованы при изучении пружин "успеха", достигаемого людьми в американском обществе. Мы изучим каждую из высших сфер, в которых обычно рекрутируются члены элиты, и при этом исследовании мы будем иметь дело с главными институтами, образующими остов американского общества. Мы проследим взаимосвязь между богатством, властью и престижем внутри каждого из этих институтов и в сфере их взаимных отношений. Но больше всего нас будет интересовать вопрос о мере могущества, которым обладают люди, занимающие ныне командные позиции, и роль, которую они играют в нашу историческую эпоху.

Такого рода элита может трактоваться как всесильная, и ее возможности могут мыслиться как возможности, заложенные в великом тайном заговоре. Так, вульгарный марксизм объясняет исторические события и тенденции ссылкой на "волю буржуазии", нацизм все сводит к "заговору евреев", а мелкотравчатые американские правые – к "тайной власти коммунистических шпионов". В

свете подобных представлений о всемогущей элите как двигателе истории элита выступает как сила, которую невозможно всецело постигнуть. Мы имеем здесь фактически светский субститут религиозного понятия "божьей воли", заложенного в представлении о существовании своего рода всеопределяющего замысла провидения; разница заключается в том, что здесь допускается, что лица, не принадлежащие к элите, могут противодействовать ей и в конечном счете одержать над ней верх.

Противоположная точка зрения – будто элита совершенно бессильна – пользуется в настоящее время большой популярностью среди либерально настроенных исследователей. Они не только не считают элиту всемогущей, но утверждают, что она слишком разобщена и уже в силу отсутствия всякой спайки не может выступать как сила, оказывающая влияние на ход исторических событий. Если элита невидима, то не потому, что она облекает себя тайной, а потому что отдельные лица теряются в массе. Влияние тех, кто официально находится у власти, до такой степени ограничивается другими избранными элементами из влиятельных групп, или публикой, как совокупностью избирателей, или же, наконец, конституционными нормами, что мы вправе

утверждать: высший класс, возможно, и существует, но правящего класса мы не имеем; отдельные власть имущие люди, возможно, имеются, но властвующей элиты нет; разные общественные слои и прослойки, возможно, имеются, но настоящей социальной верхушки не существует. В своем крайнем выражении это представление об элите как о группе, настолько ослабленной компромиссами и разрозненной, что ее значение сводится к нулю, является неким субститутотом понятия безличного коллективного рока, ибо с этой точки зрения решения реальных людей, принадлежащих к высшим кругам, ничего не значат на весах истории.

В сфере толкований международных дел и событий обычно преобладает трактовка элиты как всемогущей силы. Все события и происшествия, кажушиеся людям положительными и приятными, незамедлительно объявляются творцами общественного мнения заслугой руководителей собственной страны, все отрицательные явления, все неприятные происшествия приписываются врагам по ту сторону границы. В обоих случаях предполагается, что вершители зла или вершители добра обладают неограниченным могуществом. В применении к проблемам

внутренней политики эта фразеология используется в несколько усложненной форме: когда люди говорят о силе их собственной партии или кружка, то дело, конечно, преподносится так, что они и их лидеры бессильны – всемогущ только "народ". Но когда они ведут речь о соперничающей партии, тогда они приписывают ей всемогущество – народ же при этом выглядит бессильным и обманутым.

Большинство власть имущих американцев склонно, как правило, отрицать свое могущество. Ни один, мол, американец не добивается того или иного поста, чтобы править или даже влиять на управление, а только для того, чтобы служить народу. Он не становится ни бюрократом, ни даже просто чиновником, а только слугой общества. В наши дни, как я уже указывал, такая благородная поза стала стандартной для публичных выступлений всех власть имущих людей. Она стала столь прочной особенностью их стиля, что консервативные писатели с готовностью истолковывают ее как проявление тенденции к "политически аморфной ситуации".

Но "политическая ситуация" в Америке наших дней не столь аморфна, как она представляется тем, кто трактует ее как романтическую неразбериху. Мы имеем дело не столько с

кратковременной и шаткой "ситуацией", сколько с прочной структурой, состоящей из многих ступеней. И те, кто находится на ее верхних ступенях, не всесильны, но и не бессильны. Чтобы понять, какой мерой власти владеет и пользуется элита, надо изучить форму и высоту всех этих ступеней власти.

Если бы право решать вопросы государственной важности было разделено на абсолютно равные доли, то властвующей элиты не существовало бы; в этом случае фактически не существовало бы никаких различий в мере власти — система распределения власти отличалась бы полной однородностью. Градаций власти не существовало бы и в другом крайнем случае: если бы право решать вопросы было полностью монополизировано небольшой группой; тогда имелась бы только эта маленькая группа заправил, а под нею — недифференцированная подчиненная масса. В современном американском обществе мы не видим ни той ни другой крайности, но иметь теоретическое представление о них тем не менее полезно: оно дает нам возможность яснее понять систему распределения власти в Соединенных Штатах и положение властвующей элиты в этой системе.

В каждом из наиболее могущественных

институтов современного общества существует градация власти. Владелец придорожного фруктового ларька не обладает ни в какой сфере социальных, экономических или политических решений такой властью, какой обладает фруктовая корпорация — мультимиллионер; ни один рядовой лейтенант не обладает таким могуществом, как начальник штаба в Пентагоне; ни один шериф не облечен такой властью, как президент Соединенных Штатов. Следовательно, проблема определения властвующей элиты зависит от того, на каком уровне мы проведем разграничительную линию. Если мы проведем эту линию на слишком низком уровне, то мы включим в эту категорию элементы, вовсе не принадлежащие к элите. Проведя ее на слишком высоком уровне, мы включим в нее слишком узкий круг людей. В предварительном порядке, стремясь пока к минимальному пределу точности, мы проводим эту линию грубо, как бы куском угля: говоря о властвующей элите, мы имеем в виду те политические, экономические и военные круги, которые через сложную сеть взаимосмыкающихся клик принимают участие в решениях, имеющих по меньшей мере общегосударственное значение. Властвующая элита определяет события общегосударственного

значения – в той мере, в какой эти события могут определяться решениями.

Утверждать, что в современном обществе существуют очевидные градации власти и возможностей принимать решения, еще не значит утверждать, что власть имущие объединены, что они вполне сознают то, что они совершают, что они сознательно сплотились в некоем заговоре. Чтобы лучше разобраться в подобного рода вопросах, целесообразно будет заняться в первую очередь анализом общественных позиций власть имущих и последствий их решений, а не анализом степени сознательности их действий или чистоты их побуждений. Нам надлежит заняться тремя ключевыми обстоятельствами, ведущими к пониманию природы властвующей элиты.

I. Одно из этих обстоятельств, которое мы будем подчеркивать во всем ходе анализа каждого из высших кругов, сводится к психологическим особенностям людей из различных групп элиты, проявляющимся в их собственной среде. Так как властвующая элита состоит из людей приблизительно одинакового происхождения и воспитания, так как их карьера и образ жизни обнаруживают определенное сходство, то единство этих людей имеет под собой психологические и социальные основы; их

принадлежность к примерно одинаковому социальному типу приводит к тому, что различные элитные группы легко смешиваются между собой. Этот род единства находит свое предельное, хотя и не самое важное, выражение в том факте, что общественный вес, связанный с известностью, приобретаемый одним из них, умножает общественный вес других; более существенным выражением этого единства является то, что эти люди в состоянии заменять друг друга на командных постах каждой из трех главенствующих иерархий и переходить из одной иерархии в другую.

II. Это психологическое и социальное единство, как мы можем убедиться, коренится в структуре и механизме тех главенствующих иерархий, которые в наши дни возглавляют официальные руководители государства, богачи из мира корпораций и военные заправилы. Чем крупнее масштаб этих бюрократических сфер, тем могущественнее власть отдельных элит, распоряжающихся в каждой из них. Структура этих иерархий и система их взаимоотношений в значительной степени определяют взаимоотношения их главарей. Если эти иерархические образования отличаются раздробленностью и разобщенностью функций и

власти, то соответствующие элиты, их возглавляющие, тоже будут отличаться раздробленностью и разобщенностью. Если же между этими иерархиями есть множество взаимных связей и пунктов совпадения их интересов, то их элиты обнаружат стремление к тому, чтобы сплотиться в объединенную группу.

Единство элиты не является простым отражением единства возглавляемых ею институтов, но люди и институты всегда связаны между собой, и наша трактовка природы властвующей элиты побуждает нас раскрыть эту связь. В современной Америке имеются различные существенные пункты совпадения коренных интересов основных иерархий, включая такие явления, как создание частной экономикой, управляемой корпорациями, постоянного военного ведомства, функционирующего в условиях политического вакуума.

III. Однако единство элиты основывается не только на психологическом сходстве и социальном сращивании и не только на совпадении коренных интересов людей, занимающих командные позиции в основных иерархиях. Порой это единство принимает форму более явно выраженной координации действий. Но сказать, что эти три высших круга все в

большей мере координируют свою деятельность, что это является одной из основ их единства и что порой (как, например, в военные времена) . такая координация носит радикальный характер,— это еще не значит утверждать, что такая координация имеет всеобъемлющий или длительный характер или даже что она является чем-то вполне устойчивым. И еще меньше это значит, что такая сознательная координация является единственной или главной основой их единства или же что властвующая элита возникла в результате заранее разработанного плана. Но мы имеем право утверждать, что, по мере того как современный механизм управления основными социальными институтами открывал новые пути для людей, преследующих свои разнообразные интересы, многие из них начали понимать, что эти интересы легче реализовать в том случае, если они будут действовать сообща — официально и неофициально, — и стали поэтому действовать подобным образом.

6

Я не стану утверждать, что все исторические события формируются во все эпохи человеческой истории и во всех странах творческим меньшинством, правящим классом, всемогущей элитой. Такая формула обычно оказывается при ближайшем рассмотрении простой тавтологией; и даже в тех случаях, когда она не оказывается простой тавтологией, она настолько абстрактна, что нисколько не облегчает попытку разобраться в современной истории. Самое осторожное определение властвующей элиты как группы людей, принимающей все решения, влекущие за собой наиболее важные последствия, не предполагает, что члены этой элиты всегда и непременно являются творцами истории; но это определение не предполагает также, что они никогда не являются таковыми. Не следует смешивать представление об элите, которое мы стремимся развить, с какой-то теорией, говорящей о ее роли, а именно с теорией, гласящей, что она творит историю нашего времени. Так, например, трактовать элиту как "тех, кто правит Америкой", — значит скорее выдвинуть гипотезу о роли и могуществе этой элиты, чем дать определение ее природы. Степень

могущества членов элиты, как бы мы ее ни определили, в разные исторические эпохи различна. Если мы догматически попытаемся включить эти различия в наше родовое определение, то мы неоправданно ограничим познавательную ценность искомого понятия. Если мы будем настаивать на определении элиты как класса, деятельность которого строго координирована и который в течение длительного времени пользуется абсолютной властью, мы выпустим из поля нашего зрения многое из того, что могло бы открыть нам более скромное определение. Короче говоря, наше определение властвующей элиты не может по самой природе дела включать в себя теорию, трактующую о степени и характере власти, которой где бы то ни было обладают правящие группы. Тем менее допустимо вводить в наш анализ ту или иную философию истории.

На протяжении большей части истории человечества исторические изменения не замечались людьми, которых они касались, и даже теми, кто творил их. Древний Египет, например, и Месопотамия просуществовали на протяжении жизни четырехсот поколений без значительных изменений в их общественном строе. Этот период в шесть с половиной раз

превышает длительность всей христианской эры, охватывающей жизнь всего лишь примерно 60 поколений; он в 80 раз больше периода существования Соединенных Штатов, охватывающего жизнь всего только 5 поколений. Но в наше время темпы изменений так стремительны, а средства наблюдения за ними настолько доступны, что взаимодействие событий и решений часто оказывается в исторической перспективе вполне зримым, стоит только смотреть внимательно, пользуясь надлежащим наблюдательным пунктом.

Когда хорошо осведомленные журналисты говорят нам, что "не люди, а события определяют крупные решения", они лишь повторяют тех, кто рассматривает историю как воплощение Судьбы, Случая, Рока или как действия Невидимой Руки. Ибо "событие" — это всего лишь современное слово, придуманное для обозначения этих старых понятий, которые все вместе отрывают людей от исторического процесса так как все они ведут нас к выводу, что история творится за спиной людей. Движение исторических событий никем не управляется: здесь имеются действия, но нет деяний; история — это область, в которой господствует слепой случай и никем не загаданное событие.

В наши дни ход событий в большей степени зависит от известного ряда человеческих решений, чем от какого-либо неизбежного рока. Если говорить о "роке" с точки зрения социологии, то содержание этого понятия сводится попросту к следующему: когда имеется бесчисленное множество решений и каждое из них само по себе маловажно, все они в совокупности приводят к результату, к которому никто сознательно не стремился,— к историческим событиям, которые кажутся воплощением рока. Но не все эпохи в равной степени подвластны року. Когда круг людей, принимающих решения, суживается, когда средства осуществления их решений централизуются, а последствия их решений становятся колоссальными, тогда ход крупных событий часто находится в зависимости от решений определенных кругов. Это не значит непременно, что один и тот же круг людей подготавливает события одно за другим и что история в целом есть всего лишь плод их заговора. Признание могущества элиты не означает непременно отрицания того, что история может также формироваться множеством мелких решений, ни одно из которых не является частью продуманного плана. Оно не означает отрицания того, что в текущую политику и в ход живых

событий могут вторгаться мелкие соглашения, компромиссы и взаимные уступки. Наша концепция властвующей элиты ничего не говорит о процессе вынесения решений как таковом; она лишь является попыткой обозначить те социальные сферы, внутри которых совершается этот процесс, каков бы ни был его характер; попыткой показать, какие именно круги оказываются вовлеченными в этот процесс.

Степень прозорливости и власти над ходом событий, которыми обладают круги, участвующие в вынесении важных решений, тоже может быть различна. Наше представление о властвующей элите не содержит в себе отрицания того, что суждения и подсчеты элемента риска, лежащие в основе принятых решений, зачастую бывают ошибочны, а последствия бывают порой — и даже часто — не те, какие ожидались. Люди, принимающие решения, часто оказываются в плену у собственного невежества, часто бывают ослеплены собственными ошибками.

Все это так — и тем не менее одно остается бесспорным: в наши дни возникают критические моменты, и в такие моменты возможность решать или уклониться от решения принадлежит узким кругам. В том и в другом случае они выступают как властвующая элита. В такие моменты были

приняты решения сбросить атомные бомбы на Японию, начать войну в Корее; таким моментом был период колебаний относительно линии поведения в вопросе о судьбе Куэмоя и Мэтсу, а также период колебаний, предшествовавший падению Диен-Биен-Фу; таким же "моментом" была и цепь маневров, вовлекших Соединенные Штаты во вторую мировую войну. Разве история нашего времени не состоит главным образом из таких моментов? И разве не это подразумевается, когда говорят, что мы живем в эпоху великих решений и полностью централизованной власти?

Большинство из нас не пытается осмыслить нашу эпоху, исходя из принципа вечного повторения существующего, как это делали древние греки, или исходя из христианской идеи грядущего спасения, или, наконец, исходя из идеи непрерывного прогресса. Мы, правда, не задумываемся над подобными материями, но вместе с Буркхардтом мы, вероятно, считаем, что наша жизнь — это всего лишь цепь событий, что абсолютная непрерывность является единственной закономерностью, которую можно обнаружить в истории. История — это всего лишь смена одного события другим. История лишена смысла, потому что она не является осуществлением какого-то определенного плана.

Верно, конечно, что нашему ощущению непрерывности и описанному здесь восприятию современной истории мешают кризисы. Но в наших размышлениях о кризисах мы редко выходим за рамки единичного кризиса — непосредственно переживаемого или ожидаемого в ближайшее время. Мы не верим ни в рок, ни в провидение и молчаливо исходим из предположения, что "мы" как нация можем оказывать решающее влияние на будущее и что вместе с тем "мы" как индивидуумы почему-то не в состоянии этого делать.

Какой бы смысл ни имела история, смысл этот неизбежно сообщается ей "нами", нашими действиями. Однако истина заключается в том, что, хотя история касается всех нас, не все мы обладаем равными возможностями творить историю. Утверждать, что возможности у всех одинаковы, было бы с социологической точки зрения бессмысленно, а с политической точки зрения это означало бы проповедь безответственности. Бессмысленно потому, что возможности любой группы лиц или любого индивидуума зависят прежде всего от того, распоряжаются ли они техническими и организационными орудиями власти; не все мы имеем одинаковый доступ к существующим ныне

орудиям власти или одинаковое влияние на их использование. Утверждать, что все "мы" являемся творцами истории, — значит проповедовать идею политической безответственности, потому что это делает бессмысленной всякую попытку возложить ответственность за важные решения на людей, имеющих доступ к орудиям власти.

Даже при самом поверхностном изучении истории западного общества мы убеждаемся, что власть людей, от которых зависят важнейшие решения, ограничена прежде всего уровнем техники, наличными орудиями власти и насилия и организационными формами, Существующими в данном обществе. Мы убеждаемся также в этой связи, что через всю историю Запада тянется почти? прямая восходящая линия: средства подавления, эксплуатации, насилия и разрушения, так же как и средства производства и восстановления, все время постепенно возрастали и все больше и больше централизовались.

По мере того как основные орудия власти и средства сообщения, связывающие их в единое целое, неуклонно становились все более мощными, люди, которые в наше время распоряжаются ими, становились хозяевами еще непревзойденной в истории человечества силы. И

процесс усиления власти этих людей еще не достиг наивысшего развития. Мы не можем больше возлагать надежды или утешаться тем соображением, что история повествует нам о смене периодов взлета и падения правящих групп прежних времен. В этом смысле Гегель прав: история учит нас тому, что мы ничему не можем у нее научиться.

Вопрос о мере могущества элиты должен решаться применительно к каждой эпохе и каждому общественному строю. Цели человеческие суть чаще всего лишь надежды, но средства — это реальные вещи, могущие попасть под контроль известных людей. Вот почему все средства осуществления власти имеют тенденции превратиться в самостоятельную цель для элиты, владеющей ими. И поэтому мы имеем право определять властвующую элиту под углом зрения орудий власти, то есть как группу, занимающую командные посты. Основные вопросы, касающиеся американской элиты — ее состава, единства, степени ее могущества, — необходимо рассматривать с учетом ужасных орудий власти, которыми она располагает.

Но установить, что обладание высшими постами в организациях современного общества позволяет ныне принимать более важные

решения, чем раньше, еще не значит установить, что элита, занимающая эти посты, творит историю. Мы можем допустить, что разросшиеся и объединившиеся институты — экономические, военные и политические — построены так, что дают возможность принимать внушительные решения и все же считать, что они, как это было раньше, "вертятся сами", что лица, их возглавляющие, ограничены в своих решениях "необходимостью", под которой подразумевается, надо полагать, их узаконенная роль в этих институтах и роль последних в общественном строе в целом.

Сама ли элита определяет свою роль или же могущество элиты определяется теми функциями, которые предоставлены ей в возглавляемых ею институтах? Общий ответ (а всякий общий ответ не может быть исчерпывающим) должен быть таков, что зависимость элиты от предоставленных ей функций в разные времена и при разной структуре общества глубоко различна; ни в природе элиты, ни в природе истории мы не находим материала для определенного ответа. Верно и то, что если большинство людей берут на себя те роли, которые им позволяют брать, и разыгрывают их так, как от них ожидают в силу их положения, то для элиты как раз подобный

образ действий не обязателен, и она часто поступает иначе. Она может изменить структуру институтов, в которых она действует, свое положение в них или формы выполнения присвоенных ей функций.

Никто не предлагал и не разрешал Наполеону разогнать 18 брюмера парламент, а затем превратить свою консульскую власть в императорскую. Никто не предлагал и не разрешал Адольфу Гитлеру провозгласить себя в день смерти президента Гинденбурга "фюрером и канцлером", упразднить и узурпировать соответствующие должности, соединив президентство с канцлерством. Никто не предлагал и не разрешал Франклину Д. Рузвельту принять ряд решений, которые привели к вступлению Соединенных Штатов во вторую мировую войну. Не "историческая необходимость", а человек, по имени Трумэн, принял вместе с несколькими другими лицами решение сбросить бомбу на Хиросиму. Не историческая необходимость, а только дискуссия в узком кругу людей привела к провалу предложения адмирала Редфорда бомбардировать вьетнамские войска у Диен-Биен-Фу. Отнюдь не связанные структурой тех или иных институтов, современные элиты

могут легко сломать одну структуру и создать другую, в которой они затем будут играть совершенно иные роли. Подобное разрушение старых и создание новых структур основных институтов со всеми их орудиями власти и есть как раз то, что именуется "великим руководством", когда развитие событий кажется благоприятным, и "великой тиранией", когда их развитие кажется неблагоприятным.

Для некоторых членов элиты роли обычно заранее определены, но другие сами иногда определяют свои роли. В наше время они определяют не только ту роль, которую играют сами, но и роли миллионов других людей. Создание новых державных ролей и их державное исполнение происходит главным образом тогда, когда социальные структуры подвергаются эпохальным изменениям. Не подлежит сомнению, что превращение Соединенных Штатов в одну из двух "великих держав" наряду с появлением новых средств уничтожения и новых методов административного и идеологического господства дали возможность США в середине XX в. взять на себя именно такую ведущую эпохальную роль.

Мы не находим в истории ничего такого, что

говорило бы, что властвующая элита не в состоянии творить подобные вещи. Разумеется, воля таких людей всегда имеет границы, но никогда ранее границы эти не были так широки, ибо никогда ранее орудия власти не были столь громадны. Именно это делает наше положение таким опасным; именно это придает еще большее значение познанию характера и границ власти американской элиты. Изучение вопроса о природе и могуществе элиты — это единственная реальная и серьезная возможность вновь поднять вопрос об ответственном правительстве.

7

Люди, отказавшиеся от критического отношения к новейшим дифирамбам, воспеваемым в честь Америки, охотно присоединяются к мнению, что элита бессильна. Если бы они были проникнуты чувством политической ответственности, они обязаны были бы в соответствии со своей точкой зрения заявить тем, кто, надо полагать, официально руководит американской политикой:

"В один из ближайших дней вам может показаться, что вы имеете повод для того, чтобы бросить бомбу или еще больше обострить отношения с союзниками или с русскими, которые тоже могли бы бросить ее. Но не будьте настолько наивны и не думайте, что у вас действительно есть выбор. У вас нет ни выбора, ни возможности избежать событий. Весь комплекс обстоятельств, в котором вы являетесь лишь маленькой гирькой на весах, есть результат игры экономических и социальных сил, исход которой неотвратим. Пребывайте поэтому, подобно толстовскому генералу, в роли наблюдателей и предоставьте событиям идти своим чередом. Если бы вы и предприняли какие-нибудь действия, то их результаты не

совпали бы с вашими намерениями,— если бы даже у вас и были какие-нибудь намерения.

Но, если события будут развиваться благоприятно, делайте вид, что это результат ваших решений. Вам поверят, ибо в таких случаях принято думать, что люди имели возможность свободного выбора и были в силах осуществить выбранный вариант и что они, разумеется, ответственны за происходящее.

Если же дела пойдут плохо, говорите, что у *вас* не было реальной возможности выбора и что вас, разумеется, нельзя ни в чем винить: *они*, другие, имели возможность выбрать, на них и лежит вся ответственность. Вы можете отделаться таким объяснением, хотя бы вы и располагали половиной вооруженных сил мира и бог весть каким количеством бомб и бомбардировщиков. Ибо вы ведь, в сущности, являетесь лишь бессильным орудием исторического рока вашего времени; и моральная ответственность есть ведь только иллюзия — хотя, правда, она может быть очень полезна, если ловко оперировать этим иллюзорным понятием в пропагандистских выступлениях".

Единственный вывод, заложенный во всех таких фаталистических концепциях, таков: если миром правит судьба или провидение, то никакая

властвующая элита не может, строго говоря, рассматриваться как источник исторических решений, а идея, и тем более требование, ответственного руководства, — это праздная и безответственная идея. Ибо совершенно ясно, что бессильная элита, эта безвольная игрушка истории, не может считаться ответственной за исторические события. Если современная элита не обладает властью, то нет оснований считать ее ответственной; как и все люди, находящиеся в затруднительном положении, члены элиты заслуживают нашего сочувствия. Американским народом управляет всевластная судьба; народ, а вместе с ним и его элита находятся во власти фатальных обстоятельств, которыми они не в состоянии управлять. Если это так, то всем нам остается сделать то, что многие уже сделали: полностью отказаться от политического мышления и действия и зажить комфортабельной частной жизнью.

Если же, наоборот, мы считаем, что война и мир, кризис и процветание уже не зависят в наше время от "судьбы" и "рока" и что именно теперь, больше чем когда-либо, они поддаются контролю, то возникает вопрос: кто в состоянии их контролировать? Ответ должен быть таков: кто же еще, кроме тех, кто теперь распоряжается

колоссально усилившимися и полностью централизованными орудиями власти и решений? А почему же они этого не делают? Чтобы ответить на этот вопрос, надо прежде всего изучить состав и характер современной американской элиты.

Не существует никаких веских соображений, связанных с представлением о бессилии элиты, которые могли бы заставить нас отказаться от постановки именно таких вопросов, являющихся ныне самыми важными из всех, которые могут интересовать политически мыслящих людей. Американская элита не бессильна, хотя и не всесильна. Оба этих определения суть предельные абстракции, употребляемые ораторами в целях оправдания или из бахвальства; но, двигаясь в границах этих абстрактных определений, мы можем попытаться внести ясность в стоящие перед нами политические проблемы, которые в наше время являются прежде всего проблемами ответственной власти.

Нет ничего в "природе истории" *нашей эпохи*, что исключало бы ведущую роль узкой группы людей, делающих высокую политику. Напротив, если иметь в виду структуру современного общества, то такое определение их роли является не только обоснованным, но скорее всего

обязательным.

Нет ничего в "природе человека" или в методе социального воспитания, с помощью которого в современном обществе отбирают и формируют людей для занятия командных постов, что противоречило бы представлению, что эти люди сопоставляют различные варианты возможных решений и что выбор, который они делают, или их неспособность взвесить различные варианты влияет на ход истории.

Следовательно, политически мыслящие люди имеют все основания считать американскую элиту ответственной за целый ряд решающих исторических событий, из которых складывается современная история.

Утверждение о том, что властвующей элиты вообще не существует, является в наши дни таким же модным, как в 30-х годах было модным считать, что группа негодяев, принадлежащих к правящему классу, ответственна за все социальные несправедливости и болезни общества. Я лично так же далек от предположения, что некий упрощенно и односторонне понимаемый правящий класс может быть твердо объявлен главным двигателем американского общества, как и от предположения, что все исторические сдвиги в

современной Америке совершаются самотеком, независимо от чьей-либо личной воли.

Представление, будто все происходящее – это слепой поток событий, в значительной степени является возведением в фаталистическую концепцию собственного чувства бессилия, а также, возможно, самооправданием, придуманным теми, кто когда-либо принимал участие в высокой политике и руководствовался при этом определенными принципами.

Мнение, будто в истории все определяется тайным сговором легко обнаруживаемой кучки мерзавцев или героев, также является поверхностным отражением трудностей, связанных с попытками понять, каким образом сдвиги в структуре общества открывают благоприятные возможности перед различными элитами и каким образом различным элитам удастся или не удастся использовать эти возможности. Принять ту или иную из этих точек зрения на историю, то есть рассматривать ее как продукт заговора или как фаталистическую цепь событий, – значит в обоих случаях ослабить усилия, направленные к познанию политических фактов и образа действий власть имущих.

8

Свою попытку раскрыть отличительные особенности современной властвующей элиты и вложить, таким образом, строгое содержание в неопределенное понятие "они", противопоставляемое низшими слоями населения анониму "мы", я начну с краткой характеристики тех привилегированных элементов, которые большинство американцев знает лучше других: провинциальных высших классов новой и старой формации, а также прослойки "четырехсот семейств", существующей в центральных городах. Затем я в общих чертах рассмотрю мир знаменитостей и попытаюсь показать, что система распределения престижа, существующая в американском обществе, теперь впервые стала по своим масштабам общенациональной и что наиболее будничные и наиболее эффектные стороны этой системы служат обычно отвлечению внимания от ее авторитарных черт и вместе с тем – оправданию власти, которая за ней часто скрывается.

В ходе анализа прослойки крупнейших богачей и ведущих администраторов корпораций я покажу, что рассуждения о всевластных "шестидесяти семействах Америки", так же как и

рассуждения о "революции управляющих", не дают истинного представления о новом облике социальных верхов, организованных ныне в форме привилегированной прослойки богачей из мира корпораций.

После того как я опишу исторические изменения типичных черт американского государственного деятеля, я попытаюсь показать, что те силы, которые наблюдатели, жившие в "прогрессивную эру", называли "невидимым правительством", стали теперь вполне зримыми; а то, что обычно считается главным содержанием политики — различные формы политического давления, всякого рода кампании, маневры в конгрессе, — теперь в значительной мере низведено на уровень явлений, наблюдаемых только в средних звеньях власти.

Разбирая вопрос о возвышении военщины, я постараюсь объяснить, как случилось, что адмиралы и генералы захватили позиции, имеющие самое прямое отношение к политике и экономике, и как они при этом нашли множество точек совпадения их интересов с интересами богачей из мира корпораций и официальных государственных руководителей из состава "видимого" правительства.

Осветив в меру своих сил эти и другие

тенденции, я вернусь к основным проблемам, связанным с властвующей элитой, и проанализирую также понятие "инертного общества", дополняющее понятие властвующей элиты.

Суть моей концепции сводится к утверждению, что стечение исторических обстоятельств привело в нашу особую эпоху к образованию современной властвующей элиты; что люди, принадлежащие к кругам, образующим элиту, принимают в наше время (каждый в отдельности и все вместе) важнейшие решения и что вследствие усиления и централизации имеющихся ныне орудий власти решения, которые они принимают, или их уклонение от известных решений влекут за собой более серьезные последствия и затрагивают более значительную массу людей, чем когда-либо раньше на протяжении всей истории человечества.

Я утверждаю также, что на средних этажах государственно-политического здания образовался тупик — наполовину искусственно созданный — и что на нижнем его этаже возникло политически бесформенное общество, мало похожее на тот тип общества, в котором ключи власти находятся в руках добровольных

ассоциаций и народа, наделенного свойствами, изображенными в классических теориях народовластия. Американские верхи гораздо более сплочены и могущественны, а низы гораздо более разобщены и бессильны, чем обычно предполагают люди, внимание которых отвлечено средними органами власти, не выражающими воли низов и не определяющими решений верхов.

II. Провинциальное светское общество

В каждом американском провинциальном городе и городишке имеется избранная группа семей, занимающих в обществе более высокое положение, чем люди из средних классов, и недостижимо возвышающихся над низшими слоями населения, состоящими из рабочих и служащих. Из всех богатств, которыми люди владеют в данной местности, на долю каждой такой семьи приходится больше, чем на долю любой семьи из других групп населения. Эти семьи оказывают решающее влияние на местные общественные дела; их имена и фотографии часто появляются в местной прессе; они фактически являются владельцами местной газеты и радиостанции; немногие крупные заводы, обычно имеющиеся в данной местности, и большинство торговых предприятий, расположенных на главной улице города, также принадлежат им; они управляют банками. Тесно связанные друг с другом, они отлично сознают, что принадлежат к ведущей группе главенствующих семей.

Все юноши и девушки из этих семей учатся в колледжах; до этого они зачастую учатся в частных школах. Затем они вступают в брак друг

с другом или с юношами и девушками из таких же примерно семей, проживающих в таких же примерно городах. Выгодно женившись, они вступают в жизнь, чтобы владеть, занимать командные позиции, решать... Вот перед нами человек, принадлежащий к одной из этих старинных семей: к неудовольствию отца и возмущению деда, он является ныне руководителем местного филиала всеамериканской корпорации... Вот видный врач, обслуживающий именитые семейства провинциального города. У него два сына: к одному из них переходит сейчас отцовская практика; другой сын, который вскоре женится на дочери владельца второго по величине местного завода, будет, вероятно, преемником окружного прокурора... Так оно издавна велось в маленьких американских городах, так оно ведется и теперь.

Классовое самосознание не в одинаковой мере присуще всем слоям американского общества: наиболее явственно оно проявляется у высшего класса. Среди низших слоев американского населения мы везде находим весьма путанные и расплывчатые представления о социальных гранях, о приличествующих данному общественному положению затратах на одежду и жилье, о приличествующих ему способах

зарабатывать деньги и тратить их. В результате различий в доходах люди, принадлежащие к низшим и средним классам, бесспорно отличаются друг от друга по своим взглядам на жизнь, материальным условиям жизни и жизненному опыту, но они часто не имеют сознательного представления об этих различных взглядах на жизнь и их классовой основе.

У людей же, принадлежащих к высшему слою, имеется гораздо больше возможностей (хотя бы в силу их меньшей численности) приглядываться друг к другу, поддерживать в своей среде общие традиции и, таким образом, сознавать себя как особый класс. У них есть деньги и время, необходимое для того, чтобы поддерживать свой общий жизненный уклад. Класс этот не только богат, но и представляет собой более или менее обособленную группу людей, постоянно общающихся друг с другом и образующих сплоченные кружки, объединенные одинаковыми притязаниями на то, чтобы их признавали главенствующими семьями в тех городах, где они проживают.

1

И романистам и социологам, изучавшим жизнь американских провинциальных городов, особенно бросалась в глаза коллизия между богачами старой и новой формации. Борьба за главенствующее положение в обществе, которую они наблюдали в этих городах, велась на протяжении всей новой истории западного общества, ибо целые столетия выскочки и снобы из среды новой знати не ладили со "старой гвардией". В отдельных районах имеются, конечно, свои особенности, и все же для страны в целом общество провинциальных богачей — явление удивительно стандартное. В провинциальных городах существуют в наши дни две прослойки социальных верхов: одна из них состоит из рантье и из семейств, завоевавших свое высокое общественное положение сравнительно давно; другую прослойку образуют семейства, выдвинувшиеся сравнительно недавно и проявляющие себя в социальной и экономической сфере как люди более предприимчивого типа. Члены этих двух верхушечных групп сознают существующие между ними различия, хотя каждая группа имеет свою собственную точку зрения на эти различия.

Не следует думать, что старая прослойка высшего класса непременно "аристократичнее" новой или что новая прослойка — это просто нувориши, всячески старающиеся прикрыть новоиспеченное богатство аристократическим плащом общественного почета, который так непринужденно носят старинные богачи. У новой знати свой стиль жизни, и, хотя ее представители, в особенности женщины, многое заимствуют у старой знати, они в то же время (это особенно относится к мужчинам) развенчивают стиль жизни старой знати во имя утверждения своих собственных взглядов и устремлений. В борьбе за общественный престиж обе группы соперничают друг с другом во многих областях, и это соперничество в некоторой степени заставляет каждую из них оспаривать достоинства, которые приписывает себе противная сторона.

Человек из среды старой знати обычно считает, что его престиж порожден самим временем. "Когда-то в прошлом, — как-бы говорит он, — мой предок, от которого мы ведем свой род, возвысился и стал Основателем нашей местной Семейной Ветви, и теперь Его Кровь течет в моих жилах. Я таков, каким был Мой Род, а мой род всегда принадлежал к лучшим из лучших". В Новой Англии и в южных штатах

чаще, чем в других районах, встречаются семьи, тонко разбирающиеся в родословных и в старинных местах поселения различных семей: такие люди сильнее сопротивляются социальному возвышению новоиспеченных богачей и новых пришельцев.

В этих районах мы встречаемся, пожалуй, с более резко выраженным и более широким понятием семьи, включающим в себя, особенно на юге, и внуков и старых испытанных слуг. Понятие родства порой распространяется даже на тех, кто не является родственником по крови или браку: они "кузины" или "тети" потому, что "росли вместе с матерью". Старинные семьи, принадлежащие к высшим классам, стремятся, таким образом, образовать замкнутый круг, объединенный родственными отношениями. Свойственное этому кругу почтительное отношение к своему роду и сознание родственных связей способствуют формированию культа прошлого и сплошь и рядом вызывают повышенный интерес к истории того района, где этот род так долго играл столь почетную роль.

Говорить о "старинных семьях" — значит, конечно, говорить о "богатых старинных семьях"; но в светских кругах старой знати обладание деньгами и имущественным богатством попросту

считается само собой разумеющейся вещью и потому отводится на второй план. "Вы, конечно, должны обладать достаточным количеством земных благ, чтобы обеспечить себе образ жизни, который был бы не хуже, чем у людей, устраивать приемы, жертвовать на церковь... И все же общественный вес — это больше, чем деньги". Люди, принадлежащие к старой знати, обычно неодобрительно толкуют о деньгах как о чем-то таком, к чему новая знать проявляет слишком алчный интерес. "Приходится, к сожалению, отметить, что помыслы наших крупнейших промышленников все в большей мере вращаются вокруг денег", — говорят они, противопоставляя им людей из старшего поколения промышленников, которые уже удалились от дел и в большинстве случаев живут в своих имениях; эти богачи и их жены придавали, дескать, и придают больше значения "светским и общественным" добродетелям, чем голым деньгам.

Когда в семьях старинных богачей толкуют о менее солидных дельцах, то одной из ведущих тем является рассуждение о том, что во время последней войны люди эти заработали уйму денег и что все же в светском отношении они полные ничтожества. Вторая тема разговоров вращается

вокруг не совсем респектабельных способов, при помощи которых новоиспеченные богачи добыли свои деньги. В этих разговорах упоминаются содержатели рулеток, кабачков и люди, подвизавшиеся в грязных промыслах. А что касается людей, спекулировавших во время войны на черном рынке, то семьи старинных богачей о них особенно осведомлены, так как принадлежали к их постоянным клиентам.

Новая знать, которая во время второй мировой войны численно выросла, обогатилась и начала смелее домогаться главенствующего положения в обществе, противопоставляет общественному авторитету старой знати, основанному на длинной родословной, не только свои деньги, но и свой экстравагантно богатый образ жизни. Этот стиль идет на смену более старомодному, более скромному образу жизни – и старая знать это чувствует. Подоплекой борьбы за социальное первенство часто является сужение экономической базы многих старинных семей, представленной во многих городах главным образом недвижимым имуществом. Но надо сказать, что старая знать все еще, как правило, располагает прочными позициями в провинциальных финансовых учреждениях. Так, например, в торговых центрах Джорджии и

Небраски, в торговых и промышленных городах Вермонта и Калифорнии банкир, принадлежащий к старой знати, является обычно владыкой своего округа; он наделяет частицей своего престижа деловых людей, с которыми он связан, и поднимает авторитет церкви самым фактом своей принадлежности к ней. Олицетворяя собой, таким образом, вечное спасение, общественное признание и финансовую устойчивость, он сам себя ценит высоко и высоко ценим другими.

На Юге неприязненные отношения между старой и новой знатю часто принимают более острый характер, чем в других районах, потому что здесь экономической базой старинных семей является земельная собственность и сельское хозяйство. Процесс слияния новой прослойки богачей с более старой знатю — а со времен гражданской войны такой процесс, бесспорно, происходит — ускорился после экономического кризиса 30-х годов и второй мировой войны. Старинные семьи из среды южной аристократии зачастую пребывают в печальном состоянии упадка, что нашло отражение в художественной литературе и специальных исследованиях. Если старинная аристократия южных штатов не объединится с восходящим торгово-промышленным классом, то как

аристократия она неминуемо исчезнет, ибо в тех случаях, когда знатность перестает сочетаться с богатством, она по истечении надлежащих сроков вырождается в эксцентричную претенциозность, с которой никто не считается. Если у человека нет достаточного количества денег, то его спокойное достоинство и надменное уединение начинают казаться чем-то нездоровым и даже извращенным.

Преувеличенное значение, придаваемое в таких семьях родословной, и уход от общественной жизни обостряет у людей старшего поколения (и в особенности у тех старых женщин, которые становятся строгими судьями поведения молодежи) их чувство социальной исключительности. Такое положение вещей не способствует заключению браков между дочерьми старой знати и сыновьями нового, но напористого класса богачей. И все же процесс промышленного развития маленьких городов упорно ломает прежние социальные формации и ведет к возникновению новых; возвышение разбогатевших промышленников и торговцев неизбежно влечет за собой упадок влияния землевладельческой аристократии. На Юге, как и везде, возрастание массы капитала, необходимого для внедрения новых форм

сельскохозяйственного производства в оправдывающем себя масштабе, а также система налоговых льгот и специальных субсидий, предоставляемых "фермерам", приводит в результате к тому, что в деревне, как и в городе, формируется новая знать.

Новая и старая знать в маленьких городах взирают, стало быть, друг на друга со смешанным чувством, в котором проскальзывают изрядная неприязнь, известное презрение и завистливое восхищение. Богач новой формации был бы не прочь обладать престижем "старика", но в то же время считает последнего старым чудаком, мешающим людям ворочать крупными коммерческими и политическими делами, провинциалом, ограниченным чисто местными рамками, лишенным стремления двигаться вверх и вперед. "Старик" в свою очередь смотрит на новичка, как на человека, который придает слишком большое значение деньгам, который нажил много денег и стремится нажить еще больше, но не приобрел ни социальных корней, ни культурного стиля жизни, соответствующих его финансовым возможностям; как на человека, который фактически интересуется городскими общественными делами лишь в той мере, в какой он может использовать их в личных и чуждых

городу целях.

Сталкиваясь с авторитетом старой знати в делах коммерческих, гражданских или политических, люди из новой знати часто объясняют этот авторитет обаянием "старины", связанной в их представлении с застойным, "старомодным" образом жизни, медленным темпом гражданской жизни и отсталыми политическими взглядами. Они считают, что старая знать в отличие от новой не умеет пользоваться своим общественным влиянием для того, чтобы "делать деньги". Богачи новой формации не рассматривают общественный престиж как самодовлеющую ценность; он интересует их как политическое и экономическое орудие: отсутствие такового мешает их преуспеванию.

2

То обстоятельство, что экономические противоречия между богачами старой и новой формации выступают одновременно и как политические противоречия, не везде еще обнаруживается с полной ясностью. И тем не менее это факт, который со времен второй мировой войны имеет тенденцию превратиться в общенациональное явление.

Провинциальная знать — новая и старая, политически заметная и незаметная, активная и пассивная — составляет главную социальную опору республиканской партии. И все же надо сказать, что на послевоенной политической арене представители старой знати не выступают столь решительно или активно, как многие люди из среды новой знати. Возможно, что это объясняется тем, что они не чувствуют себя способными "уменьшить социальное расстояние между собой и избирателями", как это утверждал Элисон Дэвис (и другие) относительно старой аристократии южных штатов. Не подлежит сомнению, что их привилегированное положение везде и повсюду полностью признается представителями власти. На них практически не распространяются многие мелкие ограничения,

установленные законом, их почти никогда не арестовывают за пьянство или за незначительные нарушения правил движения, с них редко взимают судебную пошлину, им обычно удается получить любые поблажки, которых они домогаются. Правда, они весьма озабочены вопросами, связанными с налоговыми ставками и имущественным обложением, но эти заботы полностью разделяются новой знатью, и дела эти неплохо устраиваются без личного вмешательства представителей старой знати.

Богачи новой формации сплошь и рядом таят в себе те бурные политические эмоции и ущемленные социальные амбиции, которые так легко можно было наблюдать в деятельности комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, где эти явления приобрели крайнюю форму и общегосударственный размах. Объяснение этих политических страстей в конгрессе и провинциальном обществе следует искать в общественной психологии нуворишей. Начиная от техасских мультимиллионеров до мелких торгашей, нажившихся на войне и впоследствии приумноживших свои доходы, этот класс чувствует себя ущемленным социальными притязаниями более давнего богатства и семей более старинного происхождения. Какие-нибудь

страховые агенты, внезапно обретшие годовой доход в 30 тыс. долл., раскатывающие в богатейших машинах в 260 л. с. и с виноватым видом покупающие своим женам безвкусные бриллиантовые кольца; какие-нибудь мелкие коммерсанты, вдруг оказавшиеся обладателями состояния, приносящего 60 тыс. годового дохода, устраивающие у себя дома бассейны для плавания в 50 футов (15,2 м) и не знающие, как им обращаться со слугами, которых они никогда раньше не имели, — все они чувствуют, что чего-то достигли и что другие, однако, считают, что они не обладают надлежащими качествами для того, чтобы достойным образом пользоваться достигнутым.

В Техасе встречаются в наше время люди, имена которых известны лишь в пределах данной местности, а между тем у них больше денег, чем у многих семей из восточных штатов, пользующихся всеамериканской известностью. Но *они-то*, эти техасские богачи, часто не пользуются всеобщей известностью, а если и пользуются, то слава эта совсем иная.

Кипение такого рода чувств можно наблюдать в меньшем масштабе почти в каждом небольшом городе и городке. Эти чувства не всегда ясно выражены и, конечно, не стали основой для

настоящего политического движения. Но они сказываются в том огромном и глубоком удовлетворении, которое испытывают богачи новой формации, видя, как "осаживают" людей, давно пользующихся общественным почетом, наблюдая, как разбогатевший выскочка устраивает нагоняй генералу, слушая, как нувориш фамильярно, даже нахально величает человека из старой знати просто по имени при каком-нибудь публичном споре.

Политическая цель реакционных группировок, образовавшихся среди богачей новой формации в маленьких городах, – это срыв законодательных достижений "нового курса" и "справедливого курса". Помимо ревности к старой знати, новых провинциальных богачей волнует и другое. Рост профессиональных союзов, обозначившийся в период войны во многих провинциальных городах, и обусловленное этим увеличение числа профсоюзных лидеров, претендующих на то, чтобы восседать в органах местного гражданского самоуправления; возросшее благосостояние рабочих, которые в военное время еженедельно разменивали в магазинах и в банках более крупные чеки, чем раньше, а по субботам толпились в уличных кафе; большие новые автомобили, появившиеся у

простых людей, – все эти перемены в положении классов, происшедшие за последние два десятилетия, беспокоят и пугают новых богачей, ибо в свете этих явлений их собственное положение в обществе начинает им казаться менее значительным, и явления эти противоречат их представлению о подобающей иерархии в общественном положении людей. Богачи старой формации тоже чувствуют, что такого рода новые явления, наблюдаемые на улицах, в магазинах и банках, могут поколебать их общественное положение, но, в конце концов они рассуждают так: "Дела этих людей нас не касаются. Все, что у них есть, – это деньги". В отличие от этого нувориши, общественное положение которых менее прочно, чем положение богачей старой формации, чувствуют себя так, словно их унизили, когда они видят, что и другие люди достигают успехов в сфере экономической жизни маленьких городов.

Провинциальное общество образует не только социальную, но и политическую иерархию. На верхних ступенях этой политической лестницы мы находим несколько клик или "партий", члены которых обсуждают и решают важнейшие местные вопросы, а также многие более важные дела, связанные с политической жизнью штата

или страны в целом, "часть которой составляет данная территориальная община". Обычно, хотя отнюдь не всегда, эти клики состоят из лиц, принадлежащих к богачам старой формации; в них входят наиболее крупные промышленники и торговцы и те, в чьих руках находятся банки; последние обычно связаны с крупными владельцами недвижимостей. Каждая из этих неофициально существующих клик часто состоит из людей, действующих в одной и той же экономической сфере: есть клика промышленная, торговая, банковская. Они смыкаются друг с другом, и мы находим обычно несколько человек, осуществляющих связь между ними и координирующих их мнения и решения. К услугам этих клик имеются также адвокаты и управляющие, обслуживающие семейства солидных рантье; используя свои полномочия и те многочисленные связи и сцепления деловых интересов богачей старой и новой формации, которые им приходится осуществлять, они связывают воедино силу денег, кредита и организованного действия и нацеливают ее на определенное решение.

На ближайшей после этих клик ступеньке провинциальной политической лестницы стоят общественно активные дельцы, преимущественно

из богачей новой формации, которые проводят в жизнь решения и планы, выработанные верхушкой. Они всегда стараются заранее угадать эти решения, и это им подчас удается. В эту группу входят люди "действия": вице-президенты банков, идущие в гору мелкие бизнесмены, крупные чиновники, подрядчики и высшие служащие местных предприятий. Эта второразрядная прослойка незаметно переходит в третью группу. Ее составляют лица, возглавляющие всякого рода гражданские учреждения, должностные лица различных организаций, мелкие общественные лидеры, журналисты. И, наконец, на четвертой ступени политической лестницы пребывают ничем не выделяющиеся лица свободных профессий, рядовые бизнесмены, духовные лица, видные учителя, деятели благотворительных и просветительных организаций, заведующие отделами личного состава местных учреждений и предприятий.

При обсуждении или решении почти любого важного вопроса одна какая-нибудь из главенствующих клик (а то и отдельный воротила) берет на себя инициативу в деле подготовки предстоящего решения и организации негласного сговора между влиятельными кликами

в защиту этого решения. В подобной роли выступает либо лицо, осуществляющее обычно связь данной клики с губернатором штата, либо банковская клика, или же, наконец, человек, пользующийся популярностью как среди рядовых членов Ротари-клуба, так и среди рядовых членов торговой палаты, как в местном благотворительном обществе, так и в ассоциации адвокатов.

Истоки власти лежат не в этих второразрядных организациях, не от массы их членов исходят важнейшие решения. Местные заправилы входят в эти организации, но редко принимают активное участие в их специальной деятельности. Как организованные сообщества, ассоциации эти помогают проводить в жизнь политическую линию, выработанную правящими кликами; для молодых дельцов из высших слоев они являются тренировочными школами общественной деятельности, в которых они пробуют свои силы; иногда, особенно в мелких городах, из среды членов этих организаций рекрутируются новые члены правящей верхушки.

Один весьма влиятельный человек из крупного города среднего Юга рассказывал проф. Флойду Хентеру:

"Не было бы смысла обращаться к этим

"ассоциациям", как вы их называете, то есть не было бы смысла обращаться к ним в начальной стадии затеваемого дела. Они обычно — если вы имеете в виду торговую палату или городской совет — без конца заседают и обсуждают "цели" и "идеалы". Во всех этих материях я ничего не смыслю. Скажу вам откровенно, я не ходок во все эти комитеты. Многие в нашем городе ходят, но я нет... Самый крупный человек в нашей компании — это Чарльз Хомер... Если ему приходит в голову какая-нибудь идея, то и другие непременно проникнутся ею. Недавно у него появилась идея, что следует учредить совет по делам внешней торговли и что главное управление этого совета должно помещаться в нашем областном центре. Он созвал некоторых из нас (самый тесный круг) и кратко рассказал нам о своей идее. Ему не пришлось много говорить. Мы не тратили времени на пустые разговоры об "идейной" стороне этого дела и всех таких прочих материях. Мы сразу подошли к сути — как заполучить этот совет. В нашем кругу все сочли эту идею удачной. На совещании нас было шестеро... Все мы получили определенные задания, которые мы должны были выполнить. Мостеру было поручено составить документы для регистрации. Он юрист. У меня есть группа друзей, и мне

надлежало вовлечь их в это дело. У остальных тоже есть друзья, на которых они и должны были повлиять. Эти парни и есть те, кого вы можете, если угодно, назвать нашими последователями.

Мы решили, что для осуществления этого начинания нам необходимо собрать 65 тыс. долл. Мы могли собрать эту сумму в своем кругу, но так как это предложение надо было выдвинуть в последней стадии от имени местной общественности, то решено было вовлечь в наше предприятие и другие круги. Мы решили собраться в клубе "Грандвью" с избранными представителями других групп. Когда мы встретились с ними в клубе за обедом, м-р Хомер произнес краткую речь. В этом случае ему опять-таки не пришлось тратить много слов. В заключение он сказал, что настолько уверен в реальности своего предложения, что готов вложить 10 тыс. долл. своих собственных денег в течение первого года. Он сел. Некоторые члены других групп начали между собой совещаться. Представители банка Гроуэра, чтобы их не обошли, предложили солидную сумму и взяли на себя обязательство финансировать наш проект в течение трех лет. Другие выкладывали по 5–10 тыс. долл. — и не прошло 30–40 мин., как мы уже располагали необходимой суммой. Все это дело

было провернуто за каких-нибудь три часа, включая время, затраченное на еду!

В своем рассказе я опустил одну деталь, а она имеет существенное значение. Мы пришли на это собрание с готовым списком членов совета директоров. Устав был уже полностью составлен, и мы назвали имя человека, которому надлежало возглавить совет в качестве администратора... Человек третьего сорта, парень, который будет слушаться советов... Публика ничего не знала о проекте до тех пор, пока он не достиг стадии, о которой я говорил раньше. Когда дело уже получило солидную финансовую основу, мы обратились к газетам и объявили, что у нас имеется проект для обсуждения. Конечно, для многих это уже не было новостью, а комиссии торговой палаты и другие гражданские организации уже были приведены в действие в целях защиты нашей идеи. Все они одобрили ее. С их помощью совет был учрежден и желательное для нас местонахождение совета было утверждено. Вот и все".

3

Борьба между старой и новой знатью за главенствующее положение в обществе, классовая структура, лежащая в основе этой коллизии, система политического господства верхушечных клик — из всего этого складывается в наши дни довольно стандартная, хоть и не совсем простая, картина жизни высших слоев провинциального общества. Но мы не поймем этой картины или тех явлений, которые с ней связаны, если забудем, что все эти провинциальные города, безусловно, составляют звенья общегосударственной системы общественного престижа, власти и богатства. Вопреки риторическим заверениям многих конгрессменов, ссылающихся на конституцию, никакое территориальное сообщество не является в действительности суверенным. Провинциальная экономика стала в течение прошлого века частью национальной экономики; социальная и политическая иерархия провинциального общества стала подчиненной частью более крупной иерархической системы, охватывающей всю страну. Уже в первые десятилетия после гражданской войны лица, достигавшие высокого положения в провинции, становились провинциальными знаменитостями — и только.

На первый план выдвигались люди, активно действовавшие и обретавшие широкую популярность и на местной и на общенациональной арене. В наши дни оставаться только на провинциальной арене – значит проиграть, дать себя затмить богатством, властью и престижем людей, имена Которых известны всей стране. Преуспеть в жизни – это значит вырваться за пределы провинциального общества, хотя, правда, общественное признание, завоеванное в провинции, может оказаться необходимым, чтобы проникнуть в правящие круги общенационального масштаба.

Все подлинно старинные американские нравы и обычаи уходят своими корнями, бесспорно, в деревенскую жизнь. И все же в деле завоевания общественного веса сельское происхождение и семейные связи с деревней являются порой сомнительными ценностями. С одной стороны, мы встречаемся здесь с издавна укоренившимся пренебрежительным отношением горожанина к деревенщине, жителя большого города к неуклюжему провинциалу. Во многих мелких городах известным престижем пользуются те семьи, которые в отличие от семей из низших рабочих классов, прожили в городе хотя бы на протяжении жизни одного поколения. А с другой

стороны, люди, достигшие высокого положения, зачастую хвастливо афишируют, что происходят от коренных сельских жителей. В одних случаях это объясняется влиянием идей Джефферсона, отдававшего сельской добродетели преимущество перед городскими нравами, в других случаях – тщеславным желанием показать, сколь высоко взобрался данный человек по социальной лестнице.

Если с точки зрения политической карьеры часто бывает выгодно родиться на ферме, то с точки зрения светской карьеры всегда бывает выгодно иметь ферму и время от времени бывать на ней. В наше время высшие классы как крупных, так и мелких городов обычно владеют загородными усадьбами и время от времени наезжают туда. Отчасти это объясняется тем, что с помощью таких барских аксессуаров безродные богачи пытаются приобщиться к тому, что носит на себе печать старины и окружено почетом (даже на Среднем Западе это явление начало наблюдаться уже в 90-х годах XIX в.). Для того чтобы доказать свое почтительное отношение к прошлому, они не останавливаются перед денежными расходами, горячими хлопотами, а порой и перед неудобствами. На Юге, например, свидетельством этого почтительного отношения к

старине является тщательно реставрированный старинный плантаторский замок, в Техасе и Калифорнии – огромные загоны для скота и игрушечные фруктовые ранчо, в Айове – образцовые фермы с породистым скотом и великолепными амбарами. Фермы иногда покупаются и для того, чтобы выгодно поместить капитал и ускользнуть от обложения налогом, а также из желания иметь летнюю резиденцию и приятно проводить часы досуга.

Для маленьких городов и тяготеющих к ним сельских местностей эти факты означают, что отношения между различными общественными прослойками не могут больше замыкаться границами отдельного населенного пункта. Маленькие города и сельские местности уже в какой-то мере слились между собой, так как богатые фермеры, особенно после удаления от дел, часто переселяются в мелкие города, а богатые городские семьи скупили много земель в деревне. По сообщению Холлингшеда, в одной местности на Среднем Западе 25 семейств, принадлежащих к потомкам пионеров, скупили более 60% из 160 кв. миль плодородной земли, окружающей город. Эта концентрация земли еще более усилилась в результате браков между сельскими и городскими богатыми семьями.

"Сельская аристократия" уже тяготеет в наши дни по меньшей мере к маленькому городу; сельская знать и высшее общество маленьких городов живут в тесном контакте, а часто фактически представляют собой разветвления одной и той же знатной семьи.

Но, помимо того, что семьи знатных горожан владеют фермами, а сельская знать стремится делать дела и жить в городах, мы все чаще встречаемся с тем явлением, что обе эти группы меняют свое местопребывание на определенные сезоны. Подобно тому как нью-йоркские семьи уезжают на зиму во Флориду, женщины и дети из среды сельской знати уезжают на весь летний период "на озера", а мужчины проводят с ними продолжительный "уик-энд". Поездка на определенный сезон в горы, на побережье или на острова теперь стала обычным делом для сельской и провинциальной знати, тогда как 30 лет назад туда ездила только столичная знать.

Связь маленьких городов с сельскими местностями и тяготение светского общества тех и других к более крупным городам проявляется особенно ярко в тех случаях, когда в сельскую местность, окружающую маленький город, приезжает группа джентльменов-горожан, владеющих там фермами. Эти "дачники"

придерживаются норм поведения и взглядов на жизнь, принятых в больших городах, где они проживают. Они не знают, а часто и не хотят знать светских амбиций местного общества. Как владельцы поместий, они занимают верхнюю ступень так называемой сельской иерархической лестницы, хотя о тех, кто стоит на последующих ступенях этой лестницы, они знают мало или ничего не знают. В одном из районов Среднего Запада, изученном Ивоном Вогтом, горожане, принадлежащие к такого рода кругам, владеют половиной всей земли. Они не ищут связей с местным обществом и, зачастую даже неохотно идут навстречу его попыткам завязать знакомство, несмотря на то, что своими поместьями они владеют не год и не два, оставляя их в наследство детям и внукам.

Членам местного светского общества, сельского и городского, приходится избирать одну из двух линий поведения: они могут либо отвернуться от пришельцев и стараться доказать неприличие их поведения, либо пытаться проникнуть в их общество. В последнем случае дело кончается тем, что они тоже начинают строить свой образ жизни на столичный манер. Но какой бы путь они ни избрали, им вскоре – и часто с горечью – приходится убедиться, что

местные богачи новой формации, а также верхняя прослойка среднего класса, служившие некогда той средой, в которой они осуществляли свои притязания на престиж, наблюдают за ними с настороженным вниманием, а порой с иронией. То, что некогда составляло маленькое княжество, как бы самодовлеющий светский мир, перешло ныне на положение сателлита столичной знати, о котором вспоминают от случая к случаю.

Мы видим, таким образом, что провинциальное общество сливается с окружающим его сельским населением и постепенно вырастает в общенациональную систему власти и престижа. Мунси, городок штата Индиана, стал теперь гораздо ближе к Индианополису и Чикаго, чем это было 50 лет назад. Жители Мунси, принадлежащие к высшему классу, предпринимают более частые и далекие поездки, чем люди, принадлежащие к средним и низшим классам. В наше время существует очень мало мелких городов, где люди из высших классов не посещали бы находящийся поблизости крупный город по крайней мере каждый месяц. Такая поездка представляет собой ныне самое обычное явление в деловой, духовной и общественной жизни богатого провинциала. У него теперь больше друзей, живущих в других

местах, и он чаще встречается с ними. Мир человека, принадлежащего к провинциальному высшему классу, стал шире по сравнению с тем, каким он был в 1900 г., и по сравнению с нынешним миром людей из среднего и низшего класса.

Местное общество в маленьких городах тянется к высшим классам центральных городов; более молодые члены провинциального светского общества взирают на них с откровенным восхищением, более старые — с несколько затаенным восхищением. Какой, скажите, смысл демонстрировать свою лошадь или собаку на выставке в маленьком городе с населением в 100 тыс. человек (если даже такая возможность у вас имеется), когда вы знаете, что настоящая выставка, выставка с большой буквы, будет происходить в Нью-Йорке будущей осенью? А вот более серьезные вещи: может ли вызвать у вас чувство особого почтения пятидесятитысячная местная сделка, хотя бы и совершенная на приличных условиях, если вы знаете, что в Чикаго, всего за 175 миль от вашего города, люди совершают сделки в 500 тыс. долл.? Самый факт расширения арены, на которой можно добиваться общественных почестей, вызывает у мужчин и женщин, живущих в маленьких городах, чувство

неудовлетворенности тем, что им приходится стрелять из пушек по воробьям, заставляет их жаждать престижа в масштабе большого города, если не в общенациональном масштабе. Вот почему провинциальному светскому обществу, если оно желает сохранить свое положение избранного общества хотя бы в местном масштабе, приходится больше общаться со светскими кружками центральных городов и подделываться под их манеры и вкусы, с большей непринужденностью толковать об аристократических учебных заведениях восточных штатов и о нью-йоркских ночных клубах.

Существует одно расхождение во взглядах между богачами старой и новой формаций в маленьких городах, которое весьма беспокоит старых богачей, ибо оно делает высшие прослойки новой формации менее благоприятной и менее надежной средой для осуществления их социальных притязаний. В конце концов старая знать считается старой только по сравнению с новой и потому нуждается в ней, чтобы чувствовать себя уверенно в своем маленьком светском мирке. Но новая знать (так же, как и многие люди из старой знати) прекрасно сознаёт, что это высшее провинциальное общество имеет в

наши дни только местное значение.

Лица, принадлежащие к высшим классам старой формации, чувствуют себя хорошо только в своем собственном городе. Они могут поехать на зиму во Флориду или Калифорнию, но всегда едут туда лишь в качестве гостей, а не в качестве искателей новых возможностей или новых деловых связей. Они считают, что их настоящее место только в родном городе, и склонны думать, что в нем имеется все необходимое для того, чтобы их общественный вес был не меньшим, чем у любых людей в любом месте. Новая же знать склонна оценивать местных людей под углом зрения количества и качества связей, которые они имеют с другими районами страны и с такими людьми, которых настоящая старая знать часто не желает допускать в свою среду как "чужаков". Больше того, многие представители средних и низших классов почтительно взирают на богачей новой формации именно потому, что высоко ценят "внешние" связи. Эти связи представляют собой прямую и решительную противоположность тому типу связей, который характеризуется понятием "окружение старинной фамилии". Округление старинной фамилии – это понятие, говорящее о чисто местных связях, внешние же связи сосредоточены в больших

городах или даже на общенациональной арене.

4

В наши дни выражение "внешние связи" часто звучит преимущественно как конкретное и весьма досадное напоминание о той форме воплощения всеамериканского социального и политического могущества, которая непосредственно представлена в маленьком городе. В течение последних 30 лет, и в особенности в период экономической экспансии, вызванной второй мировой войной, всеамериканские корпорации водворились во многих маленьких городах их появление нарушило прежнее соотношение экономических сил, определявшее общественный вес отдельных прослоек внутри провинциальных социальных верхов. С учреждением филиалов корпораций в маленьких городах появились дельцы-администраторы из больших городов, склонные взирать на местное общество сверху вниз и игнорировать его.

Чтобы добиться престижа, приходится непременно "втереться" к тем, кто обладает не только престижем, но и властью, и подражать им. То общественное положение, которого высшие провинциальные классы, и в особенности богачи новой формации, в состоянии добиться, все в большей мере достигается ныне посредством

завязывания связей с руководителями крупных корпораций, путем подражания их образу жизни, переселения в загородные районы, где они проживают, посещения их светских соборщ. Так как арена игры общественного честолюбия дельцов из мира корпораций находится, как правило, за пределами провинциального города, то люди из провинциального общества начинают пренебрегать делами, связанными с завоеванием авторитета среди своих сограждан, считая эти дела "провинциальной трухой".

Новая знать убеждена, что прежние городские заправила будут постепенно оттесняться корпоративной группой. Социальные верхи провинциальных городов домогаются участия в делах новых заправил и даже стремятся к тому, чтобы их дети вступали в брак с людьми из этой среды. Одним из наиболее очевидных симптомов этого веяния является четко обозначившийся процесс переселения семей, принадлежащих к местной знати, в аристократические предместья, построенные на широкую ногу руководителями корпораций. Богачи новой формации стараются приобщиться к обществу дельцов из мира корпораций и во всем подражают им; "блестящие молодые люди" из среды всех образованных классов стремятся покинуть маленький город и

сделать карьеру в мире корпораций. Общество старой провинциальной знати попросту игнорируется.

Для женщин подобные явления часто имеют большее значение, чем для мужчин. В общественных и гражданских делах (и особенно в тех, которые связаны с просвещением, здравоохранением и благотворительностью) женщины нередко проявляют себя более активно, чем мужчины, хотя бы по той причине, что у них имеется для этого больше времени. Они ограничивают свою светскую жизнь пределами провинциального города потому, что "так нужно", а нужно это только тогда, когда "сливки" общества делают то же самое. Однако участие в местных светских делах придает провинциальной даме мало, а то и совсем никакого веса в кругах управленческой элиты корпораций, так как жены администраторов корпораций, тяготеющие к большому городу и к миру корпораций, не интересуются местным обществом и местными делами, и даже такими важными, как проблемы воспитания и образования; они посылают своих детей в частные школы, или же (если это дети должностных лиц среднего ранга) в государственные школы, находящиеся в их предместьях, удаленных и обособленных от

города. Обыкновенная провинциальная дама может с каким угодно рвением заниматься общественными делами, и все же она никогда не будет замечена или принята женами администраторов корпораций. Но если станет известно, что ей каким-то образом удалось завязать близкое знакомство с какой-нибудь столичной знаменитостью, то она легко может попасть в этот круг.

Принимая участие в местных общественных делах, провинциальные женщины часто руководствуются желанием способствовать деловой карьере своих мужей; преуспевание же администраторов корпораций зависит от кругов, заправляющих делами корпорации во всеамериканском масштабе. Должностные лица корпорации мало связаны в деловом отношении с чисто местными бизнесменами. Они имеют дело с иногородними руководителями других корпораций, которые покупают продукцию их заводов или продают им сырье или детали. Если даже руководитель местного филиала корпорации и вступает в деловые отношения с каким-либо местным дельцом, то встречаться с ним в обществе нет никакой необходимости, за исключением разве тех случаев, когда это является одним из звеньев политики "завоевания

репутации и клиентуры", проводимой корпорацией. Жене его тоже нет никакой надобности вращаться в местном обществе: могущество корпорации так велико, что все связи, которые могут понадобиться руководителю ее местного филиала в маленьком городе, будут им всегда обретены без особого труда.

5

Возможно, что в прежние времена, до гражданской войны, провинциальное светское общество и было тем единственным светским обществом, которое существовало в Америке. Да и сейчас еще каждый маленький город представляет собой в общественном отношении локальную иерархию, возглавляемую своей элитой — кучкой избранных лиц, резко выделяющихся своим политическим весом, богатством, окружающим их почетом. Но в наше время нельзя делать так, как это склонны делать многие американские социологи: изучить верхушечные группы в маленьких городах — пусть даже во многих, — а затем объявить, что то, что относится к маленькому городу, относится и к стране в целом, и представить это как "Американскую Систему". В маленьких городах проживает кое-кто из представителей всеамериканских высших кругов, хотя, правда, это встречается нечасто. Впрочем, конкретное местожительство людей из подобных кругов не имеет большого значения; их сфера действий — вся страна. Чтобы изобразить высший класс страны, нельзя просто сложить вместе высшие общественные слои всех маленьких городов;

нельзя просто сложить их правящие клики, чтобы получить всеамериканскую властвующую элиту. В каждой местности *существует* группа главенствующих семей, и, несмотря на известные особенности, присущие отдельным районам, группы эти повсюду очень похожи друг на друга. Но национальная классовая структура не является простой суммой равнозначных территориальных единиц. Экономические, социальные и политические иерархии отдельных территориальных сообществ не обладают одинаковым весом. Они не автономны. Подобно общенациональным экономическим и государственным системам, система общенационального социального и политического могущества не складывается больше из мелких децентрализованных иерархий, каждая из которых либо совсем не имеет связи с остальными, либо имеет очень слабые и нерегулярные связи. Национальная по своему охвату система формируется ныне теми связями, которые существуют между деревней и небольшим городом, между небольшим городом и крупным и между различными большими городами. Более того, некоторые силы, истоки которых по самой природе своей не лежат в определенном большом или маленьком городе,

изменяют в настоящее время посредством прямого или косвенного воздействия иерархическое соотношение между общественным весом, властью и богатством различных слоев населения, существующее в каждом из этих городов.

Провинциальное светское общество ориентируется теперь на города, числящиеся в "светском регистре" и блистающие именами "знаменитостей", на средоточия деятельности могущественных корпораций, на национальные центры, где принимаются важнейшие политические и военные решения, хотя некоторые из более старых членов этого светского общества не всегда благоволят замечать существование этих городов, корпораций и этих могущественных сил. Социальные устремления провинциальных богачей новой формации и пример, подаваемый управленческой элитой всеамериканских корпораций, приводят к тому, что провинциальное светское общество становится повсюду спутником, вращающимся вокруг систем классовой мощи, политической власти и общественного авторитета, находящихся за пределами местного горизонта. Какой город в Новой Англии может сравниться по своей светской жизни с Бостоном? Какое местное

предприятие можно сравнить в экономическом отношении с "Дженерал моторз"? Какой местный политический лидер может идти в сравнение с политическими кормчими нации?

III. "Четыреста семейств" центральных городов

Маленькие города берут пример с больших, но с кого берут пример большие города? Америка — это страна, не имеющая настоящей столицы, такой, как Париж, Рим, Лондон; в ней нет такого города, который одновременно являлся бы светским и финансовым центром страны и ее политической столицей. Территориальные сообщества мелких и крупных городов Америки лишены были исторического арбитра, который официально и раз навсегда мог бы удостоверить, какие семьи в них принадлежат к числу избранных.

Политическая столица Америки не является тем центром, в котором сосредоточена высшая знать; столичное общество не является даже существенной частью светского общества страны. Сделать политическую карьеру — это еще не значит сделать светскую карьеру. Финансовым центром страны стал Нью-Йорк, а не Вашингтон. Насколько все выглядело бы иначе, если бы с самого начала один какой-нибудь город соединил в себе особенности Бостона, Вашингтона и Нью-Йорка и утвердился бы в качестве великой

политической, финансовой и светской столицы страны! Тогда семьи, собиравшиеся у супруги Джона Джея (см. "Список званых обедов и ужинов за 1787 и 1788 гг."), салон которой объединял людей высокого происхождения, большого богатства и политического влияния, до сих пор остались бы, возможно, в числе всеамериканских цензовых элементов и выглядели бы в этом качестве вполне по-современному.

И все же, несмотря на отсутствие официального, сосредоточенного в столице, объединяющего центра, в наши дни – 170 лет спустя – в крупных американских городах живет и преуспевает вполне различимый высший общественный класс, который во многих отношениях представляется крепко сплоченным. В Бостоне, Нью-Йорке, Филадельфии, Балтиморе и Сан-Франциско существует крепкое ядро старинных богатых семей, окруженное менее сплоченными прослойками богачей более поздней формации. Это старинное ядро, которое в Нью-Йорке, как утверждал некогда Уорд Мак-Аллистер, бард и поклонник миссис Астор, насчитывает 400 семейств, не раз пыталось утвердить себя в качестве законодателя светского общества всей Америки; были, возможно,

времена, когда оно почти добивалось этого. В наше время успех притязаний этой прослойки на всеамериканское признание – в той мере, в какой они базируются на высоком происхождении, – весьма проблематичен. Однако едва ли можно сомневаться, что у тех, кто принадлежит к среде "четырехсот семейств" центральных городов, так же как и у их провинциальных собратьев, имеются накопленные преимущества (являющиеся результатом взаимодействия объективных благоприятных факторов и умственной натренированности), позволяющие им создавать и поддерживать в каждом поколении жизненный уклад социальных верхов. Во всех больших городах эти верхушечные группы ориентируются в первую очередь друг на друга.

1

До гражданской войны высшие классы крупных городов представляли собой нечто сплоченное и стабильное. Так по крайней мере утверждают светские хроникеры, когда они говорят о временах минувших. "Светское общество, – писала Джен Кинт Ван Ренселер, – росло больше изнутри, чем снаружи... Чужеродные элементы, которые оно вбирало в себя, были численно ничтожны. Светский круг расширялся из поколения в поколение за счет обширного потомства входящих в него семей... Существовала грань, не менее прочная, чем Китайская стена, и обойти ее было не легче, чем обойти последнюю". Родословные этих семей восходили ко временам образования колоний, и единственным различием, существовавшим между отдельными группами высшего класса, было "различие вероисповеданий. Пресвитерианцы, голландские реформисты и приверженцы епископальной церкви составляли довольно четко выраженные части этой компактной классовой системы".

В каждой местности и в каждом районе богатые семьи XIX в. создали свои собственные местные иерархии, отличавшиеся друг от друга

по роду своей деятельности. В верховьях Гудзона это были гордившиеся своим происхождением крупные землевладельцы, а в Виргинии — плантаторы. Во всех городах Новой Англии это были пуритане — судовладельцы и первые промышленники, а в Сан-Луи — фешенебельные потомки французских креолов, жившие на доходы от своего недвижимого имущества. В Денвере и Колорадо главенствовали богатые владельцы золотых и серебряных рудников. А в Нью-Йорке, как указывал Диксон Вектор, существовал "класс, состоявший из рантье, из кутил, проживавших богатство, накопленное их отцами, а также из прослойки, подобной семействам Асторов и Вандербильдтов, добивавшейся того, чтобы ее купеческое происхождение было возможно скорее предано забвению".

Крупные богачи могли в те времена рассматривать себя как особую касту, свое богатство как нечто незыблемое, свое происхождение как окруженное ореолом почтенной старины. Пока они оставались богатыми и никакое новое, более крупное богатство не грозило затмить их, у них не было надобности в том, чтобы проводить грань между общественным положением, основанным на

родословной, и общественным положением, основанным на богатстве. Положение высших классов старой формации оставалось стабильным, так как оно довольно надежно покоилось и на старинном происхождении и на крупном богатстве. Натиск богатства и социального могущества новой знати до поры до времени сдерживался старой знатью; пока последняя оставалась на особом положении и чувствовала себя прочно, она могла от случая к случаю допускать в свою среду новых членов.

В течение первых десятилетий, последовавших за гражданской войной, старые социальные верхи старых городов вынуждены были отступить перед напором нового богатства. "Совершенно неожиданно" — как полагает Ван Ренселер — светское общество "было атаковано со всех сторон людьми, смело стремившимися взять приступом стены социальной исключительности". Вдобавок к этому в большие города хлынули иммигранты из-за океана, чтобы, подобно выходцам из южных штатов, а позднее — с Запада, наживать здесь крупные богатства. "Иные же из них, нажившиеся в других местах, приезжали в Нью-Йорк тратить деньги ради удовольствия и ради того, чтобы добиться общественного признания".

Начиная с 70-х годов прошлого столетия и до 20-х годов нынешнего борьба старинной знати с представителями нового богатства развертывалась в грандиозном, всеамериканском масштабе. Семьи, которые считались старинными на том основании, что они разбогатели еще до гражданской войны, пытались сомкнуть свои ряды против тех, кто разбогател уже после гражданской войны. Они потерпели поражение, и прежде всего потому, что новое богатство было по сравнению со старым настолько громадным, что ему просто нельзя было сопротивляться. К тому же сфера деятельности нуворишей не могла ограничиться одной какой-либо местностью. Подобно тому как расширялась освоенная территория страны, расширялось и новое богатство и социальное могущество – вначале в форме семейного, а затем в форме акционерного богатства – и выросли до всеамериканских размеров и масштабов. Отдельный город, отдельная сельская местность, отдельный штат не может вместить это социально могущественное богатство. Его владельцы повсюду атаковали позиции старинных знатных семей, принадлежащих к светскому обществу центральных городов.

Все семьи являются как будто достаточно

"старинными", но не все из них владели богатством на протяжении по крайней мере двух, а еще лучше — на протяжении трех-четырех поколений. Формула, раскрывающая содержание понятия "старинной семьи" в Америке, — это деньги плюс стремление к общественным почестям, плюс время. Вся история Соединенных Штатов — это в конце концов история каких-нибудь шести или семи поколений. И в пределах этого небольшого исторического периода для каждой старинной семьи непременно существовало время, когда она была кем-то представлена на свете, но не была "старинной". Вот почему в Америке почти столь же мудро слыть родоначальником старинной фамилии, как и иметь в фамилии такого родоначальника.

Не следует думать, что родовитые семьи не допускали и не допускают в свою светскую среду семьи, не числящиеся в "светском регистре", а тем более после того, как эти "не числящиеся" завладели их банкирскими домами. Суть дела только в том, что семьи, чьи предки каких-нибудь два или три поколения назад обрели благодаря своему богатству доступ в круг семей несколько более старинного происхождения, теперь изо всех сил стараются отстранить тех, кто хочет последовать их примеру. Это состязание между

старыми богачами и "выскачками" возникло в самом начале истории Америки и продолжается до сегодняшнего дня; оно происходит как в маленьком, так и в центральном городе. Одно из неизменных правил этого состязания сводится к тому, что при упорной целеустремленности всякая семья может в конце концов взобраться на ту ступень социальной лестницы, которая соответствует ее богатству. За редкими исключениями, деньги — одни только голые, прозаические деньги — везде и повсюду открыли своим владельцам доступ в высшее американское общество.

С точки зрения ревнителей провинциальной аристократической спеси, которая всегда старается опереться на родословную, этот процесс означает, что стены общественной исключительности непрерывно обваливаются; с более широкой точки зрения тех высших социальных групп, общественный вес которых имеет не только местное значение, этот процесс означает, что социальная верхушка постоянно обновляется. Вместе с тем это означает, что высший класс американского общества — каковы бы ни были его амбиции — это всего лишь разбогатевшая буржуазия и что, как бы ни были могущественны его представители, они не в

состоянии изобрести для себя несуществующее аристократическое прошлое.

Один пытливый специалист по родословным записям утверждал, что в начале текущего столетия "в Нью-Йорке не было и десяти семей, из тех, кто занимает видное положение либо в богатых кругах, либо в кругах старинной знати, чьи предки значились бы в списках приглашенных на званые обеды супруги Джона Джея".

Спесивые старания обрести общественный престиж на основании родословной представляли собой в Америке нелегкое предприятие и всегда производили впечатление только на очень небольшую часть населения. Опираясь именами действительных или выдуманных предков, "благородные" и "высокородные" пытались создать себе почетные родословные и, проникнувшись сознанием того, что они принадлежат к особой породе, пытались держаться на расстоянии от "худородных". Но им приходилось иметь дело с таким народом, который, по-видимому, самым вульгарным образом гордился своим низким происхождением, с народом, который слишком был склонен к всевозможным шуткам насчет разведения племенных лошадей, — так что их

претензии не могли стать легко осуществимыми или получить широкий сочувственный отклик.

На протяжении жизни отдельного американца и в периоды, отделяющие жизнь одного поколения от другого, происходило слишком много перемен — перемен занятий и семейного местожительства, — чтобы чувство родовой преемственности могло укорениться. И даже в тех случаях, когда высшие классы проникаются таким чувством и оно усиливает их социальные претензии, чувство это не имеет практической значимости, если оно не вызывает почтения у низших слоев населения. Американцы не очень-то разбираются в родословных; они не принадлежат к тому типу простонародья, в среде которого можно легко реализовать притязания на общественный престиж, основанные на родовитости. Только тогда, когда социальная структура не претерпевает существенных изменений на протяжении жизни нескольких поколений, когда род занятий, богатство и общественное положение обнаруживают тенденцию стать наследственными, — только при таком стечении обстоятельств родовая спесь и предрассудки на одном полюсе и раболепство и чувство социальной неполноценности — на другом могут стать прочной основой общественной

иерархии.

И все же, несмотря на отсутствие феодального прошлого и несмотря на подвижность американской жизни, образование иерархической системы, основанной на родословных, оказалось на короткий срок возможным. Это случилось в результате *наплыва иммигрантов*. Именно в те десятилетия, когда наплыв новых иммигрантов в крупные города был особенно велик, высшее общество центральных городов достигло всеамериканского престижа. В обособленных, населенных коренными американцами кварталах этих городов ("янки-гетто") притязания на знатность, основанные на происхождении, имели особый успех — не столько, правда, среди массы населения, сколько среди тех, кто тоже претендовал на некоторую родословную и стремился еще больше раздуть ее. Такого рода претензии играли (и продолжают играть) определенную роль во внутренней общественной иерархии национальных меньшинств.

Но настало время, когда скромный иммигрант перестал служить поводом для притязаний знати: наплыв иммигрантов прекратился, и через короткое время все население Северной Америки состояло, или должно было вскоре состоять, из прирожденных американцев, появившихся на

свет от прирожденных американцев.

Даже в те времена, когда иммигранты прибывали огромными массами и в больших городах превосходили числом коренных американцев, свободное от предрассудков чувство национального единства стало слишком сильным, чтобы окончательно застыть в форме узких понятий, связанных с расовым происхождением. "Американизация иммигрантов" (как организованное движение, как идеология и как реально совершавшийся процесс) способствовала утверждению идеологической версии, вкладывавшей в понятие американской нации нечто более важное, чем англосаксонское происхождение. Воззрение, трактующее Америку как чудесный тигель для переплавки рас и наций, которого придерживаются средние классы и интеллигенция, возобладало над англосаксонской точкой зрения тех элементов, чьи интересы были связаны с "расовым" происхождением и с родовитым, цензовым обществом. К тому же каждая из национальных групп – от ирландцев до пуэрториканцев – постепенно обрела в отдельных местностях политическую власть.

Но высший класс не отказался от попытки создать общественную иерархию, основанную на родословной; и в этом деле его различные

локальные секции соперничали между собой. Восточное побережье было заселено раньше, чем другие части страны, и сохранившиеся здесь семьи из числа первых поселенцев имеют более длинные местные родословные, чем аналогичные семьи, проживающие в недавно заселенных местностях. Но вместе с тем во многих мелких городах Новой Англии есть именитые в местном масштабе семьи, которые столь давно занимают высокое положение в своих городках, что в этом отношении с "ими не может сравниться ни одна бостонская семья. Самый фанатичный светский "брамин" из Бостона не мог бы превзойти некоторые семьи из мелких городов южных штатов по части притязаний на древность и непрерывность рода. И в Калифорнии тоже есть семьи, которые считают себя, исходя из своего собственного, четко выраженного представления о признаках древности рода, более родовитыми и прочно укоренившимися в американской почве, чем любая нью-йоркская семья. Местные секции высшего класса соперничали между собой и в сфере экономического могущества: мы знаем семейные династии горнозаводчиков, железнодорожных тузов, крупных владельцев недвижимостей. В каждой отрасли промышленности и — как мы уже говорили — в

каждой местности, в каждом районе крупное богатство создавало свою собственную иерархию семей, занимающих особое положение в данном географическом районе или данной сфере деятельности.

Высокое общественное положение может прочно и надежно покоиться на родословной тогда, когда классовая структура общества прочна и неизменна. Только в таких условиях всевозможные светские условности формы этикета могут пустить корни в прочную экономическую почву и процветать. Если же мы имеем дело с быстрыми экономическими переменами и крайней подвижностью общества, то богачи наверняка утвердят себя в качестве высшего класса именно как богачи, аристократические претензии потерпят крах и освященные временем предрассудки будут отвергнуты. С классовой точки зрения всякий доллар равен другому, а вот с точки зрения родовитого светского общества две равные суммы денег — одна из которых получена от предприятия, которым известная семья владеет на протяжении четырех поколений, а другая — от удачной сделки, совершенной на прошлой неделе, — далеко не равноценны. Но все-таки что прикажете делать тогда, когда богатство

нуворишей становится попросту необъятным? Что, скажем, могло быть в 1870 г. общего у миссис Астор (высокородной леди из старинной нью-йоркской семьи голландского происхождения, вышедшей замуж за человека из старинной богатой семьи владельцев недвижимостей) с миссис Вандербильдт (имевшей вульгарные деньги, нажитые на железнодорожных спекуляциях, и еще более вульгарного свекра)? Так вот подите же – миссис Астор пришлось сдаться: в 1883 г. она оставляет свою визитную карточку в передней миссис Вандербильдт и принимает приглашение на ее костюмированный бал. Там, где происходят подобные вещи, у вас нет возможности занимать по-настоящему высокое положение в обществе только лишь в силу высокого происхождения. В Америке, как, вероятно, и везде, мужланы-нувориши во все времена либо игнорировали светское общество, базировавшееся на происхождении, либо овладевали им с помощью денег.

В этой среде, в среде людей, которые "сами себя создали", каждый новоиспеченный богач, парвеню, домогался признания своей общественной значимости. Он требовал этого скорее на том именно основании, что его

состояние создано им самим, чем вопреки этому обстоятельству. В каждом поколении некоторые люди, общественное положение и богатство которых достались им в наследство, третировали его как самозванца, нувориша и чужака. Но через одно поколение или через два этой разбогатевшей семье непременно открывали доступ в социальные верхи, в круг людей, обладающих достаточно длинными родословными.

2

Борьба за главенствующее положение в обществе не есть нечто такое, что происходило в определенный период американской истории и затем прекратилось. Борьба старинных богачей за сохранение своего исключительного положения в обществе по праву родословной — это борьба постоянная, которая всегда оказывается безуспешной и вместе с тем успешной. Она оказывается безуспешной — ибо в каждом поколении в ряды высшего класса вторгаются новые люди; она оказывается успешной — ибо во все времена высший класс не перестает вести борьбу за свою исключительность. Стабильного высшего класса с неизменным составом не существует, но высший класс существует. Изменения персонального состава класса, какими бы они ни были крутыми, не разрушают его. Не одни и те же личности или семьи, а один и тот же социальный разряд людей остается в нем доминирующим.

Делались многочисленные попытки закрепить этот разряд людей при помощи более или менее формальных ограничений. Еще до гражданской войны, когда новое богатство еще не было таким напористым, каким оно стало впоследствии,

встревоженные хозяйки салонов, которым приходилось принимать решения о том, можно ли вступить в светское общение с теми или иными новыми претендентами, нуждались, по-видимому, в своего рода светском арбитре. До 1850 г. нью-йоркское общество пользовалось на протяжении двух поколений услугами некоего Исаака Брауна, церковного сторожа при церкви Милосердия, который, как сообщает нам Диксон Вектор, имел "безошибочную память на имена, родословные и светские сплетни". Хозяйки салонов, прежде чем рассылать приглашения на свои званые вечера, всегда могли получить у него исчерпывающие сведения о том, кто находится в трауре, кто обанкротился, у кого гостят друзья, что из себя представляют новые лица, появившиеся в городе и в светском обществе. На званых вечерах он обычно командовал в вестибюле; некоторые наблюдательные люди утверждали, что "у "его имеется список "танцующих молодых людей" специально для званых вечеров, устраиваемых людьми, недавно поселившимися в городе".

Необычайное увеличение числа богачей, наступившее после гражданской войны, породило нужду в более гласных и отчетливых средствах светского отбора, и Уорд Мак-Аллистер

самочинно присвоил себе в то время роль главного арбитра в этом деле. Стремясь придать светскому обществу "спаянность, необходимую для того, чтобы оказать сопротивление вторжению спекулянтов с самой подозрительной репутацией", Мак-Аллистер вознамерился осуществить весьма желательное объединение старинных семей с положением, но лишенных светского лоска, со "светскими людьми, которым, из деловых соображений, приходилось устраивать у себя приемы и вести фешенебельный образ жизни". Рассказывают, что он отнесся к своей задаче чрезвычайно серьезно, посвящал "дни и ночи изучению геральдики, книг о придворном этикете, генеалогии и кулинарии..." Зимой 1872/73 г. он организовал "комитет старейшин" в составе 25 человек, "правомочных формировать светское общество и руководить им". Эти правомочия выражались в том, что каждый из них имел право приглашать на каждый бал четырех дам и четырех мужчин под свою личную ответственность, которую Мак-Аллистер настойчиво трактовал как долг, налагаемый "священным доверием". Первыми старейшинами были люди из старинных нью-йоркских семей, занимавших видное положение в обществе по меньшей мере на протяжении четырех поколений.

С чисто американским великодушием Мак-Аллистер полагал, что четыре поколения "так же правильно и надежно формируют джентльмена, как если бы их было не четыре, а сорок".

В 80-х годах Мак-Аллистер уверял газетчиков, что в нью-йоркском фешенебельном обществе насчитывается фактически "всего лишь около четырехсот человек; выйдя за пределы этой цифры, вы наткнетесь на людей, которые либо сами чувствуют себя на балу не в своей тарелке, либо же своим присутствием стесняют других". В 1892 г., когда исключительное положение "старейшин" заметно пошатнулось и популярность Уорда Мак-Аллистера уже была на ущербе, Мак-Аллистер опубликовал свой список "четырехсот", в котором фактически значилось около 300 фамилий. Это был просто-напросто перечень обычных посетителей балов, устраивавшихся "старейшинами", людей, принадлежавших к замкнутому кругу старинных нью-йоркских семей, существовавшему еще до гражданской войны (блиставшему девицами на выданье и молодыми людьми, любящими потанцевать), и немногих избранных лиц из среды богачей новой формации, относительно которых Мак-Аллистер полагал, что они

достойны того, чтобы быть принятыми в высшее общество. Из девяноста богатейших людей того времени в этом списке значилось только девять человек.

Обратившая на себя внимание история опубликования списка "четырёхсот" и последовавшего за этим удаления Мак-Аллистера из светского общества отражает собой ненадежность тех социальных позиций старой знати, которые она пыталась укрепить. Не только в Нью-Йорке, но и в других городах были предприняты всевозможные попытки, направленные к тому, чтобы оградить "старую гвардию" от вторжения в ее среду нуворишей. История "отречения" Мак-Аллистера символизирует собой неудачу всех этих попыток. Единственный разумный выход из положения, имевшийся у старой знати, заключался в том, чтобы допустить в свою среду новых богачей или по крайней мере некоторых избранных людей из их рядов. Наиболее успешная попытка, предпринятая в этом направлении, — это попытка, связанная с составлением "светского регистра".

В золотые 80-е годы один нью-йоркский холостяк, унаследовавший от родителей "небольшой годовой доход и прочное, хотя и скромное общественное положение", решил

опубликовать "список лучших людей. Составитель регистра мудро исключил из него элемент рекламы, но допускал при этом, что торговцы будут его покупать". "Светский регистр" представлял собой разумное сочетание старого с новым, и благодаря горячей поддержке друзей, принадлежавших к таким нью-йоркским клубам, как "Келюмет" и "Юнион", предприятие это быстро увенчалось успехом. В первом нью-йоркском светском регистре значилась 881 семья. Через некоторое время были опубликованы подобные списки для других городов; для составления и публикации таких списков была создана специальная корпорация – Ассоциация светского регистра. В 20-х годах издавались светские регистры для 21 города, но 9 из них позже перестали выходить "ввиду отсутствия интереса". Начиная с 1928 г. ежегодно (осенью) издавалось 12 томов, и с того времени неизменно публиковались светские регистры для Нью-Йорка и Бостона (издаются с 1890 г.), Вашингтона (с 1900 г.), Сан-Луи (с 1903 г.), Буффало (с 1903 г.), Питтсбурга (с 1904), Сан-Франциско (с 1906 г.), Кливленда (с 1910 г.) и Цинциннати (с 1910 г.).

В светском регистре приводятся фамилии "избранных", а также указываются их адреса и номера телефонов, названия клубов, в которых

они состоят членами, перечисляются их дети, школы, в которых дети учатся. В декабре и январе выходят приложения, а в июне ежегодно появляется летний выпуск. Ассоциация рекомендует читателям приобретать указатель, в котором можно найти все имена, помещенные во всех регистрах. Это помогает ориентироваться, так как многие браки заключаются между людьми, живущими в разных городах, и к тому же адреса отдельных семей меняются вследствие переезда из одного города в другой.

Семьи, удостоенные внесения в светский регистр, характеризуются последним как семьи, "которые по своему происхождению, или общественному положению, или по другим признакам естественным образом входят в состав лучшего общества какого-либо отдельного города или ряда городов". Однако точный критерий, служащий основанием для внесения в регистр, трудно обнаружить. Это, возможно, объясняется тем, что, как утверждал Вектор, "светский регистр был окружен искусно созданной атмосферой анонимности, недоступности и тайных расследований. Известная анонимность является существенным условием его длительного успеха и авторитета". В настоящее время Ассоциацией светского регистра, правление

которой находится в Нью-Йорке, руководит как будто некая мисс Берта Истмонд, работавшая еще в первый период существования Ассоциации секретарем ее основателя. Она выносит окончательное решение относительно каждой семьи, представленной к внесению в регистр, кое-кого добавляет, кое-кого отвергает как недостойных, а в отношении иных откладывает решение на будущее. Она имеет возможность советоваться в этом деле с некоторыми консультантами из светской среды; и каждый город, для которого существует регистр, имеет своего представителя, который осведомлен о новых именах, адресах и номерах телефонов.

Кто же входит в этот список, в котором значатся ныне 38 тыс. супружеских пар, и почему эти люди включены в него?. Любой человек, проживающий в одном из 12 избранных городов, имеет право ходатайствовать о включении в регистр, хотя, правда, при этом полагается приложить рекомендации нескольких семей, уже значащихся в нем, и перечислить клубы, членом которых проситель состоит. Но одно только богатство или одно только высокое происхождение или даже то и другое вместе не всегда, по-видимому, гарантирует немедленное внесение в регистр или же возможность остаться

в нем навсегда. Иногда случается, что лица старинного происхождения без достаточного на то основания вычеркиваются Ассоциацией из регистра; люди, принадлежащие ко второму поколению богачей новой формации, старающиеся попасть в регистр, не всегда добиваются этого. Но если мы говорим, что наличия богатства и высокого происхождения может оказаться недостаточно для зачисления в регистр, то это не значит, что, помимо пристойного поведения, для этого не требуется ни того ни другого.

Бывали случаи, что невысокого ранга администраторы из мира корпораций попадали в регистр, если им этого очень хотелось; однако значение этого обстоятельства не следует переоценивать. Уместно было бы, в частности, отметить различия между отдельными историческими периодами: основной контингент светского регистра попал туда в течение тридцатилетия 1890–1920 гг. После первого десятилетия XX в. количество новых фамилий, внесенных в светский регистр – по крайней мере в одном из центральных городов, в Филадельфии, – значительно сократилось. Первое десятилетие текущего столетия дало рост в 68%, а десятилетие 30-х годов – только в 6%.

Часто бывает так, что лица, исключенные из светского регистра, пользуются столь широкой известностью, что дело не обходится без шума; "деспотический" характер регистра становится в этих случаях поводом для насмешливого отрицания его общественного значения. По мнению Диксона Вектора, дело фактически обстоит так, что "причиной изгнания из регистра, насколько о ней можно приблизительно догадываться, чаще всего являются как будто неблагоприятные отзывы прессы. Но этот критерий применяется скорее интуитивно, чем по правилам логики... Можно с уверенностью утверждать, что тот, кто не попадет на страницы газет — какова бы ни была его частная жизнь, какие бы тайные слухи ни циркулировали о нем, — не будет иметь неприятностей по линии светского регистра".

При всем кажущемся произволе в отборе и отклонении тех или иных имен, при всем снобизме и деспотизме, которые окружают и даже характеризуют светский регистр, он все же является серьезным цензом и не лишен общественного значения. Он является попыткой — осуществляемой при очень сложных обстоятельствах — оградить подлинно порядочное общество от нуворишей, не имеющих за душой

ничего, кроме денег, и от людей, пользующихся дурной славой, попыткой официально засвидетельствовать особое положение избранных кругов богачей и сплотить их, заставить их держаться на должной высоте, чтобы они по возможности оставались достойными пребывания в регистре. Помимо всего прочего, это единственный перечень цензовых семей, имеющийся у американцев, и он дает нам представление о существующем в США (в стране, не имеющей аристократического прошлого, придворного общества и настоящей столицы) круге лиц, более всего похожем на официальное руководящее ядро светского общества. В каком-нибудь отдельном случае основания для включения в светский регистр могут быть неясны или даже произвольны, но если говорить о его составе в целом, то люди, попавшие в него, удостоились этого в силу своего богатства, происхождения и образа жизни. Следовательно, имена, значащиеся в этих магических 12 томах, символизируют собой определенный тип людей.

3

В каждом охваченном светским регистром центральном городе имеется высшая общественная прослойка, члены которой происходят из семей, занесенных в светский регистр с самого его появления. Это цензовая прослойка состоит из ряда старинных семей, которые на протяжении 2–3–4 поколений пользовались почетом и богатством. Прослойка эта включает в себя и позднее попавшие в регистр (а в иных крупных городах – вовсе не числящиеся в нем) аналогичные группы семей. Люди, принадлежащие к подобной общественной прослойке, отличаются от остального общества своим происхождением, внешним видом и поведением.

Они живут в одном или в нескольких замкнутых, малодоступных из-за дороговизны участков кварталах, в изысканно изящных старых домах, где многие из них родились, или же в нарочито простых, но удобных современных домах, которые они сами построили. Эти дома – старые или новые – обставлены тщательно, комфортабельно и строго. Одежда этих людей, даже в тех случаях, когда в ней чувствуется небрежность, когда она явно поношена,

отличается от одежды других людей покроем и общим стилем. Вещи, которые они покупают, умеренно дороги; они умеют пользоваться ими так, что это не бросается в глаза. Они принадлежат к клубам и организациям, в которые допускаются только люди их пошиба; они крайне серьезно относятся к задаче поддержания своего престижа в этих организациях.

У людей этого круга имеются общие родственники и друзья и больше того – общий жизненный опыт, тщательно отрегулированный семьей. Они посещали одни и те же или аналогичные частные и закрытые школы; чаще всего это одна из епископальных закрытых школ, находящихся в Новой Англии. Мужчины учились также в колледжах – Гарвардском, Йельском или Принстонском; если же это слишком претило их провинциальной аристократической гордыне, – то в каком-нибудь солидном местном колледже, в содержании которого принимали участие их семьи. А по окончании они становятся завсегдатаями клубов этих учебных заведений, а также ведущих клубов своего города; нередко они являются вдобавок членами одного или двух клубов других центральных городов.

Их имена не фигурируют на тех столбцах местных газет, где помещаются разные сплетни и

слухи, или даже в отделе светской хроники; многие из них — коренные бостонцы или коренные жители Сан-Франциско — чувствовали бы себя в своем кругу по-настоящему неловко, если бы их имена упоминались всуе. Дешевая реклама, скандальные доблести ресторанных завсегдатаев — это не для старинной знати, это годится для семей новоявленных богачей, для людей более грубого и крикливого стиля.

Члены описываемых нами семей, объединяющихся в многообразные светские кружки, состоят в близкой дружбе и в отношениях прочной взаимной поддержки с людьми, принадлежащими к их собственному кружку и к другим светским кружкам. Они обедают в гостях друг у друга и бывают друг у друга на балах. Они появляются на элегантных и вместе с тем скромных свадьбах, мрачных похоронах, веселых пикниках и везде ведут себя со строгим и сдержанным достоинством. Часто создается впечатление, что в своей светской жизни они всячески стремятся к простоте и непринужденности, хотя на самом деле все их обращение с людьми, является ли оно церемонным и чопорным или, наоборот, простым и естественным, регулируется твердыми правилами, относящимися к манере одеваться и

вести себя, тонким ощущением того, что подобает делать и чего не подобает делать.

Их чувство гражданственности чаще всего не воплощается в форму прямой политической деятельности, а сказывается в том, что они охотно руководят благотворительными, воспитательными и культурными учреждениями своего города. Их состояние (достигающее, надо думать, в среднем нескольких миллионов долларов) столь велико, что они обычно могут жить, не затрагивая своего основного капитала. Если у них нет желания работать, то они, надо полагать, имеют возможность жить праздно. Тем не менее мужчины из их среды – и особенно наиболее солидные люди старшего поколения – обычно работают, и работают порой очень усердно. Из их среды рекрутируется местная деловая аристократия, в особенности финансовая и судебская. В восточных городах истинный джентльмен – это обычно либо банкир, либо юрист; и такое явление становится все более типичным для всей страны. В этом есть свое удобство, ибо состоятельные люди нуждаются во внушающих доверие, сведущих и здравомыслящих деятелях, способных охранять неприкосновенность их состояний. Джентльмены эти являются обычно директорами и

президентами крупнейших банков своих городов, а также старшими партнерами ведущих адвокатских фирм и их советниками по вопросам инвестиций.

Во всех почти центральных городах США люди, принадлежащие к высшему классу, более или менее отличаются общностью религии, расы и социального происхождения. Даже в тех случаях, когда они не обладают длинными родословными, они в массе своей являются более старинными американцами, чем низшие классы. Имеются, конечно, и исключения — и порой существенные. В некоторых городах главенствующего положения в обществе достигли итальянские, еврейские и ирландские католические семьи, добившиеся богатства и могущества. Но как бы ни были важны эти случаи, они все же пока составляют исключения: типичные представители высшего класса, принадлежащие к светскому обществу, все еще остаются "чистыми" — в смысле расы, этнической группы, национальности. В каждом городе это чаще всего протестанты, и к тому же протестанты, принадлежащие к господствующим разновидностям этого вероисповедания, главным образом к епископальной церкви или к пресвитерианской.

Во многих городах, как, например, в Нью-Йорке, существует не одна, а несколько прослоек типа "четырёхсот семейств". Это явление, однако, не означает, что в таких городах вообще не существует высшего класса; оно скорее означает, что здесь общественная иерархия сложнее, чем в городах с более однородным составом высшего общества. То, что конкурирующие центры светского общества враждуют друг с другом, не разрушает общественной иерархии.

Высокопоставленное семейство может принадлежать к замкнутому загородному клубу, где занимаются спортом и устраиваются светские развлечения; однако этот признак не может считаться решающим признаком, свидетельствующим о принадлежности к социальным верхам, ибо "загородные клубы" стали распространённым явлением и среди средних классов и даже среди низших прослоек средних классов. В мелких городах членство в лучшем загородном клубе часто служит существенным признаком принадлежности к социальным верхам, но на иерархических биржах центральных городов вещь эта расценивается не так. Со светской точки зрения важнее принадлежать к "клубу джентльменов" (членами

таких клубов могут состоять только мужчины).

Джентльмен из центрального города, принадлежащий к социальным верхам, состоит обычно членом нескольких подобных клубов, находящихся в разных городах. Клубы, членами которых состоят и мужчины и женщины, как, например, загородные клубы, большей частью встречаются в провинции. Среди загородных клубов, членами которых являются мужчины, принадлежащие к старой знати, можно назвать клубы при Гарвардском, Принстонском и Иельском университетах; однако сеть клубов, обслуживающих светское общество больших городов, отнюдь не ограничивается клубами, организованными при наиболее аристократических учебных заведениях. Джентльмен нередко принадлежит к трем, четырем клубам, а то и больше. Эти светские клубы, встречающиеся в разных городах, являются в подлинном смысле слова закрытыми учреждениями, ибо средние и низшие классы часто даже не знают об их существовании. Они расположены над теми сферами жизни, где высшие классы более доступны обозрению. Они целиком принадлежат высшим классам, ими созданы и существуют только для них и ни для кого другого. Но их знают и посещают высшие

круги не одних лишь тех городов, в которых они находятся.

Для человека, не принадлежащего к высшему обществу, членство в клубе, в котором членами состоят мужчины или женщины из социальных верхов, служит свидетельством признания его высокого общественного положения; лица же, принадлежащие к высшему обществу, находят в клубе целый ряд более интимных или смахивающих на клики аристократических кружков, благодаря которым они обретают определенное место в светской иерархии и выделяются из общей светской среды. Основное ядро клуба обычно состоит из семей, престиж которых покоится на их родословных. Интимное общение с такими людьми придает членам клуба из среды менее старинных семей дополнительный общественный вес, а, с другой стороны, успехи последних способствуют укреплению репутации клуба как делового предприятия.

Членство в соответствующих клубах приобретает большое значение в те времена, когда люди, успевшие приобрести богатство — и только богатство, — во множестве толпятся у ворот светского общества, ибо в такие времена социальные грани часто становятся более расплывчатыми, а принадлежность к клубу ясно

подчеркивает общественную исключительность. Клубы центральных городов до сих пор являются важной ступенью общественной лестницы для тех, кто мечтает пробраться в высшие слои общества. Это своего рода лифт, поднимающий богачей новой формации в среду старой знати — ибо путем постепенного перехода из одного клуба в другой, из менее почетного в более почетный, богатые люди и их сыновья могут в конце концов, если все идет гладко, проникнуть в последние твердыни, где пребывают самые избранные. Клубы играют также важную роль в сфере деловых связей различных кругов центральных городов — связей внутригородских и межгородских. Многие лица, принадлежащие к этим кругам, считают удобным и почему-то импозантным принимать важнейшие деловые решения именно в аристократическом клубе. "Частный клуб", как отметил недавно один журнал, предназначенный для администраторов корпораций, становится "крепостью делового человека".

Так как люди из социальных верхов центрального города, будучи богачами, контролируют все главные местные учреждения, финансовые и юридические, то тем самым они связаны постоянными деловыми и

гражданско-правовыми отношениями с социальными верхами других центральных городов. Экономика отдельного города, в особенности центрального, не замыкается его пределами. Экономическая система носит общенациональный характер, и ее центральные узлы сосредоточены в больших городах. И поскольку социальные верхи больших городов контролируют находящиеся в этих городах ключевые экономические учреждения, где принимаются важнейшие решения, имеющие отнюдь не узко местное значение, постольку социальные верхи каждого большого города связаны с социальными верхами других городов. Если вы состоите членом Бостонского клуба с его богатой, хоть и мрачновато-скромной обстановкой, или Хоустинского клуба, роскошная обстановка которого выдержана в светлой цветовой гамме, то это значит, что ваше высокое общественное положение не подлежит сомнению. Это значит также, что вы имеете возможность находиться в непринужденном, неофициальном общении с людьми общепризнанного общественного веса и, таким образом, имеете наилучшую возможность совершить выгодную сделку за чашкой кофе. Джентльменский клуб является одновременно и важным деловым

центром, в котором вершатся финансовые и коммерческие дела, и важным светским центром, визирующим общественное достоинство своих членов. В нем как бы собраны воедино все добродетели, конституирующие старинную знать: старинная родословная, пристойный брак, приличный дом, ортодоксальная церковь, почтенные учебные заведения и главенствующее положение в обществе. Заправила каждого крупного города принадлежат к таким клубам. И заправилам других городов очень нравится, когда их видят за завтраком в клубах "Сомерсет" или "Юнион" (Бостон), в клубах "Рекет" или "Филадельфия клуб" (Филадельфия), в "Пасифик Юнион" (Сан-Франциско) или в таких нью-йоркских клубах, как "Никерброкер", "Линкс", "Рекет энд Теннис".

4

Несмотря на наличие некоторых местных особенностей, стиль жизни высших классов примерно один и тот же во всех крупных городах страны. Дома, одежда, светские развлечения, которыми интересуются люди из центральных городов, принадлежащие к прослойке "четырехсот", приблизительно одинаковы. Фирма "Братья Брук – одежда и белье" не так уж усиленно рекламируется, и за пределами Нью-Йорка она имеет всего лишь 4 филиала; тем не менее она хорошо известна во всех главных городах страны, и ни в одном из них представители этой фирмы не чувствуют себя лишними. В числе общераспространенных особенностей подлинного стиля жизни высших классов имеются и другие, чисто внешние признаки. И все же жизненный уклад старинных богачей содержит в себе во всей стране более глубокие особенности: привычку носить костюмы только от братьев Брук может ведь в конце концов усвоить любой человек, если у него есть деньги и охота.

Одна из глубоких особенностей жизненного уклада, отличающая светских богачей от простых богачей и от низших слоев населения, связана с

их воспитанием и образованием и с теми представлениями, чувствами и ощущениями, которые их традиционная система воспитания и образования формирует у человека на всю жизнь.

Так, к примеру, девочка из нью-йоркской семьи, принадлежащей к старой знати, до четырехлетнего возраста обычно предоставлена заботам матери и няньки; затем она переходит на попечение гувернантки, зачастую говорящей по-французски так же свободно, как и по-английски. В возрасте 6—7 лет она начинает посещать частную дневную школу вроде, скажем, школы мисс Чепин или Брирлей. Часто ее отвозит в школу и привозит оттуда семейный шофер; после школы за ней присматривает гувернантка, которая теперь большую часть своего времени отдает младшим детям. В 15 примерно лет она поступает в пансион — скажем, в пансион Сан-Тимоти в Мэриленде или в пансион мисс Портер (или Вестовер) в Коннектикуте. По окончании пансиона она, возможно, начнет посещать нью-йоркский колледж Финча младшего и там "закончит" свое образование; если же она захочет учиться в настоящем колледже, то она поступит вместе с многими обыкновенными девочками из средних классов в один из таких колледжей, как колледжи Бринг

Моура, Вассара, Уэслея, Смита, Беннингтона. Вскоре после окончания школы или колледжа она выйдет замуж и, вероятно, начнет давать своим детям точно такое же воспитание.

Мальчик из этой семьи до семилетнего возраста воспитывается примерно так же, как девочка. Затем он тоже посещает дневную школу и в более раннем возрасте, чем девочка, поступает в пансион (или в "подготовительную школу", как называются пансионы для мальчиков): в школу Сейнт Марк или Сейнт Пауль, Гозйт или Гротон, Эндовер или Лоуренсвилль, Филиппс Эксетер или Хотки. Затем он поступает в Принстонский или Гарвардский, Йельский или Дармутский колледж. Нередко бывает так, что он кончает также юридическую школу при одном из этих колледжей.

Все звенья этой воспитательной системы имеют важное значение для формирования личности мужчины или женщины из высшего класса; такого порядка воспитания и образования придерживается высший класс во всех главных городах страны. Во всех этих городах существует ясно выраженное стремление отправлять детей учиться в один из наиболее фешенебельных пансионов или подготовительных школ Новой Англии, в которых можно встретить учащихся

примерно из двадцати четырех штатов, а также из-за границы. Так как социальные притязания, основанные на родовитости, все труднее становится реализовать, то для завоевания высокого общественного положения обучение в соответствующей школе становится еще более важным фактором, чем родословная.

Следовательно, если мы хотим понять основу национального единства социальных верхов современной Америки, то лучший ключ для понимания этого явления дают нам подлинно закрытые пансионы для девочек и подготовительные школы для мальчиков.

Многие воспитатели из персонала частных школ отдают себе отчет в том, что экономические сдвиги вознесли на верхушку общества людей, чьи дети не приобрели в семье надлежащего общего развития и нравственных устоев, и что частная школа является главным учреждением, призванным подготовить их для жизни среди главенствующей над всей страной социальной верхушки, к жизни, построенной таким образом, чтобы она приличествовала людям из высшего класса. Представляется бесспорным, что частные школы — сознают ли это их директора или не сознают — выполняют задачу отбора и специальной подготовки новых членов

всеамериканской социальной верхушки; они осуществляют в отношении детей ту же функцию, которую в отношении отцов выполняет иерархическая система клубов, но осуществляют ее гораздо основательнее и глубже. Эта задача так же присуща частным школам, как и задача преемственной передачи аристократических взглядов и правил поведения детям, происходящим из семейств, давно пребывающих на верхней ступени социальной лестницы. Именно в частной школе мы видим перед собой то "ближайшее поколение", в котором сглаживаются и даже совсем исчезают трения между богачами старой и новой формации. Именно под воздействием этих школ больше, чем под влиянием какого-либо другого единичного учреждения, дети старых и новых богачей становятся со временем, когда они вступают в самостоятельную жизнь, членами единого класса, сознающего себя высшим классом.

Как учреждение, занимающееся отбором и специальным обучением детей из высших общественных прослоек как старой, так и новой формации, частная школа выступает в качестве унифицирующего фактора, в качестве силы, формирующей общегосударственное единство высших классов. Чем меньше становится

значение родовитых семейств в деле заботливой преемственной передачи нравственных и культурных особенностей знати, тем большее значение приобретает частная школа. В большей степени, чем семья, она служит важнейшим передатчиком традиций социальной верхушки и регулятором процесса включения в нее нового богатства и таланта. Учеба в частной школе — это отличительный признак жизненного пути людей из социальной верхушки. Если можно вообще говорить о существовании первичного общегосударственного центра социальных верхов Америки, то он представлен 15–20 такими привилегированными школами. Ибо в этих частных школах для юношества решаются задачи религиозного, семейного и культурно-образовательного воспитания социальных верхов и вместе с тем решается задача сохранения тех социальных норм, которые в этой среде существуют.

Школы эти функционируют на началах самоокупаемости и в политике своей автономны; самые лучшие из них представляют собой учреждения, не стремящиеся к получению прибыли. Они не являются "церковными школами" — в том смысле, что они не управляются религиозными организациями. Но

они требуют от учащихся посещения церковных богослужений, и, не будучи фанатичными, они все же проникнуты религиозными принципами. В декларации основателей Гротонской школы, сформулировавшей принципы, которыми эта школа руководствуется и поныне, основная цель определена таким образом: "Все усилия будут направлены на то, чтобы создавать мужественные христианские характеры, всячески заботясь не только об интеллектуальном, но и о нравственном и физическом развитии учащихся. Во главе школы будет всегда стоять духовное лицо, принадлежащее к протестантской епископальной церкви".

"Основные достоинства, обеспечивающие той или иной подготовительной школе успех и популярность, не связаны обычно с ее учебной программой. Они связаны с целым рядом других признаков — и порой довольно странных. Решающую роль могут играть в этом отношении такие моменты, как характер взаимоотношений между мальчиками и преподавательским составом, социальный облик учащихся и районы проживания их родителей, наличие в школе готической часовни или специального гимнастического зала новейшего типа, архитектура здания, в котором живут мальчики,

характер их занятий после ужина и, наконец, самое важное — личность директора". Существует своего рода идеал, к которому школа обязана стремиться; он не всегда выражается прямо, но всегда подразумевается: школа должна быть организованным продолжением семьи, должна быть большой семьей, в которой добропорядочные дети из Бостона, Филадельфии и Нью-Йорка совместно усваивают аристократический стиль поведения. Этот идеал родового единства усиливается общностью вероисповедания (чаще всего епископального), обычаем, распространенным среди известного круга знатных семей, посылать всех своих сыновей в ту же школу, где учился их отец и даже дед, системой денежных пожертвований на нужды определенной школы, а также светской и благотворительной деятельностью ассоциаций бывших воспитанников школы. Хозйтская школа, например, считает, что ее главная цель — доказать, что семью и школу можно удачно соединить, так что мальчик, пользуясь всеми преимуществами, предоставляемыми школой, в частности "духовным руководством" и "общением с целеустремленными мальчиками", вместе с тем не лишается тех положительных душевных влияний, которые должны быть свойственны

приличной семье.

Школы эти обычно лишены какого-либо очевидного утилитарного назначения. Верно, конечно, что школы для мальчиков всегда занимаются подготовкой к колледжу. Школы для девочек дают, кроме программы, которая также является подготовительной к колледжу, законченный курс для девушек, предполагающих рано выйти замуж. Но дух соревнования, характерный для школ, где обучаются дети из средних классов, здесь, как правило, отсутствует. Школа как бы внушает каждому учащемуся, что его прилежание и успехи следует сопоставлять не с успехами товарища, а с тем жизненным назначением, которое он сам или учителя считают для него лично подходящим, и что, помимо того, проявлять слишком много рвения — значит вульгарно выделяться.

Гарвард, или Йель, или Принстон — этого еще недостаточно. Главное — окончить действительно аристократическую подготовительную школу, потому что это и определяет, в котором из "двух Гарвардов" ты будешь учиться. Клубы и студенческие кружки в колледже обычно представляют собой продолжение связей, завязанных в подготовительной школе; тот, кто имеет друзей в Гарварде, приобрел их еще в

школе. Вот почему для высших светских кругов наличие диплома, скажем, одного из колледжей Лиги Айви само по себе еще не имеет большого значения. Это подразумевается с самого начала. Не так уж важно, что ты учился в Гарварде, вся суть в том, в каком именно Гарварде ты учился. Под "настоящим" Гарвардом подразумевают "Порселейн", "Флай" или "А. Д.", под "настоящим" Йелем – "Цета Пси" или "Фэнс", или "Дельта Каппа, Ипселон", под "настоящим" Принстоном – "Коттэдж", "Тайчер", "Кэп энд Гоун" или "Айви". Настоящим пропуском в мир городских клубов и светских соборщ является в любом центральном городе престиж, придаваемый надлежащим аттестатом об окончании средней школы и последующим членством в аристократическом клубе при одном из аристократических колледжей Лиги Айви. Что же касается провинциального светского общества, то оно преклоняется перед той манерой разговаривать и вести себя, которая формируется в подобных школах, ибо это приобретенное качество является главным ключом, открывающим доступ в ряды социальных верхов всеамериканского ранга, отличающихся однородностью состава и классовым самосознанием.

Школа естественным образом способствует бракам между молодыми людьми, получившими примерно одинаковое воспитание и образование. Подготовительные школы для мальчиков расположены обычно недалеко от пансионатов для девочек аналогичного возраста; и несколько раз в году учащиеся тех и других школ встречаются на вечерах, устраиваемых под наблюдением взрослых. Здесь бывают также сестры некоторых мальчиков и братья некоторых девочек. А для тех, кто учится в более закрытых мужских и женских колледжах, устраиваются официально организуемые посещения и вечера для молодежи обоих полов, короче говоря – периодические смотрины. На той ступени обучения, которая представлена колледжами, аристократические школы становятся звеньями обширного брачного рынка, где завязываются интимные отношения между молодежью из высших классов.

5

Основателями большинства американских старинных и знатных родов были люди, разбогатевшие еще до гражданской войны; впоследствии этот социальный круг пополнился за счет тех, кто разбогател после гражданской войны. Высший класс центральных городов, сформировавшийся из этих старинных богатых семей, не являлся раньше и не является ныне прочной кастой с фиксированным составом семей, непременно отличающихся знатностью происхождения; и тем не менее это не помешало ему превратиться в обладающий многими однородными чертами и сильным чувством единства высший класс, влияние которого распространяется на всю страну. Если в него вступают новые семьи, то это всегда богатые семьи; сыновья и дочери людей из этого класса, принадлежат ли они к богачам старой или новой формации, посещают закрытые учебные заведения одного и того же разряда и, как правило, вступают в брак с людьми своего класса. Они принадлежат к одним и тем же ассоциациям при колледжах Лиги Айви, поддерживают светскую и деловую связь друг с другом через сеть столичных клубов. В каждом из центральных

городов страны они считаются друг с другом, если не как люди во всем равные, то как люди, имеющие много общего; в биографии другого каждый из них находит черты своей собственной биографии; занимаясь своими коммерческими делами в маклерских фирмах, банках и корпорациях, они проникаются сознанием того, что всем им приходится служить одним и тем же интересам. В той мере, в какой деловая жизнь становится в подлинном смысле слова общенациональной, экономические функции людей из социальных верхов становятся сходными и даже взаимозаменяемыми; в той мере, в какой политические проблемы становятся в подлинном смысле общенациональными, политические мнения и политическая деятельность высших классов приобретают черты прочного единства. Все те силы, которые превращают конфедерацию территориальных сообществ в централизованное государство и раздробленные предприятия во всеамериканские корпорации, способствуют вместе с тем сближению функций и интересов и укреплению социального единства прослойки "четырехсот семейств" центральных городов.

Среди социальных верхов имеются ныне группы людей, имеющие отношение к различным

областям высокой политики; их заботы разделяют вместе с ними кое-кто из их соклубников, их родственники, фирмы, в которых они участвуют, адвокатские конторы, ведущие их дела. Эти вопросы служат темой бесед за обеденным столом, где члены семьи и коллеги по клубу обсуждают вопросы высокой политики совершенно запросто. У этих людей, выросших вместе и вполне доверяющих друг другу, личная близость сочетается с уважением к специальным интересам каждого члена своего круга, как человека, принадлежащего к верхам и делающего политику в той сфере могущества и ответственных решений, в которой он подвизается.

Эти люди проникают в командные круги учреждений, наделенных властью. Многообещающий молодой человек из подобной семьи начинает свой путь, ведущий к высокой политической карьере, скажем, в государственном департаменте; один из его кузенов в свое время выдвинулся на крупный административный пост в совете директоров одной корпорации; его дядя сделал блестящую карьеру во флоте, второй кузен должен вот-вот получить место ректора одного из ведущих колледжей. И само собой разумеется, что за спиной молодого человека еще стоит издавна

обслуживающая его семью адвокатская фирма, компаньоны которой находятся в тесном общении с обслуживаемыми клиентами и принимают близкое участие в делах и заботах, с которыми те сталкиваются.

Вот почему сугубо, казалось бы, общественные проблемы, относящиеся к компетенции крупнейших и важнейших учреждений, переплетаются в социальных верхах с чувствами и заботами малочисленных, тесно связанных между собой семейственных групп. Мы имеем здесь дело с одной из очень важных функций, выполняемых в социальных верхах семьей и школой: "закулисная" форма контактов является одним из Средств негласной координации деятельности социальных верхов, осуществляемой путем интимного общения. Это имеет значение еще и в том отношении, что юноши и девушки из этих кругов присутствуют за столом при разговорах людей, делающих политику, и им, таким образом, прививаются притязания и особые, не приобретаемые в школе, навыки власть имущих. Короче говоря, они впитывают в себя так называемое искусство "вершить" дела. Они незаметно проникаются стремлением принадлежать в будущем – а то и убеждением, что они уже принадлежат, – к "тем,

кто решает".

Нити дружбы, завязавшейся в школах, в клубах при подготовительных школах и колледжах, а впоследствии во влиятельнейших светских и политических клубах, связывают между собой различные семьи из среды социальных верхов, а также их фирмы и конторы. И во всех этих домах и учреждениях мы находим людей, которые будут действовать или уже действуют в высших сферах современного общества.

Закрытые школы, клубы и курорты социальных верхов являются закрытыми не только потому, что лица, для которых они предназначены, – снобы. Такого рода учреждения и ассоциации играют большую роль в формировании характера людей из высшего класса и – что еще более важно – способствуют взаимному объединению различных кругов высшего общества с помощью тех личных связей, которые в них естественным образом завязываются.

Так, многообещающий студент-юрист после окончания подготовительной школы и Гарварда сначала служит, скажем, "клерком" при одном из членов Верховного суда, затем юристом в корпорации, потом работает по дипломатической

линии и, наконец, снова возвращается к юриспруденции и служит в адвокатской фирме. В каждой из этих сфер деятельности он встречается и знакомится с людьми одной с ним породы; через всю его жизнь тянутся в виде своего рода непрерывной цепи всякого рода связи — связи со старинными друзьями его семьи и школьными товарищами, с людьми, с которыми он встречается в клубе за обедом и во время ежегодных поездок на курорты. В каждом из этих кругов, где он вращается, он обретает и проявляет веру в свою способность судить и решать; эта вера поддерживается тем, что он легко может черпать из жизненного опыта и духовного багажа людей, равных ему в социальном отношении, пользующихся весом во всех важных институтах и во всех важных областях общественной жизни. К человеку, принятому в таких кругах, никто не повернется спиной, даже если он находится в весьма трудных обстоятельствах. В избранном обществе любого уголка страны он чувствует себя "своим"; его внешность ясно говорит о его социальном положении; его разговор и манеры свидетельствуют о надлежащем воспитании; круг его друзей служит доказательством того, что достойные люди считают его своим, и вместе с тем — доказательством неизменной

проницательности, проявляемой им в подборе товарищей.

IV. Знаменитости

Американец, добившийся жизненного успеха, обретает шансы вступить независимо от социального происхождения и сферы деятельности в мир знаменитостей. Этот мир, являющийся ныне тем форумом, на котором присуждаются общественные почести, возник не снизу, не в результате медленного и постепенного процесса объединения светских кругов различных провинциальных городов и прослойки "четырёхсот семейств" центральных городов. Он был создан сверху. Его устоями являются общенациональные иерархии основных социальных институтов, и он даёт о себе знать с помощью общенациональных массовых средств общения. По мере того как эти иерархии и эти массовые средства общения приобретали в американском обществе выдающееся значение, в стране стали появляться новые разновидности прославляемых мужчин и женщин, которые встали в ряд со светской дамой и высокородным богачом, начали соперничать с ними и даже оттеснять их.

С интеграцией экономики, возвышением военного ведомства и централизацией

разросшегося государственного аппарата возникла всеамериканская элита; заняв командные посты в иерархиях главенствующих социальных институтов, она попала в центр общественного внимания и стала предметом усиленной рекламы. И в то же время с развитием массовых средств общения в центр внимания страны всерьез и надолго попали профессиональные знаменитости, подвизающиеся в мире зрелищ. Как люди, волнующие воображение народа, они являются главными объектами, на которые нацелены все массовые средства развлечения и рекламы. И прослойке "четырёхсот семейств", и элите, возглавляющей основные социальные институты, приходится теперь конкурировать с ними и заимствовать престиж у профессионалов из мира знаменитостей.

Но что такое знаменитость? Это человек с таким именем, которое достаточно только произнести — и всё становится ясно. Он известен великому множеству людей, число которых даже не поддается точному учету. Куда бы он ни пришел, его сейчас же узнают, и, более того, узнают с каким-то волнением и благоговением. Все, что он делает, приобретает общественную значимость. В течение известного периода он

является более или менее постоянным объектом массовых средств общения и развлечения. И когда этот период кончается (что неизбежно), а он все еще продолжает жить, люди, возможно, время от времени спрашивают друг у друга: "Вы помните такого-то?.." Вот что такое знаменитость.

1

Профессиональные знаменитости, мужчины и женщины, венчают общественный порядок, построенный на том, что отдельные личности заслоняют собой народные массы, венчают ту "систему звезд", которая характерна для общества, возведшего конкуренцию в фетиш. В Америке "система звезд" доведена до того, что человек, умеющий точнее и искуснее, чем другие, забрасывать маленький белый шарик в ряд ямок, вырытых в земле, получает тем самым возможность попасть на прием к президенту Соединенных Штатов. Она доведена до такой степени, что какой-нибудь болтливый эстрадный лицедей, выступающий по радио и телевидению, приглашается на охоту вместе с ведущими руководителями промышленности, членами правительства и высшими военными деятелями. Создается впечатление, что вопрос о том, чем именно выделяется данный человек, не имеет значения; раз он победил всех в конкурентной борьбе, его прославляют. И затем вступает в действие другая особенность, присущая "системе звезд": все звезды из других сфер тянутся к новой звезде, и она в свою очередь тянется к ним. Счастливчик, чемпион — это, следовательно, тот,

кто свободно общается с другими чемпионами; и все вместе они населяют мир знаменитостей.

Этот круг является вершиной пирамиды общественного престижа и вместе с тем ареной крупного бизнеса. Система средств массового общения, рекламы и развлечения выступает в коммерческом аспекте не только как средство прославления знаменитостей; она вместе с тем отбирает и творит знаменитостей в целях извлечения прибыли. Мы находим поэтому среди знаменитостей известный разряд людей, являющихся профессиональными бизнесменами; они получают внушительный доход не только вследствие того, что они лично работают в системе массовых средств общения и развлечения, но и вследствие того, что они, в сущности, эксплуатируют эту систему как предприниматели.

Кинозвезды, актрисы с Бродвея, эстрадные певцы и клоуны, выступающие по телевизору, являются знаменитостями вследствие того, что они работают в этих предприятиях массового развлечения и приносят им выгоду. Они пользуются славой вследствие того, что их рекламируют как знаменитостей. Когда их перестают прославлять, они со временем (и зачастую очень скоро) теряют работу. Паническая

боязнь потери своего высокого положения стала среди них профессиональной болезнью: само их представление о себе зависит от рекламы, которая им нужна во все возрастающих дозах. Часто бывает так, что они обладают славой – и больше ничем. Их прославляют не потому, что они занимают в обществе особо почетное положение; скорее наоборот: занимаемое ими положение в обществе выглядит почетным именно потому, что их прославляют.

Людям более серьезной общественной значимости приходится в наше время конкурировать в деле завоевания внимания и восторгов публики с профессионалами из сферы развлечений. Политикам провинциального масштаба приходится играть в третьеразрядных провинциальных любительских оркестрах. Политиков государственного масштаба тщательно тренируют и натаскивают для выступлений по телевидению, и, подобно другим исполнителям, самые видные из них являются объектом суждений и оценок театральных рецензентов.

"Информационная беседа президента Эйзенхауэра, состоявшаяся вчера вечером, – писал, например, театральный рецензент "Нью-Йорк таймс" Джек Гульд в номере от 6

апреля 1954 г., – была самым удачным из его выступлений по телевидению... Президенту и его телевизионному консультанту Роберту Монтгомери удалось, по-видимому, найти такой "формат", который дал возможность генералу Эйзенхауэру проявить непринужденность и несравненно большую, чем раньше, свободу движений. В результате он добился наиболее желанного для телевидения качества – естественности... В начале программы президент был показан сидящим у стола, со сложенными руками и спокойной улыбкой на устах. Справа от него – слева от зрителя – виднелся флаг. Затем он заговорил – заговорил непринужденно, в тоне свободной беседы. Этот тон и настроение были выдержаны в течение следующего получаса. Во время прошлых выступлений, когда президент пользовался помощью суфлеров, его глаза никогда не попадали прямо в камеру, он всегда смотрел чуточку в сторону – то вправо, то влево. Но вчера вечером его глаза смотрели прямо в линзу, и у зрителя создавалось впечатление, что президент обращается непосредственно к нему. К концу беседы, в те моменты, когда ему хотелось подчеркнуть сказанное, генерал либо переплетал руки, либо постукивал пальцами одной руки по ладони другой. Эти действия, чисто интуитивные,

создавали впечатление неподдельности всего происходящего... В содержании информационной беседы генерала Эйзенхауэра не было, по общему признанию, ничего потрясающего..."

2

Профессиональные знаменитости встали в ряд с людьми из "четырёхсот семейств" центральных городов и даже оттеснили их — если говорить о последних как об особом социальном круге. Но как отдельные личности и как члены отдельных клик люди из "четырёхсот семейств" стали частью системы, обеспечивающей всеамериканский престиж и известность. Центром этой системы в наши дни уже не является круг "четырёхсот семейств" различных городов. Ибо если в Америке, как мы уже говорили, социальные верхи различных городов лишены возможности равняться на какой-нибудь определённый город, то во всех городах, мелких и крупных, они могут равняться на людей, пользующихся всеамериканской известностью; и те лица из социальных верхов, у которых имеется достаточно денег и соответствующее стремление, имеют возможность вступить в мир знаменитостей.

То, что многие местные наблюдатели считают упадком высшего класса крупных городов, в действительности представляет собой уменьшение значения прослойки "четырёхсот семейств" как наиболее резко выраженной и

общепризнанной в прошлом носительницы общественного престижа. Если люди из прослойки "четырёхсот" не приобщаются к миру знаменитостей, обеспечивающему всеамериканскую известность и престиж, то им приходится удалиться в какие-нибудь тихие провинциальные уголки и жить не в том измерении, в каком живут главари промышленности и политики. Американцам, претендующим в наши дни на престиж, приходится присоединиться к миру знаменитостей или же незаметно сойти с общенациональной арены.

Прослойка "четырёхсот семейств" центральных городов достигла вершины общественного престижа (доведя его до всеамериканских масштабов) к концу прошлого века. В 80-х и 90-х годах прошлого века старинные богатые семьи вели борьбу с вновь разбогатевшими, но к началу первой мировой войны эти позднее разбогатевшие семьи уже были приняты в круг социальных верхов. Семьи, разбогатевшие после гражданской войны, повсеместно входят в наши дни в среду издавна утвердившихся социальных верхов различных крупных городов. Но в 20-х и 30-х годах нашего века, как мы уже видели, новые и более

притягательные для публики претенденты на престиж начали затмевать прослойку "четырехсот семейств" центральных городов, которой пришлось, таким образом, бороться не только с новыми богачами, но и со знаменитостями из мира зрелищ и развлечений. Еще до 20-х годов от людей из состава "четырехсот" уже нередко можно было слышать жалобы на новые явления и воспоминания о добром старом времени. Но все это ни в коем случае не означает, что прослойки "четырехсот семейств" центральных городов больше не существует. Наряду со "знаменитостями, стремящимися попасть в светское общество", мир аристократических кафе населяют ныне "знаменитые светские люди". Престиж "четырехсот" в обществе аристократических кафе обнаруживается в том факте, что многие люди из старинных светских кругов могли бы вполне получить доступ в это общество, но не считают это нужным. Однако верно также и то, что у людей, "не считающих нужным" вступить в ряды новых знаменитостей, уверенность в правильности своей позиции ныне уже не так тверда, как раньше.

В нынешнем обществе аристократических кафе все еще встречаются скроенные по иельскому образцу молодые люди и юные

девушки из старинных светских семей; но там можно встретить и влиятельного администратора из мира корпораций, располагающего специальным счетом, и "образцовую американскую девушку". В любом нью-йоркском ночном клубе глубокой ночью, около 2-х часов, можно увидеть ее нынешний трафарет: тоненькую девушку с кукольным лицом и выставленным напоказ телом, жаждущим позировать перед фотоаппаратом, девушку с томной улыбкой, рассеянным взглядом и слегка приоткрытым ртом, по которому как бы случайно скользит кончик языка, чтобы придавать блеск губам. Она как будто бы постоянно готовится к той минуте высшего нервного напряжения и полноты существования, когда она действительно предстанет перед объективом. Секрет ее очарования совершенно ясен: ее профессиональная манера держать себя — это манера женщины, для которой надменный, всепокоряющий эротизм стал жизненным призванием. Это дорогостоящая внешность дорогостоящей женщины, уверенной в том, что она стоит дорого. У нее наружность девушки, знающей, что ее судьба целиком и полностью зависит от действия, какое эта наружность может произвести на мужчин определенного типа.

Такова королева – образцовая американская девушка, – которая независимо от того, является ли она девушкой из богатой семьи, работает ли живой моделью или профессиональной актрисой, создает своей наружностью и поведением трафарет, которому подражают те, кто стоит на более низких ступенях иерархии красоты, трафаретом для девушек, тщательно тренируемых и отбираемых в целях коммерческой экспозиции их эротических прелестей, а также и для молодых домашних хозяек. Хотя публика, подражая такой "королеве", сама явно возводит ее образ в олицетворение подлинной женственности, она обычно возмущается, когда случайные разоблачения обнажают коммерческое использование ее прелестей. Но может ли быть иначе? У такой "образцовой девушки" обычно не бывает много денег. Но мужчины, с которыми она встречается, в деньгах не стеснены, и у нее быстро появляются склонности и потребности, удовлетворение которых требует больших денег. От этих мужчин зависит ее карьера, а она желает сделать карьеру. Она принадлежит к кругу, где встают и завтракают в полдень, затем проводят время за продолжительным "ленчем"; но ее положение в этом кругу не очень прочно. "Образцовая американская девушка" пребывает в

верхах особого мира аристократических кафе, а мир этот — надо помнить — является сетью прибыльных коммерческих предприятий, поддерживаемых заправилами корпораций, располагающих специальными счетами. И подражательницы "королевы" порою становятся, таким образом, "приложением к специальному счету". Ни одна "новая американская женщина" времен Теодора Драйзера не знала так твердо, как это знает в наше время "образцовая американская девушка", что "ценой греха легко достигнуть успеха".

Представление о царстве порока нисколько не является новым для широкой публики, но она склонна думать, что в нем подвизаются только молодые повесы из богатых семей и бедные деревенские девушки. Однако мужчины, причастные к порокам общества великосветских кафе, уже далеко не молоды; их нельзя назвать и бездельниками; они не нуждаются непременно в том, чтобы обладать личным богатством, а бедные невинные провинциальные девушки их не интересуют. Женщин из этого общества трудно считать девушками; они, возможно, приехали из провинции, но теперь они целиком принадлежат большому городу; они не невинны, да и не то чтобы бедны. Все легко забывают, что за

внешним блеском и очарованием общества аристократических кафе кроется просто-напросто торговля пороком. Участники этой торговли — сводники, проститутки, клиенты, продающие и покупающие различные виды эротических услуг, — часто слывут среди своих знакомы: самыми респектабельными людьми. А "образцовая американская девушка", как увековеченный фотокамерой образ и как живое лицо, сплошь и рядом выступает ценным и незаменимым помощником "великого американского коммивояжера".

Среди тех, кого почитают американцы, никто не является таким вездесущим существом, как "образцовая американская девушка". Можно подумать, что американцы задумали нарисовать единый во многих лицах национальный портрет девушки как королевы. Куда бы вы ни посмотрели, вы увидите это выхоленное создание, иногда совсем юное, иногда немного постарше, но повсюду изображаемое как Девушка с большой буквы. Она продает на рекламных щитах пиво, книги, сигареты и одежду; каждый вечер вы видите ее на экране телевизора и каждую неделю на новой обложке журнала. И ее же вы увидите в кино.

3

Престиж — это в конечном счете тень, отбрасываемая деньгами и властью. Где есть деньги и власть, там имеется и престиж. Сфера реализации притязаний на общественный престиж все расширялась и постепенно достигла поистине всеамериканских масштабов — подобно тому, как постепенно расширялась и достигла масштаба национального рынка сфера реализации мыла или автомобилей, и подобно тому, как расширялась арена власти центрального правительства. Так как люди из высших политических, экономических и военных кругов представляют собой элиту богатства и власти, то они постепенно завоевывают престиж, значительно превышающий престиж обыкновенных людей; все они представляют интерес для публики, а некоторые действительно являются выдающимися личностями; используя свое высокое положение и сознательно применяя различные орудия пропаганды и рекламы, они все больше и больше стремятся к тому, чтобы их имена получили всеобщую известность, чтобы их действия получили всеобщее одобрение, чтобы их политика стала популярной. Словом, они стремятся стать знаменитостями

общенационального масштаба.

Людей, принадлежащих к властвующей элите, прославляют в отличие от профессиональных знаменитостей вследствие того, что они занимают высокое положение и принимают важные решения. Они знамениты потому, что обладают престижем, а престижем обладают потому, что в их руках сосредоточены власть и богатство. Правда, им тоже приходится приобщиться к миру рекламы, стать материалом для кино, телевидения и других массовых средств общения; но они являются здесь желанным материалом почти безотносительно к тому, что они делают в этой сфере и для этой сферы.

Престиж члена конгресса — писал Джон Голбрейс— измеряется количеством голосов, которым он располагает, и комиссий, в которых он состоит. Значение должностного лица измеряется количеством его подчиненных. Престиж бизнесмена определяется не столько его личным богатством и доходом (хотя, конечно, эти обстоятельства имеют значение), сколько масштабами его предприятия. Он заимствует свой престиж от могущества своей корпорации, определяемой ее размерами, и от положения, занимаемого им в этой корпорации. Единоличный предприниматель, имеющий

миллион годового дохода, не является таким важным лицом, как руководитель крупной корпорации, получающий в год всего лишь 200 тыс., и не обладает тем всеамериканским престижем, которым пользуется последний. В военной среде вся эта шкала общественного престижа является, конечно, официальной и фиксированной.

В начале нашего века арена притязаний на общественный почет достигла общенациональных масштабов. Это означало, что в стране появились избранные группы такого общественного веса, что социальные верхи всех провинциальных городов, вынужденные ориентироваться на них и сравнивать себя с ними, почувствовали, что их знатность является чисто провинциальной. Теперь, пятьдесят лет спустя, это означает то же самое и еще многое другое, так как наша эпоха отличается от того времени развитием массовых средств общения — этих первоклассных средств прославления и даже созидания прославленных. Престиж всеамериканской элиты возник в результате соединенного действия процессов развития современных гигантских организаций и массовых средств общения. Эти массовые средства общения, охватывающие всю страну, стали

каналами, через которые социальные верхи попадают в поле зрения народных масс. Мощная реклама, богатая техника создания популярности и постоянный жадный спрос радио и телевидения на сенсационный материал поставили этих людей под такой сильный прожектор, под каким не находился ни один высший класс на протяжении всей истории человечества.

В главенствующих социальных институтах нашего времени существует своя собственная шкала престижа. Эта градация определяется служебным рангом и строится таким образом, что каждому служебному рангу соответствует определенный престиж. Каждый в этой иерархии уступает по образованию и положению вышестоящим, и все проникаются со временем чувством почтения к своим начальникам, имеющим над ними такую огромную власть. Это организованное чинопочитание и эта власть были бы невозможны, если бы начальник в свою очередь не завоевал престиж среди тех, которые являются прямыми хозяевами всего этого института.

Вместо слуг высокопоставленный человек имеет здесь целый отряд личных секретарей; вместо изящного старинного дома – отделанную деревом контору; вместо собственного

автомобиля — учрежденский лимузин с учрежденским шофером, самолет военно-воздушного флота. Часто, конечно, налицо имеется и то и другое: и красивый старинный дом, и отделанная деревом контора. Но все же престиж членов элиты определяется в первую очередь престижем возглавляемых ими учреждений, а не семей, к которым они принадлежат.

Видный пост в какой-нибудь всеамериканской корпорации стал главной основой для притязаний на престиж. Корпорация стала в наше время организованным центром власть имущих классов; социальные верхи крупных городов, общественное положение которых основывается на богатстве или на крупных административных постах, а также провинциальная знать ориентируются ныне в своих притязаниях на престиж и в своем взаимообмене престижем на корпорацию: здесь находится источник многих из тех привилегий, которыми они пользуются. Внутри своей корпорации и за ее пределами — в мире других корпораций и во всей стране в целом — они реализуют притязания на престиж, связанные с их положением.

По мере того как расширяются функции и прерогативы общегосударственных

правительственных органов, людей, занимающих в них командные посты, перестают третировать как "ничтожных грязных политиканов", а провозглашают государственными деятелями и выдающимися администраторами. Верно, конечно, что политическим деятелям приходится обуздывать свои претензии на знатность и аристократичность. Крупным политическим фигурам приходится усваивать, если даже это претит их чувству исключительности, демократическую повадку и вульгарный с точки зрения более чопорных правил приличия тон выступлений и стиль жизни. И все же люди из политической верхушки становятся по мере нарастания могущества политических институтов знаменитостями, приобретают всеамериканский престиж, подорвать который нелегко.

Так как последние войны и антракты между ними, весьма напоминавшие военное время, привели к усилению могущества военщины, то военные лидеры тоже приобщились к новой, всеамериканской системе престижа. Крупное влияние, которое они теперь приобрели, обусловлено (так же, как и нынешний вес деятелей полицейских органов государства) тем простым фактом, что насилие — это последняя опора власти и последнее средство для тех, кто

борется против нее. Только в те времена, когда революция или злодеяние грозят нарушить существующие порядки внутри страны, и только в те времена, когда дипломатические акции и война грозят нарушить установленные порядки в отношениях между странами, до сознания людей доходит истинное и всегдашнее назначение полицейского командира, генерала и адмирала как неотъемлемых элементов политического правопорядка, существующего внутри отдельных национальных государств и в отношениях между ними.

Политический вес страны определяется ее военной мощью, и поскольку националистические устремления пользуются почетом, постольку генералы и адмиралы решительным образом приобщились к системе общенациональной славы и почета.

Общественный престиж различных социальных институтов не остается вразные времена одинаковым, и в соответствии с его изменениями меняется и престиж командных групп, возглавляющих эти институты. Так, например, престиж государственных сановников и военных деятелей особенно повышается во время войны, когда заправилы из мира бизнеса становятся экспертами и консультантами в

военных учреждениях или полковниками железнодорожной службы и когда все группы населения сплачиваются вокруг "едущего войну государства. Но в периоды обычного течения экономической жизни, в периоды, когда бизнесмены предоставляют заботу об административно-государственных делах другим, часто случалось так, что государственные сановники и высокопоставленная военщина подвергались резкой критике, а престиж большого бизнеса возрастал за счет уменьшения престижа государственных деятелей.

В 20-х годах президент "Дженерал электрик компани" считался слишком важным человеком, чтобы быть президентом Соединенных Штатов; и даже в 30-е годы члены видимого правительства США не всегда могли стоять на равной ноге с членами очень богатых семей.

Но это недостаточно почтительное отношение к политическим деятелям по сравнению с руководителями корпораций изменилось (и еще больше изменится) по мере того, как различные элиты теснее сплачиваются в сфере высокой политики и приобретают более высокое умение пользоваться орудиями рекламы, которые они вполне в состоянии скупить, контролировать или использовать? как-нибудь иначе. Те люди, чья

слава и известность не достигают масштабов их богатства или власти, будут все охотнее прибегать к орудиям рекламы. Они все чаще и чаще выступают перед микрофоном или объективом, а также на пресс-конференциях.

4

В своих теоретических изысканиях, посвященных анализу системы распределения общественного престижа в Америке, Торнстен Веблен интересовался преимущественно психологической природой стремления к удовлетворению тщеславия. Он проглядел социальное значение многих из описанных им фактов. Борьба за престиж не сводится всего лишь к борьбе за бессмысленные с социальной точки зрения побрякушки, служащие удовлетворению личного самолюбия: она выполняет прежде всего функцию сплочения элиты. Многие явления светской жизни, которые так забавляли Веблена — по существу говоря, основное из того, что делается ради поддержания престижа, — служат завязыванию связей между элитными группами из различных иерархий и районов. Фешенебельные клубы, гостиные и рестораны являются местами взаимного общения для различных элитных групп, члены которых обладают властью принимать решения, а система светских развлечений — это один из способов обеспечения координации между различными частями и элементами высшего класса.

Подобно гостиным высокородных семей и

закрытым школам, всякого рода благотворительная и светская деятельность, связанная с поддержанием общественного престижа, создает брачный рынок, выполняющий гораздо более важные функции, чем возможность тщеславной демонстрации элегантных туалетов, коричневых орхидей и белого шелка. Эти функции сводятся к сохранению целостности и сплоченности имущего класса, к созданию монополии этого класса на своих дочерей и сыновей и тем самым — к укреплению его кровными связями.

"Снобистская" замкнутость обеспечивает обособленное существование тем, кто может себе позволить это. Отстраняясь от чужаков, сильные и могущественные получают возможность создавать и сохранять сеть интимных кружков, в которых они могут обсуждать и обсуждают спорные проблемы. Решение проблем высокой политики переплетается здесь, таким образом, с личными чувствами и привязанностями, и так формируется то отличительное свойство, которое присуще системе отношений внутри всякой элиты.

Общественный престиж и все связанное с его поддержанием выполняют еще одну функцию — и в наше время она является наиболее важной.

Престиж укрепляет власть, превращая ее в авторитет, и ограждает ее от общественных нападков. "Престиж, потерянный вследствие неудач, – писал Ле Бон, – исчезает очень быстро. Он может также исчезнуть, хотя и медленнее, вследствие того, что он становится предметом обсуждения... С того момента, как престиж поставлен под вопрос, он перестает быть престижем. Боги и люди, сохранявшие свой престиж в течение длительного времени, никогда не терпели критики. Для того чтобы толпа восхищалась вами, ее следует держать на расстоянии".

"Стремление к власти ради власти" психологически основано на удовлетворении, которое дает престиж. Но в своих рассуждениях о престиже Веблен, увлекшись безжалостным и упорным высмеиванием слуг, собак, женщин и спортивных увлечений элиты, проглядел, что ее военная, экономическая и политическая деятельность отнюдь не смешна. Короче говоря, ему не удалось связать их власть над армиями и заводами с тем, что он вполне справедливо считал их причудами. На мой взгляд, он недостаточно серьезно относился к престижу, так как не понимал его большого и очень сложного значения для власти. Он видел перед собой

"паразитические классы" и "низшие слои населения", но в его время он не мог по-настоящему понять значение престижа властвующей элиты.

Что же дает нам вебленовская теория престижа для понимания политико-экономических пружин развития этой области явлений? Прослойка "четырехсот семейств" центральных городов, о которой писал Веблен, не стала центром национальной системы престижа. Профессиональные знаменитости кино, радио и телевидения не наделены твердой властью; среди людей, которых мы ныне прославляем, они, в сущности, являются эфемерными фигурами.

Элита, однако, нуждается в создании некоей организации, обеспечивающей постоянный и устойчивый престиж, — и этого обстоятельства теория Веблена не учитывает. В современной Америке эту "потребность" вполне сознательно и очень глубоко ощущает элита, опирающаяся на богатство, и в особенности элита, опирающаяся на власть.

В течение XIX в. ни политическая, ни военная элита не были в состоянии прочно утвердиться на вершине всеамериканской иерархии престижа или даже приблизиться к этому уровню. Не

какая-либо официальная система отличий и почестей, а совсем другие силы создали в Америке то политическое устройство, которое в ней существует. Экономическая элита выросла в такую могучую экономическую силу, что сумела дать отпор многократным попыткам построить общенациональную систему престижа на основе родословных, — и в этом отношении она сыграла исключительную роль.

Но в последние 30 лет появились признаки слияния престижа экономической, политической и военной элиты. В качестве членов властвующей элиты люди эти начали искать пути подкрепления своей власти авторитетом, покоящимся на общественном почете, — как это всегда делали власть имущие люди. Они начали укреплять свои новые общественные привилегии, поверхностным выражением которых является обладание специальным счетом, а более глубоким — весь их жизненный уклад, выработанный заправилами корпораций. Когда властвующая элита полнее осознает свое место в цивилизованном мире, примирится ли она с тем, что американскую нацию в глазах всего мира представляют профессиональные знаменитости — клоуны и "королевы"?

Прославляемые американцы того типа,

который рисовал Горацио Олджер, не скоро сойдут со сцены. Но можно ли думать, что профессионалы из мира зрелищ и развлечений всегда будут в центре внимания страны? Можно ли думать, что наиболее могущественные американцы не станут со временем наиболее прославляемыми американцами? Соблюдение ритуалов демократического руководства твердо считается пока обязательным, но можно ли думать, что снобизм не утвердится со временем официально, а народные массы не будут оттеснены на тот уровень, где им, по мнению элиты, надлежит пребывать? Думать так значило бы как будто забыть все уроки истории. Но, с другой стороны, либеральная риторика как прикрытие действительной власти и профессиональные знаменитости как люди, отвлекающие внимание народа от социальных проблем, создают для властвующей элиты удобную возможность ускользнуть от слишком пристального внимания широкой публики. Отнюдь не исключено, что как раз при нынешней исторической конъюнктуре она охотно предпочитает оставаться в тени.

V. Богатейшие из богатых

Многие американцы считают теперь, что огромные состояния создавались в Соединенных Штатах только до первой мировой войны, или считают, во всяком случае, что огромные американские состояния были навсегда подорваны экономическим крахом 1929 г. За исключением разве Техаса, говорят они, крупные богачи везде перевелись, а если они и существуют, то это просто люди, получившие свое богатство по наследству; они теперь уже состарились и скоро вымрут, оставив свои миллионы сборщикам налогов или покровительствуемым ими благотворительным учреждениям. Когда-то в Америке действительно имелись сказочно богатые люди; но эти времена миновали, и теперь все стали людьми всего лишь среднего достатка.

Такие представления не вполне соответствуют действительности. В качестве машины, производящей миллионеров, американский капитализм находится в гораздо лучшем состоянии, чем это представляется таким беспочвенным пессимистам. Среди американцев есть еще очень много сказочно богатых людей и

просто миллионеров; кроме того, с тех пор как США приспособили свою экономику к задачам ведения второй мировой войны, их ряды пополнились "богачами" нового типа, обладающими новыми формами могущества и новыми прерогативами. Люди этих двух разрядов образуют вместе взятые прослойку американских богачей из мира корпораций, которая может поспорить в отношении богатства и могущества с любой прослойкой богачей, существовавшей когда бы то ни было и где бы то ни было.

1

Когда прослеживаешь процесс изменения представлений ученого мира о людях из сферы большого бизнеса, к которым принадлежат и крупнейшие американские богачи, то получается довольно забавная картина. В те времена, когда американская печать впервые открыла "великих моголов", этой темой занимались не только журналисты-"обличители", отдавшие свое перо делу разоблачения пороков и преступлений социальных верхов, но и авторы статей в академических журналах и академических исследований. В период кризиса 30-х годов, когда "бароны-разбойники" боролись со звериной яростью против всяких попыток ущемления их богатства и все больше покрывали себя бесчестием и позором, книга Густавуса Майерса, которой раньше никто не интересовался, стала "бестселлером" в серии "Современной библиотеки", а Мэтью Джозефсон и Фердинанд Ландберг оказались авторами, которых начали цитировать. Но сейчас, при консервативных умонастроениях ученого мира, характерных для послевоенного периода, "бароны-разбойники" превращаются в ученых сочинениях в деятелей, стоящих на страже государственных интересов в

промышленности. Крупные корпорации, отлично сознающие значение рекламы, обзавелись наукообразно написанными монографиями, посвященными истории их деятельности, — и колоритный образ "великого могола" превратился в образ героического хозяйственного деятеля, героя-созидателя, великие достижения которого являются благодеянием для всех; в образе этой возвышенной личности заправила корпораций черпают свое моральное право вершить и управлять и спокойное, твердое сознание правомерности всех своих действий, связанных с их хозяйской функцией.

Когда прослеживаешь эту смену академических оценок и представлений о деятелях большого бизнеса, то создается впечатление, что историки не способны были объять своим умом весь последний столетний период исторического развития страны и аккуратно рассматривали каждый из его отрезков сквозь политические очки любого и каждого правительства, существовавшего в это время.

Широко распространены две версии о происхождении огромных американских состояний теперь и в прошлом. Первая из этих версий, ведущая свое начало от обличительной литературы конца XIX и начала XX века, была

лучше всего изложена Густавусом Майерсом, работа которого как бы является громадным, составленным с педантичной скрупулезностью комментарием к утверждению Бальзака, что за каждым крупным состоянием кроется преступление. "Бароны-разбойники", как стали называть биржевых тузов после гражданской войны, набрасывались на людей, ищущих приложения своим капиталам, как толпа женщин устремляется субботним утром на дешевую распродажу. Они грабили естественные богатства страны, вели друг с другом экономические войны, вступали друг с другом во всякого рода союзы, наживались на всякого рода общественных и государственных экономических начинаниях и пускали в ход все и всяческие средства для достижения своих целей. Они заключали с железными дорогами соглашения об удешевленных тарифах, покупали газеты и подкупали редакторов, уничтожали независимые, конкурировавшие с ними предприятия, пользовались услугами квалифицированных юристов и именитых государственных деятелей для того, чтобы удержать свои права и обеспечить свои привилегии. В этих сильных людях действительно есть что-то демоническое; когда их именуют баронами-разбойниками, то это

больше чем фраза. Не существует, надо полагать, праведного экономического пути, ведущего к накоплению личного состояния в 100 млн. долл., — хотя, правда, в ходе достижения этой цели имеется возможность возложить применение неправомерных средств на других, так что руки стяжателя остаются чистыми.

Если не всякое крупное богатство является непременно бесчестно нажитым богатством, то всякое бесчестное богатство, наживать которое безопасно, непременно становится крупным богатством. Лучше, как известно, изъять посредством создания корпорации по 10 центов у каждого из 10 млн. граждан, чем изъять силой оружия по 100 тыс. долл. у каждого из 10 банков. И вместе с тем это безопаснее.

Такие обличительные изображения крупнейших богачей часто оспаривались. Критика этих концепций основывалась не столько на опровержении тех фактов, которыми они оперировали, сколько на доказательстве того, что подобные представления базируются на оценках, производимых с точки зрения формальной законности, нравственных начал и с точки зрения высоких требований, предъявляемых к человеческой личности. Критики полагали, что более правильно было бы

рассматривать дело с точки зрения экономических функций, которые "великие моголы" выполняли в свое время и в своей сфере деятельности. В этой концепции, которая была наиболее искусно изложена Йозефом Шумпетером, титаны богатства рассматриваются как люди, пребывавшие в центрах зарождения "непрерывного урагана новшеств", бушевавшего на протяжении всей эпохи расцвета капитализма. Люди острого ума, они ценой нечеловеческих усилий создавали и объединяли частные предприятия, служившие образцами применения новой производственной техники и новых финансовых инструментов хозяйствования или новых форм использования старой производственной и финансовой техники. Эта техника и соответствовавшие ей социальные институты являлись подлинным двигателем капиталистического прогресса, а "великие моголы", творившие их и управлявшие ими, определяли самый темп развития капитализма. Шумпетер объединяет, таким образом, теорию развития капитализма с теорией социальной стратификации, стремясь объяснить и, разумеется, восславить "созидательное разрушение" великих предпринимателей.

Эти контрастные образы — грабителя и

новатора не обязательно исключают друг друга. Многие из черт, представленных в обоих образах, могли соответствовать истине, ибо различие между двумя образами обусловлено преимущественно различием аспектов, в которых авторы, придерживавшиеся столь разных представлений, рассматривали создателей огромных состояний. Майерс преимущественно занимается выяснением правового аспекта; его интересуют нарушения законодательных норм и наиболее жестокие и грубые душевные особенности изученных им людей, Шумпетера же главным образом занимает роль этих людей в развитии техники и экономики на различных стадиях капитализма, хотя он тоже слишком склонен к поспешным и легковесным моральным оценкам, побуждаемый к тому убеждением, что в каждом поколении только люди незаурядного ума и энергии возносятся на социальную вершину теми движущими силами, которые, по учению Шумпетера, они же и творят.

Вопрос о крупнейших богачах – это лишь одна из сторон более обширной проблемы взаимозависимости между отдельными людьми и отдельными социальными институтами и зависимости тех и других от социальной структуры, в рамках которой они действуют. Если

люди иногда сами создают социальные институты, то социальные институты всегда отбирают и формируют людей. При изучении любого исторического периода мы обязаны соизмерять значение характера, воли, ума отдельных личностей со значением не зависящей от них общественной структуры, позволяющей им практически проявлять эти духовные особенности.

Такого рода проблемы невозможно решать путем ссылок на чисто личные особенности богачей, на их коварство или проницательность, узость мысли или решительность, природный ум или необычайное везение, фанатизм или сверхчеловеческую энергию. Такие суждения сводятся лишь к оперированию набором слов, отражающих различные моральные оценки деятельности людей, накопивших огромные богатства. Ни ссылки на безжалостный и незаконный образ действий (оценка, которой довольствуется Густавус Майерс), ни ссылки на дальновидное и искусное управление промышленностью — оценка, вполне, по-видимому, удовлетворяющая многих историков, — не могут служить объяснением механики образования огромных американских состояний: в них нет ничего, кроме морального

осуждения или апологии. Вот почему современные социальные психологи, объясняя возникновение какой-либо социальной и экономической прослойки, не довольствуются ссылками на духовные особенности отдельных лиц.

Более пригодный и более соответствующий современному мышлению ключ к объяснению интересующих нас явлений следует искать в объективных обстоятельствах. Необходимо разобраться в природе объективных возможностей обогащения, создаваемых развитием экономики, а также в личных особенностях, позволяющих и побуждающих людей рассматриваемой группы использовать эти возможности. Совершенно ясно, например, что для того, чтоб завоевать и сохранить почетное место среди морских пиратов, нужны совершенно иные личные качества, чем для преуспевания среди мирных овцеводов. Если же говорить об условиях американского капитализма, то так же очевидно, что в 1870 г. высокая карьера требовала иных качеств, чем качества, требуемые ныне, 80 лет спустя. Представляется поэтому довольно беспредметным искать ключ к пониманию процесса появления крупнейших богачей в тайных источниках их внутренней

жизни и их личных причуд.

Больше того, объяснение природы богачей как социальной категории ссылками на их индивидуальные особенности обычно оказывается тавтологией. Так, например, понятие "одаренности" чаще всего трактуется в обществе, где деньги представляют собой наивысшую ценность, как способность делать деньги; говорят же в США: "если ты такой башковитый, то почему ж ты не богач?" А так как мерилom способностей человека считается его умение делать деньги, то степень одаренности измеряется, конечно, размером богатства — и самый богатый всегда оказывается самым способным. Но если это так, то способности не могут служить объяснением богатства; оперировать фактом приобретения богатства как признаком одаренности, а потом ссылаться на одаренность для объяснения богатства — значит просто жонглировать двумя словами, под которыми подразумевается одно и то же явление: факт существования американских мультимиллионеров.

Понимание особенностей экономики времён юности Карнеджи имеет больше значения для объяснения его успехов, чем выявление того факта, что его мать была практичной женщиной.

Как бы ни был "безжалостен" Коммодоре Вандербильдт, ему не удалось бы завладеть железными дорогами, если бы политическая система того времени не была насквозь изъедена коррупцией. Представим себе, что закон Шермана был бы проведен в жизнь таким образом, что существование крупных корпораций было бы объявлено незаконным. Что стало бы тогда с крупнейшими американскими богачами — независимо от их духовных особенностей и качеств? Для того чтобы постичь причину появления американских мультимиллионеров, важнее разобраться в географическом распределении нефтяных источников и в особенностях американской налоговой системы, чем в душевных особенностях Харольдсона Хента; важнее получить представление о правовой системе, в рамках которой развивается американский капитализм, и о продажности представителей этой системы, чем о раннем детстве Джона Рокфеллера; важнее разобраться в особенностях технического прогресса при капитализме, чем рассуждать о безграничной энергии Генри Форда; важнее понять, какое влияние оказала война на потребность в нефти и какие она создала лазейки для уклонения от налогового обложения, чем установить

несомненную проницательность Сиды Ричардсона; важнее изучить механику возникновения торговых предприятий, охватывающих всю страну, и механику образования рынков массовых товаров, чем установить тот факт, что Вулворт отличался бережливостью. Может быть, и верно, что Джон Пирпонт Морган в детстве сильно страдал от чувства неполноценности; возможно, что его отец действительно полагал, что он никогда ничего не достигнет. Может быть, именно это породило в нем необычайное стремление к власти ради власти. Но все это не имело бы ровно никакого значения, если бы он жил в индийской деревне периода 1890-х годов. Чтобы понять, что представляют собой крупнейшие американские богачи, нужно прежде всего понять экономическую и политическую структуру страны, в которой они достигли богатства.

Для управления капиталистической экономикой как производственным аппаратом и машиной, делающей деньги, требуются люди разного склада; требуются усилия многих одаренных людей данной страны. Люди любого склада не в состоянии были бы скопить крупные состояния, если бы не существовало определенных условий экономического,

технического и политического порядка. Возникновение крупнейших американских состояний – это одна из сторон особой формы индустриализации, происходившей в особой стране. Эта форма индустриализации, базировавшаяся исключительно и только на частном предпринимательстве, дала возможность отдельным лицам занять такие стратегические позиции, что они могли господствовать над сказочно могучими средствами производства, сочетать силу науки и труда, контролировать отношения между человеком и природой – и на всем этом наживать миллионы. Не только анализ прошлого убеждает нас в том, что подобные условия индустриализации должны неизбежно порождать мультимиллионеров; мы легко можем предвидеть то же самое в отношении других, не прошедших еще стадию индустриализации стран и можем убедиться в справедливости нашей мысли, наблюдая иные формы индустриализации, отличные от наших.

Пример Советского Союза теперь ясно показал всему миру, что можно осуществить стремительно развертывающуюся индустриализацию, не прибегая к услугам частнособственнической прослойки мультимиллионеров. Индустриализация,

осуществляемая частными корпорациями (и сопутствующий ей факт накопления многомиллионных частных состояний), – это лишь одна, но не единственная форма индустриализации страны. Однако в Америке обширный сельскохозяйственный материк был превращен в великую промышленную державу именно таким путем. И это был путь, который должен был давать и действительно давал возможность крупным стяжателям нажить огромные состояния, используя для этого самый процесс развития промышленности.

Благоприятные возможности использования процесса индустриализации страны для сколачивания огромных состояний складывались в США из множества обстоятельств и сил, которые не определялись и не могли определяться тем или иным духовным складом богачей или тем, что они делали? или не делали.

Сущность основных фактов, о которых идет речь, довольно проста. Существовал континент, изобиловавший нетронутыми естественными ресурсами. Туда переселились миллионы людей. Население неуклонно возрастало, и вместе с тем все повышалась и цена на землю. Рост населения создавал все расширяющийся рынок для сбыта товаров и одновременно приводил к увеличению

объема предложения рабочей силы. Так как сельскохозяйственное население росло, то емкость рынков сбыта, имевшихся у промышленников, не лимитировалась покупательной способностью людей, работавших на их заводах и шахтах.

Эти факты, относящиеся к населению и естественным ресурсам, еще не могли бы сами по себе привести к накоплению громадных состояний. Для этого еще нужна была сговорчивая политическая власть. Пересказывать здесь все анекдоты насчет беззаконий, прикрытых законом, и беззаконий, ничем не прикрытых, победоносно творившихся мультимиллионерами трех поколений, нет необходимости — они достаточно известны. Выразить в цифрах влияние этих мошеннических действий на процесс накопления громадных состояний нет возможности, так как мы не располагаем необходимыми сведениями. Но основные факты совершенно ясны: мультимиллионеры использовали существующие законы в своих интересах, обходили их и нарушали и добивались составления и проведения в жизнь новых законов, непосредственно служивших им на потребу.

Государство взяло на себя заботу о создании

условий для беспрепятственной реализации права частной собственности; оно узаконило существование корпораций и при помощи введения новых законов, при помощи соответствующих истолкований старых и воздержания от проведения некоторых законов в жизнь создало условия для укрепления и развития корпораций. Богачи получили, следовательно, возможность одновременно обделять под прикрытием корпорации множество махинаций и спекулировать чужими деньгами. Когда "тресты" были запрещены законом, закон о холдинг-компаниях легализовал их обходным путем, предоставив право одной корпорации владеть акциями другой. Вскоре оказалось, что "организация и финансирование холдинг-компаний открыли самый легкий и короткий путь к обогащению из всех когда-либо легально существовавших в США". В более позднее время, когда налоги были значительно повышены, сочетание приемов "списания налогов" путем искусственного завышения издержек и приемов искусственного подведения части доходов под прибыль от продажи долгосрочных активов, облагаемую по резко сниженным ставкам, способствовало накоплению личных состояний в тот период, когда они еще не

были объединены в форме корпораций.

Многие современные теории промышленного развития подчеркивают значение технического новаторства в процессе образования крупных состояний; однако число изобретателей, встречающихся среди крупнейших американских богачей, настолько незначительно, что его можно не принимать во внимание. Дело фактически обстоит так, что мультимиллионерами становятся не прозорливые изобретатели или выдающиеся промышленные организаторы ("капитаны промышленности"), а финансовые воротилы. В этом и состоит одна из ошибок теории "урагана новшеств" Шумпетера: она постоянно смешивает понятия прибыли, связанной с техническими новшествами, и прибыли, связанной с финансовыми махинациями. Чтобы сколачивать огромные состояния, требуются, как однажды заметил Фредерик Льюис Аллей, "не специальные знания, а коммерческая жилка в сочетании с умением управлять многомиллионными ресурсами и всей механикой депозитных и инвестиционных операций крупного банкирского дома, а также умение пользоваться услугами биржевых маклеров и ловких юристов из мира корпораций".

Чтобы понять, каким образом создавались

личные состояния крупнейших американских богачей, нам надлежит иметь в виду также и то, что индустриальное развитие США, базировавшееся на частной собственности, было сильно поддержано системой прямых государственных пожалований частным лицам за счет народного достояния. Как федеральное правительство, так и правительства штатов и муниципалитеты безвозмездно предоставляли землю для строительства железных дорог, оплачивали стоимость постройки судов и пересылку важных почтовых отправок. Крупным дельцам было бесплатно предоставлено гораздо больше земли, чем мелким, независимым фермерам, получившим землю на основе закона о гомстедах. Уголь и железо не были включены законом в число ископаемых, на которые правительство сохраняло права, если их обнаруживали в арендованной у государства земле. Государство содействовало развитию частной промышленности и тем, что оно долго сохраняло систему высоких пошлин на иностранные промышленные изделия. И если бы американские налогоплательщики не оплатили из своего трудового дохода строительство сети асфальтированных дорог, то Генри Форд при всей его прозорливости и бережливости не смог

бы нажить миллиарды на автомобильной промышленности.

Многообразные возможности приобретения частными лицами богатства и могущества создаются в условиях капитализма войнами. И надо сказать, что по сравнению со сложной механикой частного обогащения, действовавшей во время второй мировой войны, возможности стяжательства, существовавшие при прежних войнах, выглядят по своим результатам поистине ничтожными. В период 1940–1944 гг. частными корпорациями были получены первичные государственные заказы на сумму 175 млрд. долл. Эти огромные заказы дали им возможность контролировать все средства производства страны. Добрых $2/3$ этих заказов достались сотне крупнейших корпораций, причем около $1/3$ досталось фактически 10 частным корпорациям. Крупные компании, стало быть, нажились на продаже своей продукции казне. Этой сотне корпораций был обеспечен приоритет при распределении сырья и деталей; они имели право решать, какая часть сырья и деталей должна быть передана субпоставщиками, устанавливать число последних и выбирать их. Они получили благоприятные возможности расширения своих производственных мощностей в связи с

предоставлением им права начислять исключительно высокий процент амортизации (20% в год), и они получали исключительные налоговые льготы. Они имели возможность списывать стоимость оборудования по истечении 5 лет вместо обычного срока в 15–20 лет. Эти же корпорации, как правило, управляли и предприятиями, построенными во время войны государством, и они же получили преимущественное право "покупки" этих предприятий после войны на самых льготных условиях.

Стоимость всех производственных мощностей в обрабатывающей промышленности США составляла к 1939 г. около 40 млрд. долл. К 1945 г. к этому прибавились первоклассные новые заводы и оборудование стоимостью 26 млрд. долл., причем $\frac{2}{3}$ этой совокупной стоимости было непосредственно оплачено государством. В числе указанных дополнительных производственных мощностей стоимостью 26 млрд. долл. имелись производственные мощности стоимостью около 20 млрд. долл., пригодные для производства гражданской продукции. Если к прежним 40 млрд. долл. мы прибавим эти 20 млрд., то получится, что в послевоенный период можно

было использовать производственные мощности стоимостью 60 млрд. долл. В 1939 г. ведущим 250 корпорациям принадлежало около 65% существовавших тогда производственных мощностей; во время войны они эксплуатировали 79% всех созданных на государственный счет новых мощностей, управлявшихся частными компаниями. К сентябрю 1944 г. в их руках было сосредоточено 78% всей суммы действовавших первичных государственных заказов. Не удивительно, что за время второй мировой войны небольшие состояния превратились в крупные и вместе с тем появилось множество новых небольших состояний.

2

До гражданской войны только горстка богачей представляла собой подлинных мультимиллионеров американского масштаба; среди них особенно выделялись Астор и Вандербильдт. Лишь немногие из крупных состояний превышали 1 млн. долл. Джордж Вашингтон, например, оставивший в 1799 г. имущество, которое оценивалось в 530 тыс. долл., считался одним из богатейших американцев своего времени. К 1840 г. в Нью-Йорке и во всем штате Массачусетс было только 39 миллионеров. Слово "миллионер" фактически было придумано только в 1843 г., когда после смерти Питера Лорилларда (табак, банки, земельная собственность) газетам понадобился термин для обозначения большого богатства.

После гражданской войны эти люди, разбогатевшие в раннюю пору американской истории, стали общепризнанными родоначальниками знатных семей; общественный ореол, окружавший старинное богатство таких семей, имел веское значение в борьбе за престиж, происходившей внутри прослойки "четырехсот семейств" центральных городов. Наследники этих богатств впоследствии вошли в состав высших

экономических кругов из мира американских корпораций. Но все же надо сказать, что первые подлинно огромные американские состояния были созданы в процессе экономических сдвигов периода гражданской войны; они создавались средствами сильнейшей коррупции, являющейся, по-видимому, неизбежным спутником всех американских войн. Затем наступила эпоха, когда американский земледельческий и торговый капитализм превратился в промышленный капитализм. Этому процессу способствовали протекционистские тарифы, закон 1863 г. о банках и утвержденная в 1868 г. четырнадцатая поправка к конституции, которая впоследствии была истолкована таким образом, что санкционировала собой "корпоративную революцию". В период осуществления этих экономических и политических сдвигов первое поколение американских мультимиллионеров приобрело такие богатства, перед которыми померкло все, что было накоплено до этого. Пирамида богатства не только вытянулась вверх, но и стала — в своем верхнем секторе — заметно шире. К 1892 г. имелось — как это было указано в одном обзоре — по меньшей мере 4046 американских миллионеров.

В нашу эпоху — эпоху кризисов и войн —

ведутся споры о количестве огромных американских состояний, о степени их прочности и даже о самом факте их существования. Но примерно в конце XIX в: между историками не было как будто никаких разногласий по этим вопросам. В период между гражданской и первой мировой войной социальный вес "великих хозяев" необъятных состояний быстро нарастал.

Поколение крупнейших богачей, достигшее зрелых лет в 90-х годах прошлого столетия, мы будем в дальнейшем именовать первым поколением. Мы будем, однако, употреблять это выражение только для сравнения данного поколения с двумя последующими, из которых одно достигло зрелости примерно в 1925 г., а другое – к середине нашего века. Укажем также, что мы не ограничимся изучением материалов о 6 или 7 наиболее известных мультимиллионерах, с именами которых авторы учебников по истории США и собиратели анекдотов из биографий именитых людей связывали свои критические суждения или свое раболепное восхваление крупнейших американских богачей. Для характеристики каждого из этих трех последних поколений мы собрали сведения, касающиеся примерно 90 крупнейших богачей соответствующего поколения. В общем следует

сказать, что изучение этих трех списков (включающих в себя в общей сложности 275 мужчин и женщин, состояние которых составляло не менее 30 млн. долл.) дает нам возможность расширить существующие представления об американских богачах.

Среди этих крупнейших богачей есть выходцы из бедных и из богатых слоев населения, есть люди, проявлявшие (и проявляющие) в расходовании денег такое же неистовство, как и в их накоплении, и люди, столь же скаредные в расходовании денег, сколь и алчные в их приобретении. Мы находим здесь набожного баптиста, сына корабейника – Джона Д. Рокфеллера, создавшего династию, состоящую буквально из множества мультимиллионеров. Но вместе с тем мы находим здесь таких людей, как Генри О. Хавмейер, дед которого оставил ему 3 миллиона, и Генриетта Грин, которая еще в детстве научилась разбираться в финансовых разделах газет и умерла в возрасте 82 лет, оставив 100 млн. долл. Нельзя не упомянуть и Джорджа Ф. Бекера – питомца Гарвардского колледжа, которому в наследство достался пост председателя "Ферст нэшнел сити бэнк (Нью-Йорк)". Он каждое утро купался, брился и одевался на своем быстроходном крейсере,

приходившем с Лонг-Айленда на Уолл-стрит; в 1929 г. он с шестью другими банкирами мобилизовал четверть миллиарда долларов, тщетно пытаясь предотвратить экономический крах.

Крупные богачи существовали не только в прошлом, и не все они родом из Техаса. Правда, 5 из 10 крупнейших богачей, разбогатевших в наши дни, – техасцы, но среди 90 богатейших мужчин и женщин поколения 1950 г., относительно которых мы располагаем точными сведениями, техасцы составляют только 10%.

Популярная литература наших дней дает нам множество зарисовок баснословно богатых людей. Это люди различного происхождения – низкого и высокого; различного стиля жизни – веселого, печального, уединенного и компанейского; различных повадок – величественных и смешных. Но о чем говорят все эти зарисовки? Одни мультимиллионеры начинали свою жизнь в бедности, другие родились богатыми – но, спрашивается, что является типичным? И в чем секрет их успеха? Чтобы раскрыть эти вещи, необходимо вырваться за пределы биографии тех 6–7 магнатов из каждого поколения мультимиллионеров, про которых историки и биографы сообщили нам

бесконечное число анекдотов. Необходимо изучить данные, относящиеся к достаточно большому числу крупнейших богачей, чтобы быть уверенным в том, что мы имеем перед собой статическую совокупность, позволяющую строить общие выводы.

275 человек, относительно которых мы собрали сведения, представляют собой группу лиц, которые известны историкам, биографам и журналистам как богатейшие из людей, проживавших в США со времен гражданской войны; 90 из них — это мультимиллионеры поколения 1900 г., 95 — поколения 1925 г. и 90 — поколения 1950 г. Только в результате изучения подобных групп мы можем обрести возможность правильно ставить и с известной точностью решать интересующие нас простые — на первый взгляд — вопросы о типичном происхождении и типичной карьере крупнейших богачей.

Список мультимиллионеров 1900 г. возглавляет Джон Рокфеллер со своим миллиардом; список 1925 г. возглавляет Генри Форд (отец) со своим миллиардом; а что касается данных за 1950 г. (они, правда, не столь достоверны, как данные для других периодов), то имеются сведения, что Х. Л. Хант "стоил" "один или два миллиарда". О состоянии другого

техасца, Хью Рой Коллена, также сообщалось недавно, что оно достигает миллиарда. Эти три или четыре человека являются, вероятно, богатейшими из самых богатых людей в США; они единственные миллиардеры, относительно которых финансовые хроникеры абсолютно уверены, что они действительно миллиардеры.

3

Из трех последних поколений богатейших людей нет ни одного, в котором люди, выбившиеся из низов, составляли бы большинство.

На протяжении всей истории США, со времен гражданской войны до наших дней, процент крупнейших богачей, родители которых были мелкими фермерами, мелкими лавочниками, служащими или наемными рабочими, неуклонно уменьшался.

Среди нынешних мультимиллионеров люди, вышедшие из семей, располагавших такими средствами, которых хватало всего лишь для удовлетворения самых насущных нужд (или же иногда для обеспечения минимального комфорта), составляют только 9%.

Доля выходцев из среднего класса оставалась примерно одинаковой: в поколении 1900 г. таких людей было 2 из каждых 10 крупнейших богачей, в поколении 1925 г. — 3, а в поколении 1950 г. — снова 2. Но доля выходцев из низших классов вполне явственно и неуклонно изменялась в обратном направлении по сравнению с долей выходцев из высших классов. Даже в знаменитом поколении XIX в., о котором ученые историки рассказывают множество подробностей,

призванных подкрепить легенду о безграничных возможностях, существующих в Америке для человека из низов, процент выходцев из низших классов и из высших был среди крупнейших богачей одинаков (39%). И все же остается фактом, что в этом поколении 39% крупнейших богачей были выходцами из низших классов. В поколении 1925 г. удельный вес таких людей уменьшился до 12%, а к 1950 г., как мы уже указывали, до 9%. Представители же высших классов составляли в поколении 1925 г. 56%, а в поколении 1950 г. – 68%.

Реальная действительность и тенденция ее развития характеризуются в интересующей нас области тем, что пополнение самой богатой верхушки из мира частной собственности происходит за счет высшего класса. Богатство не только стремится увековечить себя, но, как увидим, стремится также монополизировать вновь возникающие возможности создания "колоссального богатства". В наше время 7 человек из каждых 10 крупнейших богачей являются выходцами из высших классов, 2 из 10 – выходцами из средних классов и только 1 из 10 – выходцем из низов.

Выходцы из "высших классов", которых мы находим в среде американских крупнейших

богачей, – это, как правило, сыновья крупных бизнесменов. Прослойка бизнесменов, крупных и мелких, никогда не превышала в США 8–9% всего самодеятельного населения; а если мы возьмем мультимиллионеров всех трех изученных нами поколений в совокупности, то обнаружим, что из каждых 10 человек 7 являлись сыновьями городских предпринимателей, 1 – сыном человека свободной профессии, 1 – сыном фермера и один – сыном служащего или рабочего. Эта пропорция оказалась очень стабильной на протяжении всех трех поколений. Крупнейшие богачи как поколения 1900 г., так и поколения 1950 г. были потомками предпринимателей; и надо отметить, что, достигнув огромного богатства, многие из них продолжают подвизаться (как мы увидим ниже) на "предпринимательском" поприще.

Среди владельцев огромных американских состояний насчитывается 10% людей, родившихся за границей, хотя, правда, только 6% воспитывались за пределами США и иммигрировали сюда, уже будучи взрослыми. В поколении мультимиллионеров конца XIX в., достигшем полной зрелости к 1900 г., было, конечно, больше уроженцев других стран, чем в поколении 1950 г.

Около 13% богачей из поколения 1900 г.

родилось за границей (среди всего взрослого мужского населения США уроженцы других стран составляли в это время примерно 24%). К 1950 г. только 2% крупнейших богачей были родом из других стран (против 7% уроженцев других стран в составе всего белого населения страны).

Исторической колыбелью огромных американских состояний является, несомненно, восточное побережье страны. Большинство богачей, выросших в Америке (в среднем 8 из 10), – это уроженцы данного района. В поколении 1925 г. было примерно столько же уроженцев востока (82%), что и в поколении 1900 г. (80%). Однако к 1950 г. удельный вес уроженцев восточных штатов снизился до 68% (удельный вес уроженцев востока в общем составе населения тоже снижался в этот период), что представляет собой прямой результат появления мультимиллионеров с юго-запада, составлявших в 1950 г. 10% от всего числа крупнейших богачей – против 1% в поколениях 1900 и 1925 гг. Процент мультимиллионеров, выросших в районе Чикаго–Детройт–Кливленд, оставался в течение этого периода почти неизменным (16% – в 1900 г. и 19% – в 1950 г.).

Крупнейшие богачи происходят главным

образом из больших городов, особенно из крупнейших городов восточных штатов. В 1900 г. целых 65% американского населения все еще проживало в сельских местностях(а удельный вес людей, выросших на фермах, был значительно выше), но среди крупнейших богачей поколения 1900 г. выходцы из сельских местностей составляли всего 25%. В 1925 г. более 6 из каждых 10 мультимиллионеров являлись уроженцами центральных городов.

Подавляющее большинство американских мультимиллионеров – это коренные американцы, воспитывавшиеся в городах, выходцы из восточных штатов. По своему социальному происхождению они принадлежали к высокопоставленным семействам; подобно другим людям, вышедшим из среды провинциальной знати старой и новой формации и из прослойки "четырёхсот семейств" центральных городов, они исповедовали протестантскую религию. Около половины из них принадлежали к епископальной церкви, а 25% – к пресвитерианской.

Учитывая эти факты, мы должны были ожидать, и так оно обстоит в действительности, что крупнейшие богачи всегда имели более высокое образование, чем общая масса населения.

Даже в поколении 1900 г. 31% из них окончили колледжи; к 1925 г. доля лиц, окончивших колледжи, возросла до 57%, а к 1950 г. – до 68%. То обстоятельство, что преимущества людей в области образования являются, как правило, результатом преимуществ, связанных с социальным происхождением, ясно доказывается тем, что в каждом поколении образовательный уровень выходцев из высших классов всегда бывает выше, чем образовательный уровень лиц, принадлежащих к низшим классам. Среди выходцев из высших классов, числящихся в нашем списке мультимиллионеров 1900 г., имелось 46% лиц, окончивших колледжи, среди выходцев из низших классов – только 17%. Однако в третьем из рассматриваемых здесь поколений крупнейших богачей – поколении 1950 г. – разница в образовательном уровне уменьшилась: среди выходцев из высших классов здесь имелось 71 % лиц, окончивших колледжи, среди выходцев из средних и низших классов – 60%.

50% всех мультимиллионеров, учившихся в свое время в колледжах, были студентами колледжей Лиги Айви; почти треть из них училась либо в Гарварде, либо в Йеле, остальные в Принстоне, Колумбии, Корнелле, Дартмуте и

Пенсильвании; 10% посещали другие известные на востоке колледжи, такие, как Амхерст, Броун, Вильямс, Боудойн; 10% были студентами какой-либо известной технической школы. Остальные 30% учились в других колледжах и университетах Соединенных Штатов.

Преобладание в составе окончивших колледжи мультимиллионеров питомцев колледжей Лиги Айви является, разумеется, прямым следствием того, что большинство крупнейших богачей были выходцами из высших классов: чем выше удельный вес выходцев из высших классов среди мультимиллионеров, тем больше среди них доля лиц, окончивших колледжи Лиги Айви. В поколении мультимиллионеров 1900 г. питомцы колледжей Лиги Айви составляли 37% всех лиц, окончивших колледжи, в поколении 1925 г. – 47%, в поколении 1950 г. – 60%.

В 1900 г., когда выходцы из высших классов составляли только 39% всего числа мультимиллионеров, 88% этих выходцев из высших классов унаследовали состояния в полмиллиона долларов и больше (как правило – значительно больше). В поколении 1950 г. уже 93% состава этой группы мультимиллионеров получило свое состояние по наследству. Часто

говорят, что при нынешних налогах на наследство крупнейшие богачи лишены возможности открыто завещать своим детям состояние в 90–100 млн. долл., — и с узко юридической точки зрения это правильно. И все же значительная часть мультимиллионеров поколения 1950 г. состоит из наследников мультимиллионеров поколения 1925 г.; эта наследственная преемственность выражена в данном поколении фактически сильнее, чем во взаимоотношениях между поколениями 1925 г. и 1900 г. Несмотря на то, что 56% мультимиллионеров 1925 г. происходили из высших классов, только 33% из них были родственниками мультимиллионеров поколения 1900 г. А в поколении 1950 г. 68% мультимиллионеров происходили из высших классов и 62% из них имели родственников среди мультимиллионеров предшествующих поколений.

Больше того, в середине XX столетия легче стало в известном смысле передавать детям по наследству завоеванные человеком знатность и могущество, чем это было в 1900 г. или в 1925 г., так как в те времена условия пользования могуществом и знатностью не были еще так хорошо организованы и закреплены за твердо установленными кругами; прочная

наследственная передача могущества и знатности была тогда возможна лишь в форме передачи огромного личного состояния. В отличие от этого у крупнейших богачей 1950 г., как мы еще увидим, имеется множество путей и возможностей передавать своим детям стратегические позиции в том аппарате присвоения и стяжательства, каким являются высшие центры американского свободного частного предпринимательства — американские корпорации.

4

Праздный рантье не является и никогда не являлся господствующим типом в среде крупнейших американских богачей. Правда, процент рантье (и только рантье) значительно повысился среди них: в 1900 г. мультимиллионеры-рантье составляли 14%, в 1925 г. – 17, а к 1950 г. – 26% общего числа мультимиллионеров. По характеру времяпрепровождения 1/4 мультимиллионеров может быть ныне названа членами праздного класса.

И все же представлять себе типичного американского мультимиллионера как скрягу, занятого стрижкой купонов, или как пылкого прожигателя жизни было бы неправильно. Среди крупнейших американских богачей имеются и праздные скряги и деятельные расточители. Но не все скряги, с которыми мы сталкиваемся при изучении истории американских мультимиллионеров, были только рантье; они обычно так или иначе "трудились", чтобы увеличить стоимость тех купонов, которые им предстояло стричь,— или по крайней мере делали вид, что "трудятся", хотя к их услугам имелись люди, ведавшие их делами. И не все расточители

были просто расточителями; иные из них проматывали миллион и в то же время наживали 2–3 миллиона, ибо их мотовство часто совершалось в том царстве, где затеваются выгоднейшие спекуляции.

Мультимиллионеры-бездельники поколения 1900 г. принадлежали либо к третьему или четвертому поколению семейства Асторов, либо к третьему поколению семейства Вандербильтов. В своих поместьях они развлекались верховой ездой или катались на своих яхтах, между тем как их жены играли в крайне азартные (нередко) и всегда дорогостоящие светские игры. Среди мультимиллионеров 1925 г. рантье было лишь немногим больше, и притом значительную часть из них составляли женщины. Они вели не менее роскошный образ жизни, чем праздные мультимиллионеры предшествующего поколения, но теперь они были в меньшей степени сосредоточены в одних и тех же районах страны, и возникавший тогда мир знаменитостей уделял им меньше внимания, чем их предшественникам. Так как этим богатейшим женщинам не приходилось бороться за утверждение своего знатного положения в обществе (оно не могло подвергаться сомнению), то вместо светских дел они часто занимались "изящными искусствами"

или деятельно претендовали на подобные занятия. И некоторые из них действительно уделяли больше времени благотворительной деятельности, чем светским развлечениям или туалетам, что частично являлось результатом трезвых пуританских убеждений Джона Д. Рокфеллера, чьи накопления составили значительную долю состояния этих женщин.

В поколении 1950 г. удельный вес рантье (26%, как мы уже указали) и удельный вес женщин (70%) среди мультимиллионеров-рантье увеличился по сравнению с предшествующим поколением. Но эти праздные элементы не могут быть отнесены к одному и тому же социальному типу. Мы видим здесь современных искательниц приключений вроде Дорис Дюк и Барбары Хаттон, искусно (и не жалея средств) пытающихся теперь продлить свою молодость, но есть и люди вроде, например, миссис Аниты Мак-Кормик Блейн, которые ведут деятельный образ жизни, расходуя деньги и время на благотворительность и просвещение, мало участвуя в светской жизни. Тут и Хетти Сильвия Грин Уилкс, современное издание скряги, стригущей купоны, которая в детстве проводила каждое лето "в доме, где двери были постоянно на засове, а ставни закрыты и где ей постоянно

приходилось ложиться спать в половине восьмого, так как после этого часа в Грин-Хаузе не зажигали огня".

Однако история американских мультимиллионеров — это главным образом история мужчин, а не женщин: 80–90% крупнейших американских состояний всегда принадлежало мужчинам. Тот факт, что с течением времени процент мультимиллионеров, унаследовавших огромные состояния, в общем составе мультимиллионеров увеличивался, не означает, что все богачи стали "бездельниками". Мы видели, что 62% крупнейших богачей 1950 г. родились в семьях, связанных родственными отношениями с предшествующими поколениями крупнейших богачей, и все же только 26% из мультимиллионеров поколения 1950 г. являются по своему образу жизни богачами-бездельниками. И многие из мультимиллионеров, получивших свои богатства по наследству, всю жизнь работали, чтобы сохранить их или увеличить. Азарт большого бизнеса — вот та страсть, которая больше всего владела этими людьми.

И все же 26% крупнейших богачей нашего времени — это рантье и, стало быть, с экономической точки зрения более или менее праздные люди; другие 39% занимают высокие

посты в фирмах, принадлежавших тем семьям, из которых они вышли, или управлявшихся ими. Таким образом, рантье и "управляющие по наследству" составляют 65% крупнейших богачей нашего времени. Что же представляют собой остальные 35%, то есть люди, сами взобравшиеся на вершину богатства?

5

Если многие мультимиллионеры, родившиеся в семьях мультимиллионеров, всю жизнь работали, то совершенно очевидно, что мультимиллионеры, вышедшие из низших и средних слоев населения, не могли вести праздный образ жизни. Для того чтобы дотянуться до социальной прослойки крупнейших богачей, требуется, по-видимому, сделать определенную экономическую карьеру, имеющую две стержневые особенности: наличие в ней большого скачка и последующего периода накопления преимуществ.

I. Не существует, насколько мне известно, такого человека, который вступил в ряды американских мультимиллионеров попросту в результате того, что он откладывал излишек своего жалованья или заработка. Требуется непременно завладеть тем или иным путем такой стратегической позицией, которая дает возможность сорвать крупный куш; и надо, как правило, предварительно обладать крупной суммой денег, чтобы иметь возможность превратить ее в огромное богатство. Подготовка к прыжку может совершаться иным человеком медленно и постепенно, но все дело в том, сумеет

ли он в нужный момент оказаться в положении, позволяющем ему воспользоваться решающим шансом, который он подстерегал. Математически доказано, что человек, получающий 200–300 тыс. долл. в год, не в состоянии скопить – если даже отвлечься от налогов, если даже допустить, что он будет жить в лачуге и отказывать себе во всем, – огромное по американским масштабам состояние.

II. Коль скоро человек, движущийся к великому богатству, совершил свой "большой прыжок", коль скоро он реализовал свой главный шанс, то для него начинается период "накопления преимуществ". Констатация этой закономерности является всего лишь иной формой выражения евангельской истины: "имущему дастся и умножится". Чтобы превратить значительное богатство в подлинно огромное богатство, он должен занимать такие позиции, которые дают возможность использовать этот закон накопления преимуществ. Чем крупнее его исходное богатство и чем крупнее "стратегическое" значение занимаемых им экономических позиций, тем больше и надежнее его шансы на умножение богатства. Чем больше он имеет, тем шире его кредит – то есть возможность пользоваться чужими деньгами – и, следовательно, тем меньше ему приходится

рисковать ради дальнейшего накопления. И в конце концов наступает такой момент в накоплении преимуществ, когда риск фактически перестает быть риском и умножение богатства становится делом столь же надежным, как сбор государственных налогов.

Беспрерывное накопление преимуществ, совершающееся на самом верху пирамиды богатства, покоится на тех же закономерностях, что и порочный круг нищеты, существующий в самом низу. Надо иметь в виду, что процесс накопления преимуществ предполагает наличие объективных благоприятных возможностей и вместе с тем психологическую готовность использовать эти возможности. Подобно тому как экономические и социальные пути, связывающие людей из низов?, порождают у них апатию и отсутствие веры в себя, так и благоприятные экономические и социальные возможности людей из верхов порождают у них стремление к дальнейшему продвижению и уверенность в себе. Твердая уверенность в достижимости желаемого возникает из объективной возможности и в свою очередь порождает стремление непременно использовать эту возможность. Многократный успех порождает энергию, а постоянные мелкие неудачи ослабляют волю к завоеванию успеха.

Большинство мультимиллионеров поколения 1950 г., связанных узами родства с мультимиллионерами предшествующих поколений, появились на свет уже после того, как их родные совершили свой решающий прыжок,— так что механизм накопления преимуществ уже прочно вступил в действие. 39% крупнейших богачей поколения 1900 г., происходившие из высших классов, были избавлены от необходимости самостоятельно совершать этот критический прыжок, а некоторые из них, например Вандербильдты и Асторы, унаследовали к тому же и стратегические позиции, необходимые для дальнейшего накопления преимуществ, обеспечивающих в конечном счете обладание огромным состоянием. Отец Дж. П. Моргана оставил ему 5 млн. долл. и сделал его компаньоном банковской фирмы, прочно связанной с финансовыми концернами Европы и Америки. Таков был "большой прыжок" Дж. П. Моргана. Но накопление преимуществ пришло к нему позже, когда в качестве финансиста и маклера он стал давать займы чужие деньги, чтобы способствовать продаже акций и облигаций новых компаний или укреплению уже существующих компаний, и получил в качестве комиссионных достаточное

количество акций, посредством которых его фирма обрела в конце концов прочный контроль над новой корпорацией.

Эндрю Меллон, накопив при финансовой поддержке своего отца-миллионера опыт и деньги на лесном деле, стал затем совладельцем отцовского банка и расширил его до размеров всеамериканского банка. После этого вступил в действие процесс накопления преимуществ. Эндрю Меллон кредитовал новые предприятия, и особое значение для его карьеры мультимиллионера имел 1888 год, когда владельцы патентов на обработку алюминия уступили банку Меллонов долю в "Питтсбург радэкшен компани" (за полученные ими 250 тыс. долл., которые они использовали для постройки завода). Эндрю позаботился о том, чтобы эта компания осталась монополистом в области производства алюминия и чтобы Меллоны стали хозяевами в данной отрасли производства.

Никому, насколько мне известно, не удалось вступить в ряды американских мультимиллионеров всего лишь в результате медленного продвижения по административной лестнице в мире корпораций. "Многие из ведущих администраторов некоторых наших крупнейших корпораций, – заявил в 1953 г.

Бенджамин Ф. Фэрлесс, председатель совета директоров "Юнайтед Стейтс стил корпорейшн", — всю свою жизнь провели на административных постах, но не были в состоянии скопить хотя бы один миллион долларов. Мне это хорошо известно, потому что я сам являюсь одним из них". Если толковать это заявление таким образом, что заправилы крупных корпораций не становятся обычно миллионерами, то оно не соответствует истине: заправилы крупных корпораций *становятся* миллионерами. Но оно верно в том смысле, что они становятся миллионерами не потому, что они "специалисты" в области руководства промышленностью; оно верно в том смысле, что не промышленность, а финансы, не управленческая работа, а комбинации и спекуляции делают их, как правило, миллионерами. Заправилы корпораций, добравшиеся до самой вершины пирамиды богатств, не были просто администраторами, а политиками в сфере бизнеса и членами могущественных клик, занимавших такие позиции, которые позволяли им использовать для личной наживы механизм накопления преимуществ, действовавший в их корпорациях.

Очень немногие из тех, кто создал себе огромное состояние, провели большую часть

своей самодеятельной жизни в постепенных переходах с одной должности на другую, более высокую должность, внутри одной корпорации или в нескольких. Такое постепенное и медленное восхождение совершили всего лишь 6% мультимиллионеров поколения 1900 г. и 14% – поколения 1950 г. Но даже те, кто безусловно медленно двигался вверх по иерархической лестнице корпораций, в редких случаях, по-видимому, продвигались по ней благодаря административным талантам. Эти люди чаще владели талантами юристов – или же (такие случаи очень редки) талантами изобретателей.

Длительное восхождение приносит плоды только в том случае, если оно превращается в накопление преимуществ; подобное превращение часто является результатом слияния компаний. Слияние обычно происходит в тех случаях, когда сливающиеся компании относительно невелики, и оно часто скрепляется браками. Так обстояло дело, например, когда Дюпоны скупили акции своего крупнейшего конкурента – компании "Лафлин энд Рэнд", а Чарльз Коупленд, заместитель президента "Лафлин энд Рэнд", стал заместителем казначея у Дюпона и женился на Луизе д'Анбело-Дюпон.

Под медленным движением с поста на пост,

совершавшимся человеком, вышедшим впоследствии в мультимиллионеры, может скрываться также то обстоятельство, что он постепенно накапливал достаточный объем важной (недоступной другим) информации и приобретал достаточно связей, чтобы получить возможность с небольшим риском или совсем без риска спекулировать ценными бумагами. Именно поэтому поколение мультимиллионеров 1925 г. дает нам наибольший по сравнению с другими поколениями процент мультимиллионеров, совершивших длительное восхождение: в тот период существовали широкие возможности подобной наживы и правила спекулятивной игры не были еще такими сложными, какими они стали впоследствии.

Но какова бы ни была главная ставка, выигрыш которой дал возможность "чиновнику" из мира корпораций превратить свои капиталы в огромное богатство, он все равно становился обычно в тот или иной момент своего продвижения в мультимиллионеры таким же "предпринимателем", как и классические основатели огромных состояний, возникших после гражданской войны. Многие из таких администраторов из мира корпораций, как, например, Чарльз Нэш, покидали службу в

корпорациях и создавали собственные компании. Оказавшись наконец на вершине пирамиды богатства, многие из этих людей, особенно из поколения мультимиллионеров 1925 г., проявляли весь тот спекулятивный дух и даже в известной степени склонность к помпезной роскоши и великолепию, которые обычно ассоциируются у нас с представлением о баронах-разбойниках конца XIX в.

Экономическая карьера крупнейших богачей не является ни "предпринимательской", ни "чиновничьей". Больше того, многие из их среды, подвизавшиеся в качестве "управляющих по наследству", являются в такой же мере "предпринимателями" или "чиновниками", как и те, кто не получал большого наследства. Термины "предприниматель" и "чиновник" – это термины, вызывающие представления о людях из средних классов, и содержание этих терминов не может быть расширено таким образом, чтобы они выражали особенности карьеры людей из высших сфер американской экономической жизни.

Ведущий к заблуждениям термин "предприниматель" имеет одно значение, когда он применяется к мелким дельцам, и совсем другое значение, когда его применяют к людям, владеющим крупнейшими американскими

состояниями. Представление об основателе крупного состояния как об умеренном буржуа, создающем предприятие, которое под его умелым руководством постепенно расширяется, пока не становится крупной американской корпорацией, не соответствует действительности.

Когда говорят о предпринимателе классического типа, то предполагается, что в ходе ведения своего предприятия он рискует не только вложенными деньгами, но и всей своей карьерой; основатель же предприятия, совершивший свой "большой прыжок" и пустивший в ход механизм накопления преимуществ, открывающих ему путь к огромному состоянию, не подвержен, как правило, серьезному риску. Если же какой-либо риск и имеется, то обычно его принимает на себя кто-нибудь другой. В последнее время в роли "другого" выступало правительство США, как это было, например, в период второй мировой войны и при создании синдиката Диксона-Йэтс. Если делец средней руки задолжал 50 тыс. долл., то он может попасть в затруднительное положение. Но если человек ухитряется задолжать 2 млн. долл., то его кредиторы могут счесть за благо изыскать для него (если они в состоянии это сделать) какие-нибудь способы нажиться, чтобы он мог с ними расплатиться.

Бароны-разбойники конца XIX в. обычно учреждали или организовывали компании, становившиеся трамплином для тех денежных накоплений, которые открывали им путь в ряды мультимиллионеров. Действительно, 55% крупнейших богачей из поколения 1900 г. сделали первый шаг к достижению вершины пирамиды богатства в форме "большого прыжка", выразившегося в организации своих собственных компаний. Но в поколениях 1925 и 1950 гг. только 22% крупнейших богачей совершили свой решающий прыжок в такой именно форме.

Лишь очень немногие люди, принадлежавшие к одному из этих поколений, становились мультимиллионерами в результате энергичного руководства одной только крупной фирмой (или контроля над ней). Процесс накопления преимуществ требовал обычно поглощения других предприятий, то есть требовал финансовых маневров, завершавшихся организацией крупного "треста". Спекуляция ценными бумагами и юридическая изворотливость — вот главные орудия успеха таких высокоразрядных предпринимателей. Такого рода манипуляциями и изворотливостью они достигали позиций, позволявших им пустить в ход механизм накопления преимуществ.

Самой важной особенностью процесса образования огромных состояний является действие экономического механизма накопления преимуществ: тот, кто располагает большим богатством, тем самым приобретает множество стратегических позиций, позволяющих стяжать все новые и новые богатства. 65% всех нынешних мультимиллионеров подвизаются в предприятиях, полученных ими в наследство, или же просто живут как рантье на огромные доходы, получаемые от унаследованного богатства. Остальные 35% участвуют в высокой экономической игре более активно, хотя отнюдь не с большим риском, чем люди, которых обычно называют предпринимателями (более точно названных в эпоху позднего капитализма людьми, делающими экономическую политику в мире корпораций).

Существует несколько путей, ведущих к богатству. К середине XX в. трудности приобретения и удержания богатства, достаточного для того, чтобы пустить в ход механизм накопления преимуществ, ведущих на самую вершину, стали в США нарастать. Брак, приносящий деньги, всегда представляет собой весьма деликатное дело, а когда он приносит большие деньги, он часто бывает затруднителен и

порой ненадежен. Воровать, если вы еще не обладаете большими деньгами, — дело опасное. Если человек ведет действительно рискованную игру за богатство и делает это достаточно долго, то в конечном счете все будет зависеть от размера его капитала; если же он играет краплеными картами, то он действительно выиграет свой куш, или украдет его, или же достигнет этого обоими путями — в зависимости от того, как ему будет ловчей. Карьера человека, заботливо развившего мелкое предприятие и постепенно превратившего его в крупное, никогда не была типичной и преобладающей среди людей, сколотивших огромные американские состояния. И то же самое может быть сказано о карьере человека, медленно взбиравшегося по ступеням иерархической лестницы корпораций. Взобраться на вершину пирамиды богатства нелегко, и многие, пытавшиеся это сделать, свалились, не достигнув цели. Легче и безопаснее родиться на этой вершине.

6

В ранних поколениях мультимиллионеров все дело решал "счастливый куш", который обычно срывали при помощи чужих денег. В более поздних поколениях дело решает уже не "счастливый куш", а накопление преимуществ в мире корпораций, базирующееся на позиции, полученной в наследство от отцов и дедов. При изучении последних трех поколений мультимиллионеров эта тенденция выступает совершенно отчетливо: в наши дни только 9% крупнейших богачей происходят из низов.

Выходцы из средних классов составляют всего 23%, выходцы из высших классов – 68%.

Интегрирование экономики США развертывалось на континенте, изобиловавшем естественными ресурсами и быстро заселявшемся иммигрантами; оно протекало в рамках таких правовых и политических институтов, которые призваны были предоставить и могли предоставить частным лицам возможность осуществить это интегрирование. Они его осуществили. И в ходе выполнения своей исторической миссии по созданию (в интересах системы капиталистической наживы) основ современной индустрии и мира корпораций

некоторые из них стали обладателями огромных американских состояний. Они стали мультимиллионерами, живущими и действующими в рамках экономики, базирующейся на частных корпорациях.

В ходе практической реализации могущества, заложенного в их богатствах, и поисков орудий защиты последних мультимиллионеры включились в высшие корпоративные круги американской экономики XX в.; в этих кругах они ныне глубоко окопались. Не единоличные состояния мультимиллионеров, а крупные корпорации являются опорными конструктивными узлами системы частного богатства, с которыми различным образом связаны индивидуальные носители богатства и собственности. Корпорация — это источник богатства и опора непрерывной власти и привилегий богатства. Все люди и семьи, обладающие огромными состояниями, причастны в наше время к крупным корпорациям, в которые вложена их собственность.

Мультимиллионеры, получившие свои состояния по наследству, и мультимиллионеры, сами накопившие свои состояния, — обе эти группы, как мы видели, не превратились в праздный с экономической точки зрения класс

ленивых и изнеженных богачей. Есть, конечно, среди них и такие, но почти 3/4 крупнейших богачей нашего времени остаются в той или иной мере, в той или иной форме экономически активными. Их экономическая деятельность, несомненно, связана с корпорациями; она сводится к участию в учреждении корпораций, оперативному управлению и общему руководству корпорациями и к соучастию в их спекуляциях.

Процесс вступления богатейших семей в мир корпораций имел и другой аспект: в этом мире к ним присоединились профессиональные управляющие корпоративной собственностью, которые, как мы скоро увидим, и сами не лишены собственности и, в сущности, не образуют собой особой разновидности экономических деятелей, совершенно отличной от крупнейших богачей. Организационный центр имущих классов, безусловно, расширился, чтобы включить в себя наряду с силами, сосредоточенными в богатствах мультимиллионеров, новые силы. Система частной собственности, в которой богачи играют столь важную, решающую роль, усилилась в результате реорганизации методов управления собственностью. В этой системе появились новые, дополнительные силы, воплощенные в прослойке администраторов, подвигающихся внутри

отдельных крупных корпораций и в сфере их взаимных отношений, — администраторов, энергично защищающих общие интересы богачей из мира корпораций.

Мультимиллионеры — если говорить теперь об их положении в системе распределения общественного престижа — постепенно заняли главенствующее положение в прослойке "четырёхсот семейств" различных центральных городов. Из 90 крупнейших богачей поколения 1900 г. только 9 были включены в список, составленный в 1892 г. Уордом Мак-Аллистером, но примерно половина семей, числящихся в нашем перечне мультимиллионеров этого поколения, имеет потомков, значившихся в 1940 г. в "светских регистрах" Филадельфии, Бостона, Чикаго и Нью-Йорка. Крупнейшие богачи задают ныне тон среди "четырёхсот" центральных городов. Они принадлежат к их клубам; многие из них лично и почти все их дети учились в Гротоне, а затем в Гарварде или в аналогичных учебных заведениях. Из 15 достигших студенческого возраста сыновей 10 крупнейших богачей поколения 1900 г. (выделенных Фредериком Льюисом Алленом в качестве ведущих финансистов 1905 г.) 12 обучались либо в Гарварде, либо в Йеле; остальные три — в

Амхерсте, Броуне и Колумбии.

Мультимиллионеры не одни царят на вершинах зримых и всем известных иерархий. Но тот факт, что рядом с ними там имеются другие деятели и иерархии, действующие в мире корпораций и в государственной сфере, не означает, что их вытеснили. Экономические и социальные позиции мультимиллионеров не были подорваны. После кризиса 1929 г. и периода "нового курса" мультимиллионерам пришлось сотрудничать с квалифицированными юристами (как внутри очередных правительств, так и вне их), услуги которых имеют для них существенное значение по линии уклонения от высоких налогов, обхода различных препятствий, связанных с государственным регулированием, в области осуществления планов слияния и реорганизации руководимых ими корпораций, получения военных заказов и в деле обработки общественного мнения. Они научились маскировать безответственный, в основном, характер своей власти всеми и всяческими видами защитной окраски, разыгрывая из себя либо провинциальных парней, выбившихся в люди, либо "государственных деятелей, стоящих на страже государственных интересов в промышленности", либо великих изобретателей,

обеспечивающих народ работой и оставшихся вместе с тем простыми и славными ребятами.

Единственное, что изменилось, — это то, что мультимиллионеры стали теперь не так заметны, как они были заметны, например, для наблюдателей эпохи обличительной литературы конца XIX и начала XX века, давших нам последний из имеющихся в нашем распоряжении действительно всеобщих обзоров жизни и деятельности верхов американского общества. Отсутствие систематической информации и отвлечение внимания публики от ярмарки "человеческих интересов" приводит к тому, что нам начинает казаться, будто мультимиллионеры не играют больше в США никакой роли, и даже больше того — что они вообще не существуют. А между тем их все еще немало среди американцев, хотя многие из них скрываются в обезличенных организациях, с которыми крепко связаны их могущество, богатство и привилегии.

VI. Ведущие администраторы из мира корпораций

Многие из тех, кто склонен прославлять американскую экономику, исходят в своих суждениях и оценках из целой уймы смешных и путаных представлений о ведущих администраторах крупных корпораций. В системе свободного частного предпринимательства, говорят нам, появилась группа хозяйственных руководителей, совершенно отличных от "неотесанных предпринимателей старого закала", применявших в своей настойчивой борьбе за свои собственные, корыстные интересы беспощадные средства, характерные для той формы капитализма, которая уже давно отмерла. Эти руководители, занявшие командные позиции в сфере экономики, выступают ныне как доверенные управляющие, беспристрастные посредники и сведущие маклеры, защищающие множество экономических интересов, в том числе интересы миллионов мелких собственников, владеющих акциями крупных американских предприятий, и интересы наемных рабочих и потребителей, извлекающих пользу из великого современного потока товаров и услуг.

Этим администраторам, говорят нам, американцы обязаны холодильниками, стоящими у них в кухнях, и автомобилями, находящимися в их гаражах, а также самолетами и бомбами, которые охраняют их теперь от угрозы внезапного нападения. Все они или почти все — уверяют нас далее — поднялись из самых низов; это либо деревенские парни, сделавшие карьеру в большом городе, либо бедные иммигранты, приехавшие в Америку и теперь наслаждающиеся фантастическим успехом, который возможен только в этой стране. Это знающие и толковые люди, сделавшие Америку великой страной. Ведущим администраторам корпораций — часто говорят нам, — этим одаренным, прямодушным, честным людям следовало бы доверить управление государством, ибо только в том случае, если б власть находилась в руках подобных людей, в США не было бы коррупции, растрат, проникновения корыстных и преступных элементов в государственный аппарат. Словом, политика превратилась бы из грязного ремесла в пристойное занятие.

Однако в кругах, умеющих несколько более критически судить об общественных явлениях, об администраторах из мира корпораций, говорят довольно нелестные вещи. Нельзя отрицать в

конечном счете, что они могущественные люди и притом довольно необычного типа, но на чем основано это могущество? Они не являются собственниками корпоративных предприятий – и все же вершат их дела. Если их интересы полностью отличаются от интересов подлинных собственников, то в чем они заключаются? Не совершили ли эти ведущие администраторы незаметную революцию сверху, революцию управляющих, и не изменила ли их революция само содержание категории собственности? Короче говоря, не случилось ли так, что старые экспроприаторы экспроприированы ныне своими наемными управляющими? Допустим, что главные администраторы – это доверенные лица, защищающие самые разнообразные экономические интересы, но какие инстанции проверяют, насколько честно и удачно они осуществляют доверенные им функции? И почему им, а не государству, находящемуся под контролем свободных избирателей, должна принадлежать роль доверенного управителя, беспристрастного посредника, опытного маклера, примиряющего противоречивые интересы и противоборствующие силы?

Как хвалебные, так и отрицательные суждения об администраторах из мира

корпораций обычно неверны и в одинаковой степени противоречивы. Хвалебные оценки часто представляют собой всего лишь детскую болтовню, рассчитанную на экономически безграмотных людей; отрицательные — часто основываются на некоторых слишком поспешных выводах из немногих простых фактов, касающихся масштабов, организации и значения частной собственности в США. Дело в том, что и в положительных и в отрицательных мнениях о высших экономических кругах часто игнорируется один простой факт: ведущие, администраторы и крупнейшие богачи не представляют собой двух отличных друг от друга и четко обособленных групп. Они весьма основательно переплетаются между собой в мире корпоративной собственности и привилегий; чтобы постичь природу каждой из этих групп, нам надлежит изучить кое-какие явления, наблюдающиеся в социальных верхах того мира корпораций, в котором они подвизаются.

1

Корпорации — это организованные центры системы частной собственности; их ведущие администраторы выполняют функции организаторов этой системы. Как хозяйственные деятели, они одновременно являются и творением и творцами корпоративной революции, которая, если говорить коротко, превратила собственность из орудия, находящегося в руках работника, в сложный инструмент, при помощи которого осуществляется власть над трудом работника и из труда этого извлекается прибыль. Мелкий предприниматель уже не является решающей фигурой в экономической жизни Америки; и во многих секторах народного хозяйства, где еще существуют мелкие производители и торговцы, они изо всех сил борются (и должны бороться, чтобы не погибнуть) за создание торгово-промышленных ассоциаций или добиваются, чтобы правительство ограждало их интересы, подобно тому как корпорации ограждают интересы крупной промышленности и крупных финансовых учреждений.

Американцы склонны считать себя самым индивидуалистическим народом в мире, а между тем обезличенные корпорации достигли у них

наивысшего развития и проникают в настоящее время во все области, во все мелочи повседневной жизни. Менее чем 0,2% всех компаний, действующих в обрабатывающей и добывающей промышленности США, предоставляют ныне работу половине всех людей, занятых в этих основных сферах промышленной деятельности. Вся история американской экономики со времен гражданской войны является под этим углом зрения историей создания и укрепления этого корпоративного мира централизованной собственности.

I. Если мы проследим историю развития любой из ведущих отраслей промышленности, то убедимся, что конкуренция между множеством мелких производителей чаще всего наблюдается в начальный период ее развития. Затем начинаются всякого рода махинации и маневры, которые со временем приводят к объединению и слиянию. Из недр конкуренции, наблюдавшейся на ранней стадии развития, возникает "Большая пятерка" или "Большая тройка" (смотря по обстоятельствам), то есть небольшая группа фирм, делящая между собой всю прибыль, которую можно выкачать из данной отрасли, и оказывающая преобладающее влияние на решения, принимаемые в этой отрасли, и на

решения, касающиеся этой отрасли. "Власть, осуществляемая несколькими крупными фирмами, – писал Джон Голбрейс, – отличается от власти одной-единственной монопольной фирмы только своим объемом и полнотой ее осуществления". Если они конкурируют друг с другом, то не столько в области цен, сколько в области усовершенствования продукта, рекламы, упаковки. Ни одна из этих фирм не определяет самодержавно политику всей отрасли, но вместе с тем эта политика уже не определяется стихийно прежним, никому не подвластным рынком, на котором господствовала свободная конкуренция. Теперь на карту ставится слишком много, чтобы такой примитивный метод мог являться общим правилом. Решения становятся (либо в открытой, либо в скрытой форме) решениями опекунов, надзирающих за рынком; "Большая тройка" или "Большая четверка" в той или иной форме согласовывает между собой важнейшие из осуществляемых решений. Это не предполагает обязательно наличия прямого сговора и безусловно не требует доказуемого сговора. Важно то, что, принимая решение, каждый крупный производитель учитывает при этом возможную реакцию других крупных производителей.

II. В процессе укрепления корпораций многие предприниматели-собственники и даже наемные управляющие проявляют себя как люди слишком узкого кругозора, не способные отделить себя от своей собственной компании. Этих людей, не способных вырваться за пределы собственного делового опыта и собственных интересов, постепенно сменяют такие управляющие, которые в меньшей степени связаны интересами единичной фирмы. Людям, подвизающимся в высших сферах корпоративного мира, заправляющим делами крупных корпораций, приходится расширять свой кругозор, с тем чтобы стать подлинными представителями целой отрасли промышленности, а не просто руководителями тех или иных крупных промышленных фирм. Короче говоря, они должны быть способны подняться из сферы политики и интересов отдельной компании в сферу интересов и политики всей отрасли промышленности. Некоторые из этих заправил делают еще один шаг: из сферы интересов и устремлений отдельной отрасли промышленности они поднимаются в сферу интересов и устремлений всего класса владельцев крупной корпоративной собственности.

Переход от защиты интересов отдельной

компании к защите интересов целой отрасли, а также всего класса крупных корпоративных собственников облегчается тем обстоятельством, что собственность богачей из мира корпораций до некоторой степени рассеяна между различными корпорациями. Самый факт распределения этой собственности между крупнейшими богачами и главными администраторами крупных корпораций способствует сплочению класса богачей. Ибо надо иметь в виду, что система объединенного контроля над многими корпорациями, осуществляемого с помощью различных узаконенных приемов, лишила экономической власти мелкую, но не крупную собственность. Крупная собственность "рассеяна" внутри весьма узкого круга; администраторы и собственники из мира корпораций, являющиеся органической частью класса крупных собственников, вышедшие из его недр и проникнутые его интересами, не могут защищать только узкие интересы отдельного предприятия – их интересы связаны со всем классом крупных корпоративных собственников.

III. 6,5 млн. человек, владевшие в 1952 г. акциями корпораций, привлекающих средства широких слоев населения, составляли менее 7%

всего взрослого населения США. Но дело не только в этом, — эта цифра может сама по себе ввести в заблуждение. Важно, во-первых, установить, к каким социальным разрядам принадлежат люди, владеющие акциями. И важно, во-вторых, установить, как распределена между ними совокупная стоимость акций.

Укажем прежде всего следующее: 45% всего руководящего состава корпораций, 26% всех специалистов и 19% среднего административного персонала владеют акциями. Но из всей массы неквалифицированных рабочих только 0,2% владеют акциями, из всей массы полуквалифицированных рабочих — 1,4%, из мастеров и квалифицированных рабочих — 4,4%. 98,6% всех промышленных рабочих совсем не имеют акций.

Укажем, во-вторых, что из 6,5 млн. человек, владевших в 1952 г. какими-либо акциями, только 1,6 млн. (25%) получили из всех и всяческих источников годовой доход в сумме не ниже 10 тыс. долл. Мы не знаем, какую долю в этих 10 тыс. долл. составили дивиденды, но можно полагать, что в среднем она была невелика.

В 1949 г. около 165 тыс. человек, или примерно 0,1% всего взрослого населения США,

получили 42% всех прибылей корпораций, поступивших в распоряжение отдельных лиц. Минимальный годовой доход этих людей составил в 1949 г. 30 тыс. долл. Представление о действительно широком распределении доходоприносящей собственности есть не что иное, как сознательно распространяемая иллюзия: основной массой акций, приносящих дивиденды, владеет самое большее 0,2 или 0,3% всего взрослого населения страны.

IV. Крупнейшие корпорации — это не ряд изолированных гигантов, пребывающих в блестящем одиночестве. Они связаны между собой через открыто существующие ассоциации, действующие в тех отраслях и районах, в которых протекает деятельность этих гигантов, а также в рамках сверхассоциаций, вроде, например, Национальной ассоциации промышленников. Эти ассоциации сплачивают воедино управленческую элиту и прочих богачей из мира корпораций. Экономические силы, имеющие узкую сферу действия, они превращают в силы общепромышленного и общеклассового значения. И они используют эти силы, во-первых, на экономическом фронте, например в сфере отношений с рабочим классом и его организациями, и, во-вторых, на политическом

фронте, что сказывается, например, в той крупной роли, которую они играют в сфере политики. И вместе с тем они прививают своим рядовым членам из среды мелких бизнесменов идеологию "большого бизнеса".

Когда такие ассоциации оказывались недостаточно оперативными вследствие появления противоречивых направлений, в них возникали клики, пытавшиеся определить их программы и политику. Так, например, в высших деловых кругах и в их ассоциациях долгое время наблюдались трения между "старой гвардией" грубых консерваторов, с одной стороны, и "дельцами-либералами" или утонченными консерваторами — с другой. Старая гвардия выражает точку зрения и интересы — хотя, правда, не всегда разумно понятые — более узких экономических группировок. Либеральные дельцы представляют точку зрения и интересы более современного класса богачей в целом. Их называют "утонченными", потому что они проявляют больше гибкости в процессе приспособления к таким фактам политической жизни, как "новый курс" и существование крупных рабочих организаций, и еще потому, что они заимствовали и использовали в своих собственных интересах господствующую в

общественной жизни Америки либеральную фразеологию и пытались в общем возглавить или даже слегка опередить движение новых сил, а не бороться с ним, как это привыкли делать грубые консерваторы.

V. Рост и взаимное переплетение корпораций привели, если говорить кратко, к выдвижению более искушенной и дальновидной управленческой элиты, которая ныне обладает известной автономией по отношению к любой ограниченной группе собственнических интересов. Ее власть – это власть собственности, но за этой собственностью уже не всегда (и даже не в большинстве случаев) скрывается узкий и легко различимый разряд людей. Эта собственность является с точки зрения реальных особенностей управления ею собственностью целого класса.

И было бы в конце концов странно, если бы в стране, столь преданной частной собственности, в стране, где ее теперь так много накопилось (и притом в атмосфере, которая за последние 50 лет часто бывала враждебна ей) и где люди, стоящие во главе экономики, обладают, как нам постоянно твердят, самыми выдающимися в мире административными и организаторскими способностями, – было бы странно, если бы эти

люди не сплотились, а толькоплыли по течению, пассивно обороняясь от повседневных атак.

VI. Сплочение сил, наблюдаемое в мире корпораций, рельефно выступает в том факте, что в нем существует тщательно разработанная система взаимопереплетающихся директоратов. Выражение "взаимопереплетающееся руководство" – это не пустая фраза. Оно говорит нам о важной особенности современной экономической жизни и о социологических корнях общности интересов, единства взглядов и политики, существующих в среде имущего класса. Всякий обстоятельный анализ любой из крупных отраслей экономической деятельности, и особенно тех ее отраслей, которые связаны с политикой, приводит нас к факту существования такого единства. Самый осторожный вывод, не переоценивающий значение системы взаимопереплетающихся директоратов, должен быть таков, что эта система позволяет людям, причастным к интересам богачей из мира корпораций, обмениваться мнениями в удобной и более или менее официальной форме.

Действительно, если бы такой системы не существовало, то нам пришлось бы заподозрить, что существуют менее официальные, хотя и вполне успешные средства и формы контакта. И

надо сказать, что статистические данные о переплетающемся руководстве не являются прямым показателем единства, имеющегося в мире корпораций, и наличия согласованной политики корпораций: согласованная политика может осуществляться (и осуществляется) и там, где нет общих директоров, так же как наличие общих директоров не обязательно подразумевает координированную политику.

VII. Большинство нынешних корпораций из числа владеющих капиталом в 30 с лишним миллиардов долл., возникло еще в XIX в. Непременными предпосылками их развития служили не только машинная техника, но и такие простые с современной точки зрения орудия управления, как пишущие машинки, арифмометры, телефоны, скоропечатные машины, а также, разумеется, развитие транспорта. В наше время техника электронных средств связи и получения информации настолько развилась, что имеется полная возможность дальнейшей централизации. Телевидение и электронные счетные машины дают возможность подчинить контролю человека, распоряжающегося в центральной конторе, огромное множество производственных агрегатов, как бы ни были децентрализованы эти

технические единицы. Функция контроля и увязки работы аппарата современной корпорации, построенного по принципу многообразной специализации, неизбежно упростится.

В мире корпораций имеется тенденция укрупнять хозяйственные объединения, связав их многообразной управленческой сетью, гораздо более централизованной, чем нынешняя. Производительность баснословно возросла и еще больше возрастет, особенно тогда, когда автоматизация даст возможность объединить различные машины таким образом, чтобы намного сократить в сфере производства потребность в человеческом контроле над механизмами по сравнению с нынешней потребностью.

Это означает, что администраторам корпораций не потребуется больше управлять громадными коллективами людей; они, говоря словами журнала "Бизнес уик", будут скорее управлять "великими коллективами механизмов, требующих все меньше и меньше людей".

Укрупнение корпораций не являлось и не является неизбежным; можно с уверенностью сказать, что огромные размеры современных корпораций не обусловлены всецело

требованиями, связанными с повышением производительности. Многие специалисты считают, что размеры, типичные для нынешних корпораций-гигантов, уже превышают размеры, вытекающие из требований роста производительности. По правде сказать, взаимозависимость между размером корпорации и ее эффективностью совершенно не изучена; более того, масштабы современной корпорации в большей мере обусловлены слиянием финансовых и управленческих функций отдельных предприятий, чем требованиями технической эффективности. Но как бы мы ни решали вопрос о закономерности процесса укрупнения корпораций, факт таков, что крупные американские корпорации походят сегодня скорее на государство в государстве, чем на обыкновенные частные предприятия. Американская экономика стала в основном акционированной экономикой; и в недрах этой акционированной экономики заправила из мира корпораций прибрали к своим рукам технические новшества, собрали воедино уже существовавшие крупные капиталы, так же как и менее значительные, распыленные богатства, и превратили в капитал будущие доходы. Самый ход технических переворотов стал определяться

финансовыми интересами и политикой корпораций. Корпорации распоряжаются сырьем и патентами на изобретения, облегчающие превращение этого сырья в готовые изделия. Они содержат самых высокооплачиваемых и (если судить по этому признаку) самых одаренных в мире юристов для того, чтобы они разрабатывали и совершенствовали их стратегию и способы защиты. Они используют людей в качестве производителей товаров и услуг, и они же производят все то, что эти люди покупают в качестве потребителей. Они одевают и кормят этих людей и инвестируют их деньги. Они производят оружие, которым эти люди сражаются на войне, и финансируют рекламную шумиху и реакционную пропагандистскую свистопляску, довлеющие над этими людьми со всех сторон в военное время и в межвоенные периоды.

Их частные решения, сознательно принимаемые в интересах автономного на феодальный манер мира частной собственности и прибылей, определяют масштабы и формы национальной экономики, уровень занятости, покупательную способность потребителя, уровень цен рекламируемых товаров, каналы капиталовложений. Не "финансовые заправилы с

Уолл-стрита" или банкиры, а крупные собственники и администраторы владеют в своих самофинансирующихся корпорациях ключами к экономическому могуществу.

Не профессиональные политики из состава "видимого" правительства, а заправилы корпораций, представленные либо лично, либо через своих эмиссаров в официальном политическом руководстве страной, сосредоточили в своих руках власть и обладают всеми средствами для охраны привилегий своего корпоративного мира. Если они официально не царствуют, то зато фактически управляют многими жизненно важными областями повседневной американской жизни, и нет таких сил, которые оказывали бы им стойкое и успешное сопротивление. И как люди, сформировавшиеся и выдвинувшиеся в мире корпораций, эти властители не выработали в себе действенных моральных преград, которые ограничивали бы их корыстные устремления.

2

Мир корпораций существует всего лишь на протяжении жизни двух поколений, но даже в течение этого короткого времени он отобрал и сформировал людей особого духовного склада, выросших в этом мире и вместе с ним. Что же это за люди? Нас не интересует здесь основная масса администраторов корпораций или некий средний администратор (если такое понятие вообще что-нибудь означает и объясняет). Нас интересуют люди, которые пребывают в верхах корпоративного мира. И мы выделим их в соответствии с критерием, который они сами применяют при определении относительного веса каждого из них, то есть под углом зрения занимаемых ими командных позиций.

Руководящая верхушка из мира корпораций — это люди, занимающие высшие посты в 100 (или около этого) крупнейших по своему обороту и капиталу корпорациях. Таких постов имеется в каждой из этих корпораций два или три. Если мы составим перечень крупнейших корпораций за какой-либо год, охватывающий все отрасли промышленности, а из их командного состава выделим президентов и председателей советов директоров, то мы получим список ведущих

администраторов из мира корпораций. Мы имеем 6 или 7 тщательных исследований (охватывающих период последних 100 лет), посвященных администраторам подобного ранга.

Что представляют собой высшие администраторы крупных корпораций? Особую породу людей или просто случайный набор американцев? Образуют ли они, как , сказал бы Бальзак, законченный социальный тип или являются только носителями стандартных черт всякого преуспевающего американца? Высшие администраторы крупных компаний не представляют и никогда не представляли собой случайного набора американцев; это совершенно однородный социальный тип, тип людей, отличающихся исключительными преимуществами по линии социального происхождения и образования; их подлинный образ не соответствует тем стереотипным представлениям, которые о них сложились.

Заправила корпораций 1950-х годов — это не деревенские парни, добившиеся успеха в городе. Всего лишь 35% из них родились в деревне, хотя в те времена, когда они появились на свет (1890-е годы), в сельских местностях проживало 60% всего населения. "В старое доброе время" процент выходцев из деревни был в этой среде еще ниже.

И даже в 1870 г. только половина ведущих администраторов корпораций были уроженцами сельских местностей, хотя в годы их рождения (1820-е годы) деревенские жители составляли 93% всего населения страны.

Они не иммигранты (бедные или богатые) и даже не сыновья иммигрантов, разбогатевших в Америке. Около половины всего числа главных администраторов ведущих корпораций 1950-х годов принадлежало к семьям, обосновавшимся в Америке еще до революции (что приблизительно совпадает с удельным весом семей с подобным сроком проживания в Америке в общем составе населения). По сравнению с 1870 г. этот процент, безусловно, снизился: в 1870 г. 86% главных администраторов ведущих корпораций были выходцами из семей, обосновавшихся в Америке в колониальный период. Среди заправил корпораций, подвизавшихся в Америке со времен окончания гражданской войны до наших дней, лица, родившиеся за границей, составляли всего лишь 8%; в составе ведущих администраторов 1950 г. их было 6%, между тем как в те годы, когда появилось на свет это поколение, удельный вес лиц, родившихся за границей, в общем составе населения равнялся 15%? Доля сыновей иммигрантов (иммигрантов второго поколения) в

общем составе ведущих администраторов из мира корпораций нарастала – особенно в новейших отраслях торговли и в сфере массовых средств развлечения и общения; но она все еще ниже удельного веса этой прослойки населения во всем населении страны. Свыше 75% ведущих администраторов 1950 г. – это коренные американцы, появившиеся на свет от коренных же американцев.

Они принадлежат преимущественно к протестантской церкви, причем удельный вес епископалов и пресвитерианцев по сравнению с баптистами или методистами среди них более высок, чем среди протестантского населения в целом. Процент евреев и католиков среди них меньше, чем среди американского населения в целом.

Эти американцы – горожане, белокожие, протестантского вероисповедания – родились в семьях, принадлежавших к высшим классам и к высшим прослойкам средних классов. Их отцы были в большинстве своем предпринимателями: 57% из них – сыновья бизнесменов, 14% – сыновья лиц свободных профессий, 15% – сыновья фермеров и только 12% являются сыновьями рабочих или низших служащих. Это происхождение из предпринимательской среды

особенно четко выступит перед нами в качестве признака, выделяющего и оттеняющего прослойку ведущих администраторов как особую группу, если мы вспомним, что в те времена, когда эти люди начинали свою жизнь, то есть примерно в 1900 г., предприниматели составляли лишь 8% всего самодеятельного населения США, а лица свободных профессий — только 3%. "Фермеры" (какой расплывчатый термин!) составляли тогда 25% всего населения; удельный же вес рабочих и служащих составлял почти 60%, то есть был в 5 раз выше, чем в группе ведущих администраторов из мира корпораций.

Следует, кроме того, указать, что по роду занятий их родителей социальный состав ведущих администраторов, подвизавшихся в Америке со времен гражданской войны до наших дней, оставался в основном однородным, если не считать некоторого снижения доли лиц фермерского происхождения. В любой отрезок этой эпохи более 60% (обычно ближе к 70%) ведущих администраторов из мира корпораций являлись выходцами из семей предпринимателей и лиц свободных профессий и не более 10–12% были выходцами из семей рабочих и низших служащих. Среди ближайших предков ведущих администраторов 1950 г. мы находим (по

отцовской линии) только 8% рабочих и служащих, несмотря на то, что при жизни их поколения рабочие и служащие составляли 57% всего мужского населения. 54% из них были предпринимателями (или людьми свободных профессий) – и это было в те времена, когда удельный вес этих разрядов во всем составе мужского населения составлял не более 9%; 33% были фермерами или плантаторами, что приблизительно равняется удельному весу этих разрядов во всем мужском населении тогдашней Америки.

Мы видим, следовательно, что семьи, из которых вышли ведущие администраторы современных крупных корпораций, на протяжении по меньшей мере двух поколений имели мало общего (если говорить о группе в целом) с рабочими и служащими. В самом деле, это в основном семьи горожан, занимавших видное положение в провинциальном американском обществе. И только 2,5% всего числа ведущих администраторов, которым в 1952 г. было менее 50 лет (то есть младшей поросли этого племени), вышло из рядов рабочих.

Еще в 1870 г. 1/2 всех ведущих администраторов из мира корпораций состояла из лиц, окончивших колледжи, между тем как среди

взрослых мужчин всей страны в целом доля лиц, окончивших колледжи, составляла тогда 1–2%. Среди нынешних администраторов доля лиц, окончивших колледжи (она составляет 60%), в 9 раз превышает соответствующий процент среди всего белого мужского населения в возрасте 45–55 лет (7%). Помимо этого, почти 50% ведущих администраторов получили после окончания колледжа дальнейшее регулярное образование: 15% – юридическое, 15% – техническое и еще примерно 15% окончило всякие другие курсы и школы.

В наше время, так же как и в прежние времена, типичные руководители крупных корпораций с самого рождения запаслись большим преимуществом: они ухитрились заполучить отцов, принадлежавших по роду занятий и размеру дохода по меньшей мере к высшей прослойке среднего класса. Они протестанты, белые, коренные американцы. Эти факторы, связанные с происхождением, непосредственно влекут за собой второе крупное преимущество: они получили хорошее образование, если понимать под этим регулярное обучение в колледже и после колледжа. Эта связь между происхождением и образованием вполне понятна: каждому ясно, что среди них, как и

среди всякой другой группы, которую мы избрали бы объектом изучения, лица более высокого происхождения имеют больше возможностей получить регулярное образование.

Оклады руководителей корпораций до некоторой степени различны в зависимости от отрасли промышленности, в которой эти корпорации функционируют, но в среднем 900 ведущих администраторов корпораций получали в 1950 г. годовой оклад в 70 тыс. долл. Самые высокопоставленные из них получали около 100 тыс. долл. Однако жалованье, как правило, не является для них единственным источником доходов. У каждого фактически крупного администратора имеется портфель ценных бумаг, постоянно пополняющийся новыми акциями. В мире корпораций существует много возможностей завоевания надежных позиций, но самое надежное — это положение владельца крупных частей акционерной собственности. Если заправилы крупной корпорации не имеют порой доли в той собственности, которой они управляют, то это означает, что они сознательно не хотят рисковать собственным капиталом. Когда прибыли корпорации высоки, ведущие администраторы все время получают высокие оклады и тантьемы. Когда дела идут не так

хорошо, их оклады зачастую остаются высокими, хотя, правда, тантьемы уменьшаются. Основная масса ведущих администраторов получает в наше время, помимо оклада, тантьемы — либо наличными деньгами, либо акциями, а зачастую в форме продажи им акций в рассрочку на несколько лет. В 1952 г. в числе наиболее высокооплачиваемых администраторов из мира корпораций фигурировали Кроуфорд Гринвальд, президент компании "Дюпон де Немур энд компани", получивший годовое жалованье 153 290 долл. и тантьемы в сумме 370 тыс. долл.; Гарольд Кертис, один из четырех вице-президентов "Дженерал моторз", получивший годовое жалованье в 151 200 долл. и тантьемы в сумме 370 тыс. долл.; Эйджен Грейс, президент "Бетлехем стил корпорейшн", получивший 150 тыс. долл. жалованья и 306 652 долл. в виде тантьем. Чарльз Вильсон, о жалованьи и акциях которого много писалось, оказался самым высокооплачиваемым администратором в американской промышленности: он получил 201 тыс. долл. жалованья и 380 тыс. долл. в виде тантьем плюс неустановленную сумму дивидендов.

Руководители корпораций не образуют собой "праздного класса", но это вовсе не значит, что

они не ведут роскошного образа жизни. Большинство из них к моменту достижения 50-летнего или 60-летнего возраста оказываются владельцами внушительных домов, расположенных обычно за городом, но не слишком далеко от места их работы. Иногда они имеют еще и городские дома – преимущественно в Нью-Йорке или Бостоне, реже в Лос-Анжелесе. В этом возрасте они получают крупные доходы в виде жалованья, а также в виде дивидендов, размеры которых могут быть не меньше жалованья, а то и больше. И в это примерно время у них появляются самые различные побочные интересы и занятия. Многие приобретают крупные фермы и разводят там породистый скот. Чарльз Вильсон, проживающий в Детройте и Вашингтоне, разводит на своей мичиганской ферме скот айрширской породы и собирается производить опыты с новой породой на своей плантации в Луизиане. Сайрус Итон разводит шортгорнскую породу скота. Эйзенхауэр, занимающийся этим делом в более скромных масштабах, соревнуется с ним, разводя породу абердин-ангус. Среди 3–4 тыс. лиц, владеющих громадными яхтами водоизмещением свыше 15 т, заведомо имеется много администраторов из мира корпораций. Есть среди

них даже любители поохотиться верхом с собаками, да еще облачаться при этом занятии, подобно мистеру Джорджу Хемфри, в красный камзол. Многие руководители корпораций проводят свой досуг за городом и немало времени посвящают охоте. Некоторые на собственных самолетах улетают в канадские леса, у других есть дачи где-нибудь в Миами или Хоб-Саунде.

Руководители корпораций не отличаются любовью к чтению, они ничего не читают, кроме руководств по управлению предприятием и детективных романов. "Подавляющее большинство ведущих администраторов из мира корпораций почти никогда не читает пьес, художественной литературы, философских и поэтических произведений. Те, кто рискует углубиться в эти сферы, явно принадлежат к редкостной разновидности администратора, и их коллеги относятся к ним со смешанным чувством благоговения и опасливой настороженности". Административные круги из мира корпораций не очень-то общаются с артистическим или литературными кругами. Мы находим здесь людей, которые возмущаются, если им приходится читать доклад или письмо длиннее чем в одну страницу, и такая нелюбовь к многословию в этой среде довольно обычна. К

длинным речам они почему-то относятся подозрительно (за исключением тех случаев, когда сами их произносят), да им, разумеется, и некогда их слушать. Они основательно усвоили деловой стиль эпохи кратких сводок и резюме, двухабзацных докладных записок. То, что им приходится читать, они предварительно отдают другим, которые отмечают несущественное и кратко излагают главное. Они больше склонны беседовать и слушать, чем читать или писать. Значительную часть своих знаний они приобретают на деловых совещаниях и в беседах с друзьями, работающими в других областях.

3

Если мы попытаемся проследить жизненные пути ведущих администраторов корпораций, то обнаружим, что люди эти подразделяются на несколько более или менее четко выраженных разрядов:

I. Одни из них — это предприниматели в строгом смысле этого слова, пустившие в ход или организовавшие предприятие на собственные или чужие средства; они растут как администраторы по мере того, как растет предприятие. Менее образованные, чем другие руководители корпораций, люди этого разряда начали, как правило, работать рано и за время своей работы переменили несколько компаний. По данным, старательно собранным Сюзан Келлер, такой путь прошло 6% всего числа ведущих администраторов состава 1950 г.

II. Некоторые из нынешних ведущих администраторов начали свою карьеру в компаниях, принадлежавших их родителям или родственникам, и заняли свои должности в порядке наследственной преемственности. В большинстве своем эти люди начинают работать в более позднем возрасте, чем другие администраторы, и чаще всего работают в одной

компании, в которой в конце концов и достигают высокого положения. Однако, прежде чем занять командный пост, им часто приходится работать в этой компании длительное время. Около 11% администраторов состава 1950 г. принадлежало к такого рода "управляющим по наследству".

III. Следующие 13% начали свою карьеру вне сферы бизнеса вообще; они начали ее в качестве лиц свободных профессий – преимущественно юристов. Они стали президентами или председателями правлений корпораций благодаря своей профессиональной работе – обычно после того, как они добились успеха на своем профессиональном поприще. С развитием акционерной формы экономической деятельности – отмечал Уильям Миллер – корпорациям пришлось, с одной стороны, вступить в соприкосновение с юристами, работающими в правительственных учреждениях, а с другой стороны – "пользоваться все чаще и чаще юридическими советами в повседневных деловых решениях. Потребность в такой консультации стала настолько велика, что после 1900-х годов высокооплачиваемые юристы центральных городов все почти без исключения переключились в основном на юридическое обслуживание бизнеса в ущерб своей

традиционной адвокатской деятельности; и многие из них поддавались на уговоры корпораций и становились штатными консультантами и даже администраторами корпораций". Успех корпорации зависит в наше время в значительной степени от максимального снижения ее налоговых платежей, от максимального расширения ее спекулятивных операций посредством всякого рода слияний, от завоевания контроля над правительственными органами, регулирующими деятельность корпораций, от ее влияния на центральные законодательные учреждения и законодательные учреждения отдельных штатов. Вот почему юрист стал центральной фигурой в крупных корпорациях.

IV. Через эти три формы начальной карьеры (самостоятельный предприниматель, администратор в семейном предприятии, лицо свободной профессии) прошло около 1/3 ведущих администраторов корпораций состава 1950 г. Жизненный путь остальных 68% не выходил за пределы мира корпораций и представляет собой многолетний период, заполненный переходами с одной ступени корпоративной иерархии на другую и из одного корпоративного круга в другой.

Два поколения назад люди, начавшие карьеру в качестве предпринимателей, составляли 36% всего состава ведущих администраторов – а в наши дни они составляют 6%; "управляющие по наследству" составляли тогда 32%, а ныне – 11%; доля людей, начавших свою карьеру в качестве лиц свободных профессий, за это время почти не изменилась (14% против 13). Вся карьера типичного крупного администратора складывается ныне из переходов, совершающихся внутри корпоративных иерархий и между ними; удельный вес людей подобной карьеры неуклонно и быстро повышался: с 18% в 1870 г. до 68% в 1950 г.

Если мы проанализируем особенности карьеры 900 лиц, стоявших в 1950 г. во главе крупнейших корпораций (это самая большая из всех групп современных руководителей корпораций, чьи карьеры подвергались исследованию), мы найдем, что большинство из них начало свою работу в крупных компаниях и что люди, не работавшие ни в какой другой компании, кроме той, которую они теперь возглавляют, образуют около трети всего состава. Значительное число работало в свое время в одной или двух других компаниях и более 20% – в трех-четырех других компаниях. В ходе своего

восхождения на вершины административной иерархии эти люди, следовательно, переступали обычно границы отдельных корпораций. Но даже в этих условиях средний возраст, в котором они поступили на работу в ныне возглавляемые ими компании, составляет 29 лет.

Как и можно было ожидать, судя по их образованию и происхождению, около 1/3 ведущих администраторов состава 1950 г. начинало свою работу в тех компаниях, которые они сейчас возглавляют, с административных постов. Более 1/3 (44%) начинало свою работу в различных "отделах". Следовательно, остальные 24% начинали в качестве клерков или рабочих. Не следует, однако, делать слишком поспешных выводов из этой цифры. Пребывание на низких должностях само по себе ни о чем не говорит, в особенности если мы примем во внимание происхождение и образовательный ценз этих администраторов. Прохождение кратковременной практики в качестве клерка или — еще лучше — в качестве простого рабочего на заводе, с тем чтобы "изучить дело", стало для некоторых семей и некоторых компаний своего рода ритуалом. Во всяком случае, многие из *главных* администраторов начинали с административных должностей; многие из тех, которые поступили в

свою корпорацию в более молодом возрасте, начинали работу в одном из специализированных отделов. Так, например, более 1/3 из числа ведущих администраторов, которым в 1950 г. было меньше 50 лет, работало до получения командных постов в отделах сбыта.

Таковы внешние факты, характеризующие карьеру ведущих администраторов корпораций. Но внешние факты, как бы мы их ни складывали, не могут дать представления о закулисной стороне крупной административной карьеры. Мы видели пока такие факты, как медленное продвижение по чиновно-бюрократической лестнице или же скачок от предпринимателя к администратору. Но здесь действовали и такие пружины, как подкуп, сильная протекция, маневры различных клик. Такие слова, как "предприниматель" и "чиновник", столь же мало способны выразить реальные пружины большой административной карьеры в мире корпораций, как и реальную механику завоевания огромных состояний. Они, как мы уже отмечали в главе о "богачейших из богатых", являются словами, пригодными лишь для изображения карьеры людей из среднего класса, и выражают ограниченные возможности этого класса.

Слово "предприниматель" ассоциируется у нас

с представлением о человеке, который, действуя в условиях постоянного риска и опасностей, организует предприятие на основе трезвого расчета и заботливо печется о его развитии в крупную компанию. Если же говорить о корпорациях 1950 г., то под "предпринимательской" деятельностью корпоративной элиты гораздо точнее будет понимать заключение всякого рода финансовых сделок, ведущих к слиянию одной группы предприятий с другой.

В наше время ведущие администраторы корпораций заботятся не столько о создании новых компаний, сколько об укреплении уже существующих. И, как указывал Роберт Гордон, они являются не столько людьми творческого склада, неумоимо идущими вперед, сколько специалистами по увязке решений, "визирующими решения, которые приходят к ним на подпись... от подчиненных; они проявляют все меньше и меньше инициативы".

В исследованиях, посвященных административной верхушке корпораций, такую карьеру обычно называют "чиновничьей", но если строго говорить, то это неверно. Чиновно-бюрократическая карьера в собственном смысле этого слова не означает всего лишь

постепенное восхождение по служебной лестнице. Это, несомненно, один из ее признаков; но вместе с тем такая карьера предполагает — и это более важный признак — получение определенной и специальной подготовки к каждой занимаемой должности. Обычно требуется пройти с этой целью специальный курс обучения и сдать экзамены, чтобы получить аттестацию. Понятие чиновно-бюрократической карьеры подразумевает также, что люди стараются получить более высокое жалованье, но никак не надеются получить в собственность хотя бы часть предприятия, не рассчитывают приобрести некую долю накопленной собственности данного предприятия с помощью тантьем, покупки акций в рассрочку, щедрой пенсии и страховых премий.

Слово "чиновник", применяемое для характеристики людей из высших звеньев администрации современных корпораций, так же вводит в заблуждение, как часто вводит в заблуждение слово "предприниматель", применяемое для характеристики крупнейших богачей нашего времени. Процесс умножения богатств кандидатов в крупнейшие богачи и процесс выдвижения будущих ведущих администраторов явно переплетаются между собой в мире "политики" корпоративных клик.

Если вы выдвинулись в отдельных иерархиях из мира корпораций и в сфере их взаимных отношений, то это просто значит, что на вас пал выбор вашего начальства — административного и финансового, — и не существует никаких точных, безличных правил выдвижения, которые были бы связаны с квалификацией или старшинством и были бы известны всем заинтересованным в этом лицам.

Люди, сделавшие карьеру в высших сферах корпораций, не являются ни "чиновниками", ни "предпринимателями"; эта среда состоит, с одной стороны, из денежных тузов (включая биржевых спекулянтов) и крупнейших американских богачей, а с другой — из администраторов, занимающих такие посты, которые дают им возможность "делать деньги". Богачи сами по себе уже не вправе были бы сказать в наше время то, что изрек в 1882 г. Уильям Вандербильдт: "Плевать на всех!" И профессиональные администраторы сами по себе тоже не могли бы этого сказать. Но те и другие вместе, как люди, образующие ряд всемогущих клик из мира корпораций, были бы вправе сказать все, что им угодно, — хотя, правда, в наши дни они слишком осторожны в своем обращении с общественным мнением, чтобы говорить такие вещи, да им и нет

надобности высказывать эту истину.

4

Существует, конечно, не одна форма организации корпоративной иерархии, но есть одно общее явление в мире корпорации, которое, по-видимому, имеет весьма широкое распространение. Этот социальный мир включает в себя прослойку No 1, пребывающую в самых верхах; ее члены, самолично или — все чаще — коллективно (в виде различных комитетов), отдают распоряжения и директивы прослойке No 2, состоящей из администраторов-исполнителей, и получают от них отчеты.

Крупнейшие богачи и ведущие администраторы образуют как раз эту прослойку No 1. Люди из прослойки No 2 несут персональную ответственность за определенное предприятие, завод, отдел. Они являются посредствующим звеном между рабочим аппаратом и правящей верхушкой, перед которой они ответственны. В их ежемесячных и ежегодных отчетах, представляемых правящей верхушке, рассматривается преимущественно ряд простых вопросов: получаем ли мы прибыль? Если да, то сколько? Если нет, то почему?

Прежняя практика вынесения решений отдельными ведущими администраторами

постепенно сменяется крайне громоздкой системой работы комитетов, обсуждающих вопросы, поставленные перед ними обычно работниками, не принадлежащими к руководству. Инженеры могут месяцами вести переговоры с работниками отдела сбыта насчет целесообразности внедрения, например, в производство бескамерных шин, пока ведущие администраторы соглашаются устроить совещание, посвященное практическому решению этого вопроса. Функция комитетов заключается не в том, чтобы выдвигать идеи, и даже не в том, чтобы самостоятельно выработать решения; они лишь высказывают свое суждение. В высших административных кругах корпораций эти суждения обычно касаются расходования денег в целях получения еще большей суммы денег, а также вопросов, связанных с тем, чтобы заставить других проделать требуемую для этого работу. "Управление" крупным предприятием в основном и заключается в том, чтобы заставить кого-то сделать что-то, с тем чтобы продать кому-то по цене, превышающей издержки производства. Джон Мак-Кэффрей, главный управляющий "Интернэшнел харвестер компани", недавно писал: "Он (президент любой компании) редко ломает себе голову над финансовыми или

юридическими вопросами или над вопросами сбыта, производства, техники, калькуляции... Когда перед ним возникают подобные проблемы, президент в состоянии мобилизовать для их решения энергию, специальные знания и накопленный опыт всей руководимой им организации". И, развивая свою мысль, Мак-Кэффрей высказывает то, что нарушает ночной покой ведущих администраторов: "Самое неприятное в управлении промышленностью заключается в том, что приходится иметь дело со множеством человеческих существ".

В средних звеньях аппарата управления корпораций эти "человеческие существа" представлены главным образом специалистами. "Мы весь день сидим за своими столами, — рассказывает далее Мак-Кэффрей, — и в это время вокруг нас кипит разнообразная деятельность специального характера, причем в некоторых ее отраслях мы разбираемся лишь смутно. И для каждой отрасли мы держим специалиста. Вообще говоря, иметь специалистов, несомненно, полезно. Все они как будто нужны, все они часто оказываются полезными. Но ориентация на специалистов дошла до того, что самым важным для президента является ныне умение в достаточной степени разбираться во всех этих

специальных вопросах, чтобы в случае возникновения какой-либо проблемы он мог поручить работу над ней именно той группе специалистов, которая справится с ней наилучшим образом... Но как он может отстаивать их интересы и по-настоящему продвигать их, когда они слишком узкие специалисты для того, чтобы поручать им руководящую работу. Компания, с одной стороны, безусловно, нуждается в технических знаниях специалистов, чтобы осуществлять свои сложные операции. С другой стороны, президенту приходится где-то черпать кадры будущих ведущих администраторов. И это "где-то" в значительной степени означает в недрах самой компании, если он вообще желает вести себя как порядочный и чуткий руководитель... Мы живем в сложном мире — в мире, где духовные и моральные проблемы являются еще более сложными, чем экономические и технические. Для того чтобы нынешняя система организации предприятий сохранилась и впредь, требуются люди, способные решать и те и другие проблемы".

Наиболее "чиновнические" элементы из числа администраторов и специалистов проводят свою деловую жизнь именно здесь, на ближайшей

после верхушки ступени иерархической лестницы, где люди из управленческой иерархии выполняют специальные функции, в которых чисто административная линия перекрещивается с оперативно-производственной. И не на верхи, а на прослойку No 2 ложится главная ответственность. Прослойка No 1 часто бывает слишком недосыгаема, чтобы ее можно было призвать к ответственности, и под ее началом находится слишком много людей, на которых можно переложить ответственность. Да к тому же, если это верхушка, то кто же в состоянии взыскивать с нее? Все это напоминает подразделение на "передовую линию" и "штаб", принятое в армии. Административная верхушка корпорации — это штаб; прослойка No 2 — передовая линия и потому действующая сила. Каждыймышленый армейский офицер знает, что, если вы хотите принимать решения и не нести никакой ответственности, — ваше место в штабе.

Среднему звену необходима специализация. Но специалист-оперативник не продвигается вверх; двигаться вверх может только человек "широкого профиля". Как это понимать? Это значит прежде всего, что специалист — это человек, не дотянувшийся до такого уровня

мышления, на котором все внимание нацелено на прибыль. Человек "широкого профиля", независимо от того, что именно он делает, обладает способностью ясно видеть, каким образом можно довести прибыль корпорации в целом до максимума — как в далекой, так и в близкой перспективе. Администратор, добирающийся до верхушки корпорации, и есть непременно человек широкого профиля, "специальность" которого соответствует конечной цели корпорации, заключающейся в доведении прибыли до максимума. Если о нем составилось мнение, что он добился осуществления этой цели, его карьера в мире корпораций обеспечена. Финансовая выгода является главным началом, вокруг которого вращаются решения, принимаемые в корпорациях, и чем выше должность, занимаемая администратором, тем больше внимания он уделяет финансовым проблемам предприятия.

И есть еще одно обстоятельство: чем ближе стоит администратор к административной верхушке, тем большее значение для его карьеры в мире корпораций приобретают его позиции в кликах, состоящих из крупных собственников, и его влиятельные политические связи. Этот факт, а равно и соображения, которыми руководствуются

заправила корпораций, привлекая новых людей, неплохо выражены в письме, написанном в 1945 г. Ламотом Дюпоном в ответ на предложение одного из администраторов "Дженерал моторз" ввести в совет директоров генерала Джорджа Маршалла. Дюпон отверг это предложение. "Соображения, побуждающие меня отвести его кандидатуру в члены совета директоров, таковы: во-первых, его возраст [генералу было тогда 65 лет]; во-вторых, отсутствие у него пакета акций и, в-третьих, отсутствие у него достаточного опыта в делах, связанных с управлением промышленными предприятиями". Альфред Слоан, председатель "Дженерал моторз", в общем согласился с этими соображениями, но затем добавил: "Я думаю, что генерал Маршалл может быть в известной мере нам полезен, если, получив новое назначение, выйдет в отставку при условии, что он останется в Вашингтоне; учитывая положение, занимаемое им в обществе и в правительственных кругах, и его связи, можно надеяться, что, когда он познакомится с нашим образом мышления, нашими целями и задачами, его пребывание на этом посту могло бы послужить фактором, смягчающим общее отрицательное отношение к большому бизнесу, в мире которого "Дженерал моторз" выступает не

только как прибыльное предприятие, но и как символ, воплощающий определенную идею. Мне кажется, что его назначение было бы оправдано и что в этом случае вопрос о возрасте не имел бы особого значения".

По поводу других назначений Слоан писал В. С. Карпентеру, крупному держателю акций Дюпона и "Дженерал моторз": "Джордж Уитней [директор "Дженерал моторз" и председатель компании "Морган Дж. П. энд компани"] является членом советов директоров нескольких промышленных организаций. Он часто бывает в обществе, так как живет в Нью-Йорке, где легко приобретается множество прочных связей. М-р Дуглас [Льюис Дуглас, член совета директоров "Дженерал моторз", председатель Общества взаимного страхования жизни, бывший посол в Англии] — это, можно сказать, необычайно общительная натура. Он, по-видимому, уделяет много времени самым разнообразным занятиям. Мне кажется, что такие люди должны внести в наши советы более свежую атмосферу, чем та, которая создается директорами компаний "Дюпон (Е. И.) де Немур энд компани" и "Дженерал моторз".

Или вот рассмотрим одну недавно разыгравшуюся интригу, дающую представление

о некоторых типах экономических деятелей, подвизающихся в высших кругах из мира корпораций. Роберт Янг – финансовый воротила и биржевик недавно решил устранить с поста Уильяма Уайта, управляющего "Нью-Йорк сентрэл рейлроуд", всю жизнь занимавшего административные должности на железнодорожном транспорте.

Янг добился своего – но не это, конечно, интересует нас в приведенной истории. Успех в мире корпораций достигается далеко не так, как это изображено в романе "Апартаменты администратора", где молодой человек с инженерными наклонностями выдвигается благодаря произнесенной им искренней речи об ответственности, лежащей на корпорациях. Янг воспользовался покровительством двух друзей, принадлежащих к ведущей группе крупнейших богачей; и, помимо этого, он сам, по имеющимся сведениям, получил за последние 17 лет свыше 10 млн. дохода – главным образом за счет прибыли на капитал. Его годовой доход значительно превышает 1 млн. долл., доход его жены составляет 0,5 млн. долл. – и они ухитряются сохранить после уплаты налогов 75% этой суммы. Но, с другой стороны, надо сказать, что ни в одном из известных нам произведений

художественной литературы мы не видим проблеска понимания реальных явлений, совершающихся в мире корпораций.

5

Когда преуспевшие администраторы оглядываются назад, на пройденный ими путь, они часто подчеркивают то, что они называют "элементом удачи". Но что это такое? Говорят, что Джордж Хэмфри положил себе за правило иметь возле себя "удачливых людей". Если расшифровать таинственное понятие "удачи", то окажется, что под ним кроется тот факт, что в мире корпораций совершается процесс накопления успеха. Если вы работаете успешно, то это доказывает, что вы удачливый человек, а если вам сопутствует удача, то на вас падает выбор людей, пребывающих в верхах, и, таким образом, вы имеете шансы добиться еще большего успеха. Изучая карьеру администраторов, можно часто видеть, как люди, вращающиеся в одной и той же сфере, выдвигают друг друга. Например, Хэмфри был членом консультативного комитета министерства торговли. Там он познакомился с Паулем Гофманом. Позднее, когда Гофман возглавил Администрацию европейского экономического сотрудничества, он протацил Хэмфри в руководство консультативного комитета по вопросам германской промышленности. Здесь он

был замечен генералом Клеем. Генерал Клей, конечно, знаком с генералом Эйзенхауэром. И, когда генерал Эйзенхауэр стал президентом, генерал Клей рекомендовал Хэмфри своему близкому другу, президенту Эйзенхауэру.

Существует еще один фактор, формирующий ту сеть дружеских отношений и взаимной поддержки, которую люди именуют "удачей". Это светская жизнь людей из мира корпораций. Имеется основание полагать, что известная доля служебной деятельности ведущих администраторов корпораций тратится на закулисные "политические маневры". Подобно любому политику, преуспевающий администратор, особенно если он уже добрался до вершины или близок к ней, стремится приобрести друзей, завязать прочные связи, и он тратит, надо думать, немало времени и труда на то, чтобы разгадать замыслы тех клик, которые он считает враждебными. Он пускает в ход свои козыри, и эта "игра" является, очевидно, одним из условий успешной карьеры людей из управленческой элиты.

Ведущие администраторы считают, что непрерывное существование их корпораций предполагает непрерывность их руководства или руководства людей, подобных им, то есть

подготовку преемников, которые не только обладали бы специальной выучкой, но и были бы проникнуты определенной идеологией. Знаменательны в этом отношении слова, недавно сказанные о человеке, занимающем высокий пост в крупнейшей в мире нефтяной компании: "Он в такой же степени является продуктом компании, как и 2 млн. баррелей нефтяных продуктов, которые она ежедневно выпускает". По мере того как будущие руководители корпораций продвигаются вверх, по направлению к центральному руководящему ядру, они становятся членами ряда клик, которые они часто туманно называют "упряжкой". Им приходится держать ухо востро. Они должны взвешивать различные точки зрения и остерегаться слишком поспешных суждений. Им надлежит приноровиться к деловой "упряжке" и к различным кликам, борющимся внутри корпорации. Если карьера данного человека является подлинно корпоративной карьерой, то для того, чтобы продвигаться, ему надо служить интересам корпорации, а это значит служить тем, кто правит ею и судит о ее интересах.

Карьера ведущего администратора разворачивается почти целиком в мире корпораций: из каждых 10 человек, занимавших

высшие административные посты в корпорациях на протяжении жизни последних трех поколений, только один человек (менее одного человека!) подвизался до занятия такого *высшего* поста в иных иерархиях или в качестве независимого деятеля одной из свободных профессий. Больше того, эта карьера все чаще делается в рамках одной корпорации: в 1870 г. более 6 из 10 администраторов, взобравшихся на верхнюю ступень административной лестницы, не работали раньше в той корпорации, где они заняли высший пост, а в 1950 г. почти 7 человек из 10 ведущих администраторов достигли высших постов именно в тех компаниях, где они работали до получения этих постов. Сначала вы становитесь вице-президентом, затем президентом. Вас должны хорошо знать, к вам должны хорошо относиться, вы должны быть своим человеком.

В высших сферах корпораций успешное продвижение отдельных людей, очевидно, зависит от существующих там принципов отбора и от способов применения этих принципов, практикуемых теми, кто уже стоит у власти. В мире корпораций выдвижение определяется оценкой начальства. Большинство руководителей корпораций весьма гордится своей способностью "оценивать людей"; но каково мерило, с помощью

которого они производят эту оценку? Применяемые критерии не отличаются четкостью и объективностью, они почти неуловимы, зачастую совершенно субъективны, и подчиненные часто воспринимают их как весьма спорные. Профессора, изучающие "психологические данные, необходимые для бизнеса", проявили много усердия по части изобретения еще более туманных мерил и поискам "психологических качеств администратора", но преобладающая часть этих "исследований" представляет собой бессмыслицу, не имеющую никакого отношения к реальной действительности. В этом легко убедиться, если проанализировать реально существующие критерии отбора, личные и социальные особенности людей, добившихся успеха, и их образ жизни, типичный для людей из мира корпораций.

В средних и низших звеньях административного аппарата корпорации часто преобладают объективные критерии выдвижения, связанные с умелым выполнением служебных обязанностей. Здесь имеется даже возможность составлять правила повышения по службе и объявлять их в обычном бюрократическом порядке. При таких условиях искусство и энергия

часто вознаграждаются независимо от соображений, связанных с выработкой так называемого "корпоративного характера". Но, когда работник менее высокого ранга становится кандидатом на высокий административный пост, от него уже требуют способности к здравым суждениям, широкого кругозора и прочих, менее осязательных особенностей "корпоративного характера". "Характер, – писал обозреватель журнала "Форчун", – и даже подобающая администратору внешность становятся в этом случае более важными качествами, чем чисто деловые дарования".

Часто приходится слышать, что решающее значение в деле выдвижения на высшие посты имеет практический опыт кандидата, но это весьма поверхностное представление, ибо сама возможность приобретения опыта, который может считаться достаточным для выполнения больших задач, требующих здравых суждений и осторожного маневрирования, именно и зависит от тех, кто находится на командных постах. Значение такого опыта часто маскируется ссылкой на существование некоего абстрактного, поддающегося воспитанию качества, именуемого "административными способностями". Однако многие из тех, кто был близок к высшим кругам

(но не принадлежал к ним), пришли к убеждению, что такой вещи скорее всего не существует. И если даже допустить, что такая отвлеченная способность существует, то только несведущий человек может думать, что это и есть то качество, которое требуется там, где делают высокую политику, или что кто-нибудь будет стараться набрать людей того сорта, которым платят по 200 тыс. долл. в год, для выполнения оперативно-управленческих функций. Для этого вы наймете человека, которому платят 20 тыс. долл. в год, или, еще лучше, обратитесь к фирме, консультирующей по юридическим и управленческим вопросам; и заправины корпораций, получающие по 200 тыс. долл. в год, так и делают. "Административные способности" этих людей как раз и состоят отчасти в том, что они сознают собственную неспособность и знают, где найти человека с соответствующими способностями и где взять деньги на его оплату. И, пока у нас нет точного определения понятия одаренности, необходимой для движения в мире корпорации — понятия, весьма широкого, — наиболее точным единичным определением надо считать следующее: это умение быть полезным начальству, от которого зависит ваше продвижение.

Читая речи и доклады администраторов о человеке того склада, который им требуется, неизбежно приходишь к простому выводу: этот человек должен уметь принаравливаться к тем, кто уже пребывает в верхах. Это значит, что он должен оправдывать ожидания своих старших начальников и товарищей по работе; что по своему характеру и политическим взглядам, по своим светским манерам и деловому стилю он должен походить на тех, кто уже принадлежит к числу избранных и от оценки которых зависит его собственный успех. Если талант – что бы под ним ни подразумевать – имеет значение для карьеры в мире корпораций, то только в том случае, если его замечают талантливые начальники. Особенность корпоративной этики такова, что люди из верхов не могут и не станут восхищаться тем, чего они не понимают и не могут понять.

Когда ведущим администраторам из мира корпораций задают вопрос: "Было ли у них "нечто такое", что дало им возможность возвыситься?" – они отвечают:

"Да, было". У них, говорят они, было "то, что обеспечивает успех". Следовательно, вся суть заключается в том, чтобы установить, что же обеспечивает успех. И единственный ответ,

который можно где-либо найти на этот вопрос, таков: умение здраво судить о вещах — в том смысле, в каком оно трактовалось выдвинувшими их здравомыслящими людьми. Высокую карьеру делает тот, кто пришелся ко двору, а пригодность подразумевает не подлинные знания — такая вещь, вероятно, не обязательно требуется для занятия высших административных постов, — а соответствие критериям, применяемым теми, кто уже преуспел. Чтобы ужиться с людьми из верхов, надо действовать подобно им, выглядеть, как они, думать, как они, быть одним из них и действовать за них — или по меньшей мере создать у них подобное представление о себе. В этом фактически и заключается суть того, что подразумевается под "созданием" (удачно найденное слово!) "хорошего впечатления". Это, и ничто другое, означает быть "надежным" человеком, надежным, как доллар.

Так как успех зависит от усмотрения определенного лица или клики, то критерии отбора, как правило, лишены определенности. Поэтому у людей, подвигающихся в высших сферах корпорации, но на вторых ролях, имеются достаточные побуждения и поводы к тому, чтобы внимательно изучать вышестоящих администраторов в качестве образца и

придирчиво (и с немалой тревогой) наблюдать за теми, кто занимает равное с ними положение. Они уже перешагнули ту ступень, где им приходилось доказывать свои технические способности и требуемые знания, деловой опыт и обычную респектабельность, обязательную для людей среднего класса. Все эти качества принимаются теперь как само собой разумеющиеся. Они находятся теперь в расплывчатом, зыбком мире высших и замкнутых кругов, с членами которых они должны вступить в особые отношения, отношения взаимного доверия. Не чиновно-бюрократические правила старшинства и не объективная проверка деловых качеств, а вера тесного круга людей в то, что ты свой человек и готов служить им, является неременной предпосылкой присоединения к высшим кругам.

В управленческом аппарате корпораций из многих званых в число избранных попадают лишь очень немногие. И попадают не столько в силу чисто личных достоинств, которыми многие из них фактически не обладают, сколько вследствие того, что их сочли полезными для "упряжки". Люди, дорожающие своей индивидуальностью, в этой упряжке не пользуются спросом.

Тех, кто начинал свою карьеру в верхах, с самого начала формировали люди со здравым смыслом и вся система их умственной тренировки была рассчитана на то, чтобы из них получились здравомыслящие люди. Им не нужно заботиться о том, чтобы казаться такими: они такие и есть, они образец здравого смысла. Тем же, кто начинал карьеру с низов, приходится хорошенько подумать, прежде чем рискнуть показаться человеком, для которого здравый смысл не является верховным руководителем. Если они хотят преуспеть, им приходится воспитывать в себе те качества, которые нужны для успеха в мире корпораций; сформировавшиеся под влиянием своей успешной карьеры, они тоже становятся олицетворением ее требований, может быть, более законченным, чем те, кто всегда пребывал в верхах. Таким образом, и низкая и высокая исходные точки карьеры выступают — каждая по-своему — как фактор отбора и формирования здравомыслящих людей с уравновешенными суждениями.

Критерии отбора и те данные, которые необходимы для того, чтобы приспособиться к ним и воспользоваться ими, — вот что важно для понимания духовного склада ведущих администраторов, а не просто статистические

данные о начале их карьеры. Механика корпоративной карьеры и заключенные в ней психологические влияния – вот что формирует людей из верхушки корпораций, а не просто внешнее чередование постов.

Так вот запомните: разговаривайте внушительно и плавно и не обременяйте внимания людей, стоящих выше вас, изложением деталей. Умейте вовремя поставить точку. Соблюдайте давно установленные правила ритуала вынесения решений. Не торопитесь обнародовать мнение, на котором вы остановились, и делайте это так, чтобы избитые истины прозвучали как глубоко продуманные идеи. Разговаривайте как спокойный, компетентный, деловой человек, и лично вы никогда не говорите "нет". Наймите людей, которые будут говорить "нет", а также и людей, которым будет вменяться в обязанность говорить "да". Будьте благожелательным человеком, неизменно оперирующим формулой "ну что ж, посмотрим", – и тогда все будут увиваться вокруг вас, преисполненные надежды. Укрощайте свои истинные чувства и страсти, скрыв их под личиной человека оптимистичного, практичного, дальновидного, сердечного, бодрого. Ничего не заостряйте. Ведите себя как человек с весом,

будьте уравновешенны. Доводите до карикатурного преувеличения те достоинства, которые другие в вас находят, но никогда не смейте сознавать это, а тем более показывать, что это вас забавляет. И никогда не давайте заметить, что вы умны.

6

Принципы, которыми руководствуются в корпорациях при выдвижении кандидатов на руководящие посты, осязательно обнаруживаются в программах подбора и обучения руководящих кадров, разработанных крупными корпорациями; они довольно ясно отражают критерии и суждения тех, кто уже добился успеха. Ведущие администраторы из мира корпораций очень озабочены ныне вопросом о формировании будущей административной элиты. Предпринимается множество попыток, направленных к тому, чтобы держать на учете тех людей помоложе из аппарата корпораций, которые лет примерно через десять могли бы вырасти в ведущих администраторов; корпорации пробуют нанимать психологов для выявления талантов или потенциальных талантов, стремятся организовывать соединенными усилиями нескольких компаний занятия для молодых администраторов и даже использовать наиболее известные университеты с тем, чтобы они создавали особые школы и курсы для будущих администраторов; одним словом — предпринимаются попытки, направленные к тому, чтобы сделать отбор управленческой элиты

регулярной отраслью деятельности крупной компании.

Почти половина крупных корпораций занимается в настоящее время подобной деятельностью. Корпорации посылают отобранных людей в избранные колледжи и коммерческие училища для прохождения специальных курсов, причем преимущество отдается Гарвардскому коммерческому училищу. Корпорации организуют собственные школы и курсы и часто включают в число их лекторов своих главных администраторов. Они разыскивают в крупных колледжах многообещающих студентов и организуют стажировку для лиц, отобранных в качестве потенциальных работников. Некоторые корпорации временами смахивают не столько на коммерческие предприятия, сколько на обширные школы для будущих администраторов.

Таковы те способы, при помощи которых союз "избранных" пытается ликвидировать нехватку административных кадров, обусловленную расцветом корпораций в 40-х и 50-х годах. Этому расцвету предшествовал период вялого спроса на труд (30-е годы), когда компании имели возможность подбирать администраторов из среды людей, обладающих

опытом. Во время войны некогда было заниматься подготовкой кадров, так что за счет всего периода от разгара кризиса 30-х годов до окончания войны создался 15-летний разрыв в ходе подготовки административных кадров для корпораций. Описанные выше обдуманые программы отбора и подготовки отражают собой также беспокойство, испытываемое главенствующими кликами из мира корпораций по поводу того, что администраторы, подвизающиеся ныне при них на вторых ролях, — люди менее широкого масштаба, чем они сами; программы отбора и подготовки призваны служить желаемому увековечению нынешних качеств корпоративной иерархии.

Корпорации разыскивают подходящих людей среди студентов старших курсов колледжей, подобно тому как студенческие организации старательно вербуют членов среди вновь поступающих. Колледжи в свою очередь все чаще и чаще включают в свои программы специальные курсы, которые считаются полезными для корпоративной карьеры. Имеются достоверные сведения, что студенты колледжей "готовы стать тем, кого желают иметь в их лице корпорации... Они стараются подхватить на лету всякие указания". Такое "проворство и восприимчивость

являются, вполне возможно, более важным качеством современного администратора, чем полученное им образование. Удача, очевидно, играет большую роль в процессе возвышения крупных администраторов, и эти молодые люди, по-видимому, готовы на все, чтобы поймать ее".

Установки корпораций легко узнать: как практиканты корпораций, будущие администраторы отбираются объединенной комиссией и назначаются на постоянную работу "только после того, как они пройдут серьезный инструктаж по вопросам, которые в совокупности порой называют "кругозором администратора". Этот инструктаж может продолжаться три года, а иногда и до семи лет. "Дженерал электрик компани", например, ежегодно принимает более 1000 человек, окончивших колледжи, и натаскивает их в течение по меньшей мере 45 месяцев, а обычно гораздо дольше, с помощью 250 штатных служащих компании. Множество людей наблюдает за ними; даже люди, равные им по положению, высказывают свое мнение о них, за что, говорят, практиканты очень им благодарны, так как они, таким образом, не остаются незамеченными. Обучение искусству "отношений с людьми" занимает центральное место в программе подготовки людей высокого

калибра. В курсе, посвященном "умению предстать перед людьми в выгодном свете", разработанном отделом подготовки торгового персонала при одной искушенной в рекламных делах корпорации, значатся такие темы, как "не говорите ничего спорного", "всегда можно заставить человека сделать то, что вам нужно".

В этой системе обучения, вращающейся вокруг вопросов взаимоотношений с людьми, все клонится к тому, чтобы переделать по определенному образцу мысли и чувства обучающегося. Не только специальные знания и навыки обучающегося, но и его чувства, привязанности, весь его характер должны развиваться в таком направлении, чтобы американский юноша превратился в американского администратора. Самый его успех будет означать, что его ум стал совершенно невосприимчив к заботам и воззрениям людей, находящихся вне мира корпораций. В тщательно продуманных учебных планах этих курсов уделяется внимание и светской жизни практикантов: чтобы сделать карьеру, надо вращаться в кругу своих коллег и начальников. Все принадлежат к одному братству: "ваша потребность в светском общении может быть удовлетворена, не выходя из орбиты

корпорации". Чтобы найти в этом кругу ту щель, через которую можно пробраться наверх, практикант должен уметь "извлекать выгоду из многочисленных знакомств, которые он может завязать при связанных с практикой переходах с одной работы на другую". Это также сознательно учитывается политикой корпорации в области подготовки руководящих кадров. "Если вы человек дошлый, — сказал как-то один ловкий практикант, — то, как только вы сориентировались в обстановке, вы начинаете трезвонить по телефонам".

О существующих программах подготовки администраторов много спорят в мире корпораций, и при этом выдвигаются всевозможные доводы "за" и "против". Но больше всего споров в кругах ведущих администраторов крупнейших корпораций вызывают программы, рассчитанные на очень узкий круг молодых людей, на "кронпринцев". Даже в наше время девять человек из каждых десяти молодых американцев не кончают колледжа, и в школы для подготовки администраторов их не принимают, хотя многие из них будут работать в корпорации. Какое же впечатление, спрашивают многие, производит такая система на тех, кто призван работать в корпорациях, но не

принадлежит к числу "избранных", к числу "кронпринцев". Надо ведь каким-то образом вдохнуть в будущих администраторов веру в свои силы, с тем чтоб они со временем могли по-настоящему взять в руки бразды правления, проникнутые надлежащими настроениями и тем здравым взглядом на вещи, который от них требуется.

Большинство опрошенных людей из состава небольшой, но влиятельной выборочной группы администраторов придерживается того воззрения, что ведущий администратор грядущих дней – это человек, "знающий технику управления, а не содержание того, чем он управляет", человек, умеющий "узнать все нужное путем консультаций со специалистами из разных областей, умеющий провести совещание, на котором решаются важные вопросы"... Он будет человеком, умеющим двигаться в "упряжке", человеком без всяких еретических идей, и он скорее будет руководить делом, чем самостоятельно двигать его. Или, выражаясь словами журнала "Форчун", подытожившего результаты этой дискуссии о желательном типе администратора: "Точку зрения большинства можно сформулировать примерно следующим образом: новые идеи, пересмотр общепринятых методов работы

нужны. Но это должно делаться людьми, которых руководитель нанимает с тем, чтобы они это делали для него. Следовательно, с этой точки зрения творческие способности, которые раньше считались качеством, обязательным для тех, кто делает политику предприятия, представляются ныне качеством, которое всего целесообразнее использовать в аппарате. Другими словами, обязанность главного администратора заключается не в том, чтобы самому смотреть вперед, а в том, чтобы сдерживать пыл тех, кому вменено в обязанность смотреть вперед. Он не является частью основного созидającego механизма — он управляет им". Один из руководителей корпораций выразил это следующим образом: "Мы привыкли раньше искать прежде всего блеска. Теперь особую важность приобретает слово "характер", которое часто неверно трактовалось. Нас не интересует, называетесь ли вы Фи Бета Капа или Тау Бета Фи. Нам нужен хорошо отшлифованный человек, умеющий обращаться с хорошо отшлифованным народом". Такой человек сам не творит что-либо новое. Он является лишь посредником, передающим по инстанции хорошо отшлифованные идеи; судьба их решается группой хорошо отшлифованных людей.

VII. Богачи из мира корпораций

Неверно, что американской экономикой управляют шестьдесят блистательных, широко разветвленных, похожих на кланы семейств; неверно также, что мы пережили некую незаметную революцию управляющих, отнявшую у подобных семейств их привилегии и власть. Те действительные перемены, которые неправильно выражаются формулами "шестьдесят семейств" и "революция управляющих", могут быть точнее выражены формулой, гласящей, что мы пережили реорганизацию системы управления собственностью имущих классов, в результате которой они превратились в более или менее однородный класс богачей из мира корпораций.

Мультимиллионеры, представленные отдельными лицами или целыми семьями, все еще являются в весьма значительной степени составной частью высших экономических кругов Америки; ведущие администраторы крупнейших корпораций также являются составной частью этих кругов. В чем сущность происшедших перемен? Она заключается, по-моему, в реорганизации класса богачей и прослойки высокооплачиваемых администраторов

корпораций, приведшей к образованию нового мира привилегий и прерогатив — мира современных корпораций. Существенное значение этой реорганизации системы управления собственностью имущих классов заключается в том, что благодаря ей узкие производственно-технические и коммерческие интересы отдельных фирм и отдельных отраслей превратились в более широкие экономические и политические интересы; они стали более похожими на подлинно общеклассовые интересы. Корпоративные центры богачей являются ныне носителями всех видов власти и привилегий, внутренне присущих институтам, базирующимся на частной собственности.

Новейшая социальная история американского капитализма не показывает сколько-нибудь явного нарушения исторической преемственности состава высшего класса капиталистического общества. На протяжении жизни каждого поколения этот класс, конечно, пополняется в известной мере людьми из других классов и вместе с тем обнаруживает известный (никем точно не установленный) процент убыли за счет перехода людей в другие классы. Удельный вес людей того или иного типа меняется в нем от одной эпохи к другой. Но при

всем этом мы имели на протяжении минувшего полувека удивительное постоянство интересов, олицетворенных (как в сфере экономики, так и в сфере политики) определенными разрядами высокопоставленных экономических деятелей, стоящих на страже указанных интересов и борющихся за их реализацию. В основном потоке исторического бытия высших классов Америки, складывающемся из нескольких сходных течений, мы ясно и определенно обнаруживаем на протяжении этих 50 лет постоянное наличие определенного круга людей, все особенности которого говорят нам о том, что перед нами непрерывно существующий круг богачей из мира корпораций. Этого и следовало ожидать, так как этот слой является ныне носителем основных форм могущества, заложенных в крупном богатстве, — независимо от того, покоится ли юридически это могущество на праве собственности или на власти, связанной с управлением собственностью.

Могущество богачей прежнего склада покоилось только на их непосредственной собственности, организованной в форме семейной собственности и сосредоточенной в определенной местности — обычно в одном из больших городов. Помимо этих людей класс богачей из мира

корпораций включил в себя и таких богачей, чьи высокие "доходы" связаны с привилегиями и прерогативами, ставшими непременными атрибутами высоких административных постов в корпорациях. Класс богачей из мира корпораций включил в себя, таким образом, прослойку богачей крупных городов из состава "четырехсот семейств", богачей всеамериканского масштаба, обладающих огромными семейными состояниями, а также руководящих администраторов крупнейших корпораций. В эпоху господства акционерной формы собственности имущий класс превратился в класс богачей из мира корпораций — и тем самым укрепил свое могущество и призвал на свою защиту новых людей, обладающих более резко выраженной административной и политической жилкой. Классовое самосознание людей из имущего класса стало определяться миром корпораций, который ими олицетворяется. В качестве людей, обладающих высоким общественным весом, они надежно укрепили свои привилегии и прерогативы, связав их с самым прочным из всех частных институтов, существующих в Америке. Они не просто богачи, а богачи из мира корпораций, так как во всем, что касается их денег, их привилегий, ценностей,

преимуществ, возможностей, они и прямо и косвенно зависят от мира крупных корпораций. Все богачи старинного склада включились ныне в той или иной степени в среду богачей из мира корпораций, и вместе с ними здесь пребывают привилегированные люди нового типа. В Америке наших дней фактически никто не в состоянии разбогатеть или оставаться богатым, если он не причастен так или иначе к миру корпораций.

1

Схема распределения национального дохода стала похожа в 40-х и 50-х годах XX в. не столько на пирамиду, поставленную на основание, сколько на двойную пирамиду, поставленную на вершину, с широким средним сечением. Удельный вес семей, получающих менее 3 тыс. долл. годового дохода, снизился (с учетом изменения цен и увеличения налогов) с 1929 г. по 1951 г. с 65% до 46%; удельный вес семей, получающих годовой доход от 3 до 7,5 тыс. долл., повысился за этот период с 29% до 47%; удельный же вес семей, получающих годовой доход в 7,5 тыс. долл. и выше, остался почти неизменным (6% — в 1929 г. и 7% — в 1951 г.).

Многие экономические факторы, действовавшие во время войны, и последовавший за войной бум, вызванный подготовкой к новой войне, дали возможность известному числу людей, обычно принадлежавших ранее по своим доходам к самым низким слоям населения, выдвинуться в ряды средних классов, а известному числу людей, обычно принадлежавших ранее по своим доходам к среднему классу, выдвинуться в ряды высшей прослойки средних классов или в ряды высших

классов. Изменения в распределении доходов затронули, таким образом, средние и низшие слои населения, которые нас здесь, конечно, непосредственно не интересуют. Нас интересуют высшие классы; факторы же, оказавшие влияние на систему распределения национального дохода, не внесли никаких изменений в коренные явления, относящиеся к положению и значению крупных богачей.

На самой верхушке американской экономики середины XX в. пребывают 120 человек, получающих ежегодно доход в миллион и более долларов. Ступенькой ниже стоят 379 человек, ежегодный доход которых составляет от 500 тыс. до 1 млн. долл. 1383 человека получают от 250 тыс. до 500 тыс. долл. Еще ниже расположена более широкая прослойка – 11 490 чел., получающих от 100 тыс. до 300 тыс. долл. годового дохода.

В 1949 г. объявили сборщикам налога годовой доход в 100 и более тыс. долл. в общей сложности 13 822 человека. Проведем границу, отделяющую богачей из мира корпораций, открыто объявивших подобные размеры дохода, от остального населения, именно на этом уровне – 100 тыс. долл. в год и более. Цифра эта не является совершенно произвольной. Дело в том,

что имеется одно обстоятельство, относящееся к ромбовидной структуре распределения национального дохода, которое остается в силе независимо от того, какое количество людей пребывает в каждом из ее секторов. Обстоятельство это, особенно относящееся к средним и высшим секторам, таково: чем крупнее общая сумма годового дохода, тем выше в ней доля дохода, полученного от собственности, и тем ниже в ней доля дохода, полученного от жалованья, предпринимательского вознаграждения или заработной платы. Короче говоря, пока мы имеем дело с богачами из высшей группы до-ходополучателей, мы имеем дело с классом, живущим за счет собственности. Более низкие доходы получаются от вознаграждения за работу.

Главную долю доходов размером 100 и более тыс. долл. в год составляет доход от собственности: 2/3 доходов (67%), полученных в 1949 г. 13 702 лицами, имевшими годовой доход от 100 тыс. до 999 999 долл., — это доходы от собственности (дивиденды, прибыль, полученная от продажи активов, доход от недвижимости, доход от собственности, управление которой осуществляется другими лицами или учреждениями по доверенности). Остальная треть

приходится на долю ведущих администраторов корпораций и крупных предпринимателей.

Чем дальше мы взбираемся по верхним ступеням лестницы доходов, тем значительнее обнаруживаемый нами удельный вес дохода от собственности и тем скромнее удельный вес дохода, получаемого в виде вознаграждения за доставленные услуги. Так, 94% всех доходов 120 лиц, имевших в 1949 г. годовой доход в 1 млн. долл. и более, были получены от собственности; прибыль от предпринимательской деятельности составляла 5% всех доходов этой группы, заработная плата – 1%. В формах собственности, являвшейся источником доходов этих 120 лиц, мы находим значительные различия. Но при всех различиях в юридических формах владения собственностью люди с высоким доходом получают ныне подавляющую часть своих доходов от собственности, управляемой корпорациями. Таково главное основание, позволяющее нам утверждать, что все богачи являются ныне богачами из мира корпораций, и таково решающее различие между богачами и 99% (более 99%) остального населения, доходы которого весьма далеки от уровня 100 тыс. долл. в год.

Персональный состав группы лиц,

объявляющих сборщикам налогов высокий доход, меняется; конкретное число этих лиц меняется из года в год. В 1929 г. когда налоги не были так велики и объявлять высокие доходы было не так опасно, как теперь, таких деклараций было на 1000 больше, чем в 1949 г. (всего декларировало в 1929 г. доход в 100 тыс. долл. и более 14 816 человек). В 1948 г. такой доход декларировало 16 280 человек; в 1939 г. — только 2921. Но что касается самых высоких ступеней лестницы доходов, то на них мы имели на протяжении многих лет вполне устойчивую группу крупнейших богачей. 60 человек из 75, получивших, например, в 1924 г. доход в 1 млн. долл. и более, получили в период 1917–1936 гг. годовой доход такого же размера по меньшей мере еще один раз. Тот, кто однажды получает такой доход, имеет шансы получить его еще и еще раз. Из всего прочего населения, стоящего на пирамиде богатства ниже этой группы, всего лишь 3 или 4% владели в течение первого десятилетия после окончания второй мировой войны ликвидными активами в сумме не ниже 10 тыс. долл.

2

Так как все, в сущности, данные о доходах основаны на декларациях налогоплательщиков, то при их помощи нельзя полностью раскрыть разницу между "доходами" богачей из мира корпораций и доходами остальных американцев. В самом деле, всякое крупное исследование, призванное выявить эту разницу, наталкивается на факт существования привилегий, нарочито созданных для того, чтобы избавить доход богачей от налогового обложения. Эти привилегии настолько пронизывают собой все налоговое законодательство и всю практику налогообложения, что вряд ли можно принимать всерьез колоссальную рекламную шумиху, поднятую вокруг "революции доходов", которая якобы произошла за последние 20 лет. Известное изменение в распределении национального дохода США действительно, как мы уже указывали, имело место; но когда на основании объявленных налоговому ведомству цифр доходов делают вывод, что доля богачей в совокупном богатстве страны уменьшилась, то мы находим это не очень убедительным.

Так как налоговые ставки высоки, то богачи из мира корпораций проявляют тонкую

изобретательность по части нахождения таких форм получения дохода или приобретаемых на доход вещей и благ, которые дают возможность избежать налогов. Формы налогового обложения богачей из мира корпораций более эластичны и дают больший простор для хитроумных толкований закона, чем формы обложения средних и низших классов. Лица с высокими доходами сами исчисляют причитающиеся с них налоговые удержания или – еще чаще – получают эти подсчеты от специалистов по налоговым делам, которых они нанимают. Можно допустить, что люди, получающие доход от собственности или от предпринимательской деятельности или от занятий свободными профессиями, не менее честны (или не более бесчестны), чем люди победнее, живущие на жалованье и заработную плату, но все дело в том, что они чувствуют себя в экономических материях увереннее, имеют больше возможностей и больше профессионального опыта и, что еще важнее, у них есть доступ к самым опытным в таких делах людям – лучшим юристам, квалифицированным бухгалтерам, специально изучившим налоговое дело как науку или как игру. Чем выше доход и чем разнообразнее его источники, тем больше вероятности, что при составлении налоговой

декларации будут использованы хитрые уловки и лазейки; точно доказать это невозможно по самой природе подобных явлений, но трудно сомневаться в том, что сказанное является правилом. Значительная часть объявленного дохода ловко оформляется таким образом, что она ускользает от обложения — на основании буквы закона или без такого основания; много незаконных доходов попросту не декларируется.

Самой удобной лазейкой, дающей возможность скрывать текущие доходы, является, пожалуй, налоговая льгота, предусмотренная для прибыли от продажи долгосрочных активов. Когда военный деятель (или кто-нибудь другой за него) пишет ходкую книгу, когда бизнесмен продает свою ферму или десяток свиней, когда администратор из мира корпораций продает свои акции, полученная прибыль рассматривается в таких случаях не как обычный доход, а как прибыль от продажи долгосрочных активов. Это означает, что прибыль, остающаяся данному лицу после уплаты налога, будет примерно в два раза больше, чем если бы эта же сумма денег была получена в качестве жалованья или дивиденда. Люди, которые якобы получили данную сумму в виде прибыли от продажи долгосрочных активов, платят налоги только с 50% этой суммы. Налог на

облагаемую половину исчисляется по прогрессивной шкале, исходя из общей суммы дохода данного лица, но он не может превышать 52% облагаемой половины. Это означает, что налог, уплачиваемый с таких прибылей от продажи Долгосрочных активов, никогда не может превышать 26% общей суммы прибылей; он будет еще меньше, если по сумме общего дохода, включая эти специальные прибыли, налогоплательщик будет отнесен к группе, облагаемой по более низкой ставке. Но если дела принимают другой оборот и прибыль от продажи подобных активов сменяется убытками, то *потеря* капитала в сумме, превышающей 1 тыс. долл. (если сумма потери капитала не превышает 1 тыс. долл., то налоговое ведомство может по закону просто вычесть ее из суммы дохода), может быть передвинута назад или вперед в пределах пятилетнего периода, чтобы соответственно сократить налог на прибыль от продажи долгосрочных активов.

Если не считать махинаций, связанных с искусственным отнесением дохода к прибыли от продажи долгосрочных активов, то самой выгодной лазейкой является надлежащее использование предусмотренной законом "скидки на истощение" нефтяных и газовых скважин и

других месторождений полезных ископаемых. От 5 до 27,5% валового дохода, получаемого от нефтяной скважины (но не свыше 50% чистого дохода эксплуатирующего ее предприятия), ежегодно освобождаются от налога. Больше того, все издержки, затрачиваемые на бурение скважины и на подготовительные работы к ее эксплуатации, могут быть вычтены сразу, вместо того чтобы капитализироваться и амортизироваться в течение всего срока эксплуатации скважины. Основное значение "скидки на истощение" кроется не столько в проценте скидки, сколько в возможности пользоваться этой лазейкой в течение длительного времени после полной амортизации предприятия.

Люди, имеющие достаточно денег для того, чтобы маневрировать, могут также уклоняться от уплаты налогов посредством вложения денег, например, в необлагаемые налогом облигации муниципальных займов; они могут распределить свой доход между различными членами семьи таким образом, чтобы платить налоги по более низкой ставке, чем они платили бы с общей суммы дохода. Богачи, правда, имеют право дарить друзьям или родственникам без уплаты специального налога на дарения не свыше 30 тыс.

долл. пожизненного дохода плюс 3 тыс. долл. ежегодно. Но муж и жена, действуя каждый от своего имени, могут вместе удвоить эти суммы. Богатый человек может сделать и такой свободный от обложения дар (до 20% годового дохода, передаваемого на нужды официальной благотворительности, не облагается налогом), который обеспечит его на весь остаток его жизни. Он может передать какой-нибудь известной благотворительной организации право собственности на пожертвованный им капитал, сохранив вместе с тем за собой право получения дохода, приносимого этим капиталом. Он непосредственно сокращает, таким образом, уплачиваемый им подоходный налог, а также ту часть имущества, которая станет после его смерти объектом налога на наследство.

Существуют и другие приемы, дающие возможность богачам сохранить свое богатство после смерти, несмотря на высокие налоги на наследство. Богач, например, может отдать имущество внуку с одновременной передачей управления им доверенному банку или компании, оговорив при этом, что доход от имущества будет пожизненно получать сын или дочь, хотя юридически имущество принадлежит внуку. Налог на имущество уплачивается в таком случае

только после смерти сына или дочери (без этого приема он был бы уплачен дважды: после смерти первоначального владельца и после смерти его сына или дочери).

Распределение собственности между членами семьи с передачей управления доверенному банку или компании сокращает налоги — не только налог с наследства, но и текущие подоходные налоги, так как налог с дохода каждого члена семьи, получаемого от капитала, управляемого по доверенности, начисляется отдельно, без учета общего дохода семьи. Вдобавок к этому система управления по доверенности обеспечивает собственнику длительное квалифицированное управление его собственностью, избавляет его от забот, связанных с ответственностью, сохраняет переданное в управление по доверенности имущество нетронутым, создает самую лучшую юридическую охрану его и фактически дает возможность человеку контролировать свою собственность даже после смерти.

Существует множество форм семейной передачи имущества, и их применение регулируется довольно сложными и строгими законами. Но имеется одна форма ограниченной во времени передачи, "сущность которой состоит в том, что вы передаете собственность на

имущество с условием возврата (и фактически передаете при этом доход с имущества на определенный период — свыше 10 лет). При соблюдении всех других требований закона вы избавляетесь от уплаты налогов на доход, получаемый от этого имущества".

Каких-нибудь 25 лет назад в Соединенных Штатах существовало не более 250 "благотворительных фондов"; в наше время их тысячи. Благотворительный фонд обычно определяется как "некая независимая, не преследующая коммерческих целей, законно зарегистрированная организация, учрежденная для того, чтобы "служить благосостоянию человечества". Она распоряжается богатствами, переданными ей в форме необлагаемых налогом пожертвований или наследств". В действительности же учреждение благотворительных фондов часто служило удобным способом уклонения от налогов. "Они становились для жертвователей своего рода "частными банками"; нередко получалось, что "человечество", которому они оказывали помощь, состояло из нескольких бедных родственников". В налоговом законе, принятом в 1950 г., была сделана попытка "закрыть некоторые из самых крупных лазеек", но "сомнительные

благотворительные фонды все еще обладают одним преимуществом: сборщикам налогов очень трудно собирать о них сведения... Чиновники из налогового ведомства жалуются, что они не располагают ни временем, ни персоналом, нужным для проверки хотя бы крохотной части всех отчетов, уже представленных благотворительными фондами. Чиновникам приходится руководствоваться главным образом инстинктом при решении вопроса о том, какие из "фондов" надлежит подвергнуть ревизии". К этому надо добавить, что даже закон 1950 г. не содержит в себе требования, чтобы все сведения, относящиеся к деятельности благотворительных фондов, представлялись государственным органам.

Руководители многих коммерческих предприятий создали за последнее время благотворительные фонды, стремясь таким образом повысить репутацию своих фирм в местном и национальном масштабе; используя средства, переданные этим "фондам", они в то же время увеличивают объем исследовательских работ, ведущихся в их предприятиях. Корпорация, имеющая свой благотворительный фонд, не платит налогов на те 5% общей суммы прибылей, которые она ежегодно отчисляет

своему благотворительному фонду. Богатейшие семьи также могут сохранить контроль над своей фирмой после смерти одного из членов семьи путем пожертвования значительной части акций их компании благотворительному фонду (Форд выделяется в этом отношении лишь размером пожертвованных сумм). Размер налога на наследство тем самым уменьшается; не будь этого обстоятельства, акции пришлось бы, возможно, продать посторонним лицам для уплаты налога на наследство. "Если кого-либо гнетет преимущественно забота о том, чтобы оградить часть своего дохода от налоговых невзгод, и он хочет дать заработать нуждающимся адвокатам, — советует своим читателям-администраторам один бойкий экономический журнал, — то он должен во что бы то ни стало учредить свой собственный благотворительный фонд, пусть даже самый маленький. Возможно, он предпочтет в этом случае пойти и на то, чтобы накладные расходы по организации этого дела съели весь (первоначально пожертвованный) доход".

Существуют пути и способы, посредством которых крупные богачи могут в сущности обойти любой закон о налогах на крупное богатство или свести его отрицательное влияние на их доходы к минимуму. Но такие законные и

незаконные маневры представляют собой лишь часть привилегий, которыми пользуются богачи из мира корпораций в области охраны и увеличения своих доходов. Наряду с использованием правительственных постановлений и правил корпорации находят средства прямого увеличения доходов богачей из состава их администраторов. Эти разнообразные формы обогащения дают возможность административной прослойке богачей из мира корпораций поддерживать высокий уровень жизни при якобы умеренных доходах и в то же время платить налог в меньшем размере, чем тот, который закон как будто считает честным и справедливым. Укажем здесь некоторые из привилегий, которыми пользуются в этой области ведущие администраторы корпораций:

По договорам, предусматривающим возможность получения жалованья "в рассрочку", корпорация гарантирует администратору выплату определенного жалованья в течение гарантированного количества лет работы и обязуется выплачивать ему ежегодно после его ухода в отставку определенный гонорар, если только он не поступит на службу в конкурирующую компанию. Корпорация обеспечивает себе таким путем лояльность

администраторов, а администратор получает возможность откладывать получение дохода на те годы, когда сниженный заработок приведет к снижению налога. Например, один из администраторов фирмы "Крайслер" недавно подписал контракт, по которому он в течение ближайших 5 лет будет получать 300 тыс. долл. в год, а затем пожизненно — 75 тыс. долл. в год. Недавно вышедший в отставку председатель совета директоров "Юнайтед Стейтс стил корпорейшн", получавший 211 тыс. долл. в год, теперь получает в год 14 тыс. пенсии плюс 55 тыс. "отсроченного вознаграждения".

Классический пример использования системы выплаты жалованья в рассрочку продемонстрировал, пожалуй, один знаменитый театральный деятель. У него была возможность получать в течение 3-х лет годовой оклад в 500 тыс. долл. "Вместо этого он договорился, что будет получать ежегодно по 50 тыс. долл. в течение 30 лет. Никто не допускает всерьез, что когда он начнет приближаться к 80 годам, он все еще будет подвизаться в зрелищных предприятиях, но все дело в том, что, раздробив таким образом свой доход и сведя его к группе доходов, облагаемых по более низкой ставке, он сократил общую сумму подоходного налога,

которую ему пришлось бы в ином случае уплатить, приблизительно на 600 тыс. долл. (по оценке, приведенной в одном источнике)". Такие фантастические соглашения практикуются не только в зрелищных предприятиях (хотя там они, возможно, получают более широкую огласку), – даже наиболее респектабельные и солидные компании часто устраивают дела своих высших администраторов подобным же образом.

Администраторам корпораций предоставляется (в определенных пределах) преимущественное право покупки акций их корпораций по рыночной цене или ниже ее. Это связывает администратора с компанией, ибо он может использовать свое преимущественное право покупки только по истечении установленного стажа работы, например года, или же ему позволяется использовать это право в форме покупки ограниченных количеств акций на протяжении более длительного срока, например 5 лет. Когда администратор использует свое преимущественное право покупки акций, он, как ничем не рискующий предприниматель, сразу же получает прибыль (разницу между ранее установленной ценой, по которой ему продают акции, и рыночной ценой в момент покупки). Если он потом продает свои акции, то

преобладающую часть прибыли, которую он получает, правительство любезно освобождает от налога, трактуя весь этот доход как прибыль от продажи долгосрочных активов, облагаемую по более низкой ставке, чем обычная прибыль. Ничто не мешает администратору занять деньги и использовать свое преимущественное право покупки, а через 6 месяцев продать акции по более высокой цене. Например, в 1954 г. президент одной авиационной компании получил в виде жалованья, таньем и авансов в счет пенсии около 150 тыс. долл.; после уплаты налогов ему осталось лишь около 75 тыс. долл. Но если бы он захотел продать 10 тыс. акций, которые он купил за несколько месяцев до этого, использовав свое преимущественное право, то он мог бы после уплаты всех причитающихся налогов получить еще 594 375 долл.. Налоговый закон от 1950 г. сделал преимущественное право покупки акций особо заманчивым, так как доход от продажи акций как объект обложения был приравнен к прибыли от продажи долгосрочных активов. На протяжении года (или около того), последовавшего за изданием названного закона, примерно одна из каждых шести компаний, значащихся в списках нью-йоркской фондовой биржи, предоставила своим главным

администраторам преимущественное право покупки акций. С тех пор эта практика получила дальнейшее распространение.

3

Богачи из мира корпораций являются богачами-собственниками, но крупная собственность – это еще не все, чем они владеют; они в состоянии накапливать и удерживать высокие доходы, но высокие доходы – это еще не все, что они в состоянии накапливать и навсегда сохранить за собой. В дополнение к крупной собственности и высоким доходам они пользуются корпоративными привилегиями, которые являются органической частью современной системы привилегий, связанных с высоким положением в корпорированной экономике США. Эти привилегии богачей из мира корпораций, покоящиеся на их высоком положении, стали теперь повсеместным явлением, стали существенными, хотя и меняющимися по форме, особенностями обычной деловой практики, частью вознаграждения за достигнутый успех. Критика этих привилегий не вызывает против них негодования у тех, кто мог бы при желании предпринять что-нибудь против них, и уж заведомо не вызывает у таких людей негодования против коренных устоев мира корпораций, с которыми эти привилегии прочно связаны.

Ни одна из этих привилегий не может быть обнаружена путем анализа годового дохода или размеров собственности. Они являются, если можно так выразиться, побочными благами, достающимися высшим кругам. "Побочные блага" низкооплачиваемых служащих и рабочих – то есть главным образом пенсии, получаемые по договоренности, добавки к доходам, получаемые в результате государственных мероприятий по повышению общественного благосостояния, социального обеспечения и страхования по безработице, – увеличились с 1,1% всей суммы их заработной платы и жалованья в 1929 г. до 5,9% в 1953 г.. Что же касается "побочных благ", получаемых высокопоставленными, ничем не рискующими "предпринимателями" из крупных корпораций, то их невозможно учесть с надлежащей точностью, но теперь уже твердо установлено, что они превратились в главную статью доходов этих людей. Существование подобных благ как раз и дает нам право рассматривать богачей из мира корпораций как класс, обладающий прямыми и непосредственными привилегиями. Корпорации, являющиеся источниками их богатства и доходов, являются вместе с тем основой их привилегий и прерогатив. Существование великого множества

таких привилегий значительно повышает уровень потребления богачей из мира корпораций, укрепляет их финансовые позиции, страхуя их от опасностей, связанных с циклическими колебаниями экономической системы, определяет весь стиль их жизни и доводит прочность их положения до уровня прочности самой экономической системы, организованной в форме корпораций. Призванные увеличивать богатство и обеспеченность богачей в форме, позволяющей уклониться от налогов, эти привилегии усиливают вместе с тем преданность богачей корпорациям. В числе привилегий, которые часто предоставляются крупным администраторам, но о которых никогда не сообщается сборщикам налогов, имеются такие, например, побочные блага, как бесплатная медицинская помощь, оплата клубных взносов за счет компании, возможность бесплатного пользования услугами юристов и бухгалтеров компании при составлении налоговых деклараций, получение советов финансовых и юридических консультантов, использование для своих нужд ассигнований, отпускаемых на приемы и развлечения для клиентов, бесплатный доступ в места развлечения и спорта (площадки для игры в гольф, бассейны для плавания, гимнастические

залы), возможность пользоваться стипендиальными фондами для детей администраторов, автомобилями компаний и столовыми для администраторов. В 1955 г. 37% "кадиллаков", зарегистрированных в 1955 г. в Манхеттене, и 20%, зарегистрированных в Филадельфии, принадлежали компаниям. "Компания, заботящаяся о том, чтобы ее служащие были довольны, — писал недавно один надежный наблюдатель, — нередко имеет наряду с прочим имуществом самолет для деловых поездок, яхту, охотничий домик и приют для рыболовов в северных лесах, в которых устраиваются развлечения для наиболее крупных клиентов.

Компания может также проводить зимой свои совещания, скажем, в Миами. Это дает возможность администраторам компании бесплатно совершить чудесное путешествие и отдохнуть. Должностные лица компании ездят зимой на юг, а летом — на север; они берут с собой достаточно работы или берут на себя обслуживание достаточного количества клиентов, чтобы оправдать поездку, и устраиваются так, что проводят время очень приятно. Дома они также могут совершать увеселительные поездки в автомобилях, принадлежащих компании и

управляемых шоферами компании. Компания, естественно, охотно оплачивает их членские взносы в самом лучшем загородном клубе, чтобы они могли развлекать клиентов игрой в гольф, а также в лучшем городском клубе, где можно позавтракать и пообедать с клиентами в интимной обстановке". Это не фантазия, а факты, и притом факты, которые становятся все более распространенными. Все эти побочные блага предоставляются высшим администраторам бесплатно, а затраченные суммы относятся корпорацией к обычным деловым расходам.

Высокие доходы административной верхушки корпораций можно вдобавок увеличивать посредством щедрых подарков — в виде всякого рода замечательных игрушек для взрослых, как, например, автомобили, меховые дохи, и таких предметов комфорта, как холодильники глубокого замораживания. Эти подарки преподносятся обычно лицам, не находящимся непосредственно на службе у данной корпорации, но правомочным производить у нее закупки для других компаний и устанавливать с ней деловые контакты. В политических сферах о всех этих вещах много говорилось и они подверглись публичному осуждению. И все же любой высокопоставленный администратор отлично

знает, что такие подарки, закрепляющие деловую дружбу, постоянно практикуются в аппаратах крупных фирм, и особенно в области деловых отношений между различными крупными фирмами.

Приведем любопытный пример. Курорт Уайт Сульфур Спрингс (в горах Западной Виргинии) привлекал в прошлом, начиная с 1910 г., те же круги общества, что и курорты Бэр Харбор и Ньюпорт. В 1954 г. железнодорожная компания "Чесапик энд Огайо рейл-роуд компани", которой принадлежит курортный отель "Гринбриер" в Уайт Сульфур Спрингсе, пригласила туда в качестве гостей лиц, занимающих высшие административные посты в корпорациях, являющихся крупными отправителями грузов (действительными или потенциальными). Администраторы были польщены приглашением. В 1948 г. компания тоже оплатила все расходы гостей, приглашенных в "Гринбриер", и это произвело такое впечатление на знаменитостей светского, делового и политического мира, находившихся тогда в числе приглашенных, что теперь они ездят туда за собственный счет. Курорт работает круглый год, а весенние фестивали, устраиваемые здесь, представляют собой крупные события светской жизни.

Во Флориде сейчас строится целый курортный городок, рассчитанный в среднем на 3 тыс. курортников; дома и номера в отелях будут там сдаваться администраторам и их гостям на круглый год. Компании, арендующие эти помещения, могут сдавать их в субаренду своим служащим; в тех же случаях, когда помещения будут использованы для развлечения клиентов, для совещаний или важных конференций, расходы будут оплачиваться компанией.

"Континентэл моторз корпорейшн" устраивает охотничьи экспедиции на уток в Лос-Айленде (Арканзас). Считая, что такие вещи, как гольф, коктейль, обед и ночной клуб, стали уже "старомодными" приманками и не годятся больше для приручения любого администратора в тот период, когда он занимает достаточно крупный пост в надлежащей фирме, чтобы считаться крупным клиентом, корпорация выработала специальную "программу взаимоотношений с клиентами", которую она проводит уже около 15 лет. Интимные и уединенные охотничьи домики типа вигвамов, где сбытовые операции совершаются на высшем уровне между президентом и президентом, имеются преимущественно у корпораций, поставляющих сырье, а не у фирм, производящих

потребительские товары. Любая персона, приглашенная на подобную охоту, — это "либо президент, либо вице-президент какой-нибудь корпорации, генерал или адмирал". В том же Лос-Айленде основали фешенебельные охотничьи клубы по крайней мере еще три другие корпорации. На такие развлечения, как охота на уток, оленей или ловля форелей, обычно приглашаются высшие должностные лица данной компании и клиенты.

Более известна, но все еще недостаточно серьезно изучена широко распространенная и имеющая важное значение система специальных счетов. Никто не знает — и нет возможности точно установить, — сколько ценных жизненных благ и захватывающих развлечений приносит новым привилегированным классам система специальных счетов. "Вице-президенту одной фирмы, — писал недавно экономист Ричард Жиард, — ассигновано ровно 20 тыс. долл., в год для покрытия расходов на любой прием, который он решит устроить. Его контрактом предусмотрено, что в этих деньгах он не отчитывается". Чиновники из налогового ведомства все время пытаются уловить, в целях обложения налогом, доходы, которые богачи из мира корпораций получают благодаря

специальным счетам. Обычно, однако, чиновники налогового ведомства настойчиво защищают ту точку зрения, что к каждому случаю следует подходить индивидуально, а это означает, что в данной области не существует твердых правил, так что сборщикам налогов предоставлена здесь большая свобода действий. "Люди, имеющие отношение к театральному миру, считают, что от 30 до 40% посещений театров приходится на посещения, оплачиваемые со специального счета, и что без этой категории зрителей театры захирели бы". Более того, "можно с уверенностью сказать, — полагает один исследователь, — что в таких городах, как Нью-Йорк, Вашингтон и Чикаго, более половины клиентов лучших отелей, ночных клубов и ресторанов состоит в любое время из людей, покрывающих свои расходы в подобных заведениях из средств, числящихся на специальных счетах их компаний, которые в свою очередь перекладывают эти расходы на казну в форме существенного сокращения уплачиваемых налогов". Тот же исследователь рассказывает затем о вещах хорошо известных: "В специальном счете кроется нечто такое, что приводит в действие дремлющую склонность к мошенничеству, жадности, лживости, заложенную даже в таком человеке, который при

иных обстоятельствах вел бы себя самым порядочным образом. Специальные счета давно уже фигурируют среди их благодарных обладателей под нежным названием "жульнических регистров". Представление отчета по специальному счету рассматривается как своего рода состязание в остроумии между лицом, располагающим этим счетом, и ревизором компании; в этой игре вполне дозволено прибегать к самой грубой полуправде, к шитой белыми нитками лжи или к заведомой фантастике. Ревизор, как бы он ни был возмущен, все равно не в состоянии доказать, что все это обман".

Мы рассказали здесь отнюдь не о всех привилегиях, которыми пользуются богачи из мира корпораций. Мы ограничились главным образом описанием узаконенных и официально санкционированных привилегий. Многие из новых привилегий, в особенности практика непомерно высоких окладов, давно уже известны лицам, стоящим во главе государства, и высшим правительственным чиновникам — и они их полностью переняли. Губернатору, например, предоставляется "губернаторская резиденция", где он живет, ничего за это не платя; президент, получающий 50 тыс. долл. в год необлагаемого

дохода, тоже имеет свой Белый дом, где наряду со служебными помещениями находятся его личные апартаменты, обставленные и обслуживаемые на казенный счет. Случаи высокой оплаты людей, выполняющих известные служебные обязанности, не новы, но что действительно является новым, так это то, что с превращением корпораций в опорные пункты для привилегий сопутствующих большому богатству такая огромная оплата стала нормальным явлением для частных лиц — богачей, превратившихся в богачей из мира корпораций. Когда заправилы корпораций в минуты хорошего настроения любовно говорят о своих корпорациях как об "одной большой семье", то это можно понимать в полном соответствии с реальной действительностью как утверждение социологической истины о классовой структуре американского общества. Ибо коренящиеся в богатстве возможности и привилегии, распределенные теперь между богачами из мира корпораций, являются ныне коллективными привилегиями, и каждый отдельный индивидуум может спокойно располагать этими привилегиями лишь постольку, поскольку он причастен к этому миру корпораций.

4

Америка не превратилась в страну, где стремление к наслаждениям и возможности всех людей сковываются малыми доходами и высокими налогами. Здесь существуют доходы достаточно высокие, чтобы оставаться высокими, несмотря на налоги, и здесь существует множество способов уклониться от налогов или свести их к минимуму. В Америке сохраняется (и ежегодно вновь создается и удерживается) слой богачей из мира корпораций, многие из которых располагают значительно большими деньгами, чем они в состоянии истратить ради своего удовольствия. Для многих из них цены на вещи попросту не имеют значения. Им никогда не приходится обращать внимание на правую сторону меню; им никогда не приходится получать от кого-нибудь приказания или делать что-либо для них неприятное, за исключением того, что они сами себе вменяют в обязанность; они не знают ограничений в расходовании средств. Им никогда не приходится делать что-либо против своей воли. Они, по всей видимости, совершенно свободны.

Но действительно ли они свободны?

На это следует ответить: да, в рамках своей

общественной системы они действительно свободны.

Но не связывает ли их в какой-то мере их богатство?

На этот вопрос следует ответить: нет, не связывает.

Не слишком ли это поспешные ответы? И разве не существует ответов более глубоких, более обдуманных?

Однако где они, эти более глубокие ответы? И что, собственно, значит быть свободным? Какое бы дополнительное содержание мы ни вкладывали в это слово, свобода прежде всего означает возможность делать все, что вы хотите, когда хотите и как хотите. А в американском обществе такая возможность требует денег. Деньги дают власть, а власть дает свободу.

Но существуют ли границы для всех этих явлений?

Власть денег и свобода, опирающаяся на эту власть, свои пределы, конечно, имеют. И существуют также психологические капканы, уготованные для богачей (равно как и для скупцов и расточителей любого уровня благосостояния), ущемляющие их способность пользоваться свободой и придающие ей извращенный характер.

Скупец наслаждается обладанием деньгами как таковым. Расточитель наслаждается мотовством денег как таковым. Ни тот ни другой — если взять эти разновидности в чистом виде — не способен рассматривать деньги как средство для осуществления свободно избранных и разнообразных жизненных целей, каковы бы они ни были. Радость скупца заключается в потенциальной возможности тратить деньги, и поэтому он воздерживается от того, чтобы тратить их в действительности. Он находится в постоянном напряжении, боясь лишиться этой потенциальной возможности, — и потому никогда не реализует ее. Его уверенность в значительности своей личности и его могущество воплощены в его сокровищах; в его боязни потерять их кроется боязнь потерять самого себя. Он не просто скарредный человек и не всегда лишь алчный человек. Он бессильное творение экономической системы, один из тех, для которых целью жизни стало обладание деньгами ради денег, а не ради достижения какой-либо последующей цели. Он не в силах завершить экономический акт. И деньги, являющиеся для большинства хозяйствующих индивидуумов средством, становятся для скупца всевластной целью.

Расточитель, наоборот, представляет собой человека, для которого покупки и подарки сами по себе являются источником удовольствия. Мотовство пленяет его не ожидаемыми удобствами или удовольствием, которые можно получить от приобретенных благ. Его радость и награда заключаются в самом акте бессмысленной траты денег. И этим актом он демонстрирует свое равнодушие к деньгам как таковым. Он расточает деньги демонстративно, чтобы доказать, что он стоит выше денежных соображений, и тем самым невольно показывает, как высоко он их ценит.

Не подлежит сомнению, что среди богачей из мира корпораций можно найти людей, воплощающих собой обе эти эксцентричные крайности, порождаемые денежной экономикой. Но такие люди не типичны для данной среды. Для большинства богачей из мира корпораций деньги остаются желанным орудием обмена — идеальным и верным средством для достижения великого множества конкретных целей. Большинство из них ценит деньги только в той мере и потому, что в обмен на них они могут приобретать комфорт и веселье, общественный почет и спиртные напитки, уверенность в прочности своего привилегированного

положения, власть и заманчивые переживания, свободу и скуку.

5

Новые привилегии богачей из мира корпораций относятся к формам проявления власти денег в сфере потребления и личной жизни. Но сфера проявления власти денег, преимуществ, связанных с особым положением в сфере экономики, общественного и политического веса корпоративного богатства отнюдь не сводится исключительно к сфере потребления и накопления – корпоративного или Личного. С точки зрения американской элиты (в составе которой богачи из мира корпораций выступают лишь как одна из нескольких групп) обладание потребительскими благами фактически имеет гораздо меньшее значение, чем обладание властью над основными источниками богатства.

I. Верховным договором, определяющим политические рамки общественного строя Соединенных Штатов, является конституция. Четырнадцатая поправка к конституции содержит в себе надлежащее признание законности существования корпораций, в которых теперь сосредоточена частная собственность класса богачей из мира корпораций, управляемая административной прослойкой этого класса. Эта элита из мира корпораций, подвизающаяся в

рамках существующего политического строя, представляет собой ряд руководящих групп, образующих в совокупности известную иерархию, созданную сверху (а не выросшую снизу) и имеющую строго централизованное управление. Ведущие администраторы занимают теперь главенствующее положение в мире корпораций, а мир корпораций в свою очередь пребывает теперь по отношению к институтам, призванным осуществлять политический суверенитет народа, на положении независимого, никому не подвластного экономического царства. Экономическая инициатива прочно принадлежит ведущим администраторам из мира корпораций — и они это знают и считают это своим неперменным правом, вытекающим из их положения. Как удельные князья, управляющие политически независимыми, на феодальный манер, индустриальными княжествами, они с явной враждебностью отнеслись к заботам центрального правительства о благосостоянии низших слоев населения. Рабочих, торговых агентов и снабженцев корпораций они рассматривают как подвластных подданных своего царства, а себя — как достигших вершин избранных индивидуумов американской индивидуалистической породы.

Они управляют экономикой, организованной в форме частнокапиталистических корпораций. Нельзя сказать, чтобы в течение последнего десятилетия правительство особенно вмешивалось в их дела, так как при изучении любого, в сущности, случая регулирования мы обнаруживаем, что регулирующее учреждение проявляло тенденцию превратиться в аванпост корпораций. Распоряжаться средствами производства значит распоряжаться не только предметами, но и людьми, которые, не обладая сами собственностью, привлекаются собственниками для того, чтобы работать. Их трудовую жизнь на фабрике, на железной дороге, в конторе надо строго регламентировать и регулировать. Надо иметь возможность предписывать условия на рынке труда и бороться за них с правительством или с профсоюзом. Надо решать от имени предприятия, что, сколько, когда и как производить и какую назначить цену на произведенный продукт.

II. Деньги создают возможность прямого использования экономического могущества их владельцев в партийно-политических интересах. В 90-х годах XIX в. Марк Ханна собирал среди богачей деньги для политических целей, используя в этих целях страх, посеянный среди

них Вильямом Дженингсом Брайаном и популистскими "кошмарами". Многие мультимиллионеры были неофициальными советниками политических деятелей. Меллоны, Пью и Дюпоны принимали в течение длительного времени весьма солидное участие в финансировании избирательных кампаний, а техасские миллионеры после второй мировой войны вкладывали повсеместно в это дело внушительные суммы. В Висконсине, Дженере и Индиане они поддерживали Маккарти, в Мэриленде – Бэтмера и Билла. В 1952 г., например, нефтяной магнат Хью Коллин 31 раз вносил в избирательные фонды различные суммы от 500 до 5 тыс. долл. (что составило в общей сложности минимум 53 тыс. долл.). Его два зятя, оказавшие поддержку 10 кандидатам в конгресс, внесли по самой скромной оценке 19 750 долл. Говорят, что техасские мультимиллионеры расходуют теперь деньги на политические цели по меньшей мере в 30 штатах. Мэрчисон поддерживал с 1938 г. кандидатов на политические посты за пределами Техаса; это стало, правда, известно только после того, как он и его жена внесли в 1950 г. по просьбе Жозефа Маккарти 10 тыс. долл., чтобы помочь нанести поражение сенатору Тидингсу в Мэриленде, а в

1952 г. послали деньги, чтобы провалить коннектикутского врага Маккарти, сенатора Уильяма Бентона.

В 1952 г. "55% общей суммы, собранной 6 ведущими демократическими и республиканскими политическими комитетами [сюда входят сборы только тех групп, которые расходовали деньги в двух или более штатах], образовалось из 2407 пожертвований размером в 1000 и более долларов". Эти цифры следует, безусловно, считать минимальными, так как многие пожертвования могли быть сделаны членами семьи, носящими другие фамилии, и репортеры могли не знать об этом.

III. Прямые взносы в фонды избирательных кампаний не являются главной формой проявления политического могущества богачей. И не столько крупнейшие богачи, сколько ведущие администраторы корпораций — эти корпоративные реорганизаторы класса крупных собственников — являются теми людьми, которые превратили могущество крупной собственности в политическое орудие. По мере того как усложнялись формы вставания мира корпораций в сферу политики, администраторы эти все теснее связывались с политиками, и особенно с ведущими "политиками", образуя в

совокупности политический директорат при правительстве США.

Хозяйственный деятель XIX в. известен нам как тонкий "специалист" по части торга и заключения "ловких сделок" — и таким мы привыкли его себе представлять. Но развитие крупных корпораций и все возрастающее вмешательство правительства в сферу экономики способствовали отбору, формированию и наделению привилегиями таких экономических деятелей, которые являются не столько ловкими коммерсантами, сколько профессиональными администраторами искусными политиками в области экономик". Ибо в наше время человек, желающий успешно подвизаться на экономическом поприще, будь то в качестве богатого управляющего или управляющего богатством, должен оказывать влияние на те государственные инстанции, в которых принимаются решения, чреватые последствиями для деятельности его корпорации, или же контролировать эти инстанции. Усилению и осуществлению этой тенденции к формированию экономических деятелей подобного типа способствовали, конечно, условия войны, ибо война порождает потребность в сочетании и соединении экономической деятельности с

политической — так же как и необходимость соединения и сочетания разнообразных экономических ресурсов. Война, несомненно, несет с собой расцвет корпоративной экономики; во время войны политика и экономика объединяются теснее и к тому же экономические действия корпораций получают самые безапелляционные политические оправдания: они мотивируются соображениями национальной безопасности.

"До первой мировой войны предприниматели боролись друг против друга; после войны они объединились, чтобы создать единый фронт против потребителей". Во время второй мировой войны они служили в бесчисленных консультативных комиссиях по вопросам ведения войны. Их завербовали также для более постоянной работы в военном ведомстве: многим из них были присвоены чины в резервном офицерском корпусе. Весь этот процесс проникновения бизнесменов в политику происходит уже давно и достаточно хорошо известен, но в правительстве Эйзенхауэра главные администраторы корпораций открыто присвоили себе решающие посты в органах исполнительной власти. Если раньше мы имели достаточно тесный союз бизнеса с

правительством и вместе с тем более скрытые формы политической власти бизнеса, то теперь мы имеем и совершенно открытые формы этой власти.

Есть ли надобность вдаваться в очень тонкий анализ подобных вопросов, когда министр внутренних дел Дуглас Мак-Кей выпалил без обиняков своим друзьям в торговой палате 29 апреля 1953 г.: "Мы находимся у власти как правительство, представляющее интересы торговли и промышленности?". Или когда министр обороны Вильсон открыто провозгласил тезис о тождестве интересов Соединенных Штатов Америки и "Дженерал моторз корпорейшн". Такие высказывания являются, возможно, грубыми политическими промахами — или были бы таковыми, если б существовала оппозиционная партия, — но разве они не раскрывают вместе с тем глубоко укоренившиеся убеждения и намерения?

Имеются такие заправки корпораций, которые боятся разоблачения их причастности к правительственной политике не в меньшей степени, чем "внепартийные" профсоюзные лидеры боятся обвинения в причастности к третьей партии. В течение длительного времени богачи из мира корпораций пытались

разыгрывать из себя оппозиционную группу; наиболее дальновидные из них смутно осознали, что они могут оказаться в затруднительном положении. До Эйзенхауэра политическая власть, которой они обладали, была облечена в такие формы, что им было легче уклониться от политической ответственности; при правительстве Эйзенхауэра это не так легко. Если дела пойдут плохо, разве не станут обвинять их — и вместе с ними весь мир бизнеса в целом?

А вот Джон Нокс Джессуп, председатель редакционной коллегии журнала "Форчун", полагает, что корпорации в состоянии заменить устаревшую систему штатов как форму самоуправления и заполнить собой, таким образом, вакуум, образовавшийся в средних звеньях власти. Ибо как глава корпоративного государства руководитель корпорации призван, оказывается, решать политические задачи, сводящиеся к тому, чтобы его подданные были довольны и счастливы в пределах разумных возможностей. Мистер Джессуп утверждает, что равновесие между сферами экономики и политики уже нарушено. "Любой президент, который хочет управлять процветающей страной, зависит от корпораций по крайней мере в такой же, а скорее всего в большей степени, чем

корпорации зависят от него. Его зависимость от корпораций напоминает зависимость короля Иоанна от феодальных баронов, собравшихся на острове Ронимеде, на котором родилась "Великая хартия".

В целом, однако, систему политических идей заправил корпораций как членов класса богачей из мира корпораций следует охарактеризовать как консерватизм, не опирающийся на какую-либо теоретически разработанную консервативную идеологию. Они консерваторы хотя бы уже потому, что считают себя членами некоего братства преуспевающих. У них нет идеологии, так как они считают себя "практическими" людьми. Они не ставят никаких проблем, а просто отвечают на встающие перед ними вопросы, и лишь по этим ответам можно судить об их воззрениях.

В течение последних трех десятилетий, точнее говоря — после первой мировой войны, различие между политическим и экономическим деятелем стало менее приметным, несмотря на то, что в прошлом руководители корпораций относились с недоверием к тем людям из их среды, которые слишком долго подвизались на политической арене. Они предпочитают появляться на ней спорадически, ибо при таком образе действий они

ускользают от ответственности. И все-таки все больше и больше заправил корпораций непосредственно входило с течением времени в состав правительств; это привело к созданию новой, в сущности, системы взаимоотношений между экономикой и политикой, и в верхах этой системы мы находим тех, кто представляет богачей из мира корпораций.

Вопросы, встающие перед нами в свете этих очевидных фактов политического могущества богачей из мира корпораций, не связаны существенным образом с вопросом о личной честности соответствующих лиц и об их личных выгодах — росте их благосостояния, кредита и могущества в результате их политического влияния. Это тоже важные вопросы, которые мы разберем при описании всеобщей распространенности явления аморальности в верхах и структуры властвующей элиты в целом. Однако политически важный вопрос заключается в том, можно ли, суммируя эти факты, доказать наличие структурной связи между богачами из мира корпораций и той политической верхушкой, которую мы потом назовем политическим директором.

Занимают ли действительно крупнейшие богачи и ведущие администраторы из мира

корпораций, высшие классы провинциального общества и "четыреста семейств" центральных городов, решающие клики из мира корпораций — занимают ли действительно все эти элементы многие могущественные позиции в официальной политической системе? Они, несомненно, вторглись в сферу правительственной деятельности и завоевали там ряд привилегий. Но были ли они в прошлом и являются ли они ныне активными политическими деятелями? Вопреки официальной легенде, вымыслам ученых и традиционным народным представлениям на этот вопрос приходится дать вполне утвердительный (хотя и не простой) ответ.

Было бы, однако, совершенно неверно полагать, что политический аппарат представляет собой просто пристройку к миру корпораций или что он полностью захвачен представителями богачей из мира корпораций. Американское правительство не является по своей структуре или в какой бы то ни было иной простой форме комитетом "правлящего класса". Оно представляет собой целую сеть комитетов, и в этих комитетах обретаются, помимо богачей из мира корпораций, и другие люди из других иерархий. Из всех разрядов людей, подвигающихся в этой сфере, самыми сложными фигурами являются

именно профессиональные политические деятели, а самыми необычными — высокопоставленные военные деятели, военная знать из Вашингтона.

VIII. Военная знать

В XVIII в. люди, интересовавшиеся ходом исторических событий, стали замечать удивительную тенденцию в сфере распределения власти между верхами тогдашнего общества: гражданские элементы, придя к власти, сумели подчинить себе агрессивную военщину, могущество которой, введенное в определенные рамки и нейтрализованное, уменьшилось. Случалось, конечно, и раньше — в разные периоды и в разных местах, — что военные выступали в роли исполнителей решений, принимавшихся гражданскими кругами; и все же эта тенденция, достигшая наибольшей силы в XIX в. и сохранившаяся вплоть до первой мировой войны, казалась тогда, да кажется и теперь, поразительной, потому что никогда раньше не наблюдалась она в таких масштабах и никогда раньше она не казалась столь устойчивой.

В XX столетии это примечательное явление социального главенства гражданских элементов, оказавшееся преходящим и непрочным, начало во всех промышленных странах исчезать; и теперь — после долгого периода мира, продолжавшегося от

посленаполеоновской эпохи до первой мировой войны, — все явственнее восстанавливается прежний ход мировой истории. Везде и повсюду военщина вновь завоевывает свои былые позиции. Везде и повсюду реальная действительность воспринимается под углом зрения ее философии. Америка не является исключением: политический вакуум здесь заполнила военная знать. Вместе с руководителями корпораций и политиками генералы и адмиралы — эти беспокойные кузены американской элиты — добивались возможности "обрели все возрастающую возможность выносить решения, чреватые серьезнейшими последствиями, и влиять на подобные решения.

1

Всякая политика — это борьба за власть; законченной формой власти является насилие. Почему же в таком случае военная диктатура не стала нормальной и обычной формой государственного управления? На протяжении преобладающей части истории человечества люди действительно жили под властью меча. И при всяких серьезных общественных неурядицах, реальных и воображаемых, общество обнаруживает склонность к тому, чтобы вернуться к военному управлению. Но даже в наши дни мы часто забываем эти более или менее известные факты мировой истории, ибо мы унаследовали определенные представления, пользовавшиеся большой популярностью в XVIII и XIX столетиях при режиме гражданской власти. Если даже и считать бесспорным, что законченной формой политического господства является система принуждения путем применения насилия, то надо все же иметь в виду, что все политические столкновения как внутри стран, так и между странами, придерживающимися нашего правопорядка, такой завершенной формы еще не достигли. Наши теории государственного управления предполагали создание таких

институтов (и наша конституция их создала), в которых насилие было бы сведено к минимуму и подвергалось бы эффективному сдерживающему влиянию системы политического преобладания гражданских элементов. На протяжении долгого периода мирного развития современного западного общества история в большей мере определялась политическим деятелем, богачом и юристом, чем генералом, бандитом и адмиралом. Но чем объяснить наступление этой мирной эпохи? Почему доминирующую роль стали играть гражданские деятели, а не военщина?

Говоря о природе военщины, Гаэтано Моска выдвигает постулат, который мы не приемлем, что не мешает нам, однако, принять общую линию его рассуждений. Он исходит из предположения, что в любом обществе, имеется какая-то доля людей особого склада, людей, склонных прибегать при наличии надлежащих стимулов к насилию. Если такого человека, говорит Гаэтано Моска, наделить гением и предоставить ему благоприятную историческую обстановку, мы получим Наполеона; если поставить перед ним великий идеал, мы получим Гарибальди; если предоставить ему счастливый случай, не наделив ничем другим, мы получим Муссолини (а в условиях цивилизации,

опирающейся на бизнес – следовало бы добавить, – мы получим гангстера).

Но если, продолжает Гаэтано Моска, вы поручите такому человеку определенную функцию в определенной социальной иерархии, вы получите профессионального солдата, и гражданские элементы часто оказываются в состоянии подчинить его своему контролю.

Внутренний мир в государствах не всегда, конечно, покоился на профессиональной регулярной армии. В истории существовали и другие основы мира. Мы знаем периоды "божьего мира", предписанного духовенством, и периоды "королевского мира", устанавливавшиеся в средневековой Европе против воли тех, кто считал, что их честь и могущество зависят от меча. Однако в эпоху новой истории или даже на протяжении всей истории человечества великое явление мира выступает, как и следовало ожидать, как явление противоречивое. Мир – это результат централизации и монополизации национальным государством средств насилия. Но вместе с тем факт существования на земном шаре 81 национального государства представляет собой главное условие возникновения современных войн.

До появления национального государства

воинственные люди имели возможность прибегать к насилию, и они часто прибегали к нему в местном масштабе. Феодализм в Европе, как и на Востоке, представлял собой во многих отношениях систему локально ограниченного господства воинственно настроенных людей, действовавших при помощи голого насилия. До того как национальное государство централизовало и монополизировало средства насилия, постоянно наблюдалась тенденция к восстановлению могущества небольших, разбросанных центров политической власти; господство на местах отдельных вооруженных банд зачастую бывало обычным явлением в эпохи, предшествовавшие образованию национальных государств. Но пришло время — и испанский разбойник с большой дороги стал при Фердинанде и Изабелле, объединивших страну, слугой короны, затем конквистадором и, наконец, солдатом королевы. Короче говоря, человек, господствовавший на местах при помощи насилия, стал служить в национальной регулярной армии, взяв на себя обязательство соблюдать верность гражданскому главе государства.

Так вот, спрашивается, в чем заключаются особенности столь удивительного института, как

регулярная армия, дающие ему возможность направить воинственные наклонности агрессивных людей таким образом, что люди эти подчиняются гражданской власти, и использовать фактически в качестве средства повиновения самый кодекс чести, свойственный этим людям? Если в современной стране регулярная армия монополизировала средства насилия и стала достаточно сильной, чтобы подчинить общество своей власти, то почему она этого не делает? Почему, напротив, она сплошь и рядом служит покорным орудием и приемлет гражданскую власть гражданского главы государства? Почему армии подчиняются? Какие секреты таит в себе механизм регулярной армии?

Никаких секретов не существует. Существует ряд совершенно обнаженных пружин, действующих повсюду, где регулярные армии находятся под гражданским контролем. Эти армии представляют собой прежде всего своего рода "аристократические" иерархии. Всякий раз, когда предпринимались попытки уничтожить эту особенность армии, дело неизменно кончалось неудачей. В регулярных армиях национальных государств сохраняется абсолютная грань между офицерами и рядовыми. Офицерские кадры рекрутируются, как правило, из правящих кругов

гражданского населения или из тех групп, которые поддерживают их интересы; соотношение сил внутри правящих кругов отражается поэтому и в регулярной армии. И, наконец, в регулярной армии (или, вернее, в регулярных армиях многих стран) появились определенные служебные блага, которые часто бывают заманчивы даже для воинственно настроенных людей: обеспеченная работа и – что еще важнее – верный расчет на общественный почет, который непременно приносит жизнь, построенная согласно строгому кодексу чести.

"Можно ли предполагать, – писал Джон Адамс в конце XVIII в., – что регулярные, постоянные армии европейских стран несут службу из чистого патриотизма? Заключается ли дело в том, что офицеры этих армий – люди, думающие о вечности, люди набожные, ожидающие награды в загробной жизни? Быть может, они рискуют своей жизнью и мирятся с ранами потому, что считают это своим нравственным или религиозным долгом? Примеры всех таких качеств можно, конечно, найти. Но тот, кто предположит, будто все или большая часть этих героев руководствуется в своих деяниях подобными принципами, лишь докажет тем самым, что он их совершенно не

знает. Можно ли считать, что подлинное побуждение, лежащее в основе их деятельности, заключено в жалованье, которое они получают? Плата эта, обеспечивающая лишь самое простое и скромное существование, никогда не могла бы побудить их отказаться от поисков удачи в других областях, да еще от прелестей семейной жизни и посвятить себя этому труднейшему и опаснейшему занятию. Нет, дело не в этом – дело в надежде и в возможности увенчать себя лаврами, которые сопутствуют военной службе".

"Солдат сравнивает себя со своими товарищами и соревнуется с ними, стремясь продвинуться выше и стать капралом; капралы соревнуются друг с другом, чтобы получить чин сержанта; сержанты готовы своротить горы, только бы стать младшими лейтенантами. И так каждый военнослужащий постоянно стремится получить более высокое звание, подобно тому как всякий гражданин в государстве постоянно борется за более высокое положение, дабы обрести больше почета".

Почет, которым пользуется их звание, и все, что с этим связано, – вот награда военным за их отречение от политического господства. Это отречение приобрело весьма радикальное выражение: оно фигурирует в военном кодексе

чести. Живя в рамках своей бюрократической системы, зачастую хорошо организованной, где все как будто находится под полным контролем, армейские офицеры придерживались убеждения, что "политика" – это грязная, ненадежная и неджентльменская игра; и, прилагая к делу критерии, заимствованные из своего кодекса общественных приличий и добродетелей, они часто считали, что политики – это второсортные люди, живущие в подозрительном мире.

Механизм обуздания армии, основанный на принципе поощрения стремления военщины к чинам и славе, не всегда обеспечивал подчинение армии гражданской власти, и он не содержит в себе ничего такого, что неминуемо должно обеспечить это подчинение. Мы знаем, например, что бичом для стран Латинской Америки являлось то, что всякий раз, когда армейские офицеры обретали прочные позиции в руководящих органах государства, они пытались подчинить эти органы себе, а когда они не получали опоры в этих органах, отправлялись порой в поход для завоевания столицы.

2

Все эти соображения, относящиеся к общемировым тенденциям и фактам, особенно применимы к характеристике позиций американского военного ведомства и его верхушки, состоящей из генералов и адмиралов. Подобно процессу возникновения других государств, процесс рождения Соединенных Штатов был связан с насилием, но это произошло в те времена, когда война не представлялась доминирующей чертой общественной жизни. И возникли Соединенные Штаты в такой части света, куда колеснице войны нелегко было добраться; они не могли стать легкой жертвой войны, несущей с собой опустошения, и не переживали тревог, хорошо знакомых странам, живущим бок о бок с сильными в военном отношении соседями. С точки зрения времени и места США пребывали в ранний период своего развития в положении, благоприятствовавшем установлению и сохранению гражданской власти и успешному подавлению возможных милитаристских притязаний. Молодая страна, в которой силами национальной революции пришлось сражаться против солдат-наемников, находившихся на службе у англичан и

расквартированных в домах американцев, не склонна была питать любовь к профессиональным военным. На протяжении многих десятилетий XIX в. Соединенным Штатам, этой обширной и малонаселенной суверенной стране, окруженной слабыми соседями, индейцами, и защищенной огромными океанами, не было нужды нести бремя постоянной и крупной военной надстройки. Больше того, со времени провозглашения доктрины Монро и до того момента, когда эта доктрина была применена (во второй половине XIX в.) к Англии, британский флот в интересах охраны английских рынков в западном полушарии ограждал Соединенные Штаты от континентальных государств Европы. Даже после первой мировой войны и вплоть до возвышения нацистской Германии Америке, ставшей кредитором обанкротившихся стран Европы, почти не приходилось опасаться военного нападения. Все эти обстоятельства привели к тому, что в Соединенных Штатах, так же как и на Британских островах, флот, а не армия являлся в прошлом главной военной машиной; а по сравнению с тем влиянием на общественный строй, которое часто оказывает армия, флот воздействует на него в гораздо меньшей степени,

ибо как средство подавления народного восстания флот не имеет большой ценности. Генералы и адмиралы не играли поэтому большой роли в политических делах страны, и преобладание гражданских элементов приобрело прочный характер.

Нельзя было ожидать, что страна, в которой люди были больше всего поглощены погоней за личным богатством, будет охотно давать средства на содержание организованной профессиональной корпорации, являющейся с экономической точки зрения паразитической. Страна, где средний класс лелеял идеалы свободы и личной инициативы, не склонна была почитать вымуштрованных солдат, которых слишком часто тиранически использовали в целях поддержки менее свободных политических режимов. Следовательно, экономические факторы и политическая атмосфера способствовали в прошлом распространению штатской, развенчивающей оценки военщины как зла, без которого порой нельзя обойтись, но которое всегда является обузой.

Конституция Соединенных Штатов создавалась в атмосфере страха перед возможностью зарождения могущественного военного ведомства. Президент — лицо

гражданское — был провозглашен главнокомандующим всеми вооруженными силами, а в период войны — и главнокомандующим милицией штатов. Было установлено, что один лишь конгресс имеет право объявлять войну или ассигновывать средства на военные цели, — и всякий раз всего только на 2 года. Каждому штату было предоставлено право содержать свою собственную милицию, совершенно самостоятельную и не связанную с общегосударственным военным ведомством. Использование гражданскими властями военных в качестве советников не было предусмотрено. Если в конституцию и были внесены некоторые положения, узаконивающие применение насилия, то это было сделано неохотно, а должностным лицам, призванным осуществлять функции насилия, была предназначена узковспомогательная роль.

После ухода со сцены поколения, делавшего революцию, социальные верхи не носили на себе милитаристского отпечатка; американская элита не числила систематически в своем составе высокопоставленных военных деятелей. Прочной традиции военной службы не существовало, военные не пользовались особым почетом. Богачи стали пользоваться большим "общественным

весом", чем военные, и это стало совершенно очевидным в период гражданской войны, когда система легального уклонения от мобилизации в армию, при которой мобилизованный имеет право выставить вместо себя наемного рекрута, не вызывало возмущения — и эта система продолжала, собственно, существовать вплоть до первой мировой войны. Положение вещей было, следовательно, таково, что военные, часто жившие вдобавок в уединенных фортах, расположенных вдоль старой границы продвижения поселенцев, не входили в высшие круги страны.

Первые поколения переселенцев, прибывавших из Старого света, испытывали в Америке большие и подчас весьма суровые лишения; их экспедиции и поселения (которые на протяжении значительных периодов представляли собой во многих отношениях настоящие военные лагеря) носили воинственный характер. И, несмотря на это, люди, руководившие в те времена страной, не были все-таки отмечены печатью милитаристской идеологии и милитаристской психологии.

Но надо сказать, однако, что, когда мы обзираем историю Соединенных Штатов в целом, мы сталкиваемся с довольно любопытным

обстоятельством. Нам говорят, что США никогда не были и сейчас не являются милитаристской страной, что американцы фактически относятся с недоверием к людям, чей административный опыт приобретен в военной сфере. И все же мы знаем, что революция возвела на пост президента генерала Вашингтона и что некоторые уволенные из армии офицеры, члены Цинциннатского ордена, вынашивали планы создания военного совета и установления власти военного диктатора. Мы знаем также, что участие в пограничных сражениях и стычках с индейцами в некоторой степени способствовало политической карьере генералов Джексона, Гаррисона и Тэйлора в период мексиканской войны. Была и гражданская война, долгая и кровавая, расколовшая американское общество на две части и оставившая после себя рубцы, сильно заметные и сейчас. На протяжении всего периода гражданской войны и после ее окончания политическое господство оставалось как в лагере северян, так и в лагере южан в руках гражданской власти, но война привела к возвышению генерала Гранта и занятию им поста президента, который стал удобной ширмой для всякого рода экономических спекуляций. За исключением Кливленда и Артура, все президенты той эпохи —

от Гранта до Мак-Кинли – были в гражданскую войну офицерами, хотя, правда, профессиональным военным был только Грант. Затем, в эпоху малой испано-американской войны, мы опять-таки замечаем, что Теодор Рузвельт, самый грубый, самый суровый из всех военных (быть может, потому, что он не был профессионалом), пришел со временем в Белый дом. Дело обстоит так, что из 33 человек, занимавших пост президента Соединенных Штатов, около половины имели какой-нибудь военный чин; 6 были кадровыми офицерами, 9 – генералами.

Начиная с восстания Шейса и вплоть до корейской войны в истории Соединенных Штатов не было ни одного сколько-нибудь продолжительного периода, который не был бы ознаменован актами насилия, предпринятыми государством. И в самом деле, с 1776 г. мы имели семь внешних войн, четырехлетнюю гражданскую войну, непрерывные сражения и стычки с индейцами, растянувшиеся на целое столетие, периодическую демонстрацию сил в Китае, военные кампании по покорению прибрежных районов Карибского моря и некоторых районов Центральной Америки. Возможно, что все эти события рассматривались

в общем как досадные помехи, мешавшие более важным текущим делам, – и, уж во всяком случае, можно утверждать, что насилие как средство или даже как моральный принцип, безусловно, котируется в американской жизни и культуре как несколько сомнительная ценность.

Это объясняется вот чем: актов насилия в истории США было очень много, но это насилие в значительной мере осуществлялось непосредственно самим "народом". Вооруженные силы, представленные милицейскими соединениями отдельных штатов, были децентрализованы настолько, что почти полностью походили в этом отношении на феодальную военную систему. Организация вооруженных сил соответствовала, за небольшими исключениями, распыленности орудий материального производства и раздробленности орудий политической власти, построенной по конфедеративному принципу. Американские поселенцы-пограничники, противостоявшие американским индейцам, обладали в отличие от казаков евразийских степей таким техническим и численным превосходством над противником, что страна могла обойтись без профессиональной военной прослойки населения и без крупного,

дисциплинированного аппарата насилия. При тогдашней военной технике средства насилия оставались децентрализованными: каждый, в сущности, мужчина был стрелком. Это было важнейшей причиной политического преобладания гражданских элементов, а также важнейшей причиной утверждения демократических институтов, нравов и обычаев в ранние периоды истории Америки.

В те времена, когда винтовка являлась главным оружием, а один человек означал один голос и вместе с тем одну винтовку, демократия в Америке опиралась на милицию, состоявшую из вооруженных граждан. Вот почему авторы школьных учебников истории не склонны искать причины политических и экономических перемен в изменениях американских военных институтов и систем оружия. Вооруженные силы появляются у них только тогда, когда речь идет о каком-либо столкновении с индейцами или о войне в далеких краях, — а затем снова исчезают. Историки, возможно, и правы. Но не следует забывать, что в Европе первые армии, созданные на базе всеобщей воинской повинности, были революционными армиями. Другие государства неохотно вооружали свое население. На Венском конгрессе Меттерних настаивал на отмене

обязательной воинской повинности; Пруссия приняла эту систему лишь после того, как ее профессиональная армия, не опиравшаяся на всеобщую воинскую повинность, понесла поражения; русские цари — только после Крымской войны, Австрия — после того, как рекруты Бисмарка разгромили войска Франца Иосифа.

Создание в Европе массовых армий, базирующихся на всеобщей воинской повинности, привело к распространению на призываемых в армию некоторых других "прав", кроме "права" ношения оружия. Это было сделано в целях усиления их преданности. В Пруссии, а позднее во всей Германии такая политика проводилась совершенно сознательно. Введение массовой воинской повинности сопровождалось отменой крепостного права, а позднее — созданием системы социального обеспечения. Представляется очевидным, что распространение на широкие массы населения права ношения оружия влекло за собой распространение на них и других прав, хотя, правда, связь между этими двумя сферами явлений не является автоматической. Но в Соединенных Штатах все это происходило иначе: здесь не существовало безоружного народа,

которому какая-то вооруженная прослойка *предоставила* потом право ношения оружия; население носило здесь оружие с самого начала.

Вплоть до первой мировой войны в Америке не существовало системы постоянного военного обучения, не существовало монополии федерального правительства на орудия насилия, не существовало также большой постоянной армии, возглавляемой профессиональными военными кадрами. В период между гражданской и испано-американской войнами армия насчитывала в среднем около 25 тыс. человек, сведенных в полки, причем полки и роты были разбросаны по отдельным гарнизонам вдоль внутренней границы продвижения поселенцев и на Дальнем Западе. На протяжении всего периода испано-американской войны армия Соединенных Штатов была организована на милицейских началах, то есть была децентрализована, а ее офицерский корпус не состоял из кадровых военных и легко подпадал под влияние местных политических группировок.

Небольшая регулярная армия дополнялась милицейскими соединениями отдельных штатов, сведенными в добровольческий корпус США. Командиры этих соединений назначались губернаторами штатов. При таком отсутствии

прочной профессиональной иерархии офицерам регулярной армии часто удавалось сразу же попасть в генералы добровольческого корпуса. Политика – иначе говоря, гражданский контроль – играла главенствующую роль. Генералов было мало, а чин полковника регулярной армии часто являлся пределом мечтаний даже для человека, окончившего Вест-Пойнт.

3

В конце XIX в. старый армейский генерал, облаченный в свой сильно помятый синий мундир, все еще, казалось, был окутан пороховым дымом гражданской войны. В гражданскую войну он отличился, а в период между гражданской войной и скандальной испано-американской войной отчаянно сражался с индейцами. Его кавалерийская лихость уже потускнела, хотя временами все еще толкала его на безрассудства (вспомним сражения при Кустере и Литл Биг Хорн!). Он вел жизнь, несколько похожую на ту суровую жизнь, которую уважал Теодор Рузвельт. Он часто носил усы, иногда и бороду, и обычно производил впечатление человека, мало заботящегося о своей внешности. Генерал Грант носил когда-то солдатский мундир с нечищеными пуговицами и старинные ботфорты – и по его примеру стали одеваться и другие генералы. Такой старый служака сам участвовал в боях – только в период первой мировой войны были приняты некоторые меры для "сохранения квалифицированных кадров". В боях гражданской войны, а затем в стычках с индейцами погибло много генералов и масса полковников. В старой армии генерал

добивался уважения солдат не тем, что занимался разработкой интендантских планов в Пентагоне; он завоевывал его тем, что лучше всех стрелял, крепче всех держался в седле, быстрее всех соображал в трудную минуту.

Попробуем изобразить жизненный путь типичного генерала 1900-х годов. Он происходил из старинной американской семьи, имевшей английских предков. Родился он примерно в 1840 г. где-нибудь в северо-восточной части Соединенных Штатов и воспитывался либо там, либо в северо-центральной части, в сельской местности или в маленьком городке. Отец его принадлежал к лицам свободных профессий, и вполне возможно, что он обладал политическими связями, которые либо пригодились, либо не пригодились будущему генералу в его карьере. Чтобы стать генерал-майором, ему понадобилось более 38 лет службы со времени вступления в армию или поступления в военное училище Вест-Пойнт. К моменту занятия им высокого командного поста ему было уже около 60 лет. Если он был человек религиозный, то он, надо полагать, имел обыкновение ходить в епископальную церковь. Был он человек женатый, и отец его жены (это, возможно, была уже его вторая жена) также принадлежал к лицам

свободных профессий и тоже, возможно, имел какие-то политические связи. В период службы в армии наш генерал не принадлежал ни к какой политической партии, но после ухода в отставку принимал, возможно, известное участие в делах республиканской партии. Вряд ли он что-нибудь написал в своей жизни, и столь же маловероятно, чтобы кто-нибудь много писал о нем. По закону ему надлежало уходить в отставку в возрасте 62 лет. Умирали эти старые генералы в среднем в возрасте 77 лет.

Только третья часть генералов старой армии окончила Вест-Пойнт, и только четыре генерала окончили колледж; командиры старой армии в массе своей не имели специального образования. Впрочем, следует помнить, что многие обучавшиеся в Вест-Пойнте южане, численно преобладавшие в офицерском корпусе старой федеральной армии, покинули в свое время армию и отправились домой, чтобы сражаться в рядах армии конфедератов. Некоторые из армейских генералов 1900-х годов получили офицерский чин еще в период гражданской войны, другие сделали карьеру в рядах добровольческой милиции штатов, а иные лично завербовали в армию положенное число солдат и получили за это в свое время звание полковника.

Вступив в ряды регулярной армии, такой офицер продвигался по службе уже автоматически, на основе выслуги лет; в военное время это продвижение значительно ускорялось. Так, например, в период испано-американской войны случалось, что офицеров сразу производили из полковников в генералы. По меньшей мере половина генералов старой армии имела связи с высокопоставленными генералами и политическими деятелями. Так, например, генерал Леонард Вуд, который в 1891 г. был капитаном медицинской службы, стал затем врачом при Белом доме, а позднее (в 1900 г.), при правлении своих друзей – президентов Теодора Рузвельта и Уильяма Говарда Тафта, – начальником штаба армии.

Из нескольких десятков тогдашних высших военных руководителей только трое когда-нибудь занимались коммерческими делами, да и то двое из них не служили в регулярной армии. В пограничных городах местные торговцы часто с любовью относились к этой старой армии, ибо она воевала с индейцами и с конокрадами. И к тому же наличие военного гарнизона было полезно для местной экономики, ибо это поощряло торговлю. А в более крупных городах воинским частям иногда поручали задачу срыва

забастовок. Любили армию и мальчишки.

В период между гражданской войной и военно-морской экспансией, связанной с именем Теодора Рузвельта, армия была больше на виду у широкой публики, чем флот, и ее притязания на престиж поддерживались низшими слоями населения. Флот же был скорее похож на джентльменский клуб, предпринимавший время от времени исследовательские и спасательные экспедиции. Флот пользовался почетом среди высших классов общества. Это объяснялось тем (и отчасти вело к тому), что флотское офицерство отличалось от армейского более высоким социальным происхождением, а также лучшей профессиональной подготовкой.

Помимо унаследованного от англичан представления об особом значении морского могущества, прославлению флота способствовала еще теория адмирала Мехэна, связывавшего величие страны с ее морской мощью,— теория, охотно подхваченная тогдашним заместителем морского министра Теодором Рузвельтом. Возросший престиж, которым флот стал пользоваться среди более широкой публики в период испано-американской войны, объяснялся тем, что профессиональное искусство морского офицера представлялось профанам более

таинственным, чем искусство армейского офицера: мало кто из штатских отважился бы попробовать командовать военным кораблем, тогда как многие рискнули бы командовать бригадой. Так как во флоте в отличие от армии не существовало милицейской системы, то флотский офицер обретал двойной престиж, основанный на профессиональном искусстве и на обязательном профессиональном образовании, полученном в морской академии в Аннаполисе. Имело значение и то, что в корабли, которыми командовали офицеры флота, вкладывались большие средства. И, наконец, в том же направлении действовала безграничная власть, которой облечен "хозяин корабля", что особенно резко выделялось на фоне издавна установившегося в морском деле презрительного отношения к матросам. Подобное обращение, применявшееся и к военным матросам, особо подчеркивало, разумеется, высокое положение офицеров.

Попробуем изобразить типичные черты биографии адмирала 1900-х годов. Он родился примерно в 1842 г. в семье колониста, и его предки были англичанами. Отец его был деятелем той или иной свободной профессии; существеннее, однако, то, что он происходил из высших слоев населения северо-восточного

побережья страны, и скорее всего из семьи, проживавшей в не очень крупном городе. Будущий адмирал получил образование в морской академии и два года провел на учебном корабле. Во флот он поступил, когда ему было 14 лет от роду. Если это был религиозный человек, то уж непременно протестант. Примерно через 43 года после поступления в академию, в возрасте 58 лет, он стал контр-адмиралом. Женился он на девушке своего круга. Возможно, что он написал книгу, но вряд ли кто-нибудь написал книгу о нем; не исключено, однако, что после войны 1898 г. он получил почетную ученую степень. Из флота он ушел в отставку в возрасте 62 лет. В чине контр-адмирала он прослужил всего лишь 3 года. Умер он через 10 лет после положенного срока ухода в отставку. Адмиралы умирали в среднем в возрасте 72 лет.

Еще в 1900-х годах высший командный состав флота состоял поголовно из людей, окончивших военно-морскую академию в Аннаполисе, и выделялся к тому же джентльменскими манерами и привычками.

Адмиральский состав рекрутировался из более высоких социальных слоев, чем армейский генералитет, в нем было больше уроженцев восточных штатов, он имел более солидную

общеобразовательную и затем специальную подготовку, полученную в морской академии. Адмирал 1900-х годов тоже, как правило, участвовал в свое время в гражданской войне, после которой медленно продвигался по служебной лестнице, избегая всяких новшеств как в личной жизни, так и на военной службе. Так как продвижение по службе совершалось обычно крайне медленно, то для него очень важно было получить офицерский чин как можно раньше, дабы успеть стать адмиралом до 62-летнего возраста, по достижении которого ему полагалось уйти в отставку. Чтобы стать капитаном, надо было обычно прослужить около 25 лет. "Офицеры так много времени проводили на низших постах, что так и не успевали научиться думать самостоятельно. Как правило, они достигали высших командных постов поздно, уже утратив молодость и честолюбие и научившись лишь повиноваться, а не командовать..."

От одной трети до половины всего срока своей службы высшие офицеры проводили в плавании, и происходило это, конечно, преимущественно в тот период, когда они занимали низшие посты. Из 35 высших командиров американского флота около половины возвращалось в то или иное время в

академию в Аннаполисе в качестве преподавателей или администраторов. Некоторые из них проходили там адъюнктуру. Главная причина бюрократической беспомощности, которая зачастую явно обнаруживалась во флоте, состояла в том, что корабли, орудия и материальное снабжение становились в техническом отношении все более сложными, а люди, командовавшие всем этим хозяйством, получали свои посты не столько по признакам технических знаний, сколько на основе выслуги лет. Вот почему командир корабля чувствовал себя на нем не вполне уверенно и ему приходилось брать на себя ответственность за решение вопросов, в которых он не вполне разбирался. Начальники управлений, в ведении которых находился флот, были вхожи к министру и часто имели близких друзей среди членов конгресса. Но, несмотря на связи с видными людьми, только один адмирал тех времен стал бизнесменом и только два адмирала занялись (местной) политикой.

Так в основном выглядело в конце XIX в. находившееся под гражданским контролем военное ведомство Соединенных Штатов с его высшим офицерским корпусом, состоявшим лишь наполовину из профессионалов. Люди эти ни в

каком существенном отношении не принадлежали к американской элите, состоявшей из бизнесменов и политиков. Но сейчас не конец XIX в., и исторические факторы, лимитировавшие в те времена общественный вес военных, ныне в большинстве своем не оказывают больше ни малейшего влияния на структуру социальных верхов Америки.

4

Влияние мирных и штатских воззрений, существующих в Соединенных Штатах, и вместе с тем практика обуздания военщины и недоверия к ней неизбежно сдерживаются в середине XX в. небывалой ситуацией, трактуемой ныне американской элитой как ситуация, определяющая судьбы страны.

I. Американская элита, а также политически активная часть низших слоев населения впервые начинают постигать, что значит жить бок о бок с сильными в военном отношении соседями, что означает тот факт, что территория страны практически досягаема для военного нападения, несущего с собой катастрофу. Они, быть может, понимают теперь и то, как легко жилось в военном отношении Соединенным Штатам раньше, когда страна была географически изолирована и обладала при этом расширявшимся и упорядоченным внутренним рынком и всеми природными богатствами, необходимыми для индустриализации; как легко жилось в эпоху, когда военные действия приходилось вести лишь против народов, обладавших примитивной техникой. Все это отошло теперь в прошлое. В военном отношении

Соединенные Штаты являются ныне соседом Советского Союза в той же мере – или даже в большей мере, – в какой Германия была соседом Франции в прошлые столетия.

II. Это обстоятельство было очевидно доказано, доказано в прямой и потрясающей форме, теми весьма осторожными оценками физических свойств новейших видов оружия, которые теперь не составляют секрета. Имеются основания полагать, что в результате одного массированного нападения могут погибнуть 50 млн. человек, или около трети населения. Соединенные Штаты в состоянии, правда, незамедлительно нанести противнику ответный удар сравнительно равной силы, но это, конечно, не уменьшает силы ударов, которые могут быть нанесены по их собственной территории и по их населению.

Подобные технические потенции можно рассматривать в политическом и экономическом аспектах или же с точки зрения их чисто военного значения. Американская элита, определяющая политику страны, подошла к их оценке главным образом под углом зрения их военного значения. К определению международного положения она подходит преимущественно с военной меркой. Это привело к тому, что дипломатию (в

сколько-нибудь исторически признанном смысле этого понятия) заменили в высших кругах оценками военного потенциала и взвешиванием того, насколько серьезна угроза войны.

И к тому же новые виды оружия создаются в качестве "первой линии обороны". В отличие от химических и бактериологических средств борьбы они рассматриваются не как резерв на случай их использования противником, а как главное наступательное оружие. Ключевые стратегические планы — в том виде, в каком они известны общественности, — официально строятся на предположении, что это оружие будет применено в первые же дни всеобщей войны. Кстати говоря, из этой предпосылки исходят теперь все.

III. Эти оценки действительности и политическая линия, которая якобы ею диктуется, обусловили собой еще одну особенность международного положения Америки: впервые в истории Америки люди, стоящие у власти, толкуют о "критической ситуации", конца которой не предвидится. Во времена новейшей истории люди, в особенности в Соединенных Штатах, начали смотреть на историю как на состояние длительного мира, временами прерываемое войной. Но теперь американская

элита представляет себе мир лишь как тревожный антракт между войнами, случайно выдавшийся в силу равновесия взаимного страха. Она считает, что "мир" можно сохранить, лишь имея револьвер, заряженный на всю обойму. Короче говоря, она полагает, что война или полная готовность к ней — это нормальное и якобы постоянное условие существования Соединенных Штатов.

IV. И, наконец, отметим еще одну новую особенность положения Соединенных Штатов, как она рисуется в официальных оценках. Ее значение даже превосходит значение других отмеченных особенностей. Впервые за всю свою историю американская элита стоит перед возможностью наступления такой войны, *выиграть* которую, как признают ее члены в беседах друг с другом и даже публично, не сможет ни одна из воюющих сторон. Она совершенно не представляет себе, что конкретно могла бы означать "победа" и каким путем можно ее добиться. Генералы заведомо не имеют об этом представления. В Корее, например, стало совершенно ясно, что тупик возник в результате "паралича воли" политической верхушки. Подполковник Мелвин Вурхис приводит следующий отрывок из интервью генерала

Джеймса Ван Флита: "Корреспондент: "Генерал, к чему сводится наша цель?" – Ван Флит: "Не знаю. На этот вопрос должны ответить высшие инстанции". – Корреспондент: "Каким образом мы узнаем, генерал, что добились победы и добились ли мы ее вообще?" – Ван Флит: "Не знаю. Знаю лишь, что об этом должен будет сказать нам кто-нибудь сверху". "Таковы итоги последних двух лет Корейской войны", – писал по этому поводу в редакционной статье журнал "Тайм". В прежние времена государственные лидеры, готовясь к войне, имели разработанные теории победы и условия капитуляции, и некоторые по крайней мере из них не сомневались в том, что сумеют навязать противнику эти условия своими военными средствами. К началу второй мировой войны цели, преследуемые Соединенными Штатами в войне, были в любом политическом или экономическом аспекте крайне смутны, но стратегические планы достижения победы путем вооруженного подавления противника *имелись*. Ныне, однако, литературы о путях достижения победы не существует. При нынешних средствах насилия разговоры о "массированном ответном ударе" не являются ни планом войны, ни наметкой путей достижения победы. Это всего

лишь бурный дипломатический и, так сказать, политический жест и признание того, что тотальная война между двумя странами стала теперь средством взаимного уничтожения. Положение теперь таково: в случае войны все народы могут погибнуть, все они боятся войны, и благодаря всеобщему страху перед войной они остаются в живых. Мир — это взаимный страх, это равновесие взаимного страха, испытываемого вооруженными противниками.

Я не намерен подвергать сейчас обсуждению все те определения действительности, которые призваны оправдать внешнеполитический курс Соединенных Штатов. Однако если даже исходить из особенностей международной обстановки, фигурирующих ныне в оценках официальных кругов, то нам следует понять, что во всех случаях, когда принимаются такие решения по международным делам, которые могли бы привести к установлению мира, обычные военно-стратегические соображения и всякого рода военная экспертиза стали сейчас ненужными и могут лишь вести к ошибкам. Нет сомнений, что все решающие проблемы и в первую очередь проблемы войны и мира стали теперь в еще более полном смысле, чем

когда-либо, политическими проблемами. Будет ли НАТО иметь 10 дивизий или 30 – это с военной точки зрения столь же безразлично, как и вопрос о том, следует ли вновь вооружать Германию или нет.

В свете установленных теперь фактов, относящихся к последствиям тотальной бомбардировки, подобные вопросы уже не имеют ни малейшего военного значения. Это не военные, а политические проблемы, связанные с вопросом о том, удастся или не удастся Соединенным Штатам сплотить европейские страны.

Но если иметь в виду военное восприятие действительности, преобладающее у людей, делающих высокую политику, то возвышение генералов и адмиралов и их проникновение в высшие круги американской элиты становится совершенно понятным и закономерным, вполне реалистичным и желательным процессом. Дело в том, что специфическое понимание новой международной позиции Соединенных Штатов и новой международной обстановки, свойственное элите, способствовало изменению центра ее политических усилий. Расширение сферы влияния и возрастание общественного веса военных лидеров из Вашингтона – это не

единственный, а всего лишь наиболее очевидный признак расширения круга вопросов, привлекающих внимание властвующей элиты. Решения, имеющие наиболее серьезные последствия, стали в значительной мере решениями, связанными с внешней политикой. Было бы, возможно, преувеличением утверждать, что для многих членов элиты внутренняя политика имеет теперь значение главным образом как средство сохранения власти внутри страны, с тем чтобы иметь возможность оказывать нажим за границей, опираясь на всю национальную мощь; но уж, во всяком случае, справедливо, что внутриполитические решения, относящиеся практически ко всем областям жизни, все больше оправдываются, а то и определяются опасностями или благоприятными возможностями, усматриваемыми за границей.

Вместе с тем возросшее могущество военной знати вызвало беспокойство в высших гражданских кругах — и в этом нет ничего удивительного. Эта тревога могла бы оказаться серьезным политическим фактором, если бы она привела к практической ревизии милитаристского понимания действительности во имя политического, экономического и гуманистического восприятия международных

отношений. Но вот оказывается, что испытывать тревогу по поводу возвышения военной знати (являющегося, безусловно, и причиной и следствием господствующей оценки действительности) все же легче, чем отказаться от этой оценки.

5

С усилением и централизацией американских материальных орудий насилия возник чрезвычайно сложный военно-бюрократический аппарат, протянувший свои щупальца до окраинных азиатских государств и полуостровных окраин Европы и проникший со своими стратегическими воздушными силами в сердце Евразии. Подобные перемены в характере военных институтов и дальности действия средств насилия не могли не привести к столь же важным изменениям в положении людей, управляющих этими средствами насилия, то есть в положении американской военной знати.

Самым ярким символическим воплощением масштабов и очертаний новой американской военной машины является Пентагон. В этом лабиринте из бетона и камня помещается мозг американских средств насилия. Самое большое в мире административное здание – американский Капитолий – целиком поместилось бы в любом из 5 его крыльев. Длина только одной из 5 его внешних стен равняется длине трех футбольных полей. Коридоры общей протяженностью 17,5 миль, коммутатор на 40 тыс. телефонных номеров, 24 км пневматических труб, 2100

телетайпных аппаратов связывают 31 300 сотрудников Пентагона друг с другом и с внешним миром. Пентагон бдительно охраняют 170 агентов службы безопасности; его младший обслуживающий персонал насчитывает 1000 человек; 4 человека заняты весь рабочий день только тем, что сменяют перегоревшие электрические лампочки, другие 4 человека следят за щитом регулирования 4 тыс. часов, развешанных в Пентагоне. Около входа в здание со стороны реки имеется 5 площадок для игры в хэндбол и 4 кегельбана. Ежедневно в корзинки выбрасывается 10 г несекретных бумаг; этой бумажной макулатуры продается в год на сумму примерно 80 тыс. долл. Радио-телевизионные станции Пентагона передают 3 раза в неделю программу для всей страны. Его система связи позволяет вести четырехстороннюю беседу между людьми, находящимися на большом расстоянии друг от друга, например в Вашингтоне, Токио, Берлине и Лондоне.

В этом здании, в этом архитектурном лабиринте, среди этого причудливого скопища людей протекает повседневная деятельность современных военных лидеров. И среди них вы не найдете военных деятелей прежнего закала, закала тех людей, которые воевали с индейцами.

На верхушке военно-бюрократической лестницы, ступенью ниже президента Соединенных Штатов, назначаемого им министра обороны и помощников министра обороны, пребывает военный директорат – Объединенная группа начальников штабов, заседающая в помещении, стены которого обшиты листовой сталью. За объединенным комитетом начальников штабов непосредственно следует высший круг генералов и адмиралов, управляющих огромными и сложными наземными, морскими и воздушными силами, а также системой экономических и политических связей, поддержание которых они считают необходимым, и аппаратами информации и пропаганды.

После событий в Пирл-Харборе была предпринята серьезная попытка объединить управление различными родами войск. Был издан ряд законов и директив, направленных к этой цели. Предполагалось, что такое объединение облегчит гражданский контроль. Эта попытка, однако, не увенчалась полным успехом. Особенно недовольно было морское командование, считавшее, что флоту не уделяется должного внимания. Командование отдельных родов войск порой обращалось в конгресс через голову

министра. Был даже случай, когда командование ВВС добилося своего вопреки возражениям министра обороны. В 1949 г. комиссия Гувера доложила, что военное ведомство не имеет центрального руководства и достаточно упорядоченного бюджета, что оно не является единой "упряжкой" и что связь между научно-исследовательской деятельностью и стратегическими планами слаба.

"Отсутствие централизованного руководства национальным военным ведомством, негибкая система субординации, созданная на основе принятого закона, и раздробление ответственности привели к тому, что над вооруженными силами не был установлен строгий гражданский контроль".

После второй мировой войны в персональном составе высших руководителей военного ведомства, штатских и военных, произошли радикальные перемены, хотя, правда, социальный облик этой головки не подвергся решительному изменению. На посту министра обороны последовательно сменили друг друга политический деятель, маклер, генерал, банкир, руководитель корпорации. В непосредственном общении с этими людьми находились четыре высокопоставленных военных деятеля,

принадлежащих к "настоящим военным". С точки зрения военщины идеальным гражданским руководителем военного ведомства был бы, вероятно, такой человек, который служил бы гражданской ширмой для конгресса и вместе с тем был бы послушным исполнителем решений, принимаемых военными. Но руководители такого типа попадаются не всегда. Недавно, например, морской министр отстранил от работы одного адмирала из-за "разногласий в политике". Трения в этой сфере, несомненно, имеются, ибо люди обоих разрядов — гражданского и военного, — как и все люди на свете, находятся в известной мере в плену у своего прошлого.

В высших военных кругах имеются, конечно, отдельные клики, различным образом связанные друг с другом и с существующими гражданскими политическими течениями и кликами. Это ясно обнаруживается в тех случаях, когда скрытые трения превращаются в открытые разногласия — как это было, например, в период отстранения Макартура от поста командующего вооруженными силами на Дальнем Востоке. Помимо школы Макартура (влияние которой уже убывало), придававшей главное значение Азии, в то время существовала еще школа Маршалла, придававшая главное значение Европе, группа

Эйзенхауэра – Смита, пользовавшаяся большим влиянием, но не руководившая армией, и господствовавшая группа Брэдли – Коллинса, стоявшая у руководства. И существует к тому же довольно обычная рознь между теми, кто считает, что нужны "подлинно профессиональные вооруженные силы", возглавляемые "боевыми офицерами", и теми, кого больше устраивает возвышение новых "специалистов" и штабных работников.

По мере усиления власти военных в их среде, несмотря на "объединение" вооруженных сил (которое, безусловно, отнюдь не завершено), будут возникать, вероятно, более остро враждующие между собой группировки. Когда военные представляют собой маловлиятельную прослойку, борющуюся за свое существование, они в большей мере склонны поддерживать друг друга, чем в том случае, когда они оказываются доминирующими членами властвующей элиты, ибо при такой ситуации речь идет уже не о существовании, а об экспансии.

Милицейская система была в начале XX в. централизована. Развитие военной техники зашло теперь настолько далеко, что винтовки стали просто игрушками. Граждане получают ныне доступ к оружию в рамках дисциплинированной

организации, имеющей строго централизованное управление, а средства подавления противозаконных актов насилия возросли. Следовательно, все, кто не принадлежит к правящим военным кругам, в военном отношении беспомощны. И в то же время дело обстоит так, что при наступлении войны в нее практически втягивается все население, то ли в качестве солдат, то ли в качестве тылови́ков, а это означает, что все подчиняются иерархии, во главе которой стоят военные лидеры из Вашингтона.

6

Нынешний генерал или адмирал непосредственно имеет дело со стрелковым оружием лишь во время охоты на уток, затеянной им вместе с компанией воротил из мира корпораций где-нибудь в поместье, принадлежащем, скажем, "Континентэл моторз корпорейшн". Вот факты: одна страховая компания "страховала офицеров на протяжении полутора десятков лет; она пережила вторую мировую войну... и не прогорела... В период войны в Корее процент смертности среди застрахованных офицеров, служивших в зоне боев, был ниже среднего процента смертности среди лиц, работающих в промышленности". Вот еще факт: изыскания, произведенные бригадным генералом С. Маршаллом, показали, что за время любого боя в период второй мировой войны из всех солдат, которые находились в положении, позволяющем стрелять в противника, действительно стреляло не свыше 25%.

Нынешний генерал или адмирал является в большей мере профессионалом, чем мы по традиции привыкли думать. Из общего числа генералов, занимавших в 1950 г. высокие военные посты, 2/3 окончило в свое время

военное училище в Вест-Пойнте (а что касается адмиралов, то в 1950 г., так же как и в 1900 г., все они принадлежали к лицам, окончившим морскую академию); большинство из них служило еще в период мировой войны и пережило эпоху антивоенных настроений 20-х и 30-х годов, выпрашивая ассигнования, борясь с обвинением в том, что они торговцы смертью. Над ними всеми витал приукрашенный и отлакированный образ генерала Першинга.

В межвоенные годы в профессиональной жизни военных ничего примечательного не происходило. Эта жизнь была в известной мере похожа на жизнь врача, не имеющего ни единого пациента: обстоятельства не требовали от военных практического применения их профессионального искусства. Но в то же время они находились на службе. В этой особенности их положения заключается, быть может, причина той духовной эволюции, которая замечается у них в такие периоды: в такие времена у них усиливается стремление (слишком глубокое, чтобы они могли относиться к нему критически) быть во всем похожим на определенный образец, ничем не выделяться, никогда не терять спокойствия при подчиненных и прежде всего не допускать и мысли о возможности какого-либо

нарушения порядка субординации. Они всячески стремились вести себя так, чтобы в вышестоящих инстанциях их не могли ни в чем упрекнуть, Как на родине, так и за границей жизнь профессиональных военных протекала в рамках их собственных маленьких колоний, в условиях полной оторванности от экономической и политической жизни страны. При господствовавшем в ту пору недоверии гражданских элементов к военщине общее мнение было таково, что военные должны "стоять вне политики", и большинство военных рады были, по-видимому, следовать этому правилу.

В межвоенный период служебная жизнь офицера вращалась вокруг дел, связанных с очередным повышением в чине. Продвижение по службе до чина полковника включительно происходило в порядке выслуги лет, и в этом движении офицеру мешал так называемый "горб" — образовавшееся скопление 4 или 5 тыс. офицеров, большинство которых получило офицерские чины в период первой мировой войны. Из-за этого "горба" требовалось "двадцать два года на то, чтобы от чина младшего капитана добраться до чина старшего капитана". Офицер "вряд ли мог надеяться получить чин капитана в возрасте моложе 50 лет".

Общественная жизнь офицера в межвоенный период также вращалась вокруг его чина. В сфере общения офицеров с гражданскими лицами, а также в их собственном кругу чувство дистанции между рангами сильно давало о себе знать. Жена генерала Джорджа Маршалла, вспоминая эти времена, приводит в своих мемуарах следующие слова, сказанные женой одного офицера: "Супругу самого высокого по рангу офицера следует всегда просить за столом налить кофе, а не чай, потому что кофе по рангу выше чая". Она рассказывает также о жизни Маршалла (тогда еще полковника) в период кризиса, когда армия — как она отмечает в другом месте — испытывала такой недостаток в деньгах, что пришлось урезать практические стрельбы. "Наша квартира в Форт-Моултри, — пишет она, — находилась не в обыкновенном здании, а в отеле. Этот дом был построен командованием береговой артиллерии в те времена, когда оно было богато, но теперь он был в очень плохом состоянии. 42 застекленные двери вели на нижнюю и верхнюю веранды, тянувшиеся вдоль трех сторон дома". А когда Маршалл стал генералом, "перед коттеджем появился великолепный новенький "паккард", который должен был заменить наш маленький "форд". Итак, пост генерала принес ему

замечательный сюрприз, ибо "паккард" в тот период депрессии действительно был чудесным сюрпризом. Я была вне себя от радости".

Жена другого полковника рассказывает в своих воспоминаниях о чинопочитании, господствовавшем в отношениях между офицерскими женами: "Когда кто-то предложил выбрать комиссию для закупки книг, жена врача, зная, что книги — это моя слабость, робко пробормотала мое имя, но жена полковника назначила трех дам, мужа которых имели более высокие чины, чем мужа остальных присутствовавших дам". Она рассказывает также о жизни высшего командного состава за границей: "В Китае у нас было пять домашних слуг... Директива о замораживании жалованья [в период кризиса], временно отменившая систему автоматического повышения жалованья, сильнее ударила по младшему, чем по старшему командному составу. Она не коснулась ни одного генерала, а из адмиралов пострадал только один человек. В армии из числа пострадавших от этого мероприятия 75% составили лейтенанты, капитаны, унтер-офицеры и медицинские сестры". Вот в эти-то межвоенные годы младший лейтенант Эйзенхауэр встретил Мэмми Дауд, отец которой был достаточно богат, чтобы в 36 лет

уйти из армии и зажить праздной жизнью в Денвере и проводить вместе со своей семьей зиму в Сан-Антонио.

В литературе приводились данные, относящиеся, например, к 1953 г., свидетельствующие о том, что "типичный кадровый офицер в состоянии накопить к 45 или к 50 годам до 50 тыс. долл. в виде страховых взносов". Жизнь флотского офицера в межвоенные годы описывалась таким образом: "Летние плавания были восхитительны. Золотые нашивки и особые привилегии, связанные с принадлежностью к высшему обществу, в конце концов начали вселять в вас сознание того, что вы, черт возьми, важная персона. И вы... усвоили хорошие манеры и посетили на рождественских праздниках семью своего товарища в Филадельфии и впервые вкусили прелести светской жизни и все блага, уготованные для привлекательного молодого моряка... Вы выслушали столько лекций, в которых вас убеждали не считать себя выше штатских, что чувствуете, что вы действительно могли бы дать им "сто очков вперед", но что вместе с тем было бы неприлично показывать, что вы так думаете".

Однако в Соединенных Штатах не всегда существовало такое положение, когда, говоря

словами Веблена, "военная доблесть почитается", поскольку "война считается делом почтенным". И офицеры в массе своей не всегда рекрутировались из среды вебленовского праздного класса и не всегда становились членами этого класса. Утверждение, будто офицерский состав всегда рекрутировался из среды праздного класса, более справедливо в отношении флота, чем в отношении армии; что же касается военно-воздушных сил, то этот род войск возник сравнительно недавно и вопрос об исторических изменениях социального состава офицерства к ним не относится. Если говорить в общем и целом, то высшие офицеры армии и флота были в прошлом скорее выходцами из высших прослоек среднего класса, а не из подлинно высшего или заведомо низшего классов. Процент выходцев из рабочего класса был среди них весьма невелик. Это были преимущественно сыновья людей свободных профессий, бизнесменов, фермеров, государственных чиновников и кадровых военных. В своем подавляющем большинстве они принадлежали к протестантам, главным, образом к последователям епископальной церкви или пресвитерианской. Мало кто из них служил рядовым.

Для всех почти нынешних офицеров вторая

мировая война сыграла решающую роль. Она определила собой особенности современной военной карьеры и ту политическую, военную и общественную атмосферу, при которой эта карьера складывается. Более молодые представители нынешней военной верхушки проходили службу в лучших полках или дивизиях, а люди постарше, быстро продвинувшиеся в период широкого развертывания вооруженных сил, заняли во время войны высшие штабные посты внутри страны и за границей.

7

Для формирования душевного склада профессионального военного его социальное происхождение и первоначально полученное воспитание не имеют такого значения, какое это имеет для формирования характера людей любого другого типа, встречающегося в высших общественных сферах. Специальная подготовка будущего адмирала или генерала начинается рано и потому оказывает на него глубочайшее влияние, а военная среда, в которую он попадает, настолько засасывает его, что весь его образ жизни прочно определяется ею. При таких условиях формирование его духовного облика весьма мало зависит от того, является ли он сыном плотника или миллионера.

Однако в этом рассуждении о стандартном облике профессиональных военных не следует, конечно, заходить слишком далеко. Из всех групп, входящих в состав американской элиты, военная прослойка является самой бюрократичной, но это не значит, что вся она состоит из бюрократов. Притом, как и во всех бюрократических организациях, высшие круги военной иерархии менее бюрократичны, чем низшие и средние. И все же надо сказать, что,

когда мы изучаем особенности военной карьеры, перед нами выступает один факт, имеющий столь решающее значение, что входить в дальнейшие подробности не представляется необходимым. Факт этот заключается в том, что в большинстве случаев карьеры адмиралов и генералов складывались совершенно одинаково, по заранее установленному образцу. Стоит нам только разобраться в основных правилах и узловых моментах такой стандартной карьеры, и мы будем знать столько, сколько можно было бы извлечь из подробных статистических данных о множестве карьер.

Военная среда тщательно отбирает и формирует тех, кто становится профессионалами. Суровые условия Посвящения в военную профессию, которые мы находим в Вест-Пойнте или военно-морской академии, а также в учебных командах для младшего командного состава, свидетельствуют об активном стремлении к искоренению ранее приобретенных гражданских представлений и чувств, с тем чтобы легче было сформировать (насколько это возможно) совершенно новый характер.

Именно это стремление к искоренению ранее приобретенных представлений и чувств лежит в основе "дрессировки" новичка и практики

отведения ему на первых порах весьма низкого места в военной иерархии. Требуется сделать так, чтобы он в значительной мере утратил свою прежнюю индивидуальность и потерял способность даже мысленно отделять себя как личность от своего военного призвания. Его нужно оторвать от его прежней гражданской жизни, и тогда он искренне начнет ценить превыше всего такие вещи, как успешное приспособление к армейской действительности, глубокое восприятие военной идеологии, гордое чувство удовлетворения от успехов, достигнутых в сфере военной иерархии и в ее границах. Само сознание собственного достоинства будет всецело и полностью зависеть у него от того, насколько ценят его люди, занимающие равное с ним положение и старшие по чину. Ему внушают, что его нынешнее окружение принадлежит к высшим кругам страны. Большое значение придается тому, чтобы он усвоил все тонкости светского этикета; всеми официальными и неофициальными способами его побуждают к тому, чтобы он ухаживал за девушками, принадлежащими скорее к высшим, чем к низшим слоям населения. В его сознание внедряют мысль о том, что он вступил в важный сектор высших кругов общества, так что его вера

в себя постепенно сливается у него с представлением о себе как о преданном члене восходящей организации. Единственная "воспитательная" система в Америке, которую можно в какой-то мере сравнить с военной, — это система, применяемая в частных школах для детей из "четырехсот семейств" центральных городов, но и в них эта система не доведена до такого совершенства, как в военных школах.

Подготовка будущей военной знати начинается в военном училище Вест-Пойнт и в морской академии в Аннаполисе. И хотя в критические периоды, когда требовалось срочное увеличение военных кадров, приходилось прибегать к другим источникам комплектования и к другим методам обучения, эти учебные заведения все же остаются главным центром подготовки военной элиты. Высшая часть генералитета и все адмиралы нашего времени — это люди, учившиеся в Вест-Пойнте или морской академии, и они, несомненно, несут на себе печать этого воспитания. И в самом деле, если бы у них не было такого рода кастового самосознания, пришлось бы считать, что эти заведения, служащие отбору и формированию людей определенного душевного склада, не справляются со своей задачей.

Кастовое самосознание — это основная отличительная черта подлинно профессионального офицерского корпуса, заменившего со времен испано-американской войны командный состав прежних децентрализованных милицейских соединений, который был в какой-то мере связан с местными политическими группировками. "Наша конечная цель — флот, наша доктрина — ответственность, наша практическая задача — формирование военного характера", — писал флотский капитан А. М. Налтон. В те времена, когда большинство нынешних адмиралов еще училось в Аннаполисе, командор Эрл утверждал: "Дисциплина, существующая в военно-морской академии, служит прекрасной иллюстрацией того принципа, что в каждом сообществе дисциплина означает попросту организованное существование. Дисциплина — неременное условие упорядоченной жизни, а без упорядоченной жизни цивилизация невозможна. Тех, кто не желает жить так, как подобает, необходимо заставить это делать, людей с такими вредными наклонностями нужно обуздывать. Только по отношению к ним дисциплина носит всегда суровый характер или представляет собой форму наказания. Так, разумеется, и должно быть. Мир

был бы лучше, если бы такие личности постоянно чувствовали над собой тиранический, неумолимый и жесткий кулак и постоянно сознавали, что их могут выгнать из сообщества, к которому они не имеют права принадлежать".

Военная среда оказывает решающее воздействие на принадлежащих к ней людей, ибо она тщательно отбирает своих будущих членов и выбивает из них ранее приобретенные представления; она изолирует их от гражданского общества и на протяжении всей их жизни стандартизует их карьеру и поведение. Принцип строгого чередования командных постов, которому подчинена их карьера, способствует унификации их профессиональных знаний и мироощущения. В мире военщины высокий пост — это не просто должность и даже не только вершина карьеры: он, несомненно, придает законченную форму целому строю жизни, формируемому под всепроникающим влиянием военной дисциплины. Бюрократическая иерархия, довлеющая над всей жизнью военного человека, формирующая его характер и самосознание, зачастую духовно подавляет его; а как человек, который в один прекрасный день может стать штатским, он часто оказывается духовно опустошенным. Если говорить о нем как

о гражданине, то до самого последнего времени он был вообще изолирован от других областей американской жизни. Являясь духовным продуктом закрытой системы образования, имея за плечами жизненный опыт, который определялся военным уставом и системой, построенной на принципе строгого чередования служебных постов, он предстает перед нами как человек, сотворенный по крайне стандартному образцу.

Современные военные деятели, начиная с генерал-майора и выше, похожи один на другого как внутренне, так и внешне. Это взаимное сходство у них выражено сильнее, чем у других людей из высших кругов общества. Что касается внешнего сходства, то, как заметил Джон Марканд, часто создается впечатление, что одинаковая военная форма включает в себя одинаковую маску, и уж непременно одинаковое выражение лица. Мы видим перед собой решительный рот и, как правило, твердый взгляд; постоянное стремление ничего не выражать своим видом; прямую фигуру, квадратные плечи и размеренную походку. Они не ходят, а крупно шагают. Эффективность всей системы военного воспитания и выучки сказывается в том, что они в значительной мере похожи друг на друга и по

своему восприятию жизни и своим взглядам. Принято говорить, что у них "военный склад ума", – и это не пустая фраза: она повествует о плодах специальной бюрократической системы обучения; она характеризует результаты системы формального отбора, одинакового жизненного опыта, общих дружеских связей и одинаковых сфер деятельности – и все это в рамках сходного и раз навсегда заведенного порядка. Она говорит и о роли военной дисциплины, требующей мгновенного и механического повиновения вышестоящим начальникам. Военный склад ума подразумевает также общность взглядов, основой которых является метафизическое восприятие действительности как преимущественно военной действительности. Даже в чисто военных вопросах такой ум не доверяет "теоретикам" хотя бы потому, что мышление последних отличается известным своеобразием: бюрократическое же мышление – это упорядоченное и эмпирическое мышление.

Тот факт, что им удалось взобраться на верхние ступени военной иерархии, которую они почитают больше, чем всякую другую, рождает у преуспевающих военных руководителей чувство уверенности в своих силах. Всякого рода привилегии, связанные с их высокими постами,

делают их еще более самоуверенными и самонадеянными. И то сказать: если бы они потеряли веру в себя, то что еще осталось бы им потерять? В определенной, строго ограниченной области жизни они часто являются вполне компетентными людьми, но при их преданности военному ремеслу, привитой воспитанием, эта область зачастую представляется им единственной, которая действительно чего-то стоит. Их служебной деятельности сопутствует целая система прерогатив и чиновных привилегий, и благодаря этому они чувствуют себя экономически обеспеченными, свободными от материальных забот. Это, правда, не всегда богатые люди, но им никогда не приходится сталкиваться с теми тревогами и страхами, связанными с поисками средств к существованию, с которыми приходится сталкиваться людям из низших и средних классов общества. Их положение на служебной лестнице определяет также, как мы видели, их положение в обществе: борьба за высокое общественное положение, которую им пришлось вести, развертывалась в рамках четкой и хорошо организованной иерархической системы, где каждый знает свое место и не соперничает с тем, кто стоит выше.

В этом военном мире споры и дискуссии

пользуются не большим почетом, чем метод убеждения: тут приказывают и повинуются, и никакие вопросы, даже малозначительные, не подлежат решению путем голосования. Жизнь в военной среде соответственным образом сказывается на представлениях, которые человек с военным складом ума имеет не только о военных институтах, но и о других институтах. Высокопоставленный военный часто рассматривает экономические институты как средство, предназначенное для производства военного снаряжения, а крупную корпорацию — как своего рода военное учреждение, но только дурно управляемое. В его мире, мире военных, заработная плата строго определена, а профсоюзы совершенно немыслимы. Политические институты он считает только помехой в делах. По его мнению, в них часто царит коррупция и они обычно плохо функционируют; в них работает множество недисциплинированных и сварливых существ. И надо думать, что он не очень-то огорчается, когда ему приходится слышать о гражданских и политических деятелях, поставивших себя в глупое положение.

Вот такие-то люди, с умами и взглядами, сформировавшимися под воздействием таких вот

условий, заняли в послевоенной Америке положение, позволяющее им вершить высокую политику. Нельзя утверждать — и мы это сейчас докажем,— что они непременно стремились захватить эти новые позиции; усиление их влияния произошло в значительной мере из-за банкротства гражданских политических деятелей. Впрочем, можно, пожалуй, сказать — как это заметил в той же связи К. С. Форестер, — что для осуществления бескрылой политики, разработанной такой элитой, которая лишена воображения, нужны и исполнители, не обладающие живым воображением. Но вместе с тем следует сказать, что толстовское представление о роли генерала должно быть теперь расширено. Генерал — это не только человек, вселяющий в других чувство уверенности своим умением вести себя так, будто он понимает, что происходит в путанице боя; он является также администратором, распоряжающимся людьми и машинами, из которых складываются значительно усилившиеся ныне средства насилия.

После второй мировой войны крупная военная карьера делается несколько иначе, чем в межвоенный период. Будущий военный руководитель, человек, которому предназначено

стать членом военной верхушки, обычно проходит теперь свою решающую стажировку в Пентагоне, где за работой каждого человека, занимающего низший или средний пост, неусыпно следит его начальник и где на самом верху гражданские и военные люди постоянно проверяют друг друга. В свои тридцать лет армейский подполковник или флотский капитан III ранга совершает свой решающий прыжок — если он вообще совершает его — скорее всего в Пентагоне или в учреждении, непосредственно примыкающем к Пентагону. Здесь, будучи винтиком сложной машины, он может обратить на себя благосклонное внимание влиятельных людей; здесь его могут назначить на штабную должность, а позднее дать ему многообещающую оперативную должность. Так, в свое время на Першинга произвел благоприятное впечатление Джордж Маршалл, на Нимица — Форрест Шерман, на Хэпа Арнольда — Лорис Норстэд, на Эйзенхауэра — Грюнтер, а на Грюнтера — Шайлер.

Чем обычно занимается будущий военный руководитель в Пентагоне, в котором работает, надо думать, больше адмиралов, чем младших лейтенантов флота, больше генералов, чем старших лейтенантов армии? Он не командует там людьми — и до поры до времени не командует

даже секретарем. Он читает доклады и составляет короткое резюме в виде межведомственного меморандума; он наклеивает на документы цветные ярлыки – красный для срочных бумаг, зеленый для спешных, желтый для экстренных. Он входит в одну из 232 комиссий. Он подготавливает сведения и проекты для тех, кто принимает решения, тщательно приноравливаясь при этом к мнению своего начальника. Он старается прослыть "растущим" молодым человеком – и даже (как это принято в мире корпораций) протежируемым молодым человеком, находящимся под чьим-то покровительством. Так же как во всех бюрократических организациях, он старается действовать в соответствии с уставом, умея, однако, гибко применять его, с тем чтобы прослыть оперативным работником, хорошим толкачом; в низших инстанциях он способен добиться утверждения еще одного секретаря для своей канцелярии, а в высших – сформирования еще одной авиабригады.

Теперь нам надлежит рассмотреть деятельность военной знати в еще более высоких сферах.

IX. Возвышение военщины

После событий в Пирл-Харборе руководители возросших американских вооруженных сил стали пользоваться значительной автономией и вместе с тем начали оказывать большое влияние на своих коллег, действующих в сфере политики и экономики. Одни профессиональные солдаты отошли от военных дел и вступили в другие высокие сферы американской жизни. Другие, оставшись солдатами, своими советами, информацией и суждениями оказывали влияние на решения людей, облеченных властью в делах экономических и политических, а также в области просвещения и науки. Снявшие военную форму генералы и адмиралы, равно как и оставшиеся при ней, пытались формировать политические воззрения низших слоев населения; при решении спорных политических проблем они (открыто или тайно) бросали на чашу весов свой авторитет.

Во многих таких спорах военные руководители добивались своего, в других случаях они препятствовали тем действиям и решениям, которые они не одобряли. Одни решения принимались под их веским влиянием, против других они возражали и потерпели

неудачу. И все же они сейчас более могущественны, чем когда-либо за всю историю существования американской элиты; теперь у них больше возможностей влиять на многие области американской жизни, в которых распоряжались раньше одни лишь гражданские элементы. У них появилось больше связей, и действуют они сейчас в стране, элита и широкие слои населения которой восприняли то, что может быть названо не иначе, как военным подходом к действительности. В прошлом военные руководители были всего лишь докучливыми бедными родственниками американской элиты; теперь они стали ее двоюродными братьями, а вскоре, быть может, перейдут на положение старших братьев.

1

Хотя генералы и адмиралы все больше и больше вторгаются в область экономики и политики, военное воспитание, под влиянием которого сформировались их характер и воззрения, не перестает в них сказываться. Но вместе с тем условия успешного продвижения по высоким ступеням их новых карьер стали иными. Внимательно присмотревшись к ним сегодня, можно заметить, что некоторые из них не так уж отличаются от заправил корпораций, как это можно было бы ожидать, а другие скорее смахивают на политических деятелей своеобразного типа, чем на военных деятелей того склада, который соответствует нашим обычным представлениям.

Утверждалось, что военный мог бы практически выполнять функции штатского руководителя (например, министра обороны) лучше, чем штатский человек, мало знакомый с военными делами и военными кадрами, которого легко могут провести окружающие его генералы и адмиралы. По аналогии с этим можно было бы думать, что военный человек, занимающийся политикой, не способен иметь твердой, самостоятельной и решительной политической

линии; больше того, можно было бы думать, что, попадая в гражданскую политическую среду, генерал непременно теряет целеустремленность и ввиду отсутствия у него специальных знаний и ясной цели становится даже слабовольным человеком.

Не следует, однако, забывать о той самоуверенности, которая возникает под влиянием военного воспитания и военной карьеры. Люди, сделавшие успешную военную карьеру, очень часто обретают тем самым уверенность в своих силах, которую они легко сохраняют, когда им приходится действовать в области экономики или политики. Как и все люди, они, конечно, склонны прислушиваться к советам старых друзей и искать у них нравственной поддержки, а друзья у них ввиду исторически сложившейся обособленности военной среды — люди преимущественно военные. Как бы ни обстояло дело с отдельными личностями, военные лидеры, как известная группа, являются, вероятно, самыми компетентными людьми среди тех, кто ныне делает государственную политику. Нет другой группы, которая имела бы подготовку, относящуюся одновременно к экономическим, политическим и военным делам; нет другой

группы, которая имела бы такой длительный опыт, связанный с ответственными решениями; нет другой группы, которая так охотно усваивала бы специальные знания других групп и с такой готовностью использовала бы эти знания в своем профессиональном деле. Никакая иная группа не имеет столь постоянного доступа к международной информации. К этому следует добавить, что военный подход к оценке политической и экономической действительности, обычно преобладающий теперь среди самых "штатских" политических деятелей, является обстоятельством, о котором никак нельзя сказать, что оно может ослабить уверенность военной знати в своих силах, ослабить ее стремление вершить политику или ее способность проводить свою линию в высших кругах. Процесс "политизации" высших военных кругов, развертывавшийся на протяжении последних 15 лет, представляет собой довольно сложный процесс. Как члены профессионального офицерского корпуса, некоторые военные проявляют прочную заинтересованность — личную, цеховую, идеологическую — в расширении той сферы жизни, где военная каста может играть главенствующую роль. Иные из них, как бюрократы, горят желанием расширить

свою личную бюрократическую вотчину. Есть и такие власть имущие военные люди, которые энергично добиваются политического влияния, наслаждаясь проявлением власти как высокой самодовлеющей ценностью; одни из них обнаруживают это властолюбие с полной надменной откровенностью, другие – в очень тонкой форме. Но отнюдь не все военные исходят из таких побуждений. Типичному военному человеку не свойственно стремиться к политической власти; не существует, во всяком случае, надобности сводить все объяснение политического возвышения военщины к приписыванию ей подобных побуждений. Ибо возможны ситуации – и такие ситуации встречались, – когда военщине (даже против ее желания) передается политическая (по своему основному характеру) власть в силу того, что гражданские власти оказываются несостоятельными; военщина сплошь и рядом служила, охотно или неохотно, гражданским деятелям в качестве орудия осуществления их политических целей.

С точки зрения партийного политика, хорошо вышколенный генерал или адмирал является превосходным орудием осуществления определенной политики, ибо при осторожном его

использовании зачастую удастся поднять эту политику "над узкопартийным политиканством", то есть над политическими спорами, и перенести ее в область авторитарных решений, где — как говорил искушенный в политических материях Даллес, выступая в поддержку кандидатуры генерала Эйзенхауэра на пост президента,— требуются люди, способные "принимать серьезные решения".

С точки зрения политического администратора, использование военных на гражданских административных постах часто представляется целесообразным по той причине, что это люди, имеющие административный опыт и знания и в то же время не связанные открыто с какими-либо частными материальными интересами. Отсутствие настоящего профессионального корпуса гражданских чиновников, который готовил бы и поощрял людей, стремящихся к гражданской карьере, делает использование военных еще более соблазнительным.

Положение, следовательно, таково, что политические деятели не выполняют истинной своей задачи, заключающейся в выработке политической линии путем обсуждения и дискуссий и обосновывают свои авторитарные

решения ссылкой на опыт, якобы имеющийся у военных, а государственные администраторы не выполняют своей прямой обязанности по части создания профессиональных кадров государственного чиновничества. Банкротство гражданских элементов по обеим этим линиям ведет к возвышению профессиональных военных элементов. По этим именно причинам, больше чем по каким-либо другим, военная элита — члены которой назначаются на свои посты якобы не по партийным соображениям и не несут политической ответственности — была привлечена к участию в делах, относящихся к сфере высокой политики.

Как только военные вступают — охотно, неохотно, а подчас и сами того не ведая — на политическую арену, они, конечно, подвергаются критике; вокруг них возникают политические споры, и, подобно другим политическим деятелям, они становятся объектом нападков. Даже в тех случаях, когда их деятельность не носит явно выраженного политического характера, их критикуют с политических позиций. В Америке, где гражданские элементы всегда относились к военным с недоверием, последние всегда были подходящим объектом для политических поношений. Но теперь дело зашло

гораздо дальше. В 1953 г. сенатор Маккарти, как указывал Хэнсон Болдуин, "пытался присвоить себе право командования армией и нападал на офицеров, долго и честно прослуживших в армии, за то, что они... выполняли приказы своих законных начальников". Не имея на то никаких полномочий, он, таким образом, вторгнулся в сферу компетенций военной иерархии. Высокопоставленный военный деятель является свидетелем того, как подобные нападки фактически подорвали уважение общественности к государственному департаменту и деморализовали работников этого департамента, и он опасается, что военное ведомство окажется в таком же положении. Так как военный лидер вдобавок оказывает влияние на экономические дела, поскольку преобладающая часть бюджетных ассигнований приходится на долю военного ведомства, то он вполне может стать объектом нападков руководителей новых органов гражданской администрации, которые, правда, опираются на него, но при случае могут и лягнуть, а также политических демагогов, всячески норовящих использовать его "ошибки" или придумать "ошибки", якобы совершенные им.

Когда политика вторгается в армию, армия

вторгается в политику. Военный стал и становится политическим деятелем, с одной стороны, потому, что штатские не справляются со своими задачами, а с другой – потому, что штатские критикуют решения, принимаемые военными.

Привыкший командовать, зачастую не понимающий истинных целей и мотивов направленной против него критики, верящий в то, что формальное звание "военного специалиста" точно выражает степень его участия в политических решениях, военный деятель часто довольно сурово реагирует на критику. В армейском боевом уставе не предусмотрены правила борьбы с сенатором. Когда военный деятель попадает под огонь критики, у него, как ему представляется, имеется только два выхода из создавшегося положения. Один из них, специально напрашивающийся тогда, когда идет война, – это уйти в действующую армию и строго выполнять приказы, не выдвигая никаких политических вопросов; иными словами, стать воякой и уклоняться от всего прочего, держаться особняком и закоснеть в чувстве собственного достоинства. Второй выход – уйти с головой в политику, использовать классические приемы заключения союзов с влиятельными

политическими деятелями, и в меру возможностей, создаваемых высоким положением, пустить в ход, быть может, и какие-нибудь новые приемы. Ибо надо иметь в виду, что до тех пор, пока такие люди остаются военными, они не могут явно и открыто заниматься политикой в узкопартийном смысле этого слова — хотя, правда, такие случаи и бывали. Им придется, как правило, действовать осторожно, за кулисами; короче говоря, они будут вступать в союз с другими военными деятелями, с руководителями корпораций, членами политической верхушки и конгресса с целью создания или объединения промилитаристских клик, действующих в сфере высокой политики.

Следует также помнить, что в силу особенностей своего воспитания и жизненного опыта профессиональный военный твердо убежден в правильности военного восприятия международных отношений. Появление новых ужасных средств насилия и резкие промахи, наблюдающиеся в работе гражданской дипломатии, вселяют в него поэтому неподдельную тревогу за судьбы своей страны. Наиболее убежденные и наиболее одаренные в своей области люди из военной среды были бы весьма огорчены, если бы им пришлось перейти

на положение строго аполитичных военных специалистов. Кроме того, многие военные забрались слишком высоко и уже слишком сильно втянулись в политику, чтобы довольствоваться ролью солдата.

Именно в особенностях описанной нами ситуации следует искать объяснение политической эволюции военной знати и того большого влияния, которым она начала пользоваться в кругах американской властвующей элиты. Принято думать, что военные являются лишь орудием в руках политических деятелей, но что вместе с тем проблемы, с которыми военные сталкиваются, все больше требуют политических решений. Трактовать подобные политические решения как "военную необходимость" значит считать, что если не само право принимать эти решения, то ответственность за них должна быть возложена не на гражданские власти, а на военную элиту. Но если разделять милитаристскую оценку действительности, которой ныне упорно придерживаются гражданские круги элиты, то, по сути дела, получается, что единственной реальностью, то есть реальной необходимостью, является в наше время война.

2

С превращением Соединенных Штатов в великую мировую державу сфера влияния военного ведомства расширилась и люди, стоящие на высших ступенях военной иерархии, проникли непосредственно в дипломатические и политические круги. Генерал Марк Кларк, например, которому во времена его военной службы пришлось заниматься политикой в большей мере, вероятно, чем любому другому американскому военному деятелю, придает большое значение системе "содружества", как он ее называет, "то есть такому порядку, когда политический деятель и военный действуют совместно". В этой связи он говорил: "В прошлом многие американские генералы склонны были толковать о политике в таком стиле: "Ну ее к черту! О политике поговорим как-нибудь потом". Но сейчас вести себя так уже нельзя".

В 1942 г. генерал Кларк вел дела с Дарланом и Жиро в Северной Африке, затем он командовал 8-й армией в Италии и позднее оккупационными войсками в Австрии. В 1952 г. он командовал американскими войсками в Японии и на Дальнем Востоке, а также войсками ООН в Корее. Генерал Джордж Маршалл состоял личным

представителем президента в Китае, а затем занимал посты государственного секретаря (1947–1949 гг.) и министра обороны (1950–1955 гг.). Вице-адмирал Алан Керк был в конце 40-х годов послом в Бельгии, затем был назначен послом в СССР. В 1947 г. помощником государственного секретаря по делам оккупированных районов состоял генерал-майор Джон Хилдринг, который имел дело "непосредственно с военными командирами, контролировавшими осуществление политики в Германии, Австрии, Японии и Корее". Бригадный генерал Франк Хайнс был послом в Панаме. Генерал Уолтер Беделл Смит был послом в СССР, а затем работал руководителем Центрального разведывательного управления (1950–1953 гг.) и заместителем государственного секретаря (1953–1954 гг.). Оккупационными войсками в Германии командовал генерал Люшьес Клей; оккупационными войсками в Японии – генерал Макартур. А в объятый волнениями Индокитай поехал в 1954 г. не дипломат, а бывший начальник штаба армии генерал Дж. Лоутон Коллинс; он был направлен туда, "чтобы восстановить некоторый порядок" в районе, который, как он заявлял, "имел важное политическое и экономическое значение для

Юго-Восточной Азии и для свободного мира".

Больше того, высокопоставленные офицеры, продолжавшие носить военную форму или снявшие ее, ввязались в публичные политические дебаты. Генерал Брэдли, один из тех, кто наиболее рьяно отрицал факт предосудительного влияния военных на решения гражданских проблем, выступал в комиссиях конгресса, а также перед широкой публикой в поддержку государственных мероприятий, которые были связаны не только с чисто военными, но и с экономическими и политическими проблемами. А генерал Маршалл, например, выдвинул ряд доводов против резолюции Вагнера – Тафта, поддерживавшей идею более широкой эмиграции в Палестину и дальнейшего развития Палестины по пути превращения в отечество для евреев. Вместе с генералами Брэдли, Ванденбергом и Коллинсом и адмиралом Шерманом генерал Маршалл выступал также в комиссиях конгресса в защиту дальневосточной политики правительства Трумэна, подвергавшейся нападкам со стороны республиканцев, и в защиту решения о снятии Макартура с поста командующего американскими войсками на Дальнем Востоке.

Генерал Брэдли выступил с многочисленными

речами, которые по своему общему смыслу, безусловно, затрагивали политические вопросы, выдвинутые в 1952 г. в ходе кампании по выборам президента, – и сенатору Тафту, Хэнсону Болдуину (и другим) это нетрудно было доказать. "Эта речь, – писал Хэнсон Болдуин об одном из таких выступлений генерала Брэдли, – содействовала включению генерала Брэдли и Объединенной группы начальников штабов в избирательную борьбу, где им совсем не место". Что же касается сенатора Тафта, обвинявшего Объединенную группу начальников штабов в том, что она находится под контролем политической администрации и проводит ее политику вместо того, чтобы ограничиться в этой области ролью советника по специальным вопросам, то его обвинения были поддержаны генералом Альбертом Ведемейером, а также генералом Макартуром. Другой генерал, Боннер Феллерс, входил в состав национального комитета республиканской партии.

На выборах 1952 г. генерал Макартур в прямое нарушение Устава американской армии (статья 600-10) критиковал в своих публичных выступлениях политику законно избранного правительства. Он произнес программную речь на съезде республиканской партии и дал ясно

понять, что он согласен на выдвижение его кандидатом на пост президента. Но кандидатом был выдвинут другой генерал, который тоже не находился в отставке, – генерал Эйзенхауэр. Кандидатуры обоих генералов и то, что можно было бы назвать их политическими программами, были активно поддержаны не только гражданскими элементами, но и военными. Не подлежит сомнению, что в настоящее время имеются генералы-республиканцы и генералы-демократы. Имеются также, как мы теперь хорошо знаем, офицеры, выступающие за или против отдельных сенаторов – таких, например, как Маккарти; оставаясь на своих военных постах, они находят те или иные способы выражения или сокрытия своих политических приверженностей.

В 1954 г. видная группа высокопоставленных военных во главе с отставным генерал-лейтенантом Джорджем Стратемейром и отставным контр-адмиралом Джоном Кроммелином поддержала попытку собрать 10 млн. подписей под петицией в пользу Маккарти. Это происходило в обстановке возвышения военщины, в период, когда из памяти еще не изгладились слова "старого солдата" Макарура: "Мы, военные, должны всегда поступать так, как

нам велят. Но, коль скоро наши государственные деятели не в состоянии обеспечить сохранение мира, мы с вами обязаны довериться солдату, если мы хотим, чтобы страна наша выжила" (1953 г.). И еще: "Я вижу возникновение новой, до сих пор неизвестной и опасной концепции, согласно которой люди, служащие в рядах наших вооруженных сил, должны быть главным образом верны и преданы тем, кто временно осуществляет власть, принадлежащую исполнительным органам государства, а не стране и ее конституции, защищать которые они поклялись. Нет более опасной идеи, чем эта" (1951 г.).

Но еще большее значение, чем прямые притязания военщины на политическую роль, чем советы, даваемые ею политикам в частном порядке, чем ее публичные выступления, имеет, пожалуй, другая, более сложная форма влияния военщины на политическую жизнь. Представители политических и экономических кругов властвующей элиты, а также широкие слои населения начали относиться к высокопоставленным военным как к авторитетам в вопросах, выходящих далеко за рамки той области, которая в прошлом считалась чисто военной.

С начала 40-х годов традиционно враждебное

отношение конгресса к военным переродилось в нечто похожее на "дружественное и доверчивое" раболепство. Нет таких показаний экспертов, за исключением, конечно, показаний Дж. Эдгара Гувера, к которым сенаторы относились бы с таким почтением, как к показаниям высокопоставленных военных. "Во всем, что конгресс делал во время войны, и во всем, что он отказывался делать, — читаем мы в одном официальном правительственном отчете, — он постоянно соглашался с предложениями и требованиями начальника штаба, не задавая почти никаких вопросов". А что касается проблем коалиционной стратегии, то, хотя их "решали" американский президент и английский премьер, решения эти сводились к утверждению вариантов, одобренных военными и отобранных из числа тех вариантов, которые были разработаны и представлены военными.

Конституция обязывает конгресс заниматься проблемами содержания и управления вооруженными силами страны. В мирные времена, до второй мировой войны, профессиональные политики, заседавшие в конгрессе, рассматривали совместно с военными все детали, касавшиеся вооруженных сил, навязывали им свои решения, обсуждали вопросы

стратегии и даже определяли принципы военной тактики. Во время же второй мировой войны члены конгресса "голосовали" за такие статьи бюджета, как расходы по "Манхеттен проджект", не имея ни малейшего понятия о том, что это связано с военным бюджетом, и когда сенатор Трумэн на основании слухов заподозрил, что под этим скрываются крупные дела, то одного слова военного министра было достаточно, чтобы он прекратил всякие расспросы. Общеизвестно также, что в послевоенный период конгресс не имеет возможности получать надежную информацию по военным вопросам и в еще меньшей степени располагает специальными знаниями и временем, необходимыми для того, чтобы взвесить эту информацию и сделать из нее надлежащие выводы. Воздействие высокопоставленной военщины на решения, связанные с основными политическими и экономическими проблемами, значительно увеличилось: именно это обстоятельство скрывается за разговорами о "надежности" военных и их "авторитетности" в качестве экспертов. И снова следует отметить, что это возросшее влияние военных объясняется не столько их узурпаторскими поползновениями, сколько несостоятельностью гражданских

элементов — несостоятельностью, быть может, закономерной, если иметь в виду структуру конгресса и его состав.

3

Нет ни одной области высокой политики, которая находилась бы под большим влиянием военной знати и ее милитаристской философии действительности, чем область внешней политики и международных отношений. В этой сфере возвышение военщины совпало во времени со вступлением в действие других факторов, способствовавших упадку гражданской дипломатии как искусства и ослаблению гражданского дипломатического корпуса как организованной группы сведущих в своем деле людей. Возвышение военщины и упадок дипломатии стали наблюдаться как раз в тот момент, когда международные проблемы впервые в истории Соединенных Штатов стали поистине стержневыми национальными проблемами и когда при всех, в сущности, значительных решениях с ними все больше и больше приходится считаться. С тех пор как американская элита восприняла военный подход к оценке международной действительности, профессиональный дипломат того типа, который мы знали или могли бы себе представить, попросту перестал пользоваться реальным весом в высших кругах страны.

Когда-то война считалась занятием солдат, а международные отношения — делом дипломатов. Но теперь, когда война стала как будто тотальной и как будто перманентной, добровольная забава королей превратилась в вынужденное и губительное занятие народа, а дипломатический кодекс чести, действовавший в сфере отношений между странами, потерял силу. Дело мира не воспринимается больше всерьез; всерьез воспринимаются только вопросы войны. Каждый человек и каждая страна трактуются либо как друг, либо как враг, а понятие вражды становится механическим, лишенным четких граней и подлинной страсти. Когда имеется тенденция трактовать фактически все переговоры, ставящие своей целью мирное урегулирование, как сеяние "обезоруживающих мирных иллюзий", а то и как измену, активная деятельность дипломата становится бесцельной, ибо дипломатия становится в подобных условиях лишь прелюдией к войне или интермедией между войнами, и дипломат уступает место военному лидеру.

Чтобы разобраться в том, что произошло, важно иметь представление о трех группах явлений, относящихся к американской дипломатии и к американским дипломатам. Мы имеем в виду сравнительно низкий качественный

состав дипломатических кадров, его дальнейшее ухудшение в результате всевозможных "расследований" и проверок "благонадежности" и, наконец, распространение среди дипломатических работников военно-метафизического подхода к действительности.

I. "Дипломатическая игра", представляющая собой политическое ремесло и вместе с тем искусство лавирования в высшем свете, может развертываться только в той общественной среде, где тончайшие приемы светского обольщения незаметно сочетаются с политическими намерениями. Подобное искусство требовало, по-видимому, тех светских достоинств, которые обычно приобретаются людьми, принадлежащими по своему воспитанию и образу жизни к высшему классу. И действительно, профессиональные дипломаты рекрутировались из среды богатых классов.

Однако до 1930 г. профессиональная служба в дипломатическом корпусе не открывала дорогу к должности посла. Из 86 американцев, занимавших посольский пост в период 1893–1936 гг., всего лишь примерно четвертая часть работала в дипломатическом корпусе до назначения на эту должность. "В Англии,— указывал Д. А. Гартман, — должность посла — это

последняя ступень профессиональной дипломатической карьеры, тогда как в Америке это, как правило, случайный эпизод в жизни бизнесмена, политического деятеля или адвоката.

В период длительного пребывания у власти демократической партии было создано нечто вроде профессиональных дипломатических кадров, рекрутировавшихся из высших общественных слоев. Из 32 послов и посланников, имевшихся в 1942 г., почти половина окончила частные подготовительные школы, посещаемые детьми из прослойки "четырёхсот семейств" центральных городов. Из 118 высших чиновников дипломатической службы 51 были выпускниками Гарвардского, Принстонского и Йельского колледжей.

В 1953 г., когда к власти пришли республиканцы, в 72 американских дипломатических миссиях и 198 консульствах насчитывалось 1305 работников (из общего числа работников государственного департамента 19 405 человек). Из 72 человек, возглавлявших американские миссии за границей, 40 человек были профессиональными дипломатами, "назначение которых на специальные посты зависело в иных случаях от президента, но пребывание которых на дипломатической службе

не зависело от смены правительства". При смене правительства профессиональные дипломаты могли избирать одну из двух возможностей: либо уйти в отставку, либо, формально отказавшись от своих постов, ждать назначения от нового правительства.

В то время могло казаться, что профессиональная дипломатическая карьера как карьера, открывающая дорогу к званию посла, стала более устойчивой, так как из 25 человек, назначенных президентом Эйзенхауэром на наиболее видные посольские посты, 19 человек были профессиональными дипломатами. Но вместе с тем можно было бы указать, что к 1953 г. видные дельцы, юристы и политические деятели уже не считали для себя "честью" назначение на должность посла в небольшие, в общем, страны, в которых были аккредитованы почти все послы из числа профессиональных дипломатов. Со временем, однако, президент Эйзенхауэр начал посылать в малые страны, куда раньше назначались дипломаты-профессионалы, близких ему людей из среды политических и партийных деятелей, которым почему-либо не повезло на политическом поприще. Так, например, в Мадриде старого дипломата Джеймса Данна сменил Д. Лодж,

забаллотированный кандидат на пост губернатора штата Коннектикут. В Ливии Джон Таппин, специалист по производству лыж и руководитель одного из отделений организации "Граждане за Эйзенхауэра", заменил профессионального дипломата Генри Вилларда. На более заманчивых дипломатических постах Америку представляли миллионеры-банкиры, члены богатейших американских семей, их родственники и советники, видные юристы, связанные с корпорациями, мужья богатых наследниц.

II. Еще до прихода к власти правительства Эйзенхауэра нравственные качества и деловая квалификация профессиональных дипломатических кадров сильно ухудшились в результате кампании по расследованию антиамериканской деятельности и связанных с ней увольнений. Затем из ФБР перешел в государственный департамент Скотт Маклеод — приспешник сенатора Маккарти, где он заправляет делом комплектования кадров и проверки благонадежности. Скотт Маклеод, "убежденный в том, что главным мерилом ценности работников дипломатической службы является "благонадежность", рассказал однажды, что после проверки всех других данных он задает себе вопрос: "Хотел бы я укрыться в бою вместе с

этим человеком за одним деревом или нет? Если исходить из такого критерия, то можно подобрать хорошие кадры. Именно так я подхожу к делу при проведении этих расследований". Среди дипломатических кадров нашлось много людей, которым "не хотелось бы оказаться за одним деревом" с полисменом Маклеодом, а у многих работников дипломатической службы из числа оставшихся на своих постах "усиливалось впечатление, что сообщать в Вашингтон правду о положении в той или иной стране небезопасно, если правда эта не отвечает предвзятому мнению людей, сидящих в Вашингтоне".

Осенью 1954 г. вслед за многими людьми, уволенными ранее по соображениям "лояльности", был снят с работы Джон Патон Дэвис, профессиональный дипломат с 23-летним стажем. На этот раз увольнение мотивировалось не соображениями лояльности, а "отсутствием рассудительности, благоразумия и солидности". Его точка зрения на политику в отношении Китая, высказывавшаяся им за 10 лет до увольнения, не совпадает с нынешней правительственной политикой. Заявления, сделанные по этому поводу профессиональными дипломатами, говорят нам об их умонастроениях. Один из новых работников бюро

государственного департамента по планированию политики писал: "Будем надеяться, что американская общественность поймет наконец, что слово "благонадежность" стало эвфемизмом. Оно прикрывает ведущуюся в течение последних пяти лет грубую политическую кампанию, направленную к устранению из государственного аппарата людей с высокими интеллектуальными и моральными качествами и к замене их надежными с политической точки зрения людьми, которых нельзя заподозрить в том, что они чем-то выделяются. Укажем, например, что при наборе людей в ныне реорганизованный дипломатический корпус требования в части общеобразовательной подготовки открыто снижены. Похоже на то, что посредственность стала идеалом". Джордж Кеннан, старый дипломат и выдающийся знаток международных отношений, советовал своим студентам в Принстонском университете воздержаться от дипломатической карьеры. Он говорил: "Моральные устои государственного департамента настолько подорваны, что лучшие люди бегут из него и советуют другим последовать их примеру".

Институт военных атташе существует, конечно, уже много лет, и принято считать, что

военный атташе является помощником посла и вместе с тем звеном в системе разведывательной службы. Но после войны многие из военных атташе начали относиться к дипломатическому корпусу и к государственному департаменту с плохо скрываемым презрением и фактически стали действовать независимо от послов, под руководством которых им полагалось бы работать.

Дело, однако, далеко не ограничивается такими сравнительно маловажными трениями. Военные, как мы видели, стали послами, а также специальными представителями. При разработке многих важных решений международного характера профессиональных дипломатов просто обходили и все вопросы решались кликами высокопоставленных военных и политических деятелей. При заключении соглашений по вопросам обороны, подписанных Соединенными Штатами с Испанией в сентябре 1953 г., и при обсуждении в 1945 и 1946 гг. вопроса о судьбе захваченных у Японии островов, расположенных в западной части Тихого океана, военные принимали решения дипломатического характера, не советуясь с дипломатами или вопреки их мнению. Мирный договор с Японией был разработан не дипломатами, а генералами.

Мирного договора с Германией не существует: были заключены лишь союзы и соглашения между армиями. В Паньмыньчжоне переговоры о прекращении войны в Корее "вел" не дипломат, а генерал в сорочке с открытым воротом и без галстука. "Американским военным кругам — пишет лондонский "Экономист", — удалось привить публике представление, будто на свете существуют такие вещи, как чисто военные факторы, и что вопросы, связанные с ними, не могут правильно решаться гражданским лицом. Оба этих положения опровергаются теорией и практикой англичан..."

В бытность свою председателем Объединенной группы начальников штабов адмирал Рэдфорд, заявивший в свое время в комиссии конгресса, что красный Китай необходимо уничтожить, хотя бы для этого пришлось вести войну в течение 50 лет, предлагал (до падения Диеп-Биен-Фу) направить против вьетнамских войск 500 самолетов с тактическими атомными бомбами. Если Китай открыто вмешается в это дело, неофициально говорили нам, то Пекин будет подвергнут атомной бомбардировке. Политическую ситуацию того времени Рэдфорд определял как военную и потому считал себя вправе высказывать свое

мнение столь же громогласно, как и его штатские начальники — министр обороны и государственный секретарь. В августе 1954 г. генерал Марк Кларк публично заявил, что СССР надо изгнать из Организации Объединенных Наций, а дипломатические отношения с ним следует порвать. Генерал Эйзенхауэр, тогда уже президент, не согласился с мнением своего близкого друга, но слово президента не помешало все же генералу Джеймсу Ван Флиту публично одобрить воззрения генерала Кларка. Это произошло не потому, что вопросу этому придавалось слишком уж большое значение, ибо известно, что ООН регулярно обходили при вынесении важных решений и при созыве тайных совещаний. Не ООН организовала совещание в Женеве, не ООН рассматривала вопрос о действиях Соединенных Штатов в Гватемале. Обход ООН в важнейших конфликтах между Востоком и Западом и ее общее политическое ослабление — это одно из проявлений упадка дипломатии в послевоенный период. Другой стороной процесса упадка дипломатии является возвышение военных как в смысле усиления их личного влияния, так и в смысле усиления влияния их философии действительности.

В Америке никогда не заботились

надлежащим образом о том, чтобы поднять дипломатию до уровня сложного искусства, которым занимаются специально обученные и способные профессионалы. Люди, посвятившие себя дипломатии, не могли надеяться получить высшие дипломатические посты, ибо эти посты раздавали в значительной степени по указке людей из сферы политики и бизнеса. Имевшийся у США профессиональный дипломатический корпус (равно как и возможность создания такого корпуса в будущем) был подорван недавней кампанией по расследованию антиамериканской деятельности и увольнениями. А тем временем военные проникли и продолжают проникать в высшие органы дипломатической службы.

4

Военное ведомство давно, конечно, было причастно к экономике. Инженерный корпус (в прошлом в нем служил цвет выпускников Вест-Пойнта) контролировал в мирное время строительство портов и речных систем. Для провинциальных предпринимателей и предпринимателей высокого пошиба, участвовавших в государственных экономических начинаниях, входящих в компетенцию конгресса, не было секретом, что через корпус можно урвать кусок казенного пирога и что, с другой стороны, от корпуса можно ждать неприятностей, вроде отрицательного заключения о планах Бюро мелиорации, касающихся комплексного экономического развития речных долин. "Вплоть примерно до 1925 г., – пишет Артур Маас (в статье "Лоббисты, которых нельзя искоренить"), – корпус фактически расходовал 12% всей суммы обычных правительственных расходов".

Но сейчас экономическое значение военного ведомства качественно изменилось. Государственный бюджет увеличился, и вместе с тем увеличилась та доля бюджета, которая предназначена для военных целей и расходуется военным ведомством. Со времен,

непосредственно предшествовавших второй мировой войне, и до наших дней эта доля никогда не спускалась ниже 30%, а в среднем она составляла 50% всего государственного бюджета. В бюджете, объявленном на 1955 г., 2 долл. из каждых 3 фактически предназначено для целей обороны. И в той же мере, в какой возросла роль государства в экономике, возросла и роль военного ведомства в государстве.

Мы должны постоянно иметь в виду, что возвышение военных — это явление совсем недавнего времени. В период первой мировой войны военные проникали в высшие экономические и политические круги только временами, когда создавалось "чрезвычайное положение". Лишь в период второй мировой войны они вторглись туда поистине решительным образом. Особенности современной войны таковы, что военным пришлось это сделать независимо от того, хотелось ли им этого или нет, так же как им пришлось вовлечь в военное ведомство людей, занимавших влиятельные позиции в области экономики. Если бы военные не были тесно связаны с корпорациями, то они не могли бы быть уверены в том, что их программы будут осуществлены, а, если бы заправилами корпораций не были в известной мере

осведомлены о военных планах, они не могли бы планировать военное производство. И вот генералы стали советниками президентов корпораций, а президенты корпораций стали советниками генералов. "Став с 1 июня 1942 г. начальником артиллерийско-технического управления, — рассказывал генерал-лейтенант Левин Кэмпбелл (младший), — я начал с того, что организовал при себе консультативный комитет из четырех выдающихся промышленных и коммерческих лидеров, досконально знающих все особенности массового производства".

В течение второй мировой войны объединение руководителей корпоративной экономики и военной бюрократии достигло того значения, которое оно имеет в наши дни. Самый масштаб "интендантской службы" не мог не оказать в этой области решающего влияния. "Интендантство, — писал в 1942 г. журнал "Форчун", — можно было бы... уподобить холдинг-компаниям небывалых размеров. По сравнению с этим гигантом, правомочным израсходовать в этом году около 32 млрд. долл., или 42% всей суммы, которую США израсходуют на военные цели, "Юнайтед Стейтс стил корпорейшн" кажется, в сущности, несостоятельным должником, "Америкен телефон

энд телеграф компани" — телефонным коммутатором в провинциальной гостинице, а Реконструктивная финансовая корпорация, возглавляемая Джесси Джонсом, или любое другое правительственное агентство — жалким провинциальным крохобором. Во всем Вашингтоне вряд ли найдется учреждение, начиная от Управления по распределению вооружений, возглавляемого Гарри Гопкинсом, до самых мелких учреждений, в двери которого генерал Сомервелл или его подручные не постучались бы для того, чтобы что-нибудь попросить, взять займы или попросту стащить".

Сама *организация* военной экономики способствует сближению интересов и политическому объединению военных руководителей и руководителей экономики. "При начальнике артиллерийской интендантской службы имеется группа консультантов, в которую входят Бернард Барух, представитель "Джонс-Мэнвил корпорейшн", Льюис Браун, представитель "Крайслер корпорейшн", К. Т. Келлер и представитель "Юнайтед Стейтс стил корпорейшн" Беджамин Фейрлесс. Заказы артиллерийской интендантской службы распределяются четырьмя основными отделами. Директору каждого отдела... помогает

промышленная консультативная группа, состоящая из представителей основных фирм, производящих тот вид вооружения, которым занимается данный отдел".

Военное ведомство и корпорации формально находились, конечно, под контролем гражданских политических деятелей. Как управляющие крупнейшей в Америке экономической "корпорацией", "военные имеют совет директоров... в который входят президент, министры вооруженных сил, члены комиссий конгресса по военным делам. Однако многие из членов совета, как, например, члены конгресса, могут в действительности лишь выражать свое общее доверие или недоверие руководству. Даже самые влиятельные директора — президент США и министр обороны — в состоянии обычно спорить с администраторами этой особой корпорации только так, как профаны спорят со специалистами, — и в этом состоит существенное отличие подобных взаимоотношений от взаимоотношений между советом директоров и администрацией промышленной корпорации".

Дружеская солидарность между промышленными корпорациями и военными кругами была особенно ярко продемонстрирована их сговором относительно сроков и принципов

проведения послевоенной "реконверсии". Военные могли лишиться влияния на экономику; корпорации боялись, что они не смогут больше вести производство на условиях, содержащихся в выгоднейших договорах, которые у них имелись. Недостаточно осторожно отрегулированная реконверсия легко могла бы нарушить основы системы монополий, существовавшей до того, как началось производство на нужды войны. Генералы и администраторы из мира корпораций, служившие во время войны в руководящих государственных органах и получавшие там символический доллар в год, позаботились о том, чтобы этого не случилось. После второй мировой войны спрос, предъявляемый военным ведомством, продолжал определять формы и темпы развития корпоративной экономики. Не удивительно поэтому, что за последнее десятилетие многие генералы и адмиралы не просто ушли в отставку, а стали членами советов директоров различных корпораций.

Надо полагать, что руководителей корпораций, воспользовавшихся услугами военных вельмож, разменивающих свою славу на богатство, интересовали не столько их знания в области финансов и промышленности, сколько их

связи в военных кругах и знание порядков и нравов военного ведомства. Думать иначе было бы трудно. Учитывая те крупные контракты, которые военное ведомство заключает с частными корпорациями, нам нетрудно понять смысл таких, например, публичных заявлений журналистов, освещающих положение в области бизнеса: "Макнерни знает Пентагон — лучшего заказчика компании "Конвэйр", — как никто другой; этот факт хорошо известен его другу Флойду Одлэму, председателю правления совета директоров компании "Конвэйр". Или еще: "В деловых кругах сейчас говорят: обзаводитесь генералом. Какое государственное ведомство больше всего расходует средств? Военное. Кто лучше всех умеет протолкнуть дело сквозь бюрократические дебри, лучше даже, чем крупные чиновники-взяточники (действующие по принципу: 5% с номинальной суммы контракта)? Генерал или адмирал. Так сделайте же его председателем совета директоров".

Однако усилившийся обмен людьми между военными и корпоративными кругами интересует нас не столько потому, что он служит средством, ускоряющим заключение контрактов на военную продукцию. Этот факт дает нам ключ к пониманию структурных изменений,

происходящих в Соединенных Штатах. За ростом военного бюджета и обусловленным им сдвигом в правящих верхах кроется серьезный структурный сдвиг современного американского капитализма в сторону перманентно военной экономики.

За период жизни одного поколения Америка стала самой мощной в мире индустриальной страной и в то же время одним из сильнейших в военном отношении государств. Молодые военные воспитываются, безусловно, в атмосфере, определяемой существованием союза между военной знатью и промышленными лидерами; больше того, их усиленно и явно готовят к тому, чтобы они поддерживали этот союз и в будущем. "Военно-промышленный колледж", в котором студенты специально изучают проблемы взаимозависимости между войной и экономикой, занимает главенствующее положение в системе военного образования.

Оптимистически настроенному либералу XIX в. все это показалось бы крайне неожиданным. В большинстве своем представители либерализма полагали в то время, что рост индустриализации быстро приведет к тому, что военщина станет играть незначительную роль в современных делах. Они полагали, что под влиянием мягких нравов промышленно организованного общества

крайние формы насилия, свойственные военному государству, попросту исчезнут. Рост индустриализации и длительная мирная эра — разве явления эти не служили тому доказательством? Типичные для либерализма расчеты таких людей, как Герберт Спенсер, оказались, однако, совершенно ошибочными. Основная тенденция развития, обнаружившаяся в XX в., состоит в том, что по мере концентрации экономики и ее организационного объединения в крупные иерархии военное ведомство разрасталось и начало играть решающую роль в определении всей структуры современной экономики; больше того, по мере превращения последней в нечто похожее на перманентно военную экономику между военными и экономическими интересами создавалась глубокая и капитальная связь, а военщина и ее политические установки все больше проникали в сферу экономики, организованную в форме капиталистических корпораций.

"Мира — вот чего официальные круги боятся больше, чем бесконечной войны в Корее", — писал в апреле 1953 г. Артур Крок..." Усиленная продажа акций на фондовой бирже, вызванная неожиданными мирными предложениями Кремля, подтверждает тот тезис, что ближайшее

экономическое процветание в США связано с военной экономикой, и это дает основание ожидать возникновения острейших экономических трудностей на внутреннем фронте".

5

Исследования в области науки и техники, некогда сосредоточенные в промышленных лабораториях и предприятиях, все больше становятся частью военных мероприятий. Военное ведомство является сейчас фактически крупнейшим источником финансирования и крупнейшим руководителем научно-исследовательских работ. Оно расходует фактически на исследования военного назначения столько же средств, сколько расходуется на все остальные, вместе взятые, научно-исследовательские работы, ведущиеся в Америке. После второй мировой войны общее направление исследовательских работ в области теоретических наук определялось военными задачами. Финансируются эти работы главным образом из военных фондов, и среди ученых, ведущих исследования теоретического характера, мы находим теперь очень мало таких, которые не работали бы под руководством военных.

Соединенные Штаты никогда не играли ведущей роли в области теоретических исследований; они импортировали результаты этих исследований из Европы. Накануне второй мировой войны на теоретические исследования

было израсходовано за год около 40 млн. долл. (крупнейшая часть этой суммы была ассигнована промышленностью), тогда как на прикладные исследования, на разработку новых образцов продукции и на проектирование было израсходовано 927 млн. долл.. Во времена второй мировой войны ученые-теоретики были очень заняты, но их исследования не были сосредоточены в сфере теоретических наук. К тому времени, когда исследования, связанные с изобретением атомной бомбы, перешли в ведение правительства, они уже сводились главным образом к решению инженерных проблем. Вместе с тем в ходе осуществления подобных технических сдвигов стало очевидным, что между всеми странами началось состязание в области наук и в области вооружений. Воспользовавшись отсутствием какой бы то ни было политической линии в деле организации научно-исследовательских работ, военное ведомство (вначале флот, а затем и армия) начало прибирать к своим рукам руководство научными исследованиями (как теоретическими, так и прикладными) и их финансирование. Руководители корпораций поощряли — или, во всяком случае, считали для себя приемлемым — вторжение военного ведомства в науку. Контроль

военных над финансируемыми государством научными исследованиями был для них более желателен, чем контроль гражданских лиц, ибо они опасались "идеологического" подхода гражданских лиц к таким вопросам, как вопрос о патентах.

С 1954 г. правительство ежегодно расходовало на научно-исследовательское дело около 2 млрд. долл. (в 20 раз больше, чем до войны); 85% этой суммы предназначалось на исследовательские работы, связанные с "национальной безопасностью". Исследования в области теоретических наук, ведущиеся ныне в частных промышленных предприятиях и в крупных университетах, финансируются главным образом военным ведомством. В финансовом отношении некоторые университеты фактически являются отделениями военного ведомства; они получают от него в три-четыре раза больше средств, чем из всех остальных источников, вместе взятых. Во время войны 4 крупнейших учебных заведения получили по контрактам на исследовательские работы более 200 млн. долл. Эта сумма не включает в себя ассигнования на атомные исследования, относительно которых не имеется точных сведений.

Общая тенденция к милитаризации науки

продолжает действовать и в мирное время. Этим, по свидетельству руководства Национального научного фонда, объясняется относительное пренебрежение "теоретическими науками". Из 2 млрд. долл., ассигнованных в 1955 г. на науку, только 120 млн. долл. (6%) было предназначено на теоретические исследования, между тем как на разработку военно-технических проблем было предназначено, как мы указали, 85%.

Возросшее влияние военщины в мире науки наиболее ярко сказывается в тревожной атмосфере, которую создала для ученых военная "система запугивания". Дело дошло до того, что в октябре 1954 г. д-р Ванневар Буш, руководивший во время второй мировой войны государственным управлением научно-исследовательских работ, счел необходимым категорически заявить, что научная общественность "деморализована". "Вы не увидите забастовок... — сказал он, — но ученые в настоящее время обескуражены, упали духом и считают, что их оттесняют на второй план, и это действительно имеет место". Атмосфера политического недоверия к ученым такова, что не какой-нибудь рядовой ученый, а Альберт Эйнштейн публично заявил: "Если бы я снова стал молодым и мне пришлось бы решать, как построить свою жизнь, я не пытался бы стать

научным работником в области естественных или гуманитарных наук или преподавателем. Я предпочел бы стать лудильщиком или коробейником в надежде обрести ту скромную степень независимости, которую еще возможно обрести в современных условиях".

В Соединенных Штатах имеется около 600 тыс. инженеров и ученых; однако из всего этого состава активной научно-исследовательской работой занято только 125 тыс. человек. Из них примерно 75 тыс. ведут исследовательскую работу для промышленных предприятий, стремящихся создать новые виды товаров. Еще 40 тыс. работают над вопросами усовершенствования промышленной техники и технологии. Во всех отраслях научных исследований, относящихся к теоретическим наукам, занято всего лишь 10 тыс. ученых, а, по мнению информированных людей, крупных ученых, способных создавать новые ценности в науке, насчитывается не более 1–2 тыс. человек.

Именно эти высшие научные круги удалось глубоко вовлечь в орбиту милитаристской политики и милитаризации политической жизни. За последние 15 лет они заполнили вакуум в области теоретических военных исследований, в которой практически стирается грань между

стратегией и политикой. Мы говорим – вакуум, ибо в прошлом, как это отмечал Теодор Уайт, американская военная знать не интересовалась такими исследованиями, будучи в большей мере занята "техникой", чем "теорией". Следовательно, одной из сторон процесса социального возвышения военщины является обнаружившееся стремление военной знати к использованию теории, милитаризация науки и нынешняя "деморализация" ученого, состоящего на службе у военного властителя.

В учебных заведениях преподавание наук всегда связывалось с задачей подготовки людей к выполнению специальных функций во всех областях жизни современного общества. Помимо своих собственных школ, военное ведомство использовало и все больше использует учебное оборудование и преподавательские кадры частных и государственных учебных заведений. Так, например, в 1953 г. почти 40% студентов 372 колледжей и университетов были охвачены системой подготовки офицеров для армии, флота и военно-воздушных сил. Входящие в указанное число гуманитарные учебные заведения посвящали военной подготовке около 16% своего учебного времени. Если говорить о стране в целом, то из каждых примерно пяти студентов

один входил в подразделения корпуса подготовки офицеров запаса – небывалый процент для года, который формально считается мирным.

Во время второй мировой войны военные начали использовать колледжи и университеты для подготовки военных специалистов и для ускоренной военной подготовки студентов. Подготовка военных специалистов, а также фундаментальные исследовательские работы военного назначения велись в этих учебных заведениях и в послевоенный период.

Многие колледжи и университеты всячески стремятся ныне к тому, чтобы в их стенах проводились мероприятия по подготовке военных специалистов и военно-исследовательские работы. Это выгодно с точки зрения престижа и финансов. Больше того, мы находим теперь внушительное число военных, не имеющих в большинстве своем никакой специальной педагогической подготовки, занявших в наше время административные посты в колледжах и другие педагогические должности. Общеизвестно, что генерал Эйзенхауэр до избрания его на пост президента был главой Колумбийского университета, а также членом Комиссии по вопросам политики в области просвещения. Даже при беглом обзоре можно насчитать около

дюжины военных на руководящих постах в учебных заведениях.

Между учебными заведениями и военным ведомством было немало трений. Так, например, в контрактах, заключаемых институтом вооруженных сил (заочное учебное заведение для военнослужащих) с университетами, имеется параграф, предоставляющий военным право отказаться от тех университетских преподавателей, которые "не пользуются доверием" правительства. 28 университетов подписали подобные контракты с институтом вооруженных сил, 14 отвергли их и 5 еще не определили своего отношения (сведения по состоянию на август 1953 г.). Но все это частные случаи. В общем же руководители учебных заведений примирились со вторжением военщины без подобных конфликтов. Контроль военных был установлен во время войны и сохранился в послевоенное время в силу того, что многие учебные заведения нуждались в финансовой поддержке. Гражданские ведомства федерального правительства не обеспечили им эту финансовую поддержку, а военное ведомство смогло это сделать.

6

Рост влияния военщины наблюдается не только в сферах политики, экономики, науки и просвещения.

Военная знать вместе со своими сторонниками и пропагандистами пытается прочно привить свои взгляды широким слоям населения.

В период второй мировой войны сторонники военщины открыто выступали как глашатаи милитаризма. Так, например, в речах, с которыми выступали во время войны Фрэнк Нокс, Чарльз Вильсон ("Дженерал электрик компани") и Джеймс Форрестол, много говорилось о милитаристских схемах будущего устройства страны, которых придерживались люди, определявшие политику США. И мечты эти отнюдь не поблекли. После второй мировой войны военная знать фактически инспирировала широкую и энергичную пропагандистскую кампанию. Она израсходовала миллионы долларов и использовала тысячи квалифицированных публицистов, штатских и военных, для пропаганды своих идей и для рекламирования своих имен среди народа и членов конгресса.

Основная цель этих крупных усилий раскрывается самим содержанием ведущейся пропаганды: военщина стремится привить народу чисто военное восприятие международных отношений, изобразить вооруженные силы в привлекательном для гражданского населения виде и таким образом доказать настоятельную необходимость умножения средств войны. Она стремится придать престиж военному ведомству, внушить уважение к его персоналу и таким путем подготовить общественность к мероприятиям, одобренным военными кругами, и обеспечить согласие конгресса на финансирование этих мероприятий. Имеется, конечно, и намерение подготовить население к войне.

Для достижения этих целей военная знать из Вашингтона имеет в своем распоряжении широкие средства информации и массового общения. Ежедневно, как во время войны, так и в мирное время, военное ведомство передает через бюро информации в Пентагоне редакциям газет и трем-четырем десяткам корреспондентов разные материалы и сообщения. Оно готовит тексты, записи на пластинках, записи на пленке для радио и телевидения. Оно имеет в своем распоряжении самую большую в восточных штатах киностудию, купленную в 1942 г. у фирмы "Парамоунт". Оно

охотно снабжает редакторов журналов специально подготовленными копиями различных материалов. Военное ведомство организует публичные лекции военных деятелей и снабжает их готовыми текстами речей. Оно завязывает связи с влиятельными общественными организациями, устраивает информационные совещания и экскурсии для их лидеров, а также для руководителей корпораций и ведущих деятелей в сфере бизнеса, просвещения, религии, кино и театра. В 600 примерно населенных пунктах созданы "консультативные комитеты", которые содействуют распространению пропагандистских материалов военного ведомства и информируют его о неблагоприятных настроениях.

Все, что появляется о военных делах в газетах или радиопередачах, реферируется в военном ведомстве и анализируется; все, что это ведомство публикует, в том числе и труды отставных военных руководителей, рецензируется и подвергается цензуре.

Размер расходов, связанных с этими мероприятиями, из года в год меняется; по подсчетам сенаторов, интересовавшихся данным вопросом, расходы эти составляют от 5 до 12 млн. долл. в год. Однако надежность подобных

оценочных данных весьма невелика, ибо военное ведомство занимает такое положение, что оно в состоянии использовать для целей пропаганды гораздо больше ресурсов, чем это выражается в его расходах. Так, в течение одного года было выпущено кинокартин, в производстве которых принимало участие военное ведомство, на сумму примерно 30 млн. долл.; за этот же период различные телевизионные центры предоставили военному ведомству возможность бесплатно выступить в телевизионных передачах в течение экранного времени, оцениваемого в несколько миллионов долларов, а радиовещательные компании — возможность бесплатно выступить в течение вещательного времени, оцениваемого "Верайэти" примерно в 6 млн. долл.

Подлинного размаха пропагандистских усилий военного ведомства не показывают и данные, представленные для 1951 г. сенатором Гарри Бэрдом (его данные сводятся к тому, что в военном ведомстве делами, связанными с пропагандой, рекламой и прессой, специально занималось 2235 военнослужащих и 787 штатских). Эта область деятельности не обслуживается одними только специальными работниками: для обработки общественного мнения нетрудно использовать, по крайней мере

частично, многих военнослужащих. Ведущие адмиралы и генералы имеют, несомненно, свой собственный пропагандистский аппарат. В штабе генерала Макартура имелось в 1948 г. 135 военных и 40 штатских работников, специально занятых обработкой общественного мнения. Эйзенхауэр, когда он был начальником генерального штаба, имел в своем распоряжении для этих целей 44 военных и 113 штатских работников. И сама военная знать овладела искусством рекламы. Недавно начальник штаба военно-воздушных сил генерал Хойт Ванденберг, уходящий ныне в отставку, говорил дипломированным летчикам в речи, произнесенной на одной авиационной базе, что "величайшее братство на всем земном шаре – это братство людей с авиационными нашивками... Вы не просто пилоты реактивных самолетов... Поставьте перед собой более широкую задачу – осознать значение военно-воздушных сил... и пропагандировать истинное понимание их роли. Людям, которые не видят истины, надо разъяснять настойчиво, горячо и убедительно, что военно-воздушные силы спасут мир от разрушения..."

Задача, стоящая перед глашатаями военщины, сложна и щекотлива. Но существует одно

обстоятельство, которое всячески способствует их успеху. Дело в том, что среди множества общественных и политических течений и группировок, существующих в Америке, нет группы (или мыслимого блока групп), способной оперировать где-нибудь в стране для защиты своей точки зрения на спорные проблемы такой примерно массой времени, денег, людей, которая нужна для успешной борьбы с воззрениями, пропагандируемыми изо дня в день военной знатью и ее наемниками.

Это практически означает прежде всего, что в стране не существует свободного и широкого обсуждения военной политики или политических мероприятий, имеющих отношение к военным проблемам. Но это, конечно, находится в согласии с принципами воспитания профессионального вояки, приученного к тому, чтобы приказывать и повиноваться, в согласии со всеми нравами военщины, которые заведомо не похожи на нравы такого общества, где все вопросы обсуждаются и где решения принимаются путем голосования. Это соответствует также существующей тенденции к замене политики, базирующейся на открытом обсуждении коренных проблем, в котором принимают участие народные массы, политикой,

базирующейся на тайных махинациях, и соответствует тотальному характеру современной войны, стирающей различие между солдатом и штатским. Милитаристская обработка гражданского общественного мнения и внедрение милитаристских идей в сознание гражданских слоев населения являются ныне важными формами проявления могущества военной знати.

Значение современных масштабов милитаристской пропаганды и отсутствия противодействия этой пропаганде не исчерпывается тем, что военщине удается протащить то или иное предложение или навязать свою точку зрения на тот или иной конкретный вопрос. При отсутствии противоборствующих взглядов военщина в состоянии вести пропагандистскую войну в ее самой высокой форме — в форме пропаганды такой оценки действительности, которая допускает только строго определенные точки зрения. Милитаристскую философию действительности, то есть воззрение, трактующее реальные отношения между государствами как преимущественно военные отношения, — вот что распространяет и культивирует военщина. Что касается влиятельных элементов общества, то ревнителям политического возвышения

военщины не приходится, в сущности, тратить усилия на то, чтобы внушить им эту доктрину: они уже восприняли ее.

7

В отличие от ситуации, характеризуемой существованием в обществе профессиональных военных, выступающих всего лишь в качестве специалистов по организации и применению средств насилия, ситуация, выражаемая словом "милитаризм", определялась в литературе как "случай, при котором средства обретают господство над целями" во имя повышения престижа и роста могущества военщины. Понятие это выражает, конечно, точку зрения штатского человека, склонного рассматривать военную организацию только лишь как орудие достижения гражданских политических целей. В качестве определения оно говорит нам о стремлении военщины выдвигать свои собственные цели, а не оставаться только орудием, и о ее стремлении превратить другие институты в средства достижения этих целей.

Без современной индустрии современная армия (такая, например, как американская) существовать не может: все ее вооружение состоит из машин. Экономисты привыкли рассматривать военные институты как паразитический нарост на системе средств производства. Ныне, однако, этими институтами

формируются многие явления экономической жизни. Соединенных Штатов. Военщина ставит себе на службу не только экономику. *Церковь* никогда практически не отказывается снабжать воюющую армию своими благословениями и рекрутирует из своих кадров войсковых священников; облаченные в военную форму, они дают советы, утешают и укрепляют моральный дух солдат. По конституции военный подчинен политическим властям, и его обычно считали слугой и советником гражданских *политических* деятелей, — да так оно и было. Но военная знать проникает ныне в эти правящие политические круги и, навязав им свою оценку действительности, влияет на их решения. *Семья* отдает армии и флоту лучших своих мужчин — юнцов и взрослых. *Просветительные институты и наука*, как мы видели, также становятся средством достижения целей, к которым стремятся военные.

Стремление военщины к общественным почестям само по себе не грозит опасностью установления ее господства. В самом деле, если высокое положение ограничено рамками армейской иерархии, то оно представляет собой нечто вроде вознаграждения военных за их отказ от авантюр в области политики. Пока честолюбие

военщины находит себе удовлетворение лишь в рамках самой военной иерархии, оно выступает важной особенностью военной дисциплины и является, несомненно, крупным источником возмещения тягот и лишений, связанных с военной службой. Но теперь, когда оно перехлестнуло границы военной иерархии и имеет тенденцию превратиться в основу политики военных кругов, оно становится опасным и свидетельствует о возросшем могуществе военной элиты.

Высокое положение в обществе всегда основано на силе. Военщина не в состоянии добиться высокого положения в гражданских кругах, если она не обладает силой или если другие полагают, что она не обладает силой. Сила, так же как и ее видимость, всегда относительна: сила одного человека всегда означает слабость другого. Общественное положение военных в Америке было в свое время подорвано властью денег и людей, делающих деньги, властью гражданских политических деятелей над военным ведомством.

Следовательно, американский "милитаризм" означает стремление военщины увеличить свою силу и тем самым социально возвыситься над бизнесменами и политическими деятелями. Для

этого необходимо, чтобы ее перестали считать всего лишь орудием в руках политических деятелей и предпринимателей. Для военщины важно, чтобы ее не считали паразитическим наростом на экономике, чтобы люди не думали, что она действует под контролем тех, кого в военных кругах часто именуют "грязными политиками". Народ, наоборот, должен считать, что ее цели равнозначны целям страны и являются для страны делом чести. Экономика должна быть служанкой военной знати; политические институты – инструментом, при помощи которого она будет в условиях современной войны править страной именем государства, семьи и бога. "Что значит вступить в войну?" – спросили однажды Вудро Вильсона в 1917 г. – "Это означает, – ответил он, – сделать попытку перестроить цивилизацию мирного времени в соответствии с военными нормами жизни; в конце войны не будет зрителей, которые продолжали бы следовать принципам мирной жизни. Все будет подчинено требованиям войны..." Американский милитаризм в его завершенной форме означал бы триумф военной философии во всех областях жизни и тем самым покорение военщиной всех прочих общественных институтов.

Вряд ли можно сомневаться, что за последние десять лет военные властители из Вашингтона вместе со своими друзьями из среды официальных руководителей государства и элиты из мира корпораций совершенно явно обнаружили милитаристские тенденции. Имеется ли в таком случае в высших кругах Америки "военная клика"? Те, что подвергали обсуждению это понятие (как это сделали недавно член Верховного суда Уильям Дуглас и генерал армии Омар Брэдли), толковали лишь о возросшем влиянии профессиональных военных. Вот почему их рассуждения в той мере, в какой они касаются состава элиты, не очень точны и обычно противоречат друг другу. Представление о существовании военной клики, если его раскрыть до конца, означает ведь не только усиление роли военных. Оно подразумевает также совпадение интересов и увязку целей всех тех, кто вершит дела не только в военной сфере, но и в сферах экономики и политики.

На вопрос о том, имеется ли ныне военная клика, мы отвечаем: да, военная клика имеется, но точнее было бы именовать ее властвующей элитой, ибо она состоит из людей, действующих не только в военной области, но и в области экономики и политики; интересы этих людей все

больше и больше смыкаются. Чтобы постигнуть роль военных в этой властвующей элите, нам надлежит иметь ясное представление о роли, которую играют в ней руководители корпораций и политические деятели. И нам надлежит вдобавок разобраться в том, что происходит в политической жизни Америки.

X. Политический директорат

Попробуем схематически изобразить условную биографию современного идеального кандидата на пост президента Соединенных Штатов. Он родился примерно 54 года назад в скромном, но прочно сколоченном фермерском домике в одном из штатов, имеющих решающее значение для исхода президентских выборов, — в штате Огайо. Его предки переселились из Англии в Америку вскоре после прибытия туда колонистов с "Мэйфлауэр". Рос он на ферме в довольно многочисленной семье, выполнял обычные для деревенского подростка работы по дому и усадьбе и, таким образом, вполне вошел в курс всех проблем, стоящих перед фермерством. Смерть отняла у него отца, когда он еще учился в школе. Ферма была продана, и его энергичная и благоразумная мать перебралась со всей семьей в соседний городок, — и борьба за место под солнцем началась.

Будущий президент начал работать на фабрике, принадлежавшей его дяде, и вскоре стал практиком-специалистом по всем делам, связанным с рабочим вопросом и с проблемами управления промышленностью. В это же время

он без посторонней материальной помощи окончил колледж. В первую мировую войну он прибыл во Францию к концу военных действий, но имел еще в своем распоряжении целых шесть месяцев, в течение которых он доказал своим будущим биографам, что на другой войне, где ему было бы предоставлено больше времени, он, несомненно, показал бы себя выдающимся государственным деятелем. Вернувшись домой, он два года проучился в юридической школе штата, женился на своей школьной подруге, предки которой сражались в войсках конфедератов, открыл собственную адвокатскую контору, вступил в клуб местного отделения партии, в клуб "Лосей", а затем и в "Ротари-клуб" и стал прихожанином епископальной церкви. Он стал теперь крайне занятым человеком, но оказалось, что он в состоянии выдержать такое напряжение, ибо его организм как бы специально был создан для такого накала. В 20-х годах ему пришлось по поручению группы владельцев небольших фабрик улаживать их дела с рабочими, и он действовал столь успешно, что на протяжении 30-х годов на этих предприятиях не возникало сколько-нибудь серьезных трудовых конфликтов. Другие компании, отметив этот замечательный факт, также начали пользоваться

его услугами; завоевав таким образом популярность, он в 1935 г. стал мэром своего города.

Административное искусство и энергия, проявленные государственным деятелем — солдатом и знатоком рабочего вопроса, взявшим в свои руки бразды правления, вызвали шумный восторг как у предпринимателей, так и у рабочих. Несмотря на то, что он был абсолютно дисциплинированным членом партии, он все же перестроил систему городского управления сверху донизу. Затем началась вторая мировая война, и он, не посчитавшись с тем, что имел к тому времени двух малолетних сыновей, отказался от должности мэра и стал подполковником при штабе одного популярного генерала. Вскоре он стал опытным государственным деятелем, вполне сведущим в азиатских и европейских делах, и уверенно предсказывал предстоящий ход событий.

После войны он вернулся в штат Огайо уже в звании бригадного генерала и был избран подавляющим большинством голосов в губернаторы. На этот пост он победоносно избирался дважды. Его губернаторские дела двигались столь же успешно, как в коммерческом предприятии, они велись столь же порядочно, как

в церкви, к людям проявлялась такая сердечность, какая бывает только в семье. Лицо у него не менее честное, чем у какого-нибудь руководителя коммерческого предприятия, речь не менее искренняя, чем у любого коммивояжера; и, в сущности, в нем есть нечто и от того и от другого плюс чисто индивидуальный налет непреклонности и доморощенной гениальности. Все это магнетически привлекает вас, когда вы видите его лицо на фотографии, на кино- или телеэкране или слышите его голос по радио.

1

Некоторые черты нарисованного нами портрета не столь уж сильно отличаются от черт, присущих обычному современному президенту, чтобы его нельзя было узнать, — хотя они представлены нами, возможно, в несколько преувеличенном масштабе. Какой бы комплекс биографических и психологических особенностей мы ни стали искать среди людей, достигавших высоких позиций в американском правительстве, мы всегда найдем по меньшей мере двух или трех человек, которые почти полностью воплощают в себе этот комплекс. Можно было бы без конца собирать биографические анекдоты и красочные эпизоды из их жизни, но все они в общей сложности не привели бы к каким-либо выводам о главенствующих среди них типах людей и типичных карьерах. Нам надлежит постигнуть механизм взаимодействия объективно-исторических и субъективно-биографических факторов, определявший курс американской политики, не забывая при этом, что каждая эпоха отбирает и формирует типичных для нее политических деятелей — равно как и представления, которые о них существуют.

Нужно прежде всего иметь в виду этот последний момент: многие из существующих ныне представлений о типичных свойствах политических деятелей заимствованы, по сути дела, из более ранних эпох. Вот почему "Американский Политик" трактуется как ценный зачинатель и в то же время как. дешевое орудие, как высокий государственный деятель и вместе с тем как грязный политикан, как слуга общества, и вместе с тем как тайный радетель близких ему людей и интересов. Наше представление о нем, так же как и большинство наших представлений о людях, стоящих выше нас, лишено ясности, потому что мы склонны судить о нашей эпохе в соответствии с расплывчатыми стереотипными понятиями, доставшимися нам от прошлых времен.

Классические исследования, посвященные американской политике – исследования Токвиля, Бруса, Острогорского, – основываются на опыте XIX в.; они охватывают в общем период от президентства Эндрю Джексона до президентства Теодора Рузвельта. Верно, конечно, что многие из тех тенденций, которые определяли специфические политические черты длительного среднего периода американской истории, еще продолжают действовать и сказываются на

господствующем типе политического деятеля нашей эпохи — в особенности политического деятеля, подвизающегося в среднем звене власти, в конгрессе. Но в XX в., и особенно после первой мировой войны, другие факторы сильно изменили содержание и значение американских политических институтов. Политическая система Соединенных Штатов стала более компактной, размах ее деятельности и сфера влияния увеличились, и она теснее сомкнулась со всеми, в сущности, социальными институтами, которые функционируют в ее рамках. Все чаще и чаще стали возникать такие кризисы, разрешить которые на базе прежней — раздробленной и децентрализованной — политической системы оказывалось невозможным. Те, кого эти кризисы задевали, все больше и больше стали рассчитывать на государство как на силу, способную их разрешить. И, по мере того как эти изменения в структуре и практической деятельности государства увеличивали размер власти людей, которые ее завоевывают и осуществляют с помощью политических институтов, стали преобладать и новые типы политических деятелей.

Руководящие политические деятели не образуют собой один-единственный

психологический тип. Они не могут быть выделены из массы людей других профессий и изучены по признаку какого-то стандартного комплекса побуждений. Подобно людям, подвизающимся в других областях, политические деятели, крупные и мелкие, иногда избирают своей профессией политику из-за любви к этой отрасли деятельности: их привлекают политические кампании, закулисные комбинации, чиновно-бюрократическая служба. Чаще всего это поприще привлекает их тем общественным почетом, которого они могут добиться здесь в случае успешной карьеры; в самом деле, стремление к власти ради власти (очень сложный комплекс побуждений!) обычно включает в себя предвосхищение престижа, которое приносит обладание властью. В редких случаях их привлекают деньги, получаемые ими как государственными чиновниками.

Единственное общее определение, которое мы вправе дать "политическому деятелю", состоит в том, что это человек, который более или менее регулярно играет известную роль в политических институтах и считает эту роль по меньшей мере одним из своих основных видов деятельности. И так как в Соединенных Штатах имеется два основных типа политических институтов, то мы,

следовательно, имеем здесь два основных типа "политических деятелей".

Карьера партийного политического деятеля делается в рамках особой политической организации: такой политик является партийным работником. Наряду с ним существует другой тип профессионального политического деятеля, карьера которого начинается в административных органах правительственного аппарата и который становится "политическим деятелем" в той мере, в какой ему удастся возвыситься над служилой чиновничьей средой и проникнуть в круги, делающие политику. Если говорить о чистом типе данной группы политических деятелей, то это человек, работавший в прошлом в качестве чиновника.

Профессиональные политики, подвигающиеся в нынешних правительственных кругах, — это, как правило, политики, прошедшие школу партийной работы, и политики, выдвинувшиеся из чиновно-бюрократической среды; и те и другие являются профессионалами — хотя бы в том смысле, что их деятельность протекает главным образом в политической сфере. Но не все люди, делающие политику, являются профессиональным" политиками, то есть не все они прошли школу партийно-политической

работы или школу чиновно-бюрократической службы в государственном аппарате. И в самом деле: среди нынешней политической верхушки мы встречаем весьма мало политиков, выдвинувшихся из чиновников, и довольно мало людей из партийно-политической сферы по сравнению с людьми, пришедшими в политику из других сфер деятельности.

Политический "аутсайдер" — это человек, который большую часть своей самостоятельной жизни провел вне чисто политических организаций и который — смотря по обстоятельствам — либо непреднамеренно вовлекается в них, либо сам пробивает себе туда дорогу, либо наконец попадает в сферу политики случайно и на короткое время. Его взгляды и духовный облик сформировались под влиянием жизненного опыта, не имевшего отношения к политике, его карьера и связи складывались в иных кругах, его душевный облик сформировался под влиянием других областей жизни и деятельности. И он действительно рассматривается обычно профессиональными политиками как эмиссар или агент, представляющий в правительственных сферах точку зрения тех или иных неправительственных кругов или групп. Отнюдь не следует думать, что

политический аутсайдер — это фигура, встречающаяся только в периоды власти республиканской партии. В периоды власти демократической партии — это чаще всего человек, еще не достигший вершины своей деловой карьеры, стремящийся стать своим человеком в среде заправил корпораций, между тем как во времена господства республиканцев это скорее человек, уже принадлежащий к их среде и потому более уверенный в себе и тверже знающий, как будут истолкованы его решения теми людьми, с мнением которых следует считаться. Это значит, далее, что при республиканцах он может быть менее лицемерным.

Проработав много времени на административных постах, подобные аутсайдеры могут, конечно, стать опытными сановниками и связать, таким образом, свою карьеру и надежды с работой в правительственном аппарате. Они могут стать партийными политическими, деятелями, постепенно добившись определенной роли в той или иной политической партии и найдя опору для своей власти и карьеры в своих партийных связях. Но ни тот ни другой переход не является для них обязательным; они могут попросту проникнуть в узкий круг лиц, где они в

качестве штатных консультантов или советников будут иметь прямой и интимный доступ к тем официальным руководителям государства, которым они обязаны обладаемой ими властью.

Существуют, конечно, и другие способы классификации людей, действующих в области политики, но надо сказать, что выделенные нами типы — партийный политический деятель, профессиональный чиновник и политический аутсайдер — вполне пригодны для того, чтобы разобраться в социальном складе и психологической окраске людей, воплощающих собой политическое лицо современной Америки.

В недрах американских политических институтов произошло перемещение центра инициативы и решений; он переместился из конгресса в исполнительные органы. Носители исполнительной государственной власти не только расширили в огромной степени свои функции и полномочия, но и превратились в силу, централизующую и использующую ту партию, которая приводит их к власти. В вопросах законодательства они захватили главную инициативу не только благодаря своему праву вето, но и с помощью своего штата экспертов и советников, к которому обращаются законодательные учреждения. Вот почему

столкновение многообразных интересов и борьба за власть достигают своего высшего напряжения именно в высших органах исполнительной власти и в тех организациях, комиссиях и департаментах, которые представляют собой их прямые ответвления, а не на открытой политической арене, как это бывало в прежние времена.

Эти структурные изменения политической пирамиды привели к тому, что всякого рода командные политические посты, учрежденные в новейшее время, превратились в позиции, за которые стоит бороться. Они способствовали также изменениям в характере карьеры того типа политического деятеля, который сейчас начинает делать политическую погоду. Они привели к тому, что человеку, делающему политическую карьеру, сейчас стало легче подняться непосредственно в верха, минуя, стало быть, стадию пребывания на арене местной политической жизни. В середине XIX в., в период 1865–1881 гг., только 19% людей, занимавших высшие правительственные посты, начали свою политическую карьеру на общегосударственной арене. Но уже в период 1901–1953 гг. с этого уровня начинало свою политическую карьеру около 73 политической элиты, а в правительстве

Эйзенхауэра такие люди составляют около 42% – рекордный процент за всю политическую историю Соединенных Штатов.

Доля людей из состава политической элиты, работавших когда-либо в местных органах власти или в правительственном аппарате штатов, сокращалась из поколения в поколение; с 1789 по 1921 г. она уменьшилась с 93 до 69%. В правительстве Эйзенхауэра она упала до 57%. Укажем далее, что из состава политической элиты наших дней только 14% (а из руководящих политических деятелей начала XX в. только около 25%) когда-либо состояло в законодательных собраниях штатов. Во времена отцов-основателей, в период 1789–1801 гг., такие люди составляли 81% всего состава высших политических деятелей. Среди высших политических деятелей нашего времени произошло также явное уменьшение доли людей, избравшихся когда-либо в палату представителей Соединенных Штатов или в сенат.

Сокращение числа людей, получивших до занятия постов общегосударственного масштаба предварительную выучку в местных органах власти и в органах власти отдельных штатов, а также людей, имеющих опыт законодательной

деятельности, усиливается еще одной характерной тенденцией. Так как в низших законодательных и исполнительных органах выборных должностей имеется много, а в общегосударственных органах их сравнительно мало, то среди новоявленных членов политической элиты мы встречаем преимущественно людей, попавших на свои посты в результате назначения, а не выборов. В прошлом бывало так, что большинство людей, попавших в политическую верхушку, оказывались в ней потому, что народ выбирал их на все более высокие посты. До 1901 г. значительно больше половины (обычно более ?) членов политической элиты попадали на все или почти все должности, которые они занимали до получения высших постов в общегосударственных органах, не в порядке назначения, а в результате выборов. Но позднее, в эпоху, когда исполнительная власть приобрела более важное значение, люди стали играть видную роль в политике в силу того, что узкие группы политических деятелей, которые сами достигли высоких постов в результате выборов, назначали их на те или иные государственные должности. В период 1933–1953 гг. только 28% руководящих государственных деятелей достигли высших ступеней власти

главным образом посредством подъема по лестнице выборных должностей; 9% занимали на протяжении своей государственной карьеры столько же постов по назначению, сколько и выборных; 62% получили по назначению все или почти все политические посты, которые они занимали до того, как попали в верхушку; 1 % ранее совсем не занимал никаких политических постов. В нынешней эйзенхауэровской группе 36% людей, принадлежащих к политическим верхам, получили все посты (вплоть до самых высоких), которые они когда-либо занимали, в результате выборов; 50% чаще назначались, чем избирались, а 14% никогда ранее не занимали политических постов.

Американские государственные деятели всех времен, взятые в совокупности, проработали в сфере политики в среднем 22,4 года, а в областях, не связанных с нею, 22,3 года. Таким образом, эти высшие государственные сановники занимались политической деятельностью примерно столько же времени, сколько и другими видами деятельности (в течение некоторого отрезка этого периода они, конечно, работали одновременно и в сфере политики и в других областях). Однако эти средние данные, охватывающие всю историю США, в известной

мере вводят в заблуждение, ибо в действительности мы имели явно выраженную историческую тенденцию: до гражданской войны политическая верхушка состояла из людей, отдавших политике большую часть своей самодеятельной жизни. После гражданской войны типичный член политической элиты подвизался в сфере политики меньше времени, чем вне ее. Выше всего был процент руководящих политических деятелей с чисто политической карьерой в период 1801–1825 гг.; 2/3 самодеятельной жизни тогдашних политических руководителей было в среднем проведено в сфере политики. Меньше всего времени было проведено в этой области руководящими политиками "Прогрессивной эры" 1901–1921 гг.; 72% всего срока активной деятельности этого поколения высокопоставленных политиков было проведено в среднем вне политики. Это объясняется, по-видимому, тем, что в этот период лица свободных профессий и реформаторы быстро достигали высоких политических постов. Произвести аналогичные подсчеты, охватывающие политиков, действовавших после 1933 г., не представляется возможным, так как карьера нынешних политических деятелей еще не завершилась.

Начинать карьеру на общегосударственной арене, минуя, таким образом, работу в местных органах и органах штатов; никогда не работать в общегосударственных законодательных органах; больше ориентироваться в своей карьере на посты, занимаемые по назначению, чем на выборные должности; проводить в сфере политики меньшую часть общего срока своей самостоятельной жизни — все эти тенденции, наметившиеся в карьерах людей из политической элиты, свидетельствуют об упадке законодательных органов и о том, что выборные должности не являются теперь обязательными ступенями высокой политической карьеры. Это означает "бюрократизацию" политики и уменьшение удельного веса (в составе политической верхушки) профессиональных политических деятелей в простом, старомодном смысле этого термина, то есть людей, которые в результате выборов постепенно поднимаются на все более высокие ступени политической иерархии и имеют опыт в избирательных делах. Короче говоря, это свидетельствует о повышении роли аутсайдера в политике. Этот тип политического деятеля существовал, правда, и в предшествующие эпохи, но в наше время он процветает, а в правительстве Эйзенхауэра он

стал господствующим. Правительство Эйзенхауэра в основном представляет собой узкий круг политических аутсайдеров, занявших решающие посты в правительственном аппарате. Этот круг составляют богачи из мира корпораций и их агенты плюс высокопоставленные военные, заключившие все вместе чреватый трениями союз с избранной группой профессиональных партийных деятелей, преимущественно из членов конгресса, влияние и связи которых охватывают множество районов страны.

2

Право принимать решения, относящиеся к прерогативам исполнительной власти, – решения, выносимые от имени Соединенных Штатов Америки, – предоставлено ныне узкой группе людей. К этой группе в 50 с лишним человек, воплощающей в себе исполнительную государственную власть, относятся президент, вице-президент и члены кабинета, руководители важнейших департаментов, бюро, агентств и комиссий и члены административного секретариата президента, в том числе персонал Белого дома.

Из всех членов политического директората трое являются профессиональными партийными политическими деятелями – в том смысле, что большая часть их жизни была отдана завоеванию выборных постов и пребыванию на этих постах; 2 человека подвизались в течение своей жизни преимущественно как закулисные политические импрессарио или "фиксеры". 9 человек делали карьеру в рамках государственных ведомственных иерархий (3 – как военные, 4 – как чиновники гражданских ведомств и 2 – работали по назначению на разных постах вне системы гражданской службы). Следовательно, из

53 членов исполнительного государственного директората всего лишь 14 человек (или около 1/4) являлись по роду своей карьеры "профессиональными" работниками правительственного или партийного аппарата.

Остальные 3/4 — это политические аутсайдеры. Некоторые из них избирались в то или иное время на политические посты, а кое-кто поступал на короткий срок на государственную службу, но по роду своей основной карьеры все они в общем действовали раньше вне сферы правительственной деятельности и политики. Большинство этих аутсайдеров (30 человек из 39) имеют весьма тесные связи — финансовые или профессиональные или те и другие вместе — с миром корпораций. Они составляют немногим более половины всех членов политического директората. Остальные 9 человек работали в других "специальных" областях.

Три главных с точки зрения высокой политики поста в стране (государственный секретарь, министр финансов и министр обороны) занимают: нью-йоркский представитель крупнейшей в стране юридической фирмы, которая защищает заграничные коммерческие интересы группы Моргана и группы Рокфеллера; руководитель корпораций со Среднего Запада (он

был директором объединения, включавшего в себя свыше 30 корпораций) и, наконец, бывший президент одной из трех или четырех крупнейших корпораций в США (она же крупнейший в стране производитель военного снаряжения).

В составе кабинета имеются еще четыре богача из мира корпораций: двое из "Дженерал моторз", видный финансист и директор крупнейшего банка Новой Англии и миллионер-издатель из Техаса. Посты министра земледелия и министра труда опять-таки занимают специалисты-аутсайдеры. Только один член кабинета — министр юстиции — является профессиональным политическим и государственным деятелем: до 1942 г. он состоял членом законодательного собрания штата Нью-Йорк и одновременно с этим компаньоном юридической фирмы "Лорд, Дэй энд Лорд", а с 1942 г. стал политическим импрессарио — сперва Дьюи, затем Эйзенхауэра.

Правда, помимо вице-президента и министра юстиции, которые одни только и являются профессиональными политиками, в кабинете имеется еще два члена, занимавшие одно время выборные государственные посты, и по меньшей мере пять членов, активно участвовавших в

политической кампании 1952 г. Однако ни одного из этих людей нельзя назвать работником государственного аппарата — в каком бы смысле мы ни стали толковать это слово. Среди них имеется лишь один человек, прошедший школу государственной (военной) бюрократии: это — президент.

"Вспомогательная упряжка" политического директората представлена "малым кабинетом", члены которого помогают "главной упряжке" и фактически выполняют большинство административных функций, связанных с государственным управлением. Из 32 заместителей руководителей решающих правительственных агентств, департаментов и комиссий 21 человек является новичком в делах государственного управления: многие из них никогда не занимали политических постов и фактически совсем не работали в правительственном аппарате до того, как заняли свои нынешние высокие посты. Это по большей части сыновья крупных бизнесменов. 12 человек из них учились в колледжах Лиги Айви; многие из этих людей сами были предпринимателями, банкирами, штатными юристами крупных корпораций или компаньонами крупных юридических фирм. В отличие от

профессиональных политических деятелей они не состоят членами провинциальных клубов "Лосей" и "Американского легиона"; в большинстве своем они являются членами интимных светских клубов и аристократических загородных клубов. По своему происхождению, социальному положению и связям они выступают как представители богачей из мира корпораций.

В этой "второй упряжке" мы находим одного из Рокфеллеров, а также бывшего финансового советника Рокфеллеров; находим людей, управляющих текстильными и энергетическими компаниями, основанными их родителями; банкиров, издателя, руководителя авиационной транспортной компании, юристов, представителя юго-западного филиала крупнейшей американской корпорации и еще одного представителя "Дженерал моторз". Мы находим здесь также Аллена Даллеса, который проработал 10 лет на дипломатической службе и оставил ее (так как очередное повышение по службе не сулило ему повышения жалованья, составлявшего тогда 8 тыс. долл.), чтобы поступить в юридическую фирму "Салливэн энд Кромвелл" (примерно в то время, когда его брат стал старшим компаньоном этой фирмы), а затем вернулся в правительственный аппарат, на этот раз в

должности главного сыщика. В этой "вспомогательной упряжке" имеется также 4 человека, которые не были непосредственно связаны с миром корпораций.

Из 32 членов "вспомогательной упряжки" только 7 человек прошли школу чиновно-бюрократической работы в правительственном аппарате; только 4 имели значительный опыт в области партийной политики.

Государственный руководитель, имеющий дело со сложным аппаратом современного государственного управления, все больше нуждается в "узком кружке" личных советников — и в особенности, если он желает быть новатором. Для выработки и осуществления своей политической линии ему нужны люди, находящиеся целиком в его распоряжении. Специальные функции, выполняемые этими людьми, могут быть чрезвычайно разнообразны, но что бы они ни делали, что бы ни высказывали, они неизменно действуют как "второе я" своего начальника. Эти личные помощники власть имущих суть прежде всего верные агенты того человека, к интимному окружению которого они принадлежат. Это могут быть профессиональные политические деятели или профессиональные

государственные чиновники, но обычно они не являются ни теми ни другими.

Но им, однако, приходится выполнять роль посредников между партийными политическими деятелями, заседающими в законодательных органах власти, и политическими аутсайдерами, действующими в исполнительных органах, а также между различными политически влиятельными группами, не представленными непосредственно в верховных государственных органах; вместе с тем им приходится выполнять функции, связанные с формированием общественного мнения неорганизованных слоев населения. Эта часть работников аппарата Белого дома пребывает поэтому на своих постах не столько в силу того, что они представляют некие влиятельные группы и интересы, сколько в силу своих деловых качеств. Они представляют собой группу квалифицированных людей, а по своему социальному облику они во многом схожи между собой. Все они еще очень молоды, все они горожане (преимущественно из восточных штатов), и все они, как правило, учились в колледжах Лиги Айви.

Из 9 главных работников персонала Белого дома 6 являются новичками в государственных делах и в политике. Среди этих 9 человек имеется

только один профессиональный партийный деятель, один политический организатор и один профессиональный военный — и ни одного профессионального государственного чиновника. Люди, входящие в интимное окружение президента, также не являются (за немногими исключениями) ни профессиональными партийными политиками, ни профессиональными государственными сановниками. Мы видим здесь людей, входивших ранее в интимное окружение Дьюи или Генри Люса, или же высокопоставленных военных из Пентагона.

Политические аутсайдеры, занимающие командные посты в исполнительных органах власти и образующие собой политический директорат, являются в массе своей богачами из мира корпораций, в котором они выступали как юристы, администраторы или финансисты. Они принадлежат к определенным кликам, главарям которых они доказали, что заслуживают полного доверия в делах экономических, военных или политических. У администраторов из мира корпораций и у армейских генералов тоже ведь имеются "старые закадычные друзья" — не в меньшей степени, чем у профессиональных политиков. Высокая карьера политических аутсайдеров не делается, как правило, путем

постепенного продвижения по чиновно-бюрократической лестнице и не делается с помощью системы партийного покровительства. Ее пружиной обычно является система кооптации своих людей, применяемая теми, кто занял командные посты, — подобно тому как это делается в мире корпораций.

3

Усиление позиций политического аутсайдера в современном политическом директорате – это не только еще одна форма проявления процесса "бюрократизации" государства. В самом деле, как при анализе процесса возвышения военщины, так и при анализе процесса усиления позиций политического аутсайдера перед теоретиком-демократом возникает проблема, связанная прежде всего с отсутствием подлинно профессионального чиновничества. Ибо надо сказать, что возникновение псевдочиновничьей бюрократии из политических аутсайдеров, равно как и система продвижения в государственный аппарат партийных клевретов, частично объясняется отсутствием подлинно профессиональных чиновников.

Говоря о "подлинном" чиновничестве, мы имеем в виду правильную иерархию квалификаций и правильную иерархию учреждений, в которых каждая должность и каждый чин связаны с выполнением строго определенных, специальных задач. Люди, занимающие эти должности, не являются собственниками материальных средств, требуемых для выполнения их функций; лично

они не имеют никакой власти: власть, которую они осуществляют, заложена в занимаемых ими должностях. Единственным вознаграждением служит им жалованье и почести, присвоенные каждому чину.

Чиновник или государственный служащий является, следовательно, прежде всего специалистом, знания и сноровка которого проверялись при приеме на работу, а затем, в ходе его карьеры, — при очередных аттестациях. Допуск на должность и дальнейшее продвижение по службе этого человека, обладающего специальной квалификацией, регулируются более или менее официальными правилами проверки его компетентности. При надлежащем старании и успешной работе он имеет возможность сделать карьеру, регулируемую в соответствии с заслугами и старшинством, в рамках заранее установленного порядка чередования постов. И к тому же он дисциплинированный человек, поведение которого можно легко предвидеть; он будет осуществлять предписанную политическую линию даже в том случае, если она ему не по нутру, ибо он приучен строго отделять свои "чисто личные мнения" от своей служебной жизни, служебных установок и обязанностей. В отношениях со своими коллегами чиновник

держится, как правило, довольно официально, так как правильное функционирование чиновно-бюрократической системы требует соблюдения должного равновесия между проявлением личного доброжелательства и сохранением надлежащей социальной дистанции между людьми в соответствии с их чином и рангом.

Чиновничество, даже в том случае, если его кадры только приближаются к этому нормативному типу, является самой действенной формой человеческой организации. Но создать такой корпус гражданского чиновничества очень трудно, и соответствующие попытки могут сплошь и рядом закончиться созданием бесконтрольного и громоздкого, опутанного рутиной и бюрократическими формальностями аппарата, а не действенного орудия политики.

Степень прочности и нерушимости чиновной бюрократии как элемента государственного правопорядка определяется тем, насколько она сохраняется или не сохраняется (как совокупность официальных должностных лиц) при сменах правительства.

Соответствие отдельного профессионального чиновника общей природе и назначению чиновничества определяется тем, насколько его

служебное поведение (и даже его личность) воплощает в себе профессиональные нормы и прежде всего принципы политического нейтралитета. Новой политической администрации он должен служить так же верно, как и старой. Таково политическое содержание понятия подлинного чиновничества. Дело в том, что чиновник как таковой не делает политику; он собирает информацию, относящуюся к различным вариантам политических решений, и проводит в жизнь тот вариант, который официально принят. Как более или менее постоянный персонал, имеющий в своем распоряжении более или менее постоянный штат подчиненных, чиновная бюрократия обязана преданно служить только той политике, проведение которой ей поручено. "Почти все признают, — утверждает Герман Файнер, — что посягательство [политических партий] на эту политически нейтральную бюрократию привело бы к падению технического искусства управления во вред государству в целом; и только самые крайние меньшинства — левые и правые — проявили желание ликвидировать этот нейтралитет путем "чистки" государственного аппарата".

Гражданские ведомства Соединенных Штатов

никогда раньше не имели и сейчас не имеют настоящего чиновничества. Правила, регулирующие систему государственной службы, установленные в 1883 г., предусматривают, что чиновники, назначенные президентом и утвержденные сенатом, "не подлежат аттестации". Существует возможность менять персонал гражданских ведомств с переменой политической администрации; существует возможность обойти любые правила, касающиеся набора чиновников в порядке конкурса, путем создания совершенно новых учреждений, не имеющих прецедента; имеются пути, дающие возможность включить любую должность в номенклатуру должностей, на которые распространяются установленные законом правила и ограничения, защищающие чиновников от увольнения, или же исключить ее из этой номенклатуры; можно лишить эти правила практического значения путем полной или частичной ликвидации тех или иных правительственных учреждений, что входит в прерогативы не только конгресса, но и главы учреждения или Бюджетного бюро.

Касаясь практики, существовавшей в этой области в конце XIX в., один английский наблюдатель отметил, что "влияние системы распределения государственных должностей

между сторонниками партии, победившей на выборах, сказывалось в том, что, в то время как низшие должности замещались по признаку личных достоинств, на высшие пролезали при каждой перемене правительственной администрации совершенно не сведущие в делах люди — фавориты политической партии или фавориты отдельных высокопоставленных лиц. Это исключало возможность нормального продвижения по службе и деморализовало весь аппарат. Получалось, таким образом, что, хотя общая цель закона сводилась к резкому сокращению порочных назначений, смысл исключений, предусмотренных законом, сводился в то же время к тому, чтобы ограничить эти порочные назначения кругом высших должностей, где деморализующие последствия каждого такого назначения для всего аппарата являются как раз максимальными".

С тех пор доля чиновников, на которых распространяются положения закона о государственной службе, конечно, возросла. К концу президентства Теодора Рузвельта (1909 г.) около 60% всех штатских служащих федеральных органов были аттестованными чиновниками; к началу президентства Франклина Рузвельта эта цифра увеличилась примерно до 80%.

Расширение государственного аппарата в период "нового курса" свелось в значительной мере к созданию новых органов, штат которых был укомплектован людьми, принятыми без конкурсных испытаний, предусмотренных законом о государственной службе. К 1936 г. удельный вес лиц, поступивших на работу в порядке конкурсных испытаний, составлял среди штатских служащих правительственного аппарата всего лишь 60%. Из остальных 40% многие попали на работу благодаря системе патронажа, и большинство из них были горячими сторонниками "нового курса".

В годы второй мировой войны в государственный аппарат хлынула новая и большая волна людей, не прошедших конкурсных испытаний. Попав туда, они, однако, стали пользоваться привилегиями, предусмотренными законом о государственных чиновниках. В 1953 г., к тому времени, когда Трумэн ушел с поста президента, правила, защищающие государственных чиновников от увольнений, были распространены "по меньшей мере на 95% гражданских служащих правительственного аппарата".

Из имеющихся ныне примерно 2 млн. служащих правительственного аппарата около

1500 человек можно считать "руководящими сановниками". К ним относятся начальники главных управлений министерств, заместители и помощники министров, руководители отдельных государственных учреждений, не подчиненных министерствам (и их заместители и помощники), начальники различных бюро и их заместители, послы и главы миссий. По роду своих основных занятий эти люди являются адвокатами, офицерами военно-воздушных сил, экономистами, врачами, инженерами, крупными чиновниками, экспертами по вопросам развития авиации, банкирами, химиками, журналистами, дипломатами и военными работниками. Эта группа людей занимает ключевые административные, технические, военные и прочие специальные посты в центральном правительственном аппарате.

В 1948 г. только 32% всего состава руководящих сановников (502 человека) работали раньше в органах, в которых имелаась "система регламентированной чиновничьей службы", – в таких, например, как дипломатический корпус государственного департамента, военное ведомство и некоторые службы министерства здравоохранения. Средний стаж работы в государственном аппарате составлял тогда среди

сановников, возвысившихся из чиновничьей среды, 29 лет; около половины из них имело дипломы об окончании специальных учебных заведений. Одна четверть училась в Гарвардском, Колумбийском, Принстонском, Йельском и Корнельском университетах или Массачусетском технологическом институте. Таковы были кадры высшего гражданского чиновничества, которыми правительство тогда располагало.

За два месяца до выдвижения партиями кандидатов в президенты США, которые должны были баллотироваться на выборах 1952 г., Гарольд Тэлботт, нью-йоркский финансист (а позднее министр авиации, уличенный в использовании своего поста в личных интересах), поручил одной фирме, консультирующей по вопросам управления, определить, какие посты должна будет забрать в свои руки республиканская администрация для того, чтобы установить контроль над правительством Соединенных Штатов. Через несколько дней после избрания Эйзенхауэра ему было вручено 14 томов, содержащих в себе полную характеристику каждого из 250–300 высших постов, позволяющих влиять на политику (включая описание качеств, которыми должны обладать люди, назначаемые на эти посты, и

основных проблем, с которыми они столкнутся).

Исследователи, хорошо разбирающиеся в партийных вопросах, знали, что даже с учетом ограничений и препятствий, заложенных в тогдашних законах и директивах, для победившей партии открывались вакансии примерно на 2 тыс. должностей. Патронаж есть патронаж, и новая администрация сразу начала изыскивать способы увеличения числа свободных вакансий.

В апреле 1953 г. Эйзенхауэр административным распоряжением лишил гарантии постоянной работы по меньшей мере 800 сановников, "занимающих особо ответственные и требующие особого доверия" посты в правительственном аппарате; в июне он лишил этих гарантий около 54 тыс. чиновников из числа не имеющих большой выслуги лет.

Трудно с точностью сказать, сколько штатных единиц вычеркнуто из списка должностей, на которые распространяются правила, гарантирующие от увольнения; по оценочным данным, приведенным одним сведущим человеком, число это доходит до 134 тыс. Однако расставить всюду своих людей можно не только путем отмены гарантии постоянной службы, предусмотренной законом о государственных

служащих. В связи с правилами об увольнении по соображениям государственной безопасности, покоящимися на принципе "разумного сомнения" в том, не является ли пребывание данного лица на государственной службе рискованным для государства, а не на "доказательствах" (причем бремя доказательства необоснованности "сомнения" возлагается на обвиняемого), — в связи с этими правилами многие тысячи людей были уволены со службы в правительственном аппарате или принуждены были подать в отставку. Это особенно отрицательно сказалось на деловых качествах и моральном духе кадров государственного департамента, где подобные увольнения производились наиболее часто и носили систематический характер.

Детали, относящиеся к отдельным периодам, не имеют особого значения; общий исторический факт таков: Соединенные Штаты никогда не имели и сейчас не имеют подлинного чиновничества, подлинного в том фундаментальном смысле, что ему обеспечены надежные возможности движения по служебной лестнице и действительная независимость от влияний политических партий. Длительное пребывание демократов у власти (1933–1953 гг.) в известной мере маскировало то обстоятельство,

что законы о государственной службе не смогли создать подлинно независимое чиновничество. Смена правительства в 1953 г. раскрыла затем тот факт, что законы о государственной службе лишь затрудняют действие системы "патронажа" и удорожают ее, а также делают ее, как оказалось, еще более непристойной. Ибо не подлежит сомнению, что процедура "проверки благонадежности" была использована для прикрытия операции замещения не внушавших доверия сторонников демократической партии надежными сторонниками республиканской партии.

Даровитый человек, который мог бы стать профессиональным работником правительственного аппарата, не склонен, естественно, готовить себя к карьере чиновника, подвергающегося подобным политическим опасностям и беззащитного против произвола политической администрации.

Нельзя создать квалифицированное чиновничество, если государственный аппарат пребывает в состоянии политической тревоги; такое положение вещей приводит к заполнению аппарата посредственностями и приучает чиновников к бездумному приспособленчеству.

Нельзя привлечь в государственный аппарат

высоконравственных людей, если государственным служащим приходится работать в обстановке всеобщего недоверия, если их деятельность парализуется атмосферой подозрений и страха.

И к тому же в обществе, где выше всего ценятся деньги, нельзя создать подлинно независимое чиновничество, состоящее из людей, принадлежащих к высшему или среднему классу, если государственная служба не обеспечивает вознаграждение, сравнимое с тем, что дает служба на частных предприятиях. Пенсии и обеспеченность работой не компенсируют меньшей оплаты труда государственных служащих, так как работники частных предприятий, как мы видели, также пользуются этими привилегиями, да еще многими другими. Максимальный оклад государственного служащего составлял в 1954 г. только 14 800 долл., и всего лишь 1 % всех служащих центрального правительственного аппарата получал более 9 тыс. долл. в год.

Помехой в деле формирования чиновничества в Соединенных Штатах издавна служила система патронажа, применяемая политическими партиями. Они раздают своим сторонникам служебные посты в государственном аппарате в

виде вознаграждения, что подрывает основы дисциплины в аппарате и делает невозможным набор людей по признаку их деловой квалификации. Затем к этому присоединилось новое обстоятельство: с тех пор как государственное регулирование экономики приобрело крупное значение, работа в правительственном аппарате стала важным звеном предпринимательской или юридической карьеры в мире корпораций. Человек служит известное время в государственном органе, имеющем дело с той отраслью промышленности, в которой он потом намерен подвизаться. Государственная служба в учреждениях, связанных с регулированием экономики, особенно часто служит трамплином к карьере в мире корпораций, и как организации эти государственные учреждения выступают в качестве аванпостов частных корпораций. В наши дни существует также "новая" система распределения государственных должностей между сторонниками победившей партии, действующая в нынешней атмосфере недоверия и подозрения под флагом обеспечения государственной безопасности.

Журналы, рассчитанные на заправил из мира бизнеса, и журналисты, снабжающие политиков

идеями, регулярно раздражаются маниловскими передовицами, вещающими о том, что страна нуждается в более квалифицированных кадрах гражданского чиновничества. Но, в сущности говоря, ни политики, ни заправилы из мира бизнеса не заинтересованы в кадрах высококвалифицированных государственных администраторов, над которыми не довели бы партийные интересы и которые являлись бы (в результате специальной выучки и практического опыта) носителями и хранителями особого искусства, требуемого для тщательного взвешивания возможных последствий альтернативных политических линий. Что же касается политического и экономического значения подобных кадров для правительства, ответственного перед народом, то оно слишком очевидно, чтобы его надо было доказывать подробно.

Низшие звенья государственного аппарата, которые могли бы стать сферой отбора подлинных слуг государства, давали в Соединенных Штатах слишком мало престижа или денег, чтобы туда влекло людей, по-настоящему одаренных. В высшие же звенья государственного аппарата обычно призывались аутсайдеры, то есть люди, не имевшие ранее

отношения к чиновно-бюрократической службе. Они оставались здесь сравнительно недолго и не рассматривали свою службу как жизненное призвание. Они не проникались поэтому политическим беспристрастием и не приобретали того особого стиля поведения, который свойствен идеальному чиновнику.

В Соединенных Штатах не существует настолько надежной чиновничьей карьеры, не существует настолько устойчивого корпуса гражданских чиновников, чтобы они не были подвластны всеобъемлющим переменам политической администрации. Центральные командные пункты, в которых принимаются главные решения исполнительной власти, занимают ныне не профессиональные сановники и не профессиональные партийные политики. Эти центральные пункты заняты политическим комитетом властвующей элиты.

XI. Теория равновесия

Не желая утруждать себя нравственными проблемами политической и экономической жизни, американцы никак не хотят отказаться от представления, что государство – это своего рода автомат, действие которого регулируется принципом взаимоуравновешивания противоборствующих интересов. Такая концепция сводится попросту к перенесению в сферу политики общепринятого представления о природе экономики: и там и здесь равновесие достигается в результате взаимного столкновения и торможения множества интересов, сдерживаемых во всех случаях только соображениями законности и нравственности конечных результатов.

Схема идеального равновесия была наиболее убедительным и тщательным образом разработана в экономических теориях XVIII в. Рынок в этой схеме никому не подвластен, а снабженная чудесным механизмом саморегулирования экономика, базирующаяся на деятельности мелкого предпринимателя, не имеет никакого авторитарного центра. В сфере политики та же картина: здесь существует

разделение и равновесие властей и потому отсутствует возможность зарождения деспотизма. "Государство, в котором не будет установлено равновесие сил, — писал Джон Адамс, — неизбежно придет к деспотизму. Третьего пути не дано". Равновесие или система сдерживания и уравновешивания, в том виде, в каком она была теоретически разработана мыслителями XVIII в., должна была, таким образом, стать главным механизмом, гарантирующим экономическую и политическую свободу и обеспечивающим отсутствие тирании во всех суверенных государствах мира.

1

Людам очень трудно отказаться от старинного шаблонного представления о государственной политике как о результате автоматически действующей системы уравнивания и от Исходных положений этой концепции, гласящих, что в нашем обществе, основанном на равновесии, имеется множество независимых друг от друга, относительно равносильных соперничающих групп. В заявлениях, которые нам приходится слышать за последнее время по вопросу о том, "кто правит Америкой", эти исходные положения доведены до грани невольной карикатуры.

Так, например, Дэвид Рисман утверждает, что за последние 50 лет произошел сдвиг от "концентрации власти в руках правящего класса до раздробления власти" между "обладающими правом вето группами". Никто теперь ничем не управляет, — все предоставлено самотеку. "В известном смысле, — полагает Рисман, — это равнозначно утверждению, что Америка — страна, в которой преобладает средний класс и в которой люди скоро, возможно, осознают, что нет больше "нас", заправляющих делами, и "их", не заправляющих делами (или наоборот), а что все

"мы" — это и "они", а все "они" — это и "мы".

Теория равновесия сил, как заметил Ирвинг Хау, дает нам ограниченное и одностороннее представление о политической жизни Америки. При помощи этой теории можно объяснить лишь временные блоки, заключаемые внутри той или другой партии. Ее узость и поверхностность проявляются также при выборе протяженности изучаемого периода: чем короче период времени, который нас интересует, тем более пригодной оказывается эта теория. Действительно, когда занимаешься вплотную, как журналист, событиями какого-либо короткого промежутка времени, например какими-нибудь выборами, то зачастую теряешься во множестве факторов и причин. Одна из неизменных слабостей американского "обществоведения" — с тех пор, как оно стало столь эмпиричным, — заключается в его исходном убеждении, что простое перечисление множества причин и факторов представляет собой мудрый, научный подход к изучению современного общества. Однако с таким подходом нельзя согласиться, — он представляет собой, конечно, не что иное, как всеядный эклектизм, уклоняющийся от подлинной задачи социальной теории. Задача заключается в том, чтобы выйти за пределы

простого перечисления относящихся как будто к делу факторов и взвесить каждый из них таким образом, чтобы уловить их взаимную связь и обнаружить типические особенности изучаемых явлений.

Чрезмерное внимание, уделяемое средним этажам государственного здания, мешает разглядеть все это здание в целом, и особенно его верхние и нижние этажи. Политическая жизнь Америки, проявляющаяся в дискуссиях, голосованиях и политических кампаниях, связана в значительной мере с этими второстепенными звеньями государственного механизма, а нередко — только с ними. Большую часть "политических" известий составляют известия и слухи о "разногласиях и конфликтах, возникающих именно в этих звеньях. Политические теоретики в Америке — это слишком часто всего лишь более основательные исследователи тех же явлений: выборов, вопросов, связанных с тем, кто за кого голосовал. Американский исследователь, изучающий политические явления, будь то профессор или не связанный с академическими кругами мыслящий человек, обычно тяготеет к средним уровням власти. Верхушку он знает лишь понаслышке, а его представление о низах (если оно вообще у него имеется) почерпнуто из

"исследований". Но зато он прекрасно информирован о деятельности руководителей средних звеньев власти и, будучи сам говоруном, хорошо знаком с механикой происходящего в них политического "торга".

Чрезмерное внимание, уделяемое публицистами и теоретиками из академических и неакадемических кругов средним этажам государственного здания и равновесию представленных в них политических сил, объясняется, стало быть, тем, что эти сферы более сродни им, как людям, принадлежащим преимущественно к среднему классу. Их внимание приковано сюда и потому, что здесь раскрывается содержание той шумной "политической деятельности", которая носит гласный характер и доводится до сведения страны; и потому также, что их представление о выдающейся роли этих инстанций находится в соответствии с традиционным представлением о правильной схеме работы государственного механизма; и потому, наконец, что восхваление этой схемы (особенно в нынешних выступлениях, посвященных прославлению всего американского) является для многих интеллигентов наиболее приемлемой формой служения тем политическим задачам, которые

представляются им весьма настоящими.

Когда нам говорят о существовании "равновесия сил", то под этим можно понимать разные вещи. Это может означать, что ни одна из групп, представляющих определенные интересы, не в состоянии навязать свою волю или продиктовать свои условия другим группам; или что любая группа в состоянии создать тупик; или что интересы отдельных групп осуществляются в порядке некоей правильной очередности; или же, наконец, что всякий политический курс есть результат компромиссов, так что ни одна группа не добивается полностью того, к чему она стремится, и вместе с тем каждая из них чего-то добивается. Все эти варианты представляют собой, в сущности, попытки изображения явлений, возможных только в условиях постоянного или временного "равенства сил всех сторон, участвующих в торге". Но дело в том, что цели борьбы различных заинтересованных групп не являются, как указывал Мэррей Эдельман, заранее данными, а отражают текущее состояние расчетов на будущее и степень приемлемости настоящего. Следовательно, когда говорят, что различные интересы "уравновешены", под этим обычно кроется оценка существующего положения вещей как удовлетворительного или

даже хорошего; под маркой заманчивого идеала равновесия зачастую скрывается описание фактического положения вещей.

Когда говорят о "равновесии сил", это вызывает представление о "равенстве сил", а равенство сил выглядит как нечто вполне справедливое и даже почетное. Но то, что для одного человека фактически является почетным равновесием, для другого часто оказывается несправедливым отсутствием равновесия. Господствующие группы охотно, конечно, декларируют существование справедливого равновесия сил и подлинной гармонии интересов, ибо они заинтересованы в том, чтобы их господство ничем не прерывалось и не нарушалось. Так, крупные дельцы осуждают мелких рабочих лидеров как "нарушителей спокойствия", подрывающих общие интересы, воплощенные в сотрудничестве труда и капитала. Так, привилегированные страны осуждают обойденные страны во имя интернационализма, защищая под прикрытием-моральных концепций то, что было завоевано силой, от покушений более слабых стран, позднее вступивших в борьбу за господство или равенство, у которых нет иной возможности изменения status quo, кроме применения силы.

Представление о том, что общественные перемены являются результатом применения лояльного принципа "беру и даю", результатом компромиссов и системы сдерживания одних интересов другими (уравновешивающими) интересами, подразумевает, что все это совершается в рамках более или менее стабильного строя, который сам по себе не может изменяться; оно подразумевает, что все спорные проблемы могут стать объектом компромисса и, стало быть, по самой природе своей поддаются согласованному решению или же могут быть сделаны таковыми. Не подлежит сомнению, что людям, преуспевающим в общих рамках status quo, гораздо легче придерживаться подобных взглядов на механику общественного развития, чем тем, кто недоволен ими. Кроме того, надо иметь в виду, что "в большинстве областей общественной жизни... организованностью отличаются носители лишь одной группы интересов, между тем как все прочие группы, или некоторые из важнейших, этим преимуществом не обладают". Говорить в таких случаях, как это делает Дэвид Трумэн, о "неорганизованных интересах" — понятие, которое мы вскоре разберем, — значит просто употреблять другой термин для обозначения того, что обычно

называлось "народом".

Прежде самостоятельные группы, особенно из мира городского и сельского бизнеса, оказывавшие в прошлом значительное закулисное влияние на политику, теперь либо попали в состав самого правительства и персонала правительственных органов (как законодательных, так и исполнительных), либо же стали орудиями в руках узких и могущественных клик, членами которых иногда — но не часто — состоят и номинальные лидеры этих групп. Значение этих фактов превышает значение описываемой нами ниже централизации добровольных ассоциаций и совершающегося в них противозаконного присвоения прав пассивных членов профессиональными руководителями. К числу этих фактов относится, например, практика использования господствующими кликами Национальной ассоциации промышленников для убеждения входящих в нее мелких предпринимателей в том, что их интересы совпадают с интересами большого бизнеса; подобная практика призвана сконцентрировать влияние всего мира бизнеса для оказания давления на политику. Эти высшие круги рассматривают теперь всякого рода "добровольные ассоциации" и "влиятельные

группы" как важное и неотъемлемое звено системы идеологического воздействия на общественность. Различные корпорации, которыми заправляют люди, принадлежащие к таким кликам, сами по себе являются орудиями господства, идеологического воздействия на общественность и политического давления. Но часто оказывается более удобным не слишком афишировать использование этих корпораций как базы политического влияния и превращать различные национальные ассоциации в их совместные оперативные агентства. Эти ассоциации являются в большей мере исполнительными политическими органам", пределы влияния которых устанавливаются теми, кто использует их, чем организациями, которые в последнем счете сами решают, действовать ли в известном направлении или не действовать.

Формулу сдерживания и уравнивания можно считать прямой противоположностью формуле "разделяй и властвуй" и средством затемнения народных интересов и стремлений. Ибо надо иметь в виду, что теория равновесия часто покоится на философской концепции естественной гармонии интересов, трактующей дело таким образом, что алчность и жестокость обуздываются справедливостью и прогрессом. С

того времени, как были созданы основы американской экономики, и до тех пор, пока можно было исходить из молчаливо принимаемой посылки, что рынки сбыта будут расширяться бесконечно, учение о гармонии интересов могло вполне служить и действительно служило идеологическим оружием господствующих групп; оно позволяло им выдавать свои интересы за интересы общества в целом. Эта доктрина, пока она господствует над умами, дает возможность изобразить любую низшую группу населения, начинающую бороться за свои интересы, как раскольничью группу, нарушающую общие интересы. "Доктрина гармонии интересов, – писал Э. Х. Карр, – служит, таким образом, искусным философским построением, к помощи которого с полной искренностью прибегали привилегированные группы для оправдания и сохранения своего господствующего положения".

2

Центром внимания сторонников теории равновесия является конгресс Соединенных Штатов, а главными пружинами механизма сдерживания и уравнивания выступают в их представлении конгрессмены. Но надо сказать, что по своему социальному облику эти 435 членов палаты представителей и 96 сенаторов не представляют рядовых граждан; они представляют тех, кто преуспел на предпринимательском поприще и в сфере деятельности свободных профессий. Это пожилые люди, принадлежащие к привилегированным кругам коренных американцев, появившихся на свет от коренных же американцев, людей белой расы, протестантского вероисповедания. Они получили высшее образование, и по своему общественному весу и доходам они, во всяком случае, прочно стоят выше людей из среднего класса. Среди них очень редко встретишь бывшего рабочего или низкооплачиваемого служащего. Короче говоря, это выходцы из провинциальных высших классов старой или новой формации.

Некоторые члены конгресса являются миллионерами, Другим же приходится

выпрашивать деньги на депутатские расходы у населения своих округов. Депутатские расходы ныне весьма велики, так как депутатам часто приходится жить на два дома и курсировать между ними, вести деятельную общественную жизнь и нести значительно возросшие в наше время издержки по обеспечению своего переизбрания и сохранения депутатских полномочий. Конгрессменам теперь почти неизбежно приходится иметь какой-либо побочный доход. И действительно, в 1952 г. 4 из каждых 5 членов палаты представителей и 2 из каждых 3 сенаторов имели, помимо своего депутатского жалованья, еще и другие доходы "от коммерческих дел, или от своей деятельности в качестве лиц свободных профессий, которой они продолжали заниматься в своих городах или районах, или, наконец, от инвестированных капиталов. Число независимых людей, обладающих собственным состоянием, становится в конгрессе все больше... Те же члены конгресса, которые не имеют личного состояния... оказываются чуть ли не в отчаянном положении".

"Если бы предписания федерального закона относительно использования денежных средств во время избирательных кампаний действительно соблюдались, — писал недавно Роберт Бендинер, —

то политические деятели чаще кончали бы свою карьеру в Левенворте, чем в Вашингтоне".

Политическая карьера не привлекает ныне столь широкий круг способных людей, как это имело место в прошлом. Если говорить о чисто денежной стороне дела, то какой-нибудь ловкий адвокат, имеющий возможность легко зарабатывать от 25 до 50 тыс. долл. в год, не слишком уж склонен променять этот доход на опасности и тревоги, связанные с положением конгрессмена. Небогатые кандидаты в члены конгресса оказываются — за известными исключениями, конечно, — то окружными прокурорами, то местными судьями или мэрами, жалованье которых еще меньше, чем у конгрессменов. Многие наблюдатели (из кругов конгресса и других кругов) сходятся в мнении, что за последние 50 лет престиж конгресса в глазах общественности упал и что даже в своих родных округах и штатах конгрессмены отнюдь не являются такими знатными персонами, как это бывало прежде. В самом деле, много ли найдется людей, знающих фамилию своего депутата в палате представителей или даже фамилию своего сенатора?

50 лет назад кандидату в конгрессмены не приходилось соперничать в деле завоевания

внимания избирателей в своем округе или штате со средствами массового развлечения и зрелищ, не приходилось иметь дело с миром, в котором известность фабрикуется. В те времена от политического оратора ожидали просто часовой беседы на тему о том, что творится на свете, а при дебатах у него не было ни надобности, ни возможности обращаться к услугам тайных наемных писак, снабжающих политиков идеями и текстами выступлений. И он был, помимо всего прочего, одним из наиболее высокооплачиваемых людей в своей местности, и крупной фигурой. В наши же дни политическому деятелю приходится возлагать надежды на массовые средства общения, а доступ к последним связан с большими расходами. То, что проведение современной избирательной кампании сопряжено со значительными расходам, явно делает конгрессмена, не обладающего личным состоянием, зависимым от тех, кто снабжает его нужными средствами; средства эти рассматриваются обычно — и вполне резонно — как инвестиции, призванные приносить доход.

Профессиональным политикам, заседающим в конгрессе, приходилось раньше (когда они работали в качестве вольнопрактикующихся юристов или в качестве партийных политиков,

которым предстояло баллотироваться) обзаводиться связями и обхаживать в своих местностях различные группы и разряды людей. Они большие "общественники", подвизающиеся в разных благотворительных организациях, ассоциациях деловых людей и братствах и состоящие членами масонских организаций, клубов "Лосей" и "Американского легиона". В своих избирательных округах конгрессменам приходится иметь дело с разными организованными группами, которые поддерживают и оценивают их в зависимости от их отношения к интересам и требованиям этих групп. Именно в провинциальных округах наиболее открыто действуют группы вымогателей, готовые продавать свои голоса в обмен на разные услуги. Политических деятелей со всех сторон осаждают со своими требованиями и просьбами подобные группы людей – крупные или мелкие, местного или общенационального масштаба. Как маклерам от политики, конгрессменам приходится добиваться компромисса между различными интересами, и в процессе этих непрерывных поисков компромиссов они сами часто превращаются в ходячий компромисс, в людей, лишенных твердой политической линии.

Профессиональные политики призваны в большинстве своем защищать в конгрессе множество разнообразных местных интересов, уравнивание которых — дело тонкое и хитрое. Их свобода действий в сфере политических решений — довольно незначительная — определяется тем, насколько они в состоянии уклониться от этой именно обязанности. В лучшем случае они имеют возможность жонглировать этими разнообразными местными интересами и противопоставлять их друг другу, но, пожалуй, чаще всего им приходится вести уклончивую линию, избегая решений. Защищая интересы своего избирательного округа, конгрессмен неизменно проявляет заботу и преданность по отношению к своей суверенной вотчине. В самом деле, в некоторых случаях его местничество становится столь ревностным, что до наступления следующих выборов он, как будущий кандидат в конгресс от своей местности, может навлечь на себя и собрать для показа в своем округе целую коллекцию нападок, исходящих от "чужаков", и превратить, таким образом, свою избирательную кампанию в своего рода крестовый поход его суверенной вотчины против политических аутсайдеров, делающих карьеру на

общенациональной арене.

В самом конгрессе — как и в своем избирательном округе — конгрессмен сталкивается со сложным сплетением разнообразных интересов; он обнаруживает также, что власть организована здесь по признаку партийности и старшинства. Власть конгресса сосредоточена в комиссиях, а власть комиссий воплощена в их председателях, попадающих на эти посты в порядке старшинства. Следовательно, шансы политического деятеля на достижение влиятельного положения в самом конгрессе часто зависят от возможности оставаться депутатом в течение непрерывного и продолжительного периода времени, а чтобы достигнуть этого, он не может позволить себе вступить в конфликт с элементами, пользующимися влиянием в его избирательном округе. Умение приспособливаться к различным местным группировкам и их программам, умение придерживаться одновременно нескольких, порой противоречащих друг другу политических линий, но так, чтобы это выглядело солидно и добропорядочно,— все эти качества являются большими преимуществами для карьеры конгрессмена. Механический порядок выдвижения на руководящие посты в конгрессе

приводит, стало быть, к тому, что преданные партии посредственности, пустившие в течение 20 или более лет прочные корни в своих суверенных избирательных вотчинах, имеют все шансы завоевать влиятельные позиции в конгрессе и закрепиться на них.

Даже в тех случаях, когда конгрессмен становится председателем комиссии (а он старается по возможности возглавить комиссию, имеющую отношение к местным интересам его округа), он обычно не стремится играть роль политика общегосударственного масштаба. Как бы ни был приятен сопутствующий такой роли престиж, он все же имеет для конгрессмена второстепенное значение по сравнению с завоеванием местной популярности, ибо он несет ответственность не перед всей страной, а перед господствующими группировками своей местности. И к тому же, как заметил Стэнли Хай, "усовершенствование механизма функционирования конгресса не в состоянии устранить болезнь местничества; оно может фактически лишь предоставить депутатам больше времени и лучшие возможности для его осуществления на практике".

При всем этом председатели важнейших комиссий являются все же избранной группой

среди членов конгресса. В их руках сосредоточены основные прерогативы конгресса, как законодательные, так и контрольно-ревизорские. Они имеют возможность самостоятельно выдвигать проекты новых законов, продвигать или задерживать внесенные законопроекты, вносить путаницу в процедуру их прохождения; они специалисты по части всяких уверток и задержек. Они могут так затормозить движение внесенного Белым домом предложения, что оно никогда не будет поставлено на обсуждение, не говоря уже о голосовании. И, наконец, они имеют возможность докладывать президенту США, что будет одобрено и что не будет одобрено населением их округа или находящимися под их влиянием членами конгресса.

В первом и втором десятилетиях нашего века законодательная деятельность конгресса была организована таким образом, что в течение 6 месяцев первой сессии конгресса и 3 месяцев второй на обсуждение ставилось лишь несколько законопроектов. В промежутках между рассмотрением этих законопроектов в соответствующих комиссиях и их обсуждением на пленарных заседаниях конгресса у депутатов оставалось более чем достаточно времени для

ознакомления с ними. Дебаты имели важное значение и велись в присутствии внушительного числа депутатов. Законодательная деятельность поглощала большую часть времени и внимания депутатов. В наши же дни на каждой сессии конгресса рассматриваются сотни законопроектов, и так как депутаты не в состоянии даже прочесть их все — или даже десятую долю,— то им приходится полагаться на комиссии, докладывающие эти законопроекты. Дебатов бывает очень мало, и они часто ведутся в пустующем зале. Произносимые речи предназначаются главным образом для местных избирателей депутата, причем многие речи вообще не произносятся, а только заносятся в протокол. Во время работы этого законодательного конвейера конгрессмены прилежно занимаются делами в своих конторах, руководя небольшим штатом, выполняющим различные поручения избирателей и отправляющим им по почте различные материалы, отпечатанные типографским способом или на машинке.

При проведении избирательных кампаний профессиональные политики не проявляют обычно никакого желания обсуждать жгучие проблемы общегосударственной политики, но

зато по части постановки вопросов местного значения они обнаруживают удивительную изобретательность. Так, например, в 1954 г. во время выборов 472 конгрессменов не ставилось прямо никаких общегосударственных проблем, и даже никаких местных проблем, явно связанных с ними. Общие лозунги плюс личные нападки, относящиеся к репутации и порокам того или иного кандидата, и такого же рода контробвинения и подозрения — вот все, что могли видеть и слышать избиратели, и многие из них обычно не обращали на все это ровно никакого внимания. Каждый кандидат стремился очернить своего соперника. Поруганные кандидаты сами оказывались виновниками того, что становились объектом публичных поношений, и на этой распре они, в сущности, проигрывали все. Избиратели же вообще не видели перед собой никаких политических проблем и тоже оказывались в проигрыше, хотя и не признавали этого.

Избирательные кампании, образующие составную часть процесса зловещего опошления американской общественной жизни, служат удобным средством отвлечения внимания общества от обсуждения вопроса общегосударственной политики. Не следует,

однако, полагать, что содержание избирательных кампаний ограничивается всего лишь подобной шумихой. В каждом избирательном округе и штате выдвигаются вопросы местного значения, которые ставятся и бдительно контролируются организованными группами, представляющими определенные интересы местного значения. Изучение характерных особенностей всех этих кампаний приводит непременно к следующему важнейшему заключению:

Партии, к которым принадлежат профессиональные политические деятели, не являются общенациональными партиями, то есть такими партиями, которые своими дебатами постоянно, четко и с сознанием ответственности концентрировали бы внимание общества на общегосударственных проблемах.

Профессиональный политический деятель считается партийным деятелем. Однако обе политические партии Соединенных Штатов не являются централизованными в общегосударственном масштабе организациями. Полуфеодалы по своей структуре, они всегда базировали свою деятельность на системе раздачи государственных должностей и других привилегий в обмен на голоса и поддержку их кандидатов. Чем мельче политик, тем чаще он

прибегает к методам патронажа и побряжек в обмен на голоса, мобилизуемые им в его избирательном округе. Но обе партии не имеют общенациональных "боссов", а тем более сознающих свою ответственность перед всей партией лидеров. Каждая из них представляет собой скопление самостоятельных местных организаций, связанных самым причудливым и замысловатым образом с разными группами, представляющими различные интересы. В отношении средств, необходимых для проведения избирательных кампаний, члены конгресса обычно не зависят от лидеров своей партии в конгрессе. Национальные комитеты этих крупных партий состоят главным образом из ничтожных в политическом отношении личностей; являясь коалицией организаций штатов и местных организаций, каждая из этих партий довольствуется лишь тем минимумом общенационального единства, который требуется раз в четыре года, при президентских выборах. В своих низовых и средних звеньях эти крупнейшие партии сильны и даже деспотичны, но их верхушка очень слаба. Только президент и вице-президент, избираемые всей страной, создают своими действиями и назначениями ту степень общенационального единства в партиях,

которая в них существует.

Различия между обеими партиями, если говорить об их отношении к общегосударственным проблемам, весьма невелики и весьма расплывчаты. Дело выглядит таким образом, что каждая из них состоит из 48 отдельных партий, по одной на каждый штат; и потому профессиональный политический деятель, как член конгресса и организатор избирательной кампании, не интересуется общенациональной партийной линией, если таковую вообще можно обнаружить. Он не связан какой-либо действенной общепартийной дисциплиной. Он защищает только интересы своего округа и интересуется общенациональными проблемами лишь постольку, поскольку они касаются его округа (то есть касаются тех интересов, которые представлены в его округе организованными и влиятельными группами) и поскольку они затрагивают его собственные шансы на переизбрание. Этим главным образом и объясняется то, что, когда ему случается выступать по общегосударственным вопросам, он пускает в ход тот набор политических слов и фраз, который типичен для столь знакомой нам пустопорожней риторики.

Связанный всеми корнями со своей

независимой избирательной вотчиной,
профессиональный политический деятель
пребывает не в высших сферах
общегосударственной власти, а в ее
второразрядных инстанциях, которые он и
представляет.

3

Растущая доля фундаментальных политических проблем не выносится вовсе на решение конгресса или его влиятельных комиссий, а тем более на обсуждение избирателей при избирательных кампаниях. Так, например, вступление Соединенных Штатов во вторую мировую войну – в той мере, в какой это зависело от решения самой Америки, – произошло в обход конгресса. Этот вопрос никогда не был четко представлен на обсуждение и решение народа. В силу полномочий, предоставленных исполнительной власти на случай возникновения чрезвычайных ситуаций, президент может, по существу, решать вопрос о вступлении в войну диктаторским путем, после чего это решение представляется конгрессу как совершившийся факт. Международные соглашения, заключаемые президентом, фактически имеют силу международных договоров, несмотря на то, что они не ратифицируются сенатом и не требуют подобной ратификации: соглашение с Великобританией об эсминцах и обязательства по отправке войск в Европу под командование НАТО (против чего столь ожесточенно боролся сенатор Тафт) служат тому наглядным примером.

А что касается решений по вопросу о Формозе, принятых весной 1955 г., то конгресс попросту отказался от всякого обсуждения вопроса о событиях и решениях, приведших страну на грань войны, предоставив все это на усмотрение исполнительной власти.

В тех случаях, когда вопросы фундаментального значения и выносятся на обсуждение конгресса, они большей частью ставятся таким образом, чтобы ограничить это обсуждение определенными рамками и даже скорее с намерением создать вокруг них тупик, чем действительно решить их. Это не так уж сложно, ибо при отсутствии проникнутых сознанием ответственности перед страной централизованных партий процесс сколачивания большинства в конгрессе является нелегким делом. Скованный системой старшинства, работой процедурной комиссии, возможностью обструкции, недостатком информации и специальных знаний, конгресс весьма часто превращается в законодательный лабиринт. Не удивительно поэтому, что в вопросах, выходящих за пределы местного значения, конгресс нередко считает желательным, чтобы президент смело проявлял инициативу, и что при так называемых чрезвычайных обстоятельствах конгресс

довольно охотно передает свои полномочия президенту, чтобы, таким образом, вырваться из тупика, созданного в значительной мере искусственно. В самом деле, некоторые наблюдатели убеждены, что "главная причина возрастания власти президента за счет власти конгресса заключалась не в узурпаторских поползновениях президента, а в обструкции, царящей в конгрессе, и в его отречении от власти".

Не подлежит сомнению, что у профессиональных политических деятелей имеются элементы общих интересов и умонастроений, корнящиеся в их совершенно однородном социальном происхождении, однородной карьере и примерно одинаковых общественных связях; и они оперируют, конечно, одинаковой фразеологией, которую они часто принимают всерьез. Вот почему в делах, имеющих отношение к общегосударственной политике, пути конгрессменов, преследующих различные местнические интересы, часто скрещиваются. Такого рода общие интересы редко поднимаются ими на уровень ясно сформулированных национальных проблем. Но зато решения многих мелких вопросов, подсказанные местными интересами и

достигнутые путем торга, сдерживания и уравнивания, нередко влекут за собой такие общегосударственные последствия, которых никто из этих погрязших в местничестве конгрессменов не ожидал. Бывает равным образом, что после преодоления тупика законы принимаются порой не в таком виде, который соответствует желанию заинтересованных законодателей. Ибо надо иметь в виду, что конгресс представляет собой центральный сектор средних этажей государственного здания, и именно на этих средних этажах мы часто наблюдаем господство политики сдерживания и уравнивания.

Интересы, которые действительно представляют конгрессмены, — это те интересы, которые каждый член палаты представителей и каждый сенатор открыто продвигает и защищает. Это узкие интересы местных кругов каждого избирательного округа и штата. Доверенные сенатору или члену палаты представителей, интересы эти примиряются и приводятся в равновесие с другими местными интересами. Основная забота члена конгресса сводится к изысканию возможностей служить отдельным интересам в такой форме, чтобы это не вредило всем другим интересам, которые ему надлежит

уравновешивать.

Влиятельным группам, оказывающим закулисное давление на политику, нет надобности "подкупать" политических деятелей в конгрессе. Лоббисты, вынужденные действовать осторожно, могут порой походить на честных людей, между тем как членов конгресса можно было бы считать скрытыми лоббистами. Людям из высшего провинциального общества не требуется обязательно подкупать профессиональных политических деятелей с тем, чтобы они стояли на страже их интересов. Ибо надо иметь в виду, что в результате существующего социального отбора и характера политического воспитания конгрессмены сами принадлежат к влиятельнейшим группам своих округов и штатов, выдвинуты этими группами и всецело преданы их интересам. Они в большей мере являются субъектами явного давления, оказываемого ими внутри правительства, чем объектами скрытого давления, оказываемого на них с периферии. 50 лет назад традиционный образ сенатора-лихоимца, созданный обличительной литературой, нередко соответствовал действительности — да и в наше время деньги все еще, бесспорно, играют роль в политике. Однако в наше время деньги,

делающие политику, тратятся скорее на финансирование избирательных кампаний, чем на прямую покупку голосов и услуг политических деятелей.

Когда мы слышим, что один из шести влиятельнейших законодателей, председатель комиссии по изысканию путей и средств, завоевал известность до вступления на политическое поприще тем, что ему удалось организовать в полдюжине средних по величине городов торговые палаты "без единого,— как он рассказывает,— цента федеральных субсидий", нам легко понять, почему он боролся против увеличения налога на сверхприбыль, и нам не требуется для этого разыскивать какие-нибудь невидимые, закулисные силы, оказавшие на него давление. 78-летний Дэниел Рид — человек пуританского склада характера и непреклонных принципов, но ведь принципы-то вытекают из определенного душевного склада (который в свою очередь ими укрепляется), а душевные особенности человека формируются и культивируются всей его карьерой. К тому же, как заметил недавно один из членов конгресса, "в жизни каждого конгрессмена наступает момент, когда ему приходится стать выше принципа". По роду своей политической деятельности

конгрессмен является частицей системы равновесия, достигаемого путем компромиссов между различными местными интересами, а равно и частицей той или другой партии, лишенной общенациональной ответственности. В результате он попадает в тупик, наполовину искусственно создаваемый на средних этажах государственного здания.

Власть государства увеличилась и стала решающей силой, чего нельзя сказать, однако, о власти профессионального политического деятеля, подвизающегося в конгрессе. Ведущие конгрессмены разделяют ныне оставшиеся в их руках значительные прерогативы с другими разрядами людей, действующих на политической арене. Руководство законодательной деятельностью сосредоточено в руках конгрессменов, возглавляющих комиссии конгресса, но эта деятельность все больше подвергается решительному модифицирующему влиянию со стороны представителей исполнительной власти. Конгрессмены обладают правом производства всевозможных расследований, являющихся для них наступательным и оборонительным оружием в столкновениях с исполнительной властью, но эта деятельность все больше переплетается с

деятельностью разведывательных агентств, как государственных, так и частных, и все больше сопровождается тем, что можно характеризовать не иначе, как различные степени шантажа и контршантажа.

В условиях, характеризуемых отсутствием значительных различий в политике ведущих партий, профессиональному партийно-политическому деятелю приходится *изобретать* темы для своих речей. В прошлом это отсутствие значительных политических расхождений сказывалось в обычной бессодержательности "выборной риторики". Но после второй мировой войны в выступлениях профессиональных политиков, ущемленных падением своего веса и влияния в государстве, стали все шире практиковаться различные обвинения и личные нападки, направленные против соперников, а также против ни в чем не повинных нейтральных лиц. Это связано, конечно, с корыстным использованием того нового исторического обстоятельства, что американцам приходится жить теперь в соседстве с сильными в военном отношении странами; но вместе с тем это объясняется также и положением самого конгрессмена, деятельность которого не вращается вокруг реальных политических

проблем и представляет собой второразрядную политическую деятельность, протекающую в обстановке, когда реальные решения — вплоть до решений, связанных с партийным патронажем, — выносятся более высокими персонами. Действуя в такой обстановке, располагая уменьшившимися возможностями по части оказания покровительства и не имея в своем агитационном арсенале значительных и интересных проблем, иные конгрессмены добиваются временного успеха или по крайней мере внимания публики путем нагнетания атмосферы всеобщего недоверия.

Существует и другой путь достижения и использования политического влияния. Он заключается в том, что конгрессмен становится соучастником маневров различных клик, орудующих внутри отдельных обюрократившихся правительственных органов и в сфере их взаимных отношений. Профессиональный политикан все чаще и чаще объединяется с руководителем какого-либо правительственного агентства, комитета или департамента, с тем чтобы использовать вместе с ним свое политическое влияние против других правительственных чиновников и политических деятелей, причем это нередко делается в самом

разнузданном, склочном стиле. Традиционная грань между "законодательной властью", намечающей политический курс, и "исполнительной властью", осуществляющей этот курс, сломана с обеих сторон.

В той мере, в какой конгрессмен регулярно участвует в определении политики современного государства, он делает это не столько путем голосования за или против того или иного законопроекта, сколько в форме участия в деятельности известной клики, имеющей возможность влиять на людей, занимающих командные позиции в органах исполнительной власти, и использовать их как орудия своего влияния, или же в форме уклонения от таких расследований, которые могли бы чувствительно задеть интересы данной клики. Именно как соучастник весьма сложно сколоченных клик, профессиональный политический деятель, представляющий множество местных интересов, становится иногда непосредственно причастным к решениям общегосударственного значения.

Если считать, что правительственная политика является результатом взаимодействия разных групповых интересов, то мы обязаны поставить вопрос: какие интересы, не представленные в самом правительстве, играют

важную роль и какие правительственные учреждения служат этим интересам? Если налицо *множество* таких влиятельных интересов и если они противоречат друг другу, то очевидно, что каждый из них теряет свое влияние и соответствующий правительственный орган либо приобретает известную независимость, либо же попадает в тупик. В законодательных органах борьба вращается вокруг многих, соперничающих друг с другом интересов, особенно местных, и она нередко приводит к тупику. Другие же интересы, относящиеся к сфере деятельности могущественных всеамериканских корпораций, никогда не находятся здесь в центре борьбы: конгрессмен содействует реализации таких интересов в силу самой своей социальной и политической природы. Но в органах исполнительной власти часто действует только ряд узких, вполне различных интересов, и их носители часто оказываются в состоянии водвориться в этих органах или же действенным образом тормозить их деятельность, если она направлена против них. Так, например, "государственные органы, регулирующие частную хозяйственную деятельность, — как отмечал Джон Кеннет Голбрейс, — становятся, за некоторыми исключениями, либо активными помощниками,

либо прислужниками тех отраслей промышленности, которые они регулируют". Надо также иметь в виду, что исполнительная власть, занявшая ныне господствующее положение, отводит законодательной деятельности (или бездеятельности) подчиненную роль в деле определения и осуществления политической линии или же покоряет ее своей воле. Ибо то, что именуется "проведением законов в жизнь", явно включает в себя ныне определение и осуществление политического курса страны. И даже сами законы нередко составляются теперь представителями исполнительной власти.

На протяжении истории США мы имели ряд переходов руководящей роли от конгресса к президенту, и наоборот. Верховенство конгресса, например, выступало совершенно явно в течение последней трети XIX в. Но во второй трети XX в., о которой мы ведем речь, власть президента и усилившиеся орудия власти, находящиеся в его распоряжении, далеко превосходят все, что наблюдалось в этой области когда-либо раньше, и никаких признаков уменьшения его власти не имеется. Главенство исполнительной власти означает низведение законодательных органов на уровень второразрядных звеньев государственной

власти; оно подразумевает падение роли профессиональных политиков, так как основная сфера деятельности партийно-политического деятеля — это законодательные органы. Главенство исполнительной власти является также основным показателем заката прежнего, основанного на равновесии общества. Ибо при прежней системе уравнивания сил — поскольку она не была целиком автоматической — именно политический деятель, как специалист по уравниванию и как посредник между соперничающими влиятельными группами, налаживал их взаимоприспособление, добивался компромиссов и поддерживал состояние великого равновесия. Тот политический деятель, который лучше всего удовлетворял или сдерживал множество различных интересов, был больше всего способен добиться влияния и сохранить его. Ныне же профессиональные политические деятели прежних времен, времен существования общества, основанного на равновесии, низведены на положение тех, кто "присутствовал также". Они низведены на положение людей, которых возвысившиеся политические аутсайдеры часто рассматривают как крикливых и докучных субъектов, а порой как полезных помощников, но которые так или иначе не имеют решающего

голоса. Ибо прежнего, покоившегося на равновесии общества, в котором они процветали, больше не существует.

4

В основе учения о сдерживании и уравнивании как идеальной линии высокой политики лежит теория классов (известная еще со времен Аристотеля), которой твердо придерживались в XVIII в. отцы-основатели. Эта теория гласит, что государственный правопорядок представляет или должен представлять собой систему сдерживания и уравнивания, так как общество покоится на равновесии классов, и что равновесие классов существует потому, что стержнем и стабилизатором общества выступает сильный и независимый средний класс.

В XIX в. Америка представляла собой общество, в котором преобладающую роль играл средний класс и в котором процветали многочисленные мелкие организации, обладавшие сравнительно одинаковым влиянием. В рамках этого общества, покоящегося на принципе равновесия, функционировала экономика, центральной фигурой которой являлся мелкий предприниматель, функционировало государство, отличавшееся не только формальным, но и фактическим разделением властей; отношения между

политикой и экономикой были в этом обществе построены таким образом, что каждая из этих сфер была совершенно независима от другой. Если мелкие предприниматели не всегда господствовали в этом обществе, то они, во всяком случае, всегда играли существенную роль в системе равновесия сил. Но в обществе, в котором мы живем сейчас, сложилась новая экономика, характеризуемая тем, что в ее решающих областях мелкие предприниматели оказались вытесненными горсткой крупных, централизованных корпораций: и сложился такой политический порядок, в котором система разделения властей настолько лишилась равновесия, что исполнительная власть стала господствующей, законодательная низведена на уровень средних звеньев власти, а судебная власть покорно приспособляется (с известным отставанием во времени) к переменам политического курса, инициатива осуществления которых исходит не от нее; и, наконец, взаимоотношение между политикой и экономикой в новом обществе явно таково, что политические и экономические дела здесь переплетаются, и их единство создается глубокими и многосторонними связями.

Романтическая система плюрализма — этот

идеал Джефферсона – господствовала в обществе, в котором не меньше, пожалуй, $4/5$ всего свободного белого населения состояло из независимых (в том или ином смысле) собственников. Но после гражданской войны этот былой средний класс самостоятельных собственников начал приходить в упадок – и упадок этот усиливался по мере того, как увеличивалось число таких отраслей народного хозяйства, в которых начали господствовать более крупные и концентрированные экономические единицы. В более поздний период "Прогрессивной эры" независимый средний класс фермеров и мелких предпринимателей боролся на политической арене за сохранение своих социальных позиций и потерял в этой борьбе последние шансы на сохранение за собой решающей роли в системе политического равновесия. В наше же время решающее значение приобрели два обстоятельства, относящиеся к средним классам, плюс одно обстоятельство, касающееся рабочего класса, ставшего в 30-х годах важной политической силой.

I. Независимый средний класс стал политически, а также и экономически зависим от государства. Так, например, многие считают, что самым удачливым "лобби" в Соединенных

Штатах является фермерский союз. И в самом деле, он преуспел настолько, что его трудно рассматривать как независимую силу, воздействующую на отдельные правительственные органы. Фермерский союз крепко сросся с этими органами, особенно с сенатом, в котором он непропорционально широко представлен вследствие странного географического принципа представительства. Для идеологического оправдания системы покровительства крупным фермерам используются старинные и надуманные идеи Джефферсона о преимуществах и национальном значении сельскохозяйственных занятий как основы определенного образа жизни; по этим соображениям принято считать, что крупные фермеры-предприниматели, представляющие собой одну из отраслей народного хозяйства, являются скорее носителями общенациональных интересов, требующих совсем особых политических мероприятий, чем представителям групповых интересов, существующих наряду с другими групповыми интересами. Это особое отношение выражается в политике паритета, обязывающей правительство гарантировать данному сектору системы частного предпринимательства такой уровень цен на

производимую им продукцию, который обеспечил бы фермерам-предпринимателям покупательную способность, равную той, которой они обладали в наиболее благоприятное для них время – накануне первой мировой войны. Все это, конечно, – "классовое законодательство", в любом смысле этого слова, но надо сказать, что это законодательство, "невысокого класса", и в качестве политического факта оно, как это ни странно, стало настолько привычным, что в царстве безмозглого реализма, в котором буйно произрастают подобные планы, оно считается заведомо разумной государственной политикой.

Зажиточные фермеры, которые больше всех сельских жителей выигрывают от такой системы субсидируемого предпринимательства, – это бизнесмены, и они сами считают себя бизнесменами. На смену деревенскому увальню и бунтарю 90-х годов пришел сельский бизнесмен 50-х годов. Политическое влияние фермерства все еще велико, но в смысле давления, оказываемого на политическую верхушку, оно имеет скорее докучный, чем решающий характер. Правда, со специальными интересами фермеров считаются, но эти специальные интересы не включают в себя основные проблемы войны и мира, которые стоят ныне перед ведущими политическими

аутсайдерами. А что касается проблем экономического кризиса и бума, к которым фермеры имеют самое непосредственное отношение, то они теперь не являются главным объектом внимания политических аутсайдеров.

II. Наряду с независимым средним классом старой формации в недрах общества, где господствуют корпорации, появился *новый*, зависимый *средний класс*, состоящий из служащих. За период жизни двух последних поколений удельный вес среднего класса старой формации в общей массе средних классов снизился приблизительно с 85 до 44%, а удельный вес нового среднего класса увеличился с 15 до 56%. В силу многих причин, которые я пытался объяснить в другой работе, этот класс скорее замыкает собой господствующее ныне движение в сторону превращения общества в пассивную массу, чем выступает в роли политического стержня общества, основанного на равновесии. Служащие в отличие от фермеров и мелких предпринимателей и в отличие от наемных рабочих появились на исторической арене слишком поздно, чтобы выступить в качестве самостоятельной политической силы хотя бы в течение кратковременного исторического периода. Род занятий и

особенности социального тяготения служащих, формирующие их воззрения, приводят к тому, что они находятся скорее в арьергарде, чем в авангарде исторического развития. В политическом отношении они никак не объединены и не связаны между собой. Процесс их профсоюзного объединения в том виде, в каком он ныне совершается, представляет собой процесс их присоединения к основному течению и направлению политики рабочих профсоюзных организаций и способствует их превращению в сателлитов новейшей группы интересов, безуспешно пытающейся приобщиться к государственной власти.

Средний класс старой формаций выступал в течение известного времени в качестве самостоятельной силы, на которую опиралась государственная власть, новый же средний класс этого сделать не в состоянии. Политическая свобода и материальная обеспеченность основывалась на мелкой, независимой собственности; в мире наемного труда людей из нового среднего класса такой основы не имеется. Экономическая связь между разрозненными предприятиями и их владельцами создавалась свободным, никому не подвластным рынком; связь же между трудовыми функциями людей из

нового среднего класса осуществляется руководством корпораций. Принадлежащие к средним классам служащие не являются самостоятельной основой власти: экономически они находятся в таком же положении, как и лишенные собственности рабочие; политически же они находятся в еще худшем положении, так как они не столь организованны.

III. Наряду со средним классом старой формации, все более приобщающимся к аппарату государственной власти, и наряду с новым средним классом, появившимся на свет без определенной политической физиономии и развивавшийся таким образом, что ему никогда не удастся обрести ее, — на политической арене 30-х годов появилась новая политическая сила — организованный рабочий класс. В течение короткого периода времени могло казаться, что рабочий класс создаст влиятельный блок, независимый от мира корпораций и государства и вместе с тем влияющий на них и борющийся с ними. Но, попав в зависимость от правительственных органов, профессиональные союзы начали быстро терять свое влияние и играют теперь незначительную роль в сфере высокой политики. В США нет теперь таких рабочих лидеров, которые оказывали бы

сколько-нибудь существенное влияние при решении вопросов, представляющих важность для политических аутсайдеров, играющих ныне руководящую роль в официальном правительстве.

Если мы станем рассматривать профессиональные союзы под интересующим нас углом зрения, то заметим, что они стали организациями, отбирающими и формирующими таких лидеров, которые в случае успеха занимают свое место в кругах всеамериканской властвующей элиты наряду с руководителями корпораций, пребывающими в самом правительстве и вне его, и наряду с политическими деятелями обеих крупных партий. Ибо одна из задач профессиональных союзов — как и общественных движений и политических партий — заключается в том, чтобы предпринимать попытки участвовать в формировании этого руководящего центра страны. Как новый разряд власть имущих людей профсоюзные лидеры появились на национальной арене лишь недавно. Сэмюэль Гомперс был, вероятно, первым профсоюзным деятелем, ставшим членом всеамериканской властвующей элиты, — хотя, правда, пребывал в ней временно и чувствовал себя там крайне неловко. Его робкая попытка утвердить свое

место среди властвующей элиты и таким путем добиться признания интересов рабочего класса как составной части общенациональных интересов сделала его прототипом и образцом для профсоюзного деятеля, делающего общенациональную карьеру. Сидней Хиллмэн не был, конечно, единственным профсоюзным деятелем, ставшим в 40-х годах на этот путь, но его руководящая роль в первые военные годы, его сознательная уверенность в том, что он является членом всеамериканской элиты, и реальное или воображаемое признание, которого он добился в качестве ее члена ("утрясти вопрос с Сиднеем"), — все это знаменовало собой более широкое вступление профсоюзных лидеров (после громадного расширения профсоюзов в период "нового курса") в ряды политической элиты. Но с наступлением эпохи "справедливого курса" Трумэна и "великого похода" Эйзенхауэра профсоюзному лидеру любого ранга нелегко стало вообразить себе всерьез, что он принадлежит (официально или неофициально) к элите. История с вынужденным уходом второстепенного профсоюзного деятеля Дэркина со своего третьеразрядного министерского поста довольно ясно раскрыла ситуацию, с которой сталкиваются профсоюзные лидеры при своих

попытках проникнуть в ряды элиты, а также позиции самих профсоюзов как политической силы. Весьма далекие от высших сфер власти, они причастны к средним этажам государственного здания.

Многие особенности зачастую странного поведения и маневров профсоюзных лидеров за последние 20 лет объясняются их стремлением занять место в рядах властвующей элиты. В этих сферах они показали себя как люди, крайне болезненно реагирующие на всякие попытки ущемления их престижа. Они считают, что достигли многого, и претендуют на все знаки почета, связанные с властью. В маленьких и средних городах профсоюзные лидеры заседают теперь вместе с представителями торговых палат в правлениях муниципальных предприятий, а на общегосударственной арене они требуют и добиваются постов в органах, ведающих государственными производственными предприятиями, и в органах по регулированию цен.

Их притязания на общественный почет и на власть покоятся не на имущественном богатстве, высоком доходе или родовитости, а на их возросшем влиянии; и особенность их положения проявляется в том, что влияние является

для них не только базой для маневров, но и источником постоянного беспокойства. Их влиятельное положение не есть еще нечто прочно укоренившееся, давно существующее, имеющее силу привычки, обычая, закона. Их повышенная чувствительность в вопросах престижа, особенно проявляющаяся на общегосударственной арене, объясняется, во-первых, тем, что это люди, самостоятельно пробившие себе дорогу в жизни, и, во-вторых, тем, что увеличению их общественного веса чрезвычайно способствовало правительство и общая атмосфера, созданная правительством в течение десятилетия, последовавшего за 1935 г. Политическое влияние профсоюзных лидеров было создано правительством, и они опасались — вполне резонно, как потом оказалось, — как бы правительство не лишило их этого влияния. Напряженность их положения в системе распределения общественного престижа объясняется также тем, что для членов властвующей элиты с их особым образом мышления, жизни и действия они являются попросту непривычными людьми, да еще тем, что они чувствуют напряженность в своих отношениях с подвластным народом — членами своих профсоюзов, перед которыми политически

опасно предстать в роли слишком "важной персоны", или оказаться слишком тесно связанным с исконными врагами, или афишировать вновь обретенных коллег и новый образ жизни.

Многие наблюдатели ошибочно трактуют почет, предоставляемый профсоюзным лидерам, как прямое доказательство могущества рабочего класса. В одних случаях это, может быть, и так, но порой за этим явлением может скрываться нечто иное. Это так в тех случаях, когда почет, которым пользуются лидеры, основывается на действительном могуществе и влечет за собой могущество. Это не так в тех случаях, когда престиж не делает лидеров влиятельными, а становится для них лишь ловушкой. Не мешает помнить, что подобные явления не складываются по схеме "яйцо – цыпленок". Здесь в цепи причин и следствий первым выступает цыпленок (могущество), а потом уже следует яйцо (престиж).

В период 30-х годов организованное рабочее движение впервые приняло общеамериканские масштабы; оно мало нуждалось в какой-либо направляющей политической идеологии, кроме лозунга "организуй неорганизованных". Теперь это не так, но рабочее движение, не

поддерживаемое ныне условиями экономического краха, все еще остается без политического, да и экономического руководства. Подобно представителям мелкого бизнеса, рабочие лидеры пытались следовать по пути фермерства. Когда-то фермерство было носителем мятежных настроений; а в недавнем прошлом могло казаться, что подобные настроения имеются в среде рабочего класса. В наше время крупные фермеры составляют организованный блок, прочно окопавшийся в государственных органах и оказывающий давление на "государство благоденствия". Несмотря на то, что интересы рабочих находятся в более остром объективном противоречии с капитализмом как системой наемного труда, рабочий класс безуспешно пытается ныне идти по тому же пути.

5

Те, кто до сих пор считают, что система распределения политической власти является отражением общественного строя, покоящегося на равновесии, зачастую не видят различия между современной эпохой и более ранним периодом американской истории, а также различия между верхними и низшими этажами государственного здания, с одной стороны, и его средними этажами – с другой. Превращенная в универсальную схему системы распределения политической власти, теория равновесия лишается исторической конкретности. В действительности же ее можно как схему считать применимой лишь к некоторым фазам исторического развития Соединенных Штатов – особенно к периоду президентства Джексона и (при совершенно иных уже условиях) к раннему и среднему периоду "нового курса".

Представление о том, что система распределения политической власти является отражением общественного строя, покоящегося на равновесии, связано также с предположением, что все уравнивающие силы независимы друг от друга, ибо если, например, капитал и труд или капитал и государство зависимы друг от друга, то их нельзя рассматривать как отдельные элементы

подлинно свободного равновесия. Мы видели, однако, что главные группы, представленные в политической системе, в меньшей степени соперничают друг с другом в попытках удовлетворения своих различных интересов, чем смыкаются друг с другом во многих пунктах совпадения их интересов и даже объединяются под эгидой правительства. Системы экономической и политической власти не только становятся крупнее и централизованнее — их интересы начинают смыкаться, И они начинают заключать соглашения — как гласные, так и молчаливые.

Американское государство не представляет собой в наше время всего лишь скрепляющий каркас общественного здания, внутри которого соперничающие между собой влиятельные группы ведут изощренную борьбу за свое положение в обществе и делают политику. Некоторые элементы такой системы зависимостей, конечно, имеются, но вместе с тем подобные группы интересов представлены ныне в самой государственной иерархии, причем некоторые из этих групп стоят выше других и пользуются большим влиянием. Нет силы, которая действительно противостояла бы коалиции крупных бизнесменов, занимающих ныне в

качестве политических аутсайдеров командные посты, и возвысившейся военщины, чей голос звучит зачастую так веско в верховных синедрионах. Люди, обладающие ныне действительной властью в американском государстве, не являются простыми политическими посредниками, призванными улаживать разногласия или добиваться компромисса между различными сталкивающимися интересами. Они представляют и даже олицетворяют собой совершенно особые интересы всеамериканского масштаба и совершенно особую политику.

Несмотря на то, что профессиональные партийно-политические деятели могут еще выступать порой в роли политических маклеров, добивающихся компромисса между различными интересами, и в роли арбитров, — они уже не возглавляют больше ни государство, ни систему распределения политической власти в целом.

Представляя себе систему распределения политической власти как систему уравнивания, нам приходится предположить, что государство — это только маска, скрывающая под собой независимые друг от друга силы и интересы; в действительности же возможности вершить и решать политические

дела прочно заключены ныне в самой государственной машине. Прежнее "лобби", видимое или невидимое, является ныне видимым правительством. Это "превращение "лобби" в правительство" происходило и по линии законодательной и по линии исполнительной власти, а также в области их взаимных отношений.

Сфера действия правительственно-административной бюрократии становится не только центром политической системы, но также и единственной ареной, на которой разрешаются (или остаются неразрешенными) все политические конфликты. На смену политике, складывавшейся в результате избирательной борьбы, приходит авторитарная политика; маневрирование клик сменяет собой борьбу политических партий.

Фермерские волнения 90-х годов, движение протеста мелких бизнесменов, возникавшие более или менее периодически после 30-х годов нашего века, — все они оказались безуспешными и вместе с тем успешными. Как независимые движения мелких собственников или организованных рабочих, которые могли бы противостоять могуществу богачей из мира корпораций, и как движения, направленные к созданию политически независимых "третьих" партий они потерпели

неудачу. Но они оказались – в разной степени – успешными в том смысле, что интересы этих слоев населения получили постоянное представительство в недрах расширившегося государственного аппарата; они оказались успешными и по линии защиты чисто местных интересов, сосредоточенных в разных формах в отдельных округах и штатах, где они не сталкиваются с более крупными интересами. Соперничество этих местных интересов является прочно укоренившейся особенностью сферы деятельности второразрядных органов власти, занятых их уравниванием.

Среди множества всех этих второразрядных политических сил находятся фактически все те прослойки и группы, которые на протяжении истории США либо потерпели поражение в своей борьбе за верховную власть, либо же никогда не домогались ее. Сюда входят: мелкие сельские и городские собственники, рабочие профессиональные союзы, все организации потребителей и все основные группы служащих. Силы эти действительно находятся до сих пор в состоянии политической раздробленности – отнюдь не романтической; будучи по самой своей структуре неспособными к взаимному объединению, они в самом деле уравнивают

друг друга — и это происходит в условиях полуискусственно создаваемого тупика. Хотя эти группы и "стоят на пути" объединенной верхушки, ни одна из них не имеет возможности проникнуть в высшие круги, где прочно хозяйничают политические аутсайдеры из мира корпораций и военных кругов.

Пока различные средние классы играют ведущую роль в уравнивании общественных сил, профессиональный политик действительно играет господствующую роль в сфере высокой политики. Но когда средние классы, как группа независимых политических сил, находятся на ущербе, основанный на равновесии общественный строй, с присущей ему системой распределения политической власти, тоже приходит в упадок и партийно-политические деятели, представляющие свои суверенные округа, низводятся на уровень людей, подвигающихся в средних этажах общегосударственного здания.

Эти структурные изменения получили четкое политическое выражение в период "нового курса", то есть в период, имевший, несомненно, свои специфические особенности, обусловленные экономическим кризисом. То обстоятельство, что переживаемый нами сейчас период

характеризуется материальным процветанием, привело к затемнению этих фактов, но не изменило их; и, как факты, они имеют крупное значение для понимания природы нынешней властвующей элиты.

XII. Властвующая элита

Если не считать гражданской войны, окончившейся неудачей для ее зачинщиков, то никакие перемены в американской системе политического господства не сопровождались сколько-нибудь значительными покушениями на ее правовые устои. Даже в тех случаях, когда эти перемены принимали достаточно решительный характер, чтобы их можно было бы назвать "переворотами", они не сопровождались "ни пушечными выстрелами с крейсера, ни разгоном выборных органов силой штыков, ни созданием аппарата полицейского государства" Они не сопровождались и какой-либо решительной идеологической борьбой за овладение массами. Изменения системы распределения политической власти обычно являлись в США результатом коренных сдвигов в соотношении сил политических, экономических и военных кругов внутри властвующей элиты. Если рассматривать американскую властвующую элиту под этим углом зрения, то в истории ее развития вырисовываются в общих чертах четыре эпохи; в наше время она переживает уже пятую эпоху своего развития.

1

I. В течение первой эпохи, продолжавшейся примерно со времен революции до периода президентства Джона Адамса включительно, светские, экономические, политические и военные институты были более или менее объединены и их единство осуществлялось простым и непосредственным образом: представители различных кругов элиты легко меняли сферу своей деятельности, передвигаясь из верхов одной из этих основных иерархий в другую. Многие из них были разносторонними людьми, способными подвизаться на глубоко различных поприщах: в качестве законодателей и негоциантов, вооруженных поселенцев, раздвигавших границы американских поселений, и военных деятелей, ученых и землемеров.

Вплоть до провала в 1824 г. предвыборных фракционных совещаний в конгрессе политические институты выглядели вполне централизованными. Высокой политике придавалось большое значение; многие политики считались выдающимися государственными деятелями национального масштаба. "Костяк светского общества, каким оно запечатлелось в моих первых воспоминаниях, — рассказывал

некогда Генри Кэбот Лодж, ведя речь о Бостоне времен его отрочества, – составляли старинные семьи; доктор Холмс в "Автократе" характеризует их как семьи, занимавшие высокое положение еще в те времена, когда США были колонией, а затем "провинцией", во времена революции и в течение первых десятилетий после основания Соединенных Штатов. Они имели в своем роду несколько поколений образованных и занимавших высокое общественное положение людей... Предки этих знатных фамилий проповедовали с церковных кафедр, восседали в судейских креслах и принимали участие в управлении страной во времена английского господства. В годы революции они сражались, участвовали в разработке конституций – как федеральной, так и отдельных штатов – и служили в армии или во флоте; они состояли членами палаты представителей и сената в начальный период существования республики и составили себе состояние в качестве коммерсантов, фабрикантов, адвокатов или литераторов".

Круг именитых людей подобного склада, составлявших – как я уже отмечал – главное ядро светского общества, собиравшегося в 1787 г. в доме Джона Джея, несомненно включал в себя и

выдающихся политических деятелей. Важная особенность этого раннего периода развития американской элиты заключалась в том, что светские, деловые, военные и политические круги тесно переплетались в те времена между собой; высокопоставленные политические деятели играли руководящую роль и в сфере экономики и вместе со своими семьями входили в круг высокочтимых людей, составлявших местное светское общество. Можно считать доказанным, что этот первый период развития элиты знаменателен тем, что руководство страной принадлежало людям, высокое общественное положение которых покоилось не только на их политических прерогативах, хотя, правда, их политическая деятельность также играла в этом отношении важную роль, ибо политики пользовались в те времена высоким уважением (таким уважением пользовались, по-видимому, не только члены правительства, но и видные члены конгресса). Элита состояла тогда из образованных и имевших административный опыт политических деятелей, обладавших, как отмечал лорд Брайс, известной "широтой кругозора и чувством собственного достоинства".

II. В начале XIX в., в период, отмеченный влиянием политической философии

Джефферсона, а позднее и влиянием экономических принципов Гамильтона, экономические, политические и военные иерархии превратились в рыхлые образования, приспособившиеся к условиям великой раздробленности сил, характерной для тогдашней американской социальной системы. Рост политического влияния экономической иерархии (ставшей к тому времени преимущественно иерархией собственников единоличных предприятий) наиболее ярко выразился в таких фактах, как приобретение Джефферсоном за деньги территории Луизианы и образование демократически-республиканской партии, пришедшей на смену федералистам.

Элита превратилась в этом обществе во множество верхушечных групп, каждая из которых в свою очередь не представляла собой компактного образования. Эти группы, разумеется, частично смыкались друг с другом, но опять-таки весьма неплотно. Наиболее важным для понимания этого периода и вместе с тем, конечно, тех представлений, которые у нас сложились о нем, является то обстоятельство, что переворот, совершенный Джексон, в гораздо большей мере подорвал основы прежней системы распределения общественного престижа, чем

основы экономики и политической системы. Прослойка "четырехсот семейств" центральных городов не могла по-настоящему процветать в такие времена, когда над ними довлели антиаристократические тенденции джексоновской демократии; и к тому же она сталкивалась с новыми элементами элиты из среды кадровых политических руководителей новой партийной системы. Централизованные средства власти не контролировались в ту пору какой-либо узкой группой лиц; в экономических, а тем более в политических делах не господствовала какая-либо небольшая клика. Люди, преуспевавшие на экономическом поприще, имели больше веса, чем люди, подвизавшиеся в светских кругах и в сфере политики; и в самой экономической сфере политику делала весьма внушительная часть общей массы занятых в ней дельцов. Ибо это был период (длившийся приблизительно от президентства Джефферсона до президентства Линкольна), когда элита представляла собой в лучшем случае рыхлую коалицию. Этот период, несомненно, закончился после резкого раскола правящего класса на южную и северную группировки.

III. Господство корпораций в сфере

экономики началось — если говорить о формальных датах — после выборов в конгресс, происходивших в 1866 г., и оно было укреплено в 1886 г. решением Верховного суда, провозгласившим, что четырнадцатая поправка к конституции предусматривает право создания корпораций. Этот период был ознаменован переходом инициативы от правительства к корпорациям. И вплоть до первой мировой войны (которая принесла с собой явления, весьма похожие на некоторые особенности нынешней эпохи) происходило постоянное вторжение экономической элиты в сферу деятельности правительства. То был период открытой коррупции, когда сенаторов и судей покупали оптом и в розницу. Эта эпоха, кажущаяся теперь такой далекой, эпоха Мак-Кинли и Моргана, весьма непохожая по своим порядкам на те негласные, сложные дела, которые творятся в наше время, являлась, как думают теперь многие, золотым веком американского правящего класса.

В третью эпоху развития властвующей элиты, так же как и во вторую, военная иерархия занимала подчиненное положение по отношению к политической, а последняя в свою очередь занимала подчиненное положение по отношению к экономической иерархии. Военщина,

следовательно, не принадлежала в описываемый Период к основным движущим силам американской истории. Что же касается политических учреждений США, то они никогда не представляли собой централизованной и самостоятельной сферы власти; процесс их расширения и централизации постоянно наталкивался на сопротивление и совершался только в форме замедленной реакции на требования, вытекавшие из развития экономики, организованной в форме капиталистических корпораций.

В эпоху, наступившую после гражданской войны, корпорации стали в стране главной движущей силой, и "трестам" легко удавалось использовать сравнительно слабый правительственный аппарат в своих целях; об этом со всей очевидностью свидетельствуют события и политический курс того времени. То обстоятельство, что возможности регулирующего воздействия на экономику, которыми располагали и федеральное правительство и правительства отдельных штатов, были резко ограничены, на деле означало, что они сами находились под регулирующим воздействием крупных капиталистических объединений. Силы государственной власти были раздроблены и

неорганизованны; силы же промышленных и финансовых корпораций отличались концентрацией и взаимосвязанностью. Одна лишь группа Моргана занимала 341 руководящий пост в 112 корпорациях с общим капиталом 22 млрд. долл., что более чем втрое превышало официальную оценочную стоимость всей движимой и недвижимой собственности в Новой Англии. Корпорации, обладавшие более крупными доходами и более многочисленным персоналом, чем правительства многих штатов, контролировали деятельность политических партий, добивались с помощью денег проведения угодных им законов, содержали членов законодательных органов государственной власти, придерживавшейся "нейтральной" позиции по отношению к экономике. И так же как экономическое могущество, базирующееся на частной собственности, затмевало собой в эту эпоху политическое могущество, базирующееся на общественных прерогативах, так и экономическая элита затмевала собой политическую.

Однако уже в период 1896–1919 гг. крупные события экономической жизни приобретали политический характер, что предвещало появление той формы власти, которой суждено

было стать господствующей формой в эпоху "нового курса", наступившую после частичного бума 20-х годов. В истории Америки никогда не было, пожалуй, столь политически прозрачного периода, как "Прогрессивная эра", прославившаяся мультимиллионерами, "делавшими президентов", и "любителями копать в грязи".

IV. "Новый курс" не внес коренных изменений в политические и экономические отношения, установившиеся в течение третьей из рассматриваемых нами эпох, но он создал на политической арене, а равно и в самом мире корпораций конкурирующие друг с другом влиятельные группы, которые бросили вызов заправилам корпораций. Когда лидеры "нового курса" обрели политическую власть, экономическая элита, боровшаяся на протяжении третьей эпохи против роста влияния "государственной власти" (ловко используя ее в то же время в своих корыстных интересах), сделала запоздалую попытку проникнуть в высшие звенья этой власти. Проникнув туда, она столкнулась там с другими лицами и интересами, ибо сфера высокой политики была переполнена претендентами. Со временем экономической элите удалось взять под свой контроль и

использовать в своих собственных целях возникшие в период "нового курса" институты, созданию которых она противилась с таким ожесточением.

Но это удалось ей не сразу. В 30-х годах новая государственная власть еще являлась орудием мелких фермеров и бизнесменов. Во времена "Прогрессивной эры" эти элементы были, правда, ослаблены и потеряли последнюю надежду на реальное господство. Однако на арене политических столкновений, образовавшейся при "новом курсе", борьба между крупной и мелкой собственностью разгорелась вновь и была усилена — как мы уже видели — современной борьбой организованных рабочих и неорганизованных безработных. Успешное развертывание этой новой, силы происходило, правда, под опекой государственной власти, но так или иначе социальное законодательство и вопросы, связанные с положением низших общественных классов, стали впервые в истории США важными факторами в движении за осуществление реформ.

В 30-х годах содержание борьбы за определение политического курса страны и его практическое осуществление сводилось к менявшемуся соотношению сил между

различными группировками; наряду с представителями крупного капитала в этой борьбе участвовали защитники предпринятых в те времена мероприятий в пользу фермерства и представители вновь организованных профсоюзов. Следует добавить, что все эти фермерские, рабочие и капиталистические группировки были в большей или меньшей степени представлены в самом государственном аппарате, который в те времена разросся и верхушка которого придавала в те времена своим решениям резко выраженную политическую окраску. Эти группы активно стремились воздействовать на политический курс страны, и давление, которое они оказывали друг на друга, на правительство и на партии, способствовало формированию политической ориентации каждой из этих сил. Однако нельзя сказать, чтобы какой-либо из этих групп удалось использовать в течение сколько-нибудь продолжительного времени тогдашнее правительство в качестве орудия осуществления одних только своих целей. Вот почему десятилетие 30-х годов оказалось *политическим* десятилетием: власть бизнеса не была свергнута, но она оспаривалась, и наряду с ней действовали и другие силы. Она стала главной, но не единственной силой в системе

политического господства, управлявшейся главным образом политиками, а не дельцами или военными, подвизающимися на политической арене.

Политика правительств, находившихся у власти в начальный и средний период президентства Рузвельта, может быть точнее всего охарактеризована как отчаянное искание средств и способов сокращения — в рамках существующей капиталистической системы — потрясающей и зловещей по своим масштабам армии безработных. В те годы "новый курс", как система управления страной, сводился в основном к установлению равновесия между влиятельными группами и блоками, представлявшими разнородные интересы. Политическая верхушка улаживала многие конфликты, уступала одним требованиям, откладывала удовлетворение других, никому не оказывала исключительного покровительства и подобными маневрами уравнивала все эти противоборствующие интересы в пределах некоей конъюнктурной политической линии, существовавшей в промежутках от одного мелкого кризиса к другому. Политический курс являлся результатом политического уравнивания, осуществляемого сверху. Проводившаяся

Рузвельтом политика уравнивания не затронула, конечно, основы капитализма как экономической системы. Своей политикой он помогал капиталистической экономике (которая попросту разваливалась) выбраться из состояния банкротства, а своей риторикой он ослаблял направленные против нее политические страсти; из этих соображений он посадил на политическую цепь "экономических роялистов".

"Государство благоденствия", созданное для поддержания равновесия и оказания помощи капиталистической экономике, отличалось от государства, придерживавшегося принципа "laissez-faire". "Если во времена Теодора Рузвельта, — писал Ричард Гофштадтер, — государство считалось нейтральным, так как его руководители утверждали, что они никому не оказывают особого покровительства, то государство, возглавлявшееся Франклином Делано Рузвельтом, могло быть названо нейтральным лишь в том смысле, что оно оказывало покровительство всем". В последний период президентства Рузвельта государство, в котором тон задавали ставленники корпораций, отличалось от прежнего рузвельтовского "государства благоденствия". В самом деле, политическая линия, господствовавшая в более

поздний период президентства Рузвельта – со времени вступления США в полосу открытых действий, предвещавших войну, и подготовки ко второй мировой войне, – не может быть охарактеризована как всего лишь искусное уравнивание политических сил.

2

Говорят, что мы изучаем историю лишь для того, чтобы освободиться от нее. История властвующей элиты является наглядным примером правильности этого утверждения. После второй мировой войны развитие долговременных тенденций, наметившихся в развитии политического строя Соединенных Штатов, равно как и темпы изменений американской жизни вообще, значительно ускорилось. Вместе с тем формирование нынешнего облика властвующей элиты и специфического исторического содержания пятой эпохи ее существования совершалось также под воздействием сравнительно новых тенденций, наметившихся как внутри каждого из главенствующих социальных институтов, так и в сфере их взаимных отношений.

I. Если говорить о политических явлениях, обусловивших особенности нынешней властвующей элиты, то их следует искать в закате старой системы управления страной, базировавшейся на неподдельном и публичном обсуждении спорных проблем, на существовании партий, признававших свою ответственность перед всей страной и проводивших последовательную

политику, и на существовании независимых общественных организаций, связывавших низовые и средние звенья власти с выносящими решения верховными органами. Америка наших дней является в значительно большей мере формальной политической демократией, чем социальной демократией, причем даже пружины формальной политической демократии действуют в ней слабо.

В пятую эпоху существования элиты тенденция к более тесному и глубокому переплетению интересов бизнеса и государства, наблюдавшаяся в течение длительного времени, обозначилась еще яснее, чем раньше. Теперь их уже невозможно различать как отдельные сферы. Особенно решительный характер это сближение получило в исполнительных органах государства. Рост исполнительных органов государства с их ведомствами, контролирующими сложную экономику наших дней, не сводится попросту к "расширению функций государственной власти" как своего рода независимой бюрократии; в этом явлении сказалось возвышение заправил корпораций как политической силы выдающегося значения.

В период "нового курса" главари корпораций вступили в союз с официальными политическими

руководителями государства; со времен второй мировой войны они обрели над ними господство. Давно связанные с государством, они на сей раз полностью прибрали к рукам руководство экономикой, обслуживавшей войну, и руководство послевоенной экономикой. Приход главарей корпораций к политическому руководству ускорил давно наметившийся процесс низведения политического веса профессиональных политиков, заседающих в конгрессе, до политического веса людей, подвигающихся в средних звеньях власти.

II. Если говорить об особенностях властвующей элиты наших дней, связанных с ростом и милитаризацией государственного аппарата, то они явственно обнаруживаются в факте возвышения военщины. Военная знать стала решительным образом причастна к политике, а американское военное ведомство является ныне в значительной мере политической организацией. Постоянная якобы угроза войны усиливает позиции военщины и ее контроль над людскими, материальными и денежными ресурсами и органами власти; все, в сущности, политические и экономические мероприятия рассматриваются в наше время под углом зрения милитаристских оценок действительности.

Высшая военная знать завоевала прочные позиции в кругах властвующей элиты, переживающей ныне пятую эпоху своего исторического развития.

Это было обусловлено – по меньшей мере частично – простым, но кардинальным для периода, последовавшего за 1939 г., историческим фактом: основное внимание элиты переместилось из сферы внутренних проблем, вращавшихся в 30-х годах вокруг экономического краха, в сферу международных проблем, вращавшихся в 40-х и 50-х годах вокруг вопросов войны. В течение долгого исторического периода государственный аппарат США был нацелен на улаживание внутренних конфликтов и поддержание политического равновесия внутри страны. Он постоянно приспосабливался к выполнению этих функций, и именно эти функции определили его структуру. Вот почему он ни с какой точки зрения не обладал достаточно квалифицированными ведомствами и накопленным опытом, требуемыми для решения международных проблем. Механизм формальной демократии, создававшийся до 1941 г. – в течение полутора столетнего развития страны, – не охватывал сферу регулирования международных отношений. Именно здесь, в этом вакууме, и

получила в значительной степени свое первоначальное развитие властвующая элита.

III. Если говорить об экономических причинах, обусловивших особенности современной властвующей элиты, то они кроются в том факте, что современная экономика является перманентно военной экономикой, базирующейся вместе с тем на частнокапиталистических корпорациях. Американская капиталистическая экономика является ныне в значительной степени военно-капиталистической экономикой, и наиболее важные отношения между крупными корпорациями и государством покоятся на совпадении интересов военного ведомства и корпораций, определяемых военной знатью и богачами из мира корпораций. Это совпадение интересов высших военных руководителей и главарей корпораций усиливает позиции обеих этих групп внутри властвующей элиты в целом и еще больше снижает относительное влияние той ее части, которая представлена профессиональными политиками. Не политики, а ведущие администраторы корпораций обсуждают и планируют вместе с военщиной вопросы подготовки к войне.

Мы сможем правильно понять характер и значение властвующей ныне элиты лишь в том

случае, если учесть результат совместного действия описанных нами трех коренных тенденций. Он выражается в том, что военно-капиталистическая экономика, базирующаяся на частнокапиталистических корпорациях, существует в условиях ослабленной и всего лишь формальной демократической системы, включающей в себя военную иерархию, воззрения и поведение которой уже носят вполне выраженную политическую окраску. Особенности властвующей элиты, возглавляющей эту систему, были, следовательно, порождены: совпадением интересов тех групп, которые контролируют основные средства производства, и тех групп, которые контролируют увеличившиеся за последнее время средства насилия; падением влияния профессиональных политических деятелей и приходом главарей корпораций и профессиональных военных руководителей к открытому политическому руководству страной; отсутствием подлинно профессионального корпуса государственных чиновников, обладающих надлежащей квалификацией, чувством профессиональной чести и не находящихся под влиянием частнокапиталистических интересов.

Властвующая элита объединяет в себе людей,

подвизающихся в разных сферах: политической, экономической и военной. При таком, однако, составе в ней зачастую возникают трения; она выступает сплоченно лишь в некоторых областях, где позиции этих кругов смыкаются, и только лишь при известных "кризисных" ситуациях. На протяжении длительного периода мира, существовавшего в XIX в., военщина не была представлена в высших государственных органах и не входила в состав политического руководства. Не было там и лидеров капиталистической экономики, — они вторгались в сферу деятельности государственной власти, но не входили в состав официального политического руководства. В 30-х годах нашего века ведущая роль в государственной жизни принадлежала политикам. В наши дни главенствующие позиции в этой области занимают военные и представители корпораций.

Из трех прослоек, входящих ныне в состав властвующей элиты, наибольшую выгоду из своего возросшего могущества извлекла военщина, хотя и заправилы корпораций более основательно укрепили свои позиции в сфере высокой политики. Больше всего потеряли профессиональные политики, и эти потери столь велики, что, изучая события и политические

решения, невольно склоняешься к выводу о существовании в стране политического вакуума, в котором хозяйничают богачи из мира корпораций и военные лидеры, преследующие свои собственные, взаимосмыкающиеся интересы.

Не следует думать, что политическая инициатива "по очереди" переходит к каждой из трех прослоек, входящих в состав нынешней элиты: механизм господства властвующей элиты сплошь и рядом действует не так планомерно, как это может показаться. Временами, конечно, такая преднамеренная передача инициативы имеет место, как, например, в тех случаях, когда политические деятели, стремящиеся заимствовать престиж, у генералов, считают необходимым расплачиваться за это, или во времена крупных экономических кризисов, когда представители деловых кругов считают необходимым выдвинуть на первый план какого-нибудь политического деятеля, на которого они могут положиться и который вместе с тем способен собрать голоса избирателей. Во всех, в сущности, решениях, чреватых далеко идущими последствиями, принимают ныне участие все три прослойки элиты. Лидирующая роль той или иной прослойки зависит от "задач данного периода",

определяемых самой элитой. В данное время эти задачи связаны преимущественно с "обороной" и международными делами. В соответствии с этим военщина, как мы видели, занимает господствующее положение, и занимает его в двояком отношении: в смысле выдающегося политического веса отдельных военных лидеров и как носительница идеологии, оправдывающей нынешнюю политическую линию. Вот почему при характеристике основ единства и современных особенностей властвующей элиты мы можем в данное время совершенно свободно исходить из господствующего положения, занимаемого в ней военщиной.

Но нам надлежит всегда стремиться к исторической конкретности и изучать явления во всей их сложности. Упрощающая явления марксистская концепция гласит, что действительными обладателями политической власти являются люди, занимающие господствующее положение в экономике; упрощающая явления либеральная концепция гласит, что руководящая роль в системе политического господства принадлежит политическим лидерам; есть и такие люди, которые склонны считать военных руководителей фактическими диктаторами. Каждое из этих

представлений является слишком упрощенным. И именно для того, чтобы избежать их, мы употребляем термин "властвующая элита" вместо, скажем, термина "правлящий класс".

Если существование властвующей элиты привлекло к себе ныне широкое внимание, то это объясняется тем, что она трактуется как "военная клика". Особенности современной элиты действительно обусловлены решительным вступлением в нее военщины. Ссылка на наличие в ее среде военных и идеология военщины используются властвующей элитой как главные доказательства правомерности своего существования, используются во всех случаях, когда она считает необходимым приводить какие-либо доказательства. Но так называемая "вашингтонская военная клика" не состоит исключительно из военных, и она существует не только в Вашингтоне. Во всех частях страны имеются члены этой клики. Это коалиция, включающая в себя генералов, выступающих в роли руководителей корпораций, политических деятелей, облаченных в мундиры адмиралов, руководителей корпораций, выступающих как политические деятели, государственных чиновников, становящихся майорами, вице-адмиралов, являющихся одновременно и

помощниками какого-нибудь члена кабинета, который, кстати говоря, сам, по существу, принадлежит к управленческой элите из мира корпораций.

Представления о властвующей элите как о "правлящем классе", или как о продукте простого и однородного процесса возвышения "политической бюрократии", или же как о "военной клике" не выражают всей истины. Властвующая элита наших дней олицетворяет собой сочетание экономического, военного и политического могущества – сочетание, нередко сопровождающееся трениями и конфликтами.

3

Если наша трактовка властвующей элиты ограничилась бы только раскрытием описанных выше коренных тенденций, то и в этом случае мы были бы вправе считать ее полезной и прямо-таки необходимой концепцией для правильного истолкования явлений, происходящих в верхах современного американского общества. Но наше представление о властвующей элите не исчерпывается, конечно, этой стороной дела: она не обязательно покоится только на анализе соотношения сил входящих в ее состав основных иерархий или многочисленных пунктов, в которых их изменчивые интересы совпадают. Единство властвующей элиты, как мы ее понимаем, покоится также на сходстве входящих в нее лиц, на их личных и служебных связях, на их социальной и психологической близости. Для того чтобы постичь индивидуальные и социальные основы единства властвующей элиты, нам нужно прежде всего вспомнить обстоятельства, связанные с происхождением, карьерой и образом жизни представителей каждого круга, входящего в ее состав.

Властвующая элита – это не аристократия, о которой можно было бы сказать, что она является

такой правящей политической группой, единство которой базируется на благородном происхождении. Она не имеет компактной основы в виде небольшого круга родовитых семейств, члены которых были бы в состоянии последовательно занимать и действительно занимали бы высокое положение в нескольких высших кругах, смыкающихся между собой и образующих, таким образом, властвующую элиту. Но общее аристократическое происхождение — это лишь одна из возможных основ общности происхождения, и отсутствие у американской элиты именно этой основы не означает еще, что ее члены являются выходцами из всех слоев американского общества. В преобладающей части они происходят из высших классов как новой, так и старой формации, из провинциальных светских кругов и из прослойки "четырёхсот семейств" центральных городов. Основная масса крупнейших богачей, руководителей корпораций, высших военных руководителей и тех политических деятелей, которые не являются профессиональными политиками, происходит из общественных групп, принадлежащих по своим доходам и занятиям по крайней мере к верхней трети социальной пирамиды. Их предки принадлежали по меньшей мере к лицам

свободных профессий или бизнесменам, а сплошь и рядом — и к более высоким общественным прослойкам. Люди эти — коренные американцы, преимущественно городского происхождения, появившиеся на свет от коренных же американцев. Если не считать попадающихся среди них профессиональных политических деятелей, то в подавляющем своем большинстве они выходцы из восточных штатов. Большей частью это протестанты, и преимущественно епископального или пресвитерианского толка. В общем чем выше положение, занимаемое людьми, тем выше в их среде процент людей, вышедших из недр высших классов и поддерживающих с ними связь. Единство, создаваемое сходством социального происхождения, наблюдающегося, как правило, среди членов властвующей элиты, подчеркивается и усиливается все возрастающим сходством получаемого ими традиционного воспитания и образования. Подавляющее большинство из них окончило колледжи, причем многие учились в колледжах Лиги Айви. Надо, правда, заметить, что образование, полученное военными лидерами, отличается, безусловно, по своему характеру от образования, полученного другими членами властвующей элиты.

Но каково, собственно, значение этих простых

на первый взгляд фактов, относящихся к социальному составу высших кругов? И, в частности, какое значение они имеют для всякого исследования, призванного раскрыть степень единства, направление политики и характер интересов, которые могут существовать среди этих различных кругов? Целесообразнее будет, пожалуй, поставить этот вопрос в такой форме, которая кажется простой: кого или что представляют люди, пребывающие в верхах, — если судить об этом по их социальному происхождению и по их карьерам?

Если мы имеем дело с выборными политическими деятелями, то принято, разумеется, считать, что они представляют тех, кто их избрал; если же мы имеем дело с политиками, действующими по назначению, то принято считать, что они косвенно представляют тех, кто избрал назначивших их лиц. Но уже признано, что такое утверждение является несколько абстрактным, что оно является некоей риторической формулой, с помощью которой власть имущие люди, действующие почти во всех существующих ныне системах политического господства, обосновывают в наши дни свое право вершить государственные дела. В иных случаях эта формула может соответствовать

действительности — как в отношении мотивов, которыми эти люди руководствуются, так и в отношении характеристики тех, кто извлекает пользу из их решений. Однако заранее исходить при изучении любой системы власти из такого предположения было бы неумно.

То обстоятельство, что члены властвующей элиты происходят из среды, близкой (по своему экономическому и общественному положению) к верхушечным прослойкам страны, еще не означает обязательно, что они "представляют" лишь верхние прослойки. И если социальный состав элиты отражал бы в себе действительный социальный состав населения страны, то это еще не означало бы автоматического вступления в действие демократической системы уравнивания сил и интересов.

Нельзя судить о политическом курсе всего лишь по признаку социального происхождения и по особенностям карьер творцов этой политики. Данные о социальном происхождении и экономическом положении власть имущих не дают нам всего материала, необходимого для понимания системы распределения общественной власти. Во-первых, люди из высших сфер могут порой выступать как идеологи бедных и униженных. Во-вторых, люди низкого

происхождения, собственными силами добившиеся блестящего положения, могут порой энергично защищать интересы богачей и родовитых семейств. И к тому же, в-третьих, не все люди, действительно представляющие интересы известной общественной прослойки, должны обязательно в какой-то форме принадлежать к ней или извлекать личную выгоду из политики, способствующей ее интересам. Короче говоря, среди политических деятелей имеются симпатизирующие определенным группам агенты — сознательные или бессознательные, платные или неплатные. И, наконец, в-четвертых, среди верхушки, делающей высокую политику, мы находим людей, попавших туда благодаря своим "специальным знаниям". Таковы некоторые из соображений, объясняющих нам, почему по социальному происхождению и карьерам членов властвующей элиты нельзя еще судить о классовых стремлениях и политической линии той или иной современной системы политического господства.

Означает ли это, что высокое происхождение и особенности карьеры людей из политических верхов ничего не говорят нам о системе распределения власти? Ни в коем случае. Отмеченные обстоятельства только напоминают

нам, что мы должны остерегаться упрощенных и прямолинейных выводов относительно политических деятелей и проводимой ими политики, сделанных на основании их происхождения и особенностей их карьер; но они не говорят нам, что мы должны игнорировать эти данные в наших попытках разобраться в политических явлениях. Отмеченные обстоятельства означают просто, что мы обязаны анализировать не только социальный состав политического руководства, но и его политическую психологию и принимаемые им решения. И прежде всего они говорят нам о том, что любой вывод, который мы делаем из данных о происхождении и карьерах действующих лиц, подвигающихся на политической сцене, мы обязаны подвергнуть проверке — как мы это делали здесь — посредством тщательного анализа общественной обстановки, в которой протекает их деятельность. В противном случае мы оказались бы причастны к довольно наивной биографической теории общества и истории.

Точно так же, как мы не вправе связывать наше представление о властвующей элите всего лишь с действием социальных пружин, обусловивших ее образование, мы не вправе основывать его только на данных о

происхождении и карьерах ее личного состава. Требуется учесть оба этих аспекта — и мы учитываем их, — равно как и другие фундаментальные явления, в частности взаимосвязанность общественного положения различных групп из состава элиты.

Важную роль в формировании психологической и социальной общности членов властвующей элиты играет, однако, не только сходство социального происхождения, вероисповедания, месторождения и образования. Если б даже она рекрутировалась из людей более разнородного склада и образовательного ценза, чем это имеет место в действительности, то она все равно представляла бы собой сообщество людей совершенно однородного социального типа. Ибо наиболее важные обстоятельства, объединяющие известный круг людей, — это существующие у них критерии, которыми они руководствуются при допуске в свою среду, в вопросах чести, при определении того, что заслуживает похвалы и поощрения. Если у людей данного круга эти критерии одинаковы, то как личности они обнаружат тенденцию походить друг на друга. Круги, составляющие властвующую элиту, обнаруживают именно такую общность оценок и моральных норм.

Понимание общности социальных групп, вызываемой этими общими взглядами на жизнь, зачастую имеет более важное значение, чем любые статистические данные об общности происхождения и карьер, которыми мы можем располагать.

Существует своего рода взаимное притяжение, наблюдающееся в сообществах преуспевающих людей; оно существует не между всеми представителями высокопоставленных и могущественных кругов, но все же между столь солидной их частью, что оно достаточно для того, чтобы обеспечить определенное единство. Самой слабой формой проявления этого чувства является своего рода молчаливое взаимное любованье, самой сильной – браки, заключаемые между людьми одного и того же круга. Между этими двумя крайними точками располагаются всевозможные степени и формы взаимных связей. В некоторой степени таких людей, безусловно, объединяет и принадлежность к одним и тем же тесным кружкам, клубам и церквям и воспитание, полученное в одних и тех же учебных заведениях.

Если общность социального происхождения, воспитания и образования способствует лучшему взаимопониманию и доверию между членами властвующей элиты, то их непрерывное взаимное

общение еще больше укрепляет у них чувство единства. Представители отдельных высших кругов находятся между собой в приятельских отношениях, а порой даже являются соседями; они встречаются на площадках для гольфа, в фешенебельных клубах, на курортах, в трансконтинентальных самолетах и на океанских лайнерах. Они видят друг друга в имениях общих знакомых, вместе выступают перед телевизионной камерой, или сотрудничают в одном и том же благотворительном комитете; многие из них, конечно, попадают друг другу на глаза на столбцах газет или же в тех самых светских барах, где писались эти столбцы. Мы уже говорили о том, что один хроникер насчитал среди завсегдатаев аристократических кафе (среди "четырёхсот семейств" современного образца) 41 человека из числа крупнейших богачей, 93 политических лидеров и 79 ведущих администраторов из мира корпораций.

"Я не знал и не мог себе раньше представить, – писал Уитэйкер Чемберс, – огромный диапазон и могущество политических и общественных связей Хисса, охватывающих всевозможные организации и политические течения – от Верховного суда до религиозной секты квакеров, от губернаторов штатов и преподавателей

высших учебных заведений до сотрудников редакций либеральных журналов. С тех пор как я его видел в последний раз, прошло десять лет, и за эти десять лет он использовал свое служебное положение и, в частности, то, что его имя связывалось с делом мира (он принимал участие в создании Организации Объединенных Наций), чтобы обосноваться и стать своим человеком в многообразных кругах американского высшего класса, в образованных кругах среднего класса, среди либеральных и официальных кругов. Нельзя свалить его, не вступив одновременно в противоборство с теми силами, которые поддерживают его со всех сторон".

Система распределения общественного престижа отразила в себе смену эпох развития властвующей элиты. Кто, например, мог в третью эпоху развития элиты состязаться по части общественного почета с денежными тузами? А в четвертую — с политическими лидерами или даже с блестящими молодыми людьми времен "нового курса"? А теперь, в пятую, — кто может соперничать в этой области с генералами, адмиралами и администраторами из мира корпораций, изображаемыми ныне в столь привлекательном свете на сцене, в романах и в кино? Можно ли представить себе, чтобы такой

кинофильм, как "Апартаменты администратора", пользовался успехом в 1935 г.? Или такой фильм, как "Бунт Каина"?

Стоит лишь бегло просмотреть некрологи, посвященные, скажем, крупному бизнесмену, именитому адвокату, высокопоставленному генералу или адмиралу или же, наконец, влиятельному сенатору, и мы получим представление о многочисленности тех высокоавторитетных организаций, к которым обычно принадлежат члены элиты. Они являются обычно членами влиятельнейших церковных организаций, торгово-промышленных ассоциаций да еще влиятельнейших клубов и зачастую имеют высокие воинские звания. Персоны такого ранга, как ректор университета, председатель правления Нью-Йоркской фондовой биржи, директор банка или же человек, учившийся в Вест-Пойнте, вращаются всю жизнь в светском обществе, где они легко возобновляют старые знакомства и используют их, чтобы с помощью знаний и опыта других ответственных лиц получить представление о тех сферах власти и решений, в которых им самим не доводилось работать.

Каждая группа из состава высших кругов умножает свой общий престиж за счет престижа, приобретаемого ее членами в этих различных

сферах деятельности, и увеличение общественного веса одних ее членов повышает общественный вес других. Их представление о себе формируется под воздействием этой механики взаимообмена и накопления престижа; и потому любой из них, какой бы скромной ни казалась порой его личная роль, все же чувствует себя "рупором" или "олицетворением" высших кругов – человеком "крупного калибра".

Такая внутренняя уверенность в себе является, возможно, одним из компонентов того, что мы называем способностью "судить и вершить".

Наиболее важными организациями, объединяющими различные высшие круги, являются, пожалуй, сами корпорации, ибо в советах директоров крупнейших корпораций мы обнаруживаем постоянное соприкосновение между членами различных элит. Другую, менее важную линию таких интенсивных связей мы наблюдаем вдобавок на курортах, летних и зимних, где она выступает в виде сложной сети переплетающихся между собой кружков; с течением времени каждый здесь вступает в знакомство с каждым – а если не с ним лично, то во всяком случае с кем-нибудь из его прямых или косвенных знакомых.

Высокопоставленные представители военных,

экономических и политических кругов умеют легко улавливать точку зрения партнера из другого круга, причем делают это всегда в духе сочувствия, а нередко и в духе полного понимания. Они рассматривают друг друга как людей, обладающих крупным весом, с которыми, следовательно, надо считаться. В вопросах чести, совести и морали каждый из них, как член властвующей элиты, полностью и органически приемлет взгляды, чаяния и оценки других ее членов. То обстоятельство, что у них нет общих идеалов и норм, базирующихся на ясно выраженной аристократической культуре, не означает, что у них вообще нет чувства взаимной ответственности.

Совпадение их интересов, обусловленное всеми структурными особенностями современного американского общества, а также многообразные психологические факты, корнящиеся в их образовании и воспитании, в их карьерах и связях, порождают духовное сродство, существующее между ними, – ту общность, которая позволяет им говорить друг о друге: "Это, безусловно, наш человек". И все это ведет нас к пониманию фундаментального психологического значения классового самосознания. Нигде в Америке мы не встретим

столь резко выраженного "классового самосознания", как среди элиты; нигде оно не приобретает столь действенную форму, как среди властвующей элиты. Ибо под классовым самосознанием, как психологическим явлением, мы подразумеваем, что отдельный представитель "класса" относится благосклонно лишь к тем, к кому относятся благосклонно люди его круга, то есть люди, мнение которых имеет существенное значение для его представления о самом себе.

В кругах властвующей элиты существуют, бесспорно, отдельные фракции; там, несомненно, возникают политические разногласия и столкновения на почве личного честолюбия. Внутри республиканской партии, равно как и между республиканцами и демократами, имеется еще достаточное число значительных расхождений, чтобы формировать разные линии практической политики. Но духовное единство и общность интересов, связывающие воедино властвующую элиту даже через границы воюющих стран, являются более могущественным фактором, чем эти расхождения.

4

Мы обязаны, однако, взвесить соображения защитников иной точки зрения на излагаемый предмет. Допустимо считать, что они будут оспаривать не приведенные нами факты, а всего лишь наше толкование последних. Имеется целый ряд доводов, которые неизбежно будут выдвинуты против всей нашей трактовки властвующей элиты, но доводы эти относятся в основном лишь к вопросу о психологии ее членов. Вполне возможно, что эти возражения будут сформулированы либералами или консерваторами приблизительно так:

"Говорить о властвующей элите — не значит ли это характеризовать людей по их социальному происхождению и связям? Не является ли такая характеристика одновременно и несправедливой и неверной? Разве люди, и особенно американцы интересующего нас пошиба, когда они становятся крупными фигурами, не изменяют сами себя, чтобы оказаться на высоте занимаемого ими положения? Разве они не приходят постепенно к воззрениям и политическому курсу, соответствующим — насколько они в границах своих слабых человеческих сил в состоянии судить — интересам страны в целом? Не являются

ли они попросту честными людьми, выполняющими свой долг?"

Что же нам ответить на эти возражения?

I. Мы уверены, что они честные люди. Но что такое честность? Честность может означать лишь жизнь, построенную в соответствии с таким нравственным кодексом, который данное лицо считает кодексом честности. Моральных норм, с которыми мы все были бы согласны, не существует. Вот почему мы (если мы являемся цивилизованными людьми) не убиваем всех тех, с кем мы не согласны. Вопрос не в том, являются ли люди, о которых мы ведем речь, честными людьми, а в том, каких норм честности они придерживаются. А придерживаются они тех норм, которые приняты в их кругах, среди тех людей, на мнение которых они привыкли полагаться. И может ли это быть иначе? Это одно из проявлений прописной, но важной истины, что все люди суть всего лишь люди и что все люди являются общественными созданиями. А что касается искренности этих людей, то искренность — это такая вещь, которую можно только оспаривать, но никогда нельзя доказать.

II. На вопрос о том, способны ли члены властвующей элиты измениться под влиянием нынешней сферы их деятельности, то есть

способны ли они перешагнуть через нормы поведения, усвоенные ими на протяжении всей их жизни и деятельности, нам приходится ответить: нет, это просто невозможно — невозможно по крайней мере в течение тех немногих лет, которые большинству из них остается жить. Ожидать этого значило бы считать их впрямь какими-то странными и безличными существами; исходить из того, что они отличаются подобной податливостью, — значит фактически отрицать в них то, что можно по праву назвать силой характера и цельностью натуры. Кстати сказать, то обстоятельство, что американские политические деятели прежнего склада представляли собой меньшую опасность, чем эти сильные люди, — не объясняется ли оно именно отсутствием такой силы характера и цельности натуры?

Мы бы подвергли незаслуженному поношению эффективную систему специальной подготовки и идеологического воспитания военных, если б предположили, что, когда военные меняют мундир на штатский костюм, они вместе с тем утрачивают и те душевные качества и воззрения, которые они приобрели, будучи военными. В жизни военных эта основа, закладываемая воспитанием и образованием,

играет, пожалуй, более важную роль, чем в жизни ведущих администраторов корпораций, ибо специальная подготовка военных носит более глубокий и целостный характер.

"Отсутствие воображения, — писал как-то Джеральд Джонсон, — не следует смешивать с беспринципностью. Наоборот, лишенный воображения человек часто являет собой пример высокой принципиальности. Вся беда в том, что принципы такого человека вполне подходят под знаменитое определение Корнфорда: "Принцип — это правило бездействия, дающее нам веские абстрактные основания для того, чтобы в каждом конкретном случае не делать того, что может показаться правильным инстинкту, не обремененному никакими принципами".

Было бы нелепо полагать всерьез, что такой, например, человек, как Чарльз Эрвин Вильсон, может по характеру своих идей и устремлений представлять кого-либо другого или какие-либо иные интересы, чем интересы корпораций. Не потому, что он бесчестен, а. потому, напротив, что он, надо думать, человек солидный, столь же солидный, как долларова валюта. Он таков, каков он есть, и никак не может быть другим. Так же, как и его коллеги в правительстве и вне правительства, он является членом

управленческой элиты из мира корпораций; он представляет в правительстве ее могущество, и он искренне убежден в истинности своего часто цитируемого замечания, гласящего: "То, что является благом для Соединенных Штатов, является благом и для "Дженерал моторз корпорейшн", и наоборот".

В производящих жалкое впечатление дебатах, происходящих в сенате при утверждении подобных людей на государственные посты, поучительным является не циничное отношение к закону и к низведенным на уровень средних звеньев власти законодателям, которое эти люди там проявляют, и не их упорное нежелание расстаться с принадлежащими им лично акциями руководимых ими корпораций. Что действительно интересно, так это раскрывающаяся там невозможность для таких людей отрешиться от своих обязательств по отношению к миру корпораций вообще и к своей собственной корпорации в частности. Не только их деньги, но и их дружеские связи, духовные интересы и специальные знания — короче говоря, вся их жизнь глубоко выросла в мир корпораций. Ликвидация акций — это, конечно, всего лишь формальный очистительный ритуал. Дело ведь не столько в их финансовой или личной

заинтересованности в преуспевании данной корпорации, сколько в их причастности к миру корпораций в целом. Требовать от такого человека, чтобы он вдруг отрешился от всех этих интересов и привязанностей, – это почти то же, что требовать от мужчины, чтоб он стал женщиной.

III. По поводу рассуждения о патриотизме членов властвующей элиты, об их желании служить стране в целом мы должны заметить прежде всего следующее: подобно нормам честности, чувство патриотизма и представления о всенародном благе относятся не к сфере непреложных фактов, а к области, в которой существует большое разнообразие мнений. И надо добавить, что патриотические убеждения людей также формируются под влиянием окружающей их среды и их образа жизни. Явление это не сводится к простому механическому формированию человеческой личности социальными условиями; это сложный процесс, в достаточной мере раскрытый основным направлением современной социологии. Приходится только удивляться тому, что большинство социологов не всегда используют этот момент в своих рассуждениях о политике.

IV. Нельзя по-настоящему понять природу

элиты, если мы будем рассматривать ее как группу людей, которые просто выполняют свой долг. Они ведь сами определяют этот долг, равно как и обязанности подчиненных им лиц. Они не принадлежат к тем, кто всего лишь исполняет приказание, — они сами отдают приказание. Они не просто "бюрократы" — они руководят бюрократией. Они могут скрывать эти факты от других и от себя самих путем апелляции к традициям, орудием которых они себя воображают; но традиций имеется много, и им приходится выбирать те, которым они желают служить. Они сталкиваются с проблемами, которые вообще не имеют традиционных решений.

Итак, к какому же общему выводу приводит нас разбор приведенных выше различных возражений? К констатации того обстоятельства, что об общественных явлениях и исторических тенденциях нельзя судить лишь на основании изучения личных особенностей и мотивов поведения отдельных лиц или небольших групп, занимающих могущественные командные позиции. Констатация этого факта не означает, с другой стороны, что нам следует опасаться обвинения, будто при такой трактовке проблемы, как наша, мы непременно должны оспаривать

честность, добропорядочность или дарования высокопоставленных деятелей. Ибо занимающая нас проблема должна на первых ступенях исследования ставиться вне всякой связи с вопросами о личных качествах; если же на последующих ступенях окажется, что такая связь имеется, то мы должны будем сказать об этом прямо, без всяких колебаний. А пока что мы обязаны судить о власти имущих на основании политических критериев, судить о них по их деятельности как лиц, делающих высокую политику, а не по их личным качествам и по их поведению в личной жизни. Не эти моменты интересуют нас: нас интересует их политика и последствия их руководства. Мы должны помнить, что представители властвующей элиты занимают ныне стратегические позиции в американском обществе, что они управляют главенствующими институтами главенствующей страны и что, как группа людей, они в состоянии выносить решения, имеющие огромные последствия для широких масс населения всего мира.

5

Несмотря на сходство социального положения и духовную общность ее членов, властвующая элита не представляет собой некий клуб с постоянным членством и фиксированными, официально установленными условиями приема. Одна из непрменных особенностей властвующей элиты заключается в том, что в ней происходят значительные передвижки и что она, следовательно, не состоит из одной и той же узкой группы людей, занимающих одинаковое положение в одних и тех же иерархиях. То, что люди лично знают друг друга, еще не значит, что они придерживаются единого политического курса, а то, что они лично незнакомы друг с другом, еще не значит, что между ними имеются политические разногласия. Понимание природы властвующей элиты — как я уже неоднократно указывал — не связано преимущественно с обнаружением в ее среде личных дружеских связей.

По мере того как требования, предъявляемые к лицам, занимающим руководящее положение в каждой из главных иерархий, становятся все более сходными, становится сходным и духовный склад людей, занимающих — в результате отбора

и профессиональной выучки — высокое положение в этих различных иерархиях. Это не абстрактное заключение, в котором особенности людей попросту выведены из особенностей системы. Это факт, обнаруживающийся в интенсивном обмене людьми между тремя иерархиями, совершающемся зачастую в весьма сложных формах. Во время второй мировой войны заправила корпораций, военная знать и избранная часть политических деятелей вступили между собой в тесный, деятельный контакт; после окончания войны эти связи, обусловленные общими убеждениями, социальным сродством и совпадением интересов, продолжались. Значительная доля людей, принадлежащих к верхушке военных, деловых и политических кругов, занимала в течение последних пятнадцати лет разные посты в одной, или даже двух смежных иерархиях. В этих высших сферах наблюдается, таким образом, некая взаимозаменяемость людей на ведущих ролях, которая в официальных версиях связывается с предполагаемой гибкостью "организаторского дарования", а по существу, связана с тесным сотрудничеством между кликами, состоящими из своих людей. Многие лица из состава властвующей элиты, переходящие из одной

иерархии в другую, стали рассматривать "правительство" как удобную ширму, за которой они могут творить свои дела.

По мере возрастания взаимных деловых связей "большой тройки" усиливается и обмен людьми между ними. Этот факт находит свое выражение в самом критерии отбора подающих надежды людей, применяемом во всех трех сферах. Руководитель корпорации, связанный деловыми отношениями с государственным аппаратом и его военным ведомством, сочтет в наше время более благоразумным приблизить к себе молодого человека, имеющего опыт работы в государственном аппарате и его военном ведомстве, чем человека, не имеющего такого опыта. Государственный руководитель, политические удачи которого сплошь и рядом зависят от политики корпораций и мира корпораций, в свою очередь отдает в этом случае предпочтение человеку, подвизавшемуся в мире корпораций. Таким образом, обмен кадрами и единство властвующей элиты возрастают в силу самих критериев, определяющих выдвижение людей в трех основных иерархиях.

Если учесть структурное сходство трех иерархий, в рамках которых протекает вся деятельность различных представителей элиты,

влияние, оказываемое решениями, принятыми в одной из них, на остальные, если учесть многообразные линии совпадения их интересов и наличие административного вакуума в гражданском правительственном аппарате США при одновременном расширении его задач, – если учесть все эти структурные сдвиги, да еще вдобавок отмеченную нами общность душевного склада представителей элиты, то было бы поистине странно, если б мы обнаружили, что люди, слывающие опытными администраторами и весьма одаренными организаторами, сумели всего-навсего завязать связи друг с другом. Но они, конечно, добились гораздо большего; они все чаще и чаще завоевывают позиции в каждой из трех иерархий.

Единство элиты, обнаруживающееся в факте взаимозаменяемости ее членов на ведущих ролях, имеет своей основой аналогичный характер развития управленческих функций во всех трех ведущих сферах. Обмен людьми между одной иерархией и другой чаще всего происходит в тех пунктах, где их интересы смыкаются, как это происходит, например, между регулирующим органом и регулируемой отраслью промышленности между подрядной организацией и организацией-заказчиком. И это вызывает, как

мы еще увидим дальше, новые связи, которые носят более открытый и даже официальный характер.

Ядро властвующей элиты состоит прежде всего из тех людей, которые свободно переходят от командных ролей в верхах одной из господствующих иерархий к подобным же ролям в другой иерархии: это, скажем, адмирал, являющийся также банкиром и юристом и возглавляющий вдобавок некую важную федеральную комиссию; это руководитель корпорации, являвшейся во время войны одним из двух или трех крупнейших производителей военных материалов, занимающий ныне пост министра обороны; это генерал военного времени, сменивший после войны мундир на штатский костюм, чтобы войти в состав официальных руководителей государства, а затем ставший членом совета директоров одной из ведущих корпораций.

Руководитель корпорация, превратившийся в генерала, генерал, превратившийся в государственного деятеля, государственный деятель, превратившийся в банкира, — все они, несомненно, обладают гораздо более широким кругозором, чем рядовые люди, вращающиеся в своем обычном окружении; и все же стремления и

чаяния даже таких людей нередко бывают привязаны к главной сфере их жизнедеятельности. Однако сама их карьера складывается так, что они попеременно действуют во всех трех больших иерархиях и, таким образом, легко переступают пределы особых интересов каждой из них.

Самой своей карьерой и деятельностью они связывают воедино все три круга. Они образуют собой, следовательно, ведущее ядро властвующей элиты.

Совсем не обязательно, чтобы эти люди были знакомы со всеми сферами социального могущества. Так, один из них может вращаться, скажем, в промышленных и военных кругах, другой — в военных и политических, третий — в политических кругах и среди тех, кто создает общественное мнение. Карьеры людей этого типа, вращающихся в разных высших кругах, дают нам самое осязательное представление о структуре и характере деятельности властвующей элиты, включая и ее закулисную деятельность. Если можно говорить о существовании "невидимой элиты", то ядро ее образуют люди этого типа, выступающие как советники и связующие звенья "большой тройки". Если даже многие из них по крайней мере в начале своей карьеры и не входят

в состав элиты (я считаю это весьма вероятным), а являются лишь "агентами" различных кругов элиты, то все равно именно они выступают как наиболее активная сила в деле спланирования различных высших кругов в систему политического господства и в поддержании дееспособности этой системы.

Ядро властвующей элиты включает в себя и виднейших юристов и финансистов из крупных юридических контор и инвестиционных банков; согласование и увязка экономических, политических и военных дел и интересов является для таких людей почти профессиональной функцией, связанной с родом их деятельности, и они, таким образом, способствуют объединению властвующей элиты. Руководитель адвокатской фирмы обслуживающей корпорации, и руководитель инвестиционного банка – это люди, способные авторитетно и успешно выполнять посреднические функции. Характер их деятельности таков, что они не связаны узкими рамками какой-нибудь отдельной отрасли, и поэтому они в состоянии говорить и действовать от имени всего мира корпораций или по крайней мере от имени его внушительных секторов. Поверенный корпораций выступает как главное связующее звено между экономической, военной

и политической сферами, а руководитель инвестиционного банка — это ведущий организатор и объединитель мира корпораций и к тому же человек, хорошо информированный о направлении огромных денежных затрат, запланированных в данное время американским военным ведомством. Когда вы имеете дело с адвокатом, выступающим в качестве поверенного инвестиционных банков, то вы имеете дело с влиятельным членом властвующей элиты.

В период, когда у власти находились демократы, одним из связующих звеньев между частнокапиталистическими корпорациями и правительственными учреждениями являлся инвестиционный банк "Диллон, Рид энд компани". Оттуда вышли такие люди, как Джеймс Форрестол и Чарльз Дитмар младший. В свое время партнером этой фирмы был Фердинанд Эберштадт, который впоследствии отделился, создав свой собственный инвестиционный банк, откуда в свою очередь вышло много политических и военных деятелей. Правительство республиканцев покровительствует, по всей видимости, инвестиционной фирме "Кун, Леб энд компани" и рекламной фирме "Баттен, Бартон, Дэрстин энд Осборн".

Неизменным влиянием независимо от находящегося у власти правительства пользуется адвокатская фирма "Салливэн энд Кромвэлл". Один из инвестиционных банкиров Среднего Запада, Сайрус Итон, сказал как-то, что "Артур Дин, старший партнер фирмы "Салливэн энд Кромвэлл" (Уолл-стрит, 48), был одним из тех, кто принимал участие в разработке проекта закона 1933 г. о ценных бумагах – первого из законопроектов, проведенных с целью регулирования рынков капитала. Он и его фирма, слывущая крупнейшей в США, поддерживают тесные отношения с комиссией конгресса по вопросам фондовых и биржевых операций с момента ее основания и пользуются там преобладающим влиянием".

Или вот третий крупнейший банк США – "Чейз нэшнел бэнк оф Нью-Йорк" (ныне "Чейз Манхеттен бэнк"). Независимо от находящегося у власти правительства между руководителями этого банка и руководителями Международного банка реконструкции и развития происходил взаимный обмен постами. Так, Джон Макклой, ставший в 1953 г. председателем правления "Чейз нэшнел бэнк", был до этого президентом Международного банка реконструкции и развития, а его преемник на этом посту состоял

раньше вице-президентом "Чейз нэшнел бэнк". В 1935 г. президент "Чейз нэшнел бэнк", Уинтроп Олдрич, покинул этот пост, чтобы стать послом США в Великобритании.

Крайние фланги властвующей элиты (где наблюдается большая текучесть, чем в ее центре) образуют люди, "обладающие большим весом"; они принадлежат к элите, хотя, возможно, не принимают непосредственного участия в тех или иных важных решениях и не передвигаются на протяжении своей карьеры из одной иерархии в другую. Принадлежность того или иного человека к властвующей элите вовсе не предполагает, что он обязательно принимает личное участие в каждом приписываемом ей решении. Но, решая тот или иной вопрос, каждый член элиты основательно взвешивает интересы и соображения всех остальных ее членов. Роль членов властвующей элиты не ограничивается тем, что они лично принимают участие в решении ряда важнейших вопросов, связанных с войной и миром; люди, облеченные прямыми прерогативами власти, весьма основательно считаются с ними и при тех решениях, в вынесении которых они не принимают непосредственного участия.

На своих флангах и за их пределами, где-то в

окружении своих второстепенных членов, властвующая элита незаметно сливается со средними звеньями власти — с рядовыми членами конгресса, с политически влиятельными группами, не представленными в самой элите, и со множеством группировок, выражающих интересы отдельных штатов, областные и узкоместнические интересы. Хотя все эти второразрядные деятели и не принадлежат к числу людей, обладающих общегосударственным весом, с ними все же приходится порой считаться, сговариваться, их приходится порой задабривать, обуздывать или выдвигать в более высокие сферы.

В тех случаях, когда властвующей элите, чтобы повернуть какое-нибудь дело, приходится устанавливать контакты с кругами, расположенными ниже ее — как это бывает, например, при проведении угодных ей законопроектов через конгресс, — членам элиты приходится самим выступать в роли лоббистов. Но среди членов властвующей элиты такой высокоразрядный "лоббизм" фигурирует под иным названием: он именуется "связной" функцией. В составе элиты имеются военные деятели, используемые "для связи" с конгрессом, с некоторыми строптивыми промышленными

кругами — со всеми практически значительными элементами, не имеющими непосредственного отношения к властвующей элите. Те два человека из штата Белого дома, которые числятся "для связи", обладают оба военным опытом; один из них был в прошлом не только банкиром из инвестиционного банка и адвокатом, но и генералом.

Не общественные организации предпринимателей, а верхушечные клики адвокатов и руководителей инвестиционных банков являются активными политическими вдохновителями богачей из мира корпораций и членов властвующей элиты. "Вопреки общепринятому представлению, будто национальные ассоциации оказывают огромное влияние на формирование общественного мнения и на политический курс страны, ряд фактов показывает, что взаимодействие между этими ассоциациями в политической сфере носит не очень-то тесный характер. Главная тенденция, обнаруживающаяся в ассоциациях, сводится, по-видимому, к поощрению той отрасли их деятельности, которая вращается вокруг защиты особых интересов данной организации, и больше всего усилий прилагается для воспитания своих членов — вместо того чтобы уделять побольше

времени попыткам воздействия на другие ассоциации в делах, связанных с текущими проблемами... Как средство постоянного выражения системы взглядов нации на важнейшие из проблем, стоящих перед ней, они (ассоциации предпринимателей) играют важную роль... Но при напряженных ситуациях на помощь призываются лица, связанные с кругами крупных корпораций, чтобы оказать давление в надлежащих местах в стратегически выгодный момент. Правда, национальные ассоциации могут иногда играть роль организаций, координирующих такое давление, но решающим фактором при окончательном определении политического курса являются, по-видимому, многочисленные связи, существующие между руководителями крупных корпораций".

Традиционный "лоббизм", практикуемый ассоциациями предпринимателей, все еще существует, хотя, правда, он обычно имеет дело со средними звеньями власти; объектами "обработки" являются обычно члены конгресса и, разумеется, рядовые члены самих ассоциаций. Так, например, важнейшая функция Национальной ассоциации промышленников состоит не столько в том, чтобы оказывать непосредственное влияние на политический курс

страны, сколько в том, чтобы убеждать мелких предпринимателей, что их интересы совпадают с интересами крупного капитала. Но существует также и "высокоразрядный лоббизм". Руководители корпораций проникают везде и повсюду в высшие военные и политические круги. Этому способствуют их личные дружеские связи, участие в предпринимательских и профессиональных ассоциациях и в их различных подкомиссиях, их принадлежность к влиятельным клубам, их гласные партийно-политические связи и связи с клиентурой. Один исследователь, специально изучавший подобные клики из среды ведущих администраторов корпораций и располагающий материалами из первоисточников, утверждал, что "среди этих могущественных лидеров... наблюдается полная осведомленность относительно многих крупнейших проблем, стоящих ныне перед страной, как, например, проблем снижения налогов, передачи всей производственной деятельности государства частным предприятиям, расширения внешней торговли, сведения к минимуму социальных и других внутренних государственных мероприятий, укрепления и сохранения влияния партии, находящейся в данное время у власти в

общенациональном масштабе".

Существуют действительно такие клики из среды администраторов корпораций, которые выступают как неофициальные руководители общественного мнения командной верхушки корпоративных, военных и политических иерархий, – и эта форма их деятельности имеет более важное значение, чем их непосредственное участие в военных и политических институтах. В тесных военных и политических кругах, а также в экономических кругах (где они выполняют роль "запасных игроков") эти группы и клики руководителей корпораций принимают участие почти во всех главнейших решениях – по каким бы вопросам они ни выносились. Важно отметить, что весь этот "высокоразрядный лоббизм" разворачивается в рамках самой элиты.

6

Наше понимание природы властвующей элиты и ее единства покоится на констатации факта однотипного развития и совпадения интересов экономических, политических и военных учреждений. Оно покоится также на фактах, говорящих о сходстве происхождения и взглядов людей из верхушечных звеньев каждой из этих главенствующих иерархий и об их тесных личных и светских связях. Это сочетание объективных и психологических факторов сказывается, далее, в интенсивном перемещении личного состава внутри каждого из этих трех основных иерархий и между ними и в росте числа посредничающих элементов, вроде лоббистов, действующих в высших сферах. Наше понимание властвующей элиты не основывается, следовательно, на предположении, что историю США с момента возникновения второй мировой войны следует рассматривать как историю некоего заговора или крупного тайного сговора между членами этой элиты. Наша концепция покоится на анализе действия совершенно безличных факторов.

Но вместе с тем не приходится особенно сомневаться, что американская властвующая

элита, числящая в своем составе ряд людей, о которых говорят, что они являются "крупнейшими в мире организаторами", занималась также и тем, что строила свои планы и заговоры. Возникновение элиты, как мы уже выяснили, не явилось и не могло явиться результатом какого-то заговора, и вопрос о состоятельности нашей концепции не сводится к вопросу о том, имеем ли мы в действительности некую тайную или некую гласную организацию. Но коль скоро сочетание структурных тенденций и личной воли к использованию последних породило властвующую элиту, ее представители должны же вынашивать какие-то планы и программы; и в самом деле, не проникнув в замыслы властвующей элиты, мы не в состоянии будем разобраться во многих событиях и государственных мероприятиях, имевших место в рисуемую нами пятую эпоху исторического развития властвующей элиты. "Есть большая разница, — заметил как-то Ричард Гофштадтер, — между обнаружением заговоров в истории и утверждением, что вся история фактически является историей заговоров..."

Структурные тенденции в развитии социальных институтов воспринимаются людьми, занимающими в этих институтах командные

позиции, как благоприятные возможности, открывающиеся для них лично. В меру того как эти возможности осознаются, люди стремятся использовать их.

Некоторые люди из главенствующих общественных иерархий, более дальновидные, чем другие, деятельно способствовали установлению связей между этими иерархиями еще до того, как эти связи вылились в свои подлинно современные формы. Нередко они делали это по соображениям, которых их партнеры не разделяли, хотя и не противились им. Установление подобных связей порождало нередко такие явления, которые никто из них не предвидел, а тем более не создавал преднамеренно; лишь впоследствии, в процессе своего развития, эти явления были взяты под определенный контроль. Только тогда, когда процесс формирования властвующей элиты был уже на полном ходу, большинство ее членов осознало, что они принадлежат к ней, что доставляло им радость, а порой вызывало и тревогу. Но с тех пор, как это объединение стало совершившимся фактом, новые лица легко включаются в него и принимают его существование как должное.

Что же касается вопроса о существовании

четко выраженных организационных рамок — тайных или явных, — то надо сказать, что властвующая элита по самой своей природе более склонна пользоваться уже существующими организациями (действуя внутри последних и посредничая между ними), чем создавать определенные организации, в которые входили бы ее члены, и только ее члены. Но если бы не существовало аппарата, обеспечивающего, скажем, уравнивание (в принимаемых решениях) военных и политических факторов, элита непременно изобрела бы и использовала такой аппарат, как она создала, например, Национальный совет безопасности. Вдобавок к этому устремления и силы различных элементов американской элиты, которой приходится действовать в рамках формально демократического государственного строя, находят себе дополнительную опору в одной из особенностей перманентно военной экономики: в официально принятой установке, будто интересы безопасности требуют того, чтобы все планы и намерения держались в полном секрете. Под предлогом этой секретности можно скрывать от публики многие важнейшие события, огласка которых могла бы раскрыть деятельность властвующей элиты. Многообразные формы

секретности, прикрывающей деятельность элиты, и принимаемые ею решения, дают ей возможность скрывать свои намерения, свою деятельность и дальнейшее сплочение. Всякие обязательства по соблюдению секретности, налагаемые на лиц, которые в силу своего служебного положения сталкиваются с людьми, делающими высокую политику, явно способствуют, а не вредят маневрам властвующей элиты.

Есть, таким образом, основания подозревать, что в составе властвующей элиты имеются "засекреченные" фигуры, хотя доказать такие вещи по самой их природе невозможно. Деятельность элиты не подвергается широкой огласке, но само существование элиты не является секретом. Как элита, она не представляет собой особой организации, хотя ее члены сплошь и рядом знают друг друга и сотрудничают друг с другом (что выглядит вполне естественным) и совместно участвуют во многих организациях. Члены элиты не связаны никаким тайным сговором, хотя ее решения часто остаются неизвестными общественности, а ее образ действий носит скорее характер тайных манипуляций, чем открытой деятельности.

Не следует думать, что элита "верит" в

обязательность такого порядка, при котором, с одной стороны, имеется сплоченная закулисная элита, а с другой – подвластная масса. Не в таких категориях изображается дело. Положение вещей толкуется элитой таким образом, что люди представляют собой беспорядочную массу и вынуждены, как доверчивые дети, передать весь этот непривычный мир внешней политики, стратегии и административно-государственной деятельности в руки специалистов. Все дело в том, что все понимают, что кто-то должен верховодить и что кто-то всегда верховодит. Все остальные, в сущности, мало интересуются этими материями, да к тому же они и не знают, как вообще это делается. И потому разрыв между двумя этими разрядами людей все увеличивается.

Когда критические ситуации в области политики трактуются как якобы перманентные кризисы, притом охватывающие все сферы жизни, тогда последствия принимаемых решений приобретают всеобъемлющий характер и решения, принимаемые в каждой из важнейших областей жизни, обнаруживают тенденцию приобрести интегральное и тотальное значение. До известного предела последствия этих решений для других общественных кругов еще могут быть учтены, но за этим пределом уже приходится

идти на риск. Именно в такие времена нужда в людях, обладающих творческим воображением и способных судить о вещах со знанием дела, порождает у руководящих деятелей горестное сознание нехватки квалифицированных преемников в политической, военной и экономической областях. Это в свою очередь ведет к усилению заботы о подготовке преемников, способных заменить старшее поколение власть имущих, когда оно сойдет со сцены. В каждой из указанных областей постепенно появляется новое поколение, выросшее в эпоху координированных решений.

При изображении каждой из составных частей элиты нам уже приходилось отмечать эту заботу о системе подбора и специальной подготовки преемников, призванной формировать людей "широкого размаха", то есть людей, способных решать дела, затрагивающие не только их собственную сферу деятельности, но и другие. Ведущие администраторы корпораций создали регулярно действующую систему подбора и подготовки кадров для мира корпораций, представляющего собой, в сущности, государство в государстве. Подбор и подготовка кадров для военных кругов элиты уже давно носит строго профессиональный характер, но вместе с тем в

учебных программах военных учебных заведений появились в наши дни такие новые дисциплины, которые немногие оставшиеся в живых генералы и адмиралы старого закала считают совершенно бессмысленными.

Одна лишь политическая иерархия, никогда не имевшая в своем распоряжении настоящих кадров гражданского чиновничества, запоздала с этим делом, создав тем самым административный вакуум, в который устремились военные бюрократы и ушедшие в политику дельцы из мира корпораций. Но даже в этой отсталой сфере такие дальновидные представители элиты, как покойный Джэймс Форрестол, неоднократно пытались после второй мировой войны создать систему подготовки кадров государственных чиновников, которая включала бы в себя определенные периоды стажировки не только в государственных органах, но и в мире корпорации.

Чего не хватает властвующей элите — это подлинно общей системы подбора и подготовки ее будущих кадров, ибо школьная система, обслуживающая прослойку "четырёхсот семейств" центральных городов (представленная последовательно-подготовительными школами, колледжами Лиги Айви и юридическими

школами при колледжах), не соответствует требованиям, предъявляемым ныне членам властвующей элиты. Некоторые англичане (как, например, фельдмаршал виконт Монтгомери), вполне осведомленные относительно этого недостатка, настойчиво советовали недавно ввести такую систему народного образования, "при которой можно было бы отделять тонкую прослойку незаурядной учащейся молодежи от посредственностей и давать ей возможно лучшее образование, с тем чтобы обеспечить страну руководящими кадрами". Предложение Монтгомери поддерживают в разных формах многие лица, соглашающиеся с его критикой "общих основ американской системы народного образования, с критикой, вращающейся вокруг утверждения, что эта система малопригодна для подготовки "элитной" группы руководителей... в которой наша страна нуждается для выполнения своих обязанностей по руководству миром".

Эти требования отчасти отражают молчаливо признаваемую необходимость изменения положения, при котором отбор элиты происходит исключительно по признаку материального преуспеяния, — необходимость, тем более настоятельную, что с материальным преуспеянием членов элиты часто связывается

подозрение о моральном разложении в высших сферах; отчасти же они отражают открыто признаваемую нужду в людях, понимающих, как говорит виконт Монтгомери, "значение дисциплины". Но больше всего эти требования отражают ту истину – сознаваемую, по меньшей мере смутно, самой властвующей элитой, – что эра координированных решений, влекущих за собой последствия невиданного масштаба, нуждается во властвующей элите, состоящей из людей иного калибра. Так как принимаемые ныне решения затрагивают огромный круг взаимосвязанных вопросов, а сведения, необходимые для суждений, носят сложный характер и требует специальных знаний, то людям, делающим высокую политику, непременно приходится не только прибегать к помощи друг друга, но и готовить себе преемников, способных выполнять эту работу. Эти новые люди будут формироваться как власть имущие люди в рамках политической системы, базирующейся на координации решений экономического, политического и военного характера.

7

Наше представление о властвующей элите учитывает (и позволяет осмыслить): 1) решающие структурные тенденции, характеризующие особенности нашей эпохи и, в частности, возвышение военщины в условиях экономики, объединенной на частнокапиталистических началах, а если взять шире – совпадение в ряде пунктов объективных интересов экономических, военных и политических институтов; 2) сходство происхождения и общественного положения и общность духовного склада людей, занимающих руководящие позиции в этих институтах, в частности усиливающуюся взаимозаменяемость людей на руководящих постах каждой из них и учащение случаев перехода из одной сферы в другую на протяжении карьеры власть имущих лиц; 3) многостороннее и, в сущности, всеобъемлющее влияние, оказываемое решениями, выносимыми в верхах, и приход к власти группы людей, являющихся по своим склонностям и специальным знаниям профессиональными организаторами крупного размаха, свободными от демократических традиций, довлеющих над людьми, получившими свою политическую выучку в политических

партиях.

Если говорить об обратной стороне описанных тенденций, то образованию элиты способствует: 1) низведение профессиональных партийно-политических деятелей на уровень средних звеньев власти; 2) наполовину искусственно созданный тупик, в котором очутились законодательные органы в результате непрерывных столкновений между обособленными местными интересами; 3) практически полное отсутствие такого государственного гражданского аппарата, который представлял бы собой политически нейтральный и в то же время политически полноценный источник идей и административного опыта, и 4) все увеличивающаяся официальная секретность, под предлогом которой важнейшие решения выносятся без одобрения общественности или даже без обсуждения в конгрессе.

Все это привело к тому, что официальные государственные лидеры, богачи из мира корпораций и военная знать объединились между собой в форме властвующей элиты, а разросшиеся централизованные иерархии, возглавляемые ими, вторглись в те верховные государственные органы, которые раньше служили

Но как обстоит дело с общественными низами? Что же происходило в недрах широкой американской общественности по мере того, как выступали наружу все эти тенденции развития высших и средних звеньев власти? Если верхушка достигла небывалого могущества и становится все более единой и целеустремленной, если средние звенья все чаще оказываются в наполовину искусственно созданном тупике — то как же выглядят сейчас низы, в каких условиях пребывает теперь широкая общественность? Возникновение властвующей элиты, как мы сейчас увидим, является следствием превращения

американской общественности в политически пассивную массу и вместе с тем является в некоторых отношениях причиной этого превращения.

XIII. Инертное общество

В трафаретных изображениях американской политической системы дело выглядит таким образом, что в ней не существует силы, равной по своему значению Великой Американской Общественности. Она считается не просто одним из сдерживающих и уравнивающих начал, а первоисточником любой формы законной власти. В официальных государственных актах и декларациях, так же как в традиционных народных представлениях, она трактуется как главная пружина в механизме демократической власти. Все либеральные теоретики связывают в конечном счете свои представления о системе распределения политической власти с представлением о политической роли общественности; все государственные решения, равно как и важнейшие решения частных институтов, обосновываются соображениями, связанными с общественным благосостоянием; все официальные декларации делаются от имени общественности.

1

Рассмотрим поэтому понятие общественности, фигурирующее в классической теории народовластия, благородный дух которой выражен в тезисе, провозглашенном некогда Руссо: "Общественное мнение, этот властелин мира, не подвластно королям; они сами — его первые невольники".

Самым важным признаком общества, управляемого общественным мнением (разработка этого понятия началась в свое время под влиянием социального возвышения демократического среднего класса), является свободное течение дискуссий. Предполагается, что демократические институты призваны создавать возможности развертывания дискуссий, организации независимых органов общественного мнения, претворения общественного мнения в действие. Принимается, что мнение, родившееся в результате публичного обсуждения, должно трактоваться как решение, которое затем проводится в жизнь государственными органами; одна из версий теории народовластия гласит, что это — "общая воля" народа, которую законодательный орган превращает затем в закон, придавая ей, таким

образом, юридическую силу. Деятельность конгресса или парламента венчает собой всю систему ведущихся по всей стране дискуссий по общественным вопросам; конгресс — это первообраз для любого небольшого, тесного круга граждан, собравшихся, чтобы обсудить свои общественные дела.

Возникшая в XVIII в. идея общества, управляемого общественным мнением, обладает сходством с политико-экономическим представлением о роли рынка в свободной, никем не регулируемой экономике. В одном случае мы имеем перед собой рынок, состоящий из свободно конкурирующих между собой предпринимателей; в другом — общество, складывающееся из дискутирующих между собой равноправных кружков. Так же как цена представляет собой результат столкновения безыменных, обладающих одинаковым экономическим весом торгующихся индивидуумов, так и общественное мнение является результатом столкновения самостоятельно продуманных мнений всех людей, участвующих в великом многоголосом хоре. Некоторые люди могут, конечно, оказывать большее влияние на общественное мнение, чем другие, но ни одна группа людей не монополизирует право на дискуссии и не

определяет самодержавно существующие мнения.

Связь между бесчисленными дискутирующими кружками осуществляется особо подвижными общественными элементами, которые передают сложившееся мнение из одного кружка в другой; эти элементы обычно стремятся к завоеванию командных функций в обществе. Общественность организуется, таким образом, в ассоциации и партии, каждая из которых защищает известную совокупность взглядов и стремится занять место в конгрессе, где дискуссия продолжается. Из мелких групп обменивающихся мнениями людей вырастают крупные общественные движения и политические партии; и обмен мнениями представляет собой важную фазу совокупного процесса ведения общественных дел.

Полная свобода дискуссий является существенным элементом идеи общественного мнения как правовой основы демократии. Сложившиеся мнения выливаются в практические решения, принимаемые в рамках существующих государственных органов; все носители государственной власти обретают свои посты или лишаются их в результате существующих мнений первичных ячеек общественности. И коль скоро общественность

встречает препятствия в осуществлении своих требований, она имеет право выйти за пределы критики отдельных политических мероприятий и подвергнуть сомнению самую законность официальной власти Такова одна из идей, лежащих в основе рассуждений Джефферсона о том, что общество сталкивается время от времени с необходимостью прибегнуть к "революции".

Общественность, трактуемая подобным образом, играет в классических теориях народовластия XVIII в. роль ткацкого станка, а дискуссия — это пряжа и вместе с тем челнок, связывающий отдельные дискутирующие кружки. Такое понимание значения общественности образует основу учения о государственной власти, регулируемой столкновением мнений: оно исходит из оптимистической уверенности, что правда и справедливость всегда пробьют себе дорогу в обществе, представляющем собой механизм свободной дискуссии. Люди сталкиваются со спорными вопросами. Они обсуждают их. Они составляют себе определенные мнения. Эти мнения совместно защищаются людьми, их разделяющими, и соперничают с другими мнениями. Одно из мнений "побеждает". И тогда народ сам претворяет его в действие или же поручает это

своим представителям, которые незамедлительно проводят его в жизнь.

Таково изображение общественности, заимствованное из классической теории народовластия; оно все еще эффективно используется для оправдания существующей в американском обществе системы политического господства. Но в наше время это описание приходится воспринимать как серию вымыслов, почерпнутых из волшебных сказок: они не дают даже приблизительной схемы функционирования американской системы распределения политической власти. Вопросы, определяющие судьбы людей, не ставятся ныне и не решаются широкой общественностью. Понятие всевластной общественности — это не описание реальных фактов, а догматическое утверждение идеала, утверждение нормативной схемы, выдаваемой за действительность, — что в наше время практикуется сплошь и рядом. Ибо все внимательные наблюдатели признают теперь, что общество, якобы управляемое общественным мнением, представляет собой ныне уже не то, чем оно было когда-то.

Эти наблюдатели не только подвергают сомнению трафаретные представления о роли общественности, но и положительно утверждают,

что классическое общество политически активных граждан превращается ныне в политически инертное общество. Понимание этой трансформации является, по сути, одним из ключей к пониманию социального и психологического содержания современной американской жизни.

I. Классическая теория демократии исходила из; предпосылки, что в демократическом обществе верховным арбитром решений, принимаемых отдельным человеком, а значит, и последней апелляционной инстанцией является его личная совесть. Однако этот принцип, сформулированный Джоном Локком, был поставлен под сомнение, когда – говоря словами Карра – Руссо "начал впервые разрабатывать схему демократического общества под углом зрения суверенитета всего народа, а не отдельного индивидуума, и столкнулся с проблемой возможности возникновения такой демократии, при которой масса тиранически господствует над личностью".

II. Предполагалось также, что в демократическом обществе существует естественная, безмятежная гармония интересов всех образующих его индивидуумов. Но эта, в сущности, консервативная доктрина вначале

уступила место утилитаристскому учению, утверждавшему, что подобная гармония не является изначально существующим фактом, а должна быть создана путем реформ, а затем марксистской теории классовой борьбы, которая, несомненно, была тогда ближе к истине и теперь, безусловно, ближе к ней, чем любая теория, исходящая из гармонии интересов.

III. Классическая теория демократии исходила из посылки, что в демократическом обществе любым общественным действиям должен предшествовать разумный обмен мнениями между индивидуумами, который и определяет эти действия, и что складывающееся в результате такого обсуждения общественное мнение будет всегда представлять собой непогрешимый голос разума. Эта посылка была, однако, поставлена под сомнение, и не только из тех соображений, что для решения сложных и тонких государственных вопросов требуются люди со специальными знаниями, но исходя также 1) из открытой Фрейдом иррациональности мышления, присущей рядовому человеку, и 2) из открытой Марксом социальной обусловленности того, что когда-то считалось автономным разумом.

IV. И наконец, предполагалось, что после нахождения правильного и справедливого

решения демократическое общество будет всегда соответственно действовать само или позаботится о том, чтобы его представители привели это решение в действие. Считалось, что общественное мнение не только всегда окажется в конце концов правым, но и восторжествует. Эта посылка была опровергнута фактом существования огромного разрыва, наблюдаемого ныне между управляемым населением и теми, кто от его имени принимает решения (притом решения огромного значения), о вынесении которых общественность нередко узнает лишь много времени спустя.

В свете перечисленных посылок классической теории демократии нетрудно найти истоки четко выраженного оптимизма многих мыслителей XIX в. Надо иметь в виду, что эта теория общества связана во многих отношениях с пониманием поведения и склонностей широкой публики в духе нереального представления интеллигента о примате ума. "Главное направление общественного развития, – утверждал Огюст Конт, – определяется развитием человеческого интеллекта". Если мыслители XIX в. все еще наблюдали вокруг себя иррациональность, невежество и апатию, то это объяснялось, с их точки зрения, всего лишь отсталостью

умственного развития, и распространение образования вскоре должно было, по их мнению, положить этому конец.

Доказательства классического взгляда на общественность были связаны преимущественно с ограниченным пониманием последней как общности, состоящей исключительно из образованных людей; это явствует из того, что даже Джон Стюарт Милль писал в 1859 г. о "тирании большинства", а Токвиль и Буркхардт предвосхитили воззрения, которые пропагандировали в недавнем прошлом такие политические теоретики, как Ортега-и-Гассет. Короче говоря, превращение активной общественности в пассивную массу и все, что данному процессу сопутствует, — это не только одна из важнейших тенденций развития современных обществ, но и один из главнейших факторов крушения того либерального оптимизма, который столь внушительно влиял на состояние умов в XIX в.

К середине XIX в. индивидуализм начал вытесняться коллективными формами экономической и политической жизни. На место предполагавшейся общности интересов пришла борьба классов и организованное давление; система разумных дискуссий начала подрываться

практикой решения сложных вопросов на основе заключений экспертов, практикой учета и признания односторонних аргументов заинтересованных групп, представленных в самих государственных органах и, наконец, обнаружившейся эффективностью эксплуатации неразумных чувств и низменных инстинктов граждан.

2

Процесс превращения активной общественности в пассивную массу представляет для нас особый интерес, так как изучение этого процесса имеет важное значение для раскрытия содержания понятия властвующей элиты. Если элита по-настоящему несет ответственность перед общественностью или хотя бы связана с ней, то она играет иную роль, чем во времена, когда активная общественность превращается в пассивную массу.

Соединенные Штаты не представляют собой в наши дни такое государство, в котором общественность полностью превратилась в пассивную массу; и вместе с тем они никогда не представляли собой законченный тип сообщества суверенных граждан. Эти выражения обозначают два крайних типа государственного устройства. Они дают представление о некоторых чертах реальной действительности, но сами по себе они являются отвлеченными построениями: социальная действительность всегда представляет собой некое сочетание обоих крайних типов.

Под каким бы углом зрения мы ни стали рассматривать дело, мы почти во всех случаях различим, что мы прошли уже значительное

расстояние по пути к политически инертному обществу. Этот путь ведет к тоталитарному государству. До конца этого пути, мы еще не дошли. Низовые ячейки общественности, формирующие общественное мнение, еще не окончательно вытеснены в Соединенных Штатах рынком сбыта представлений и мнений, вырабатываемых массовыми средствами общения. Но мы, несомненно, можем заметить, что многие стороны общественной жизни нашего времени в большей степени воплощают в себе характерные особенности инертного общества, чем характерные особенности активной общественности.

Ход событий может быть опять-таки выражен в форме аналогии между историческим развитием рыночной экономики и историческим развитием общества, управляемого общественным мнением. Скажем коротко: в обеих этих сферах жизни совершается движение от раздробленности сил к концентрации и к попыткам монополистического контроля, осуществляемого могущественными центрами, деятельность которых частично носит скрытый характер. Эти могущественные учреждения представляют собой не только центры могущества, но и средоточия тайных махинаций. На смену мелкому лавочнику,

обслуживающему соседскую округу, приходит неизвестно кому принадлежащая корпорация, обслуживающая всю страну; система личного воздействия купца на потребителя (и обратно) и обмен мнениями между ними сменяется массовой рекламой. То же происходит в сфере политики. Политический деятель использует для своих выступлений всеамериканскую радиовещательную или телевещательную сеть и, пуская в ход надлежащие приемы личного воздействия, обращается к миллионам людей, которых он никогда не видел и не увидит. Лица различных профессий и целые отрасли вовлекаются в "бизнес по формированию общественного мнения", предоставляя за плату свои услуги по идеологической обработке публики. В низовых ячейках активной общественности происходит состязание мнений между людьми, имеющими определенные намерения, призванные служить их интересам и убеждениям. Но в обществе, представляющем собой пассивную массу, служащую рынком сбыта для духовной продукции массовых средств общения, такое состязание, если оно вообще имеет место, происходит между пропагандистами-манипуляторами с их массовыми средствами воздействия, с одной

стороны, и народом как объектом их пропаганды — с другой.

Вполне естественно, что в подобных условиях должно было возникнуть представление об общественном мнении как о пассивной реакции — нельзя даже сказать "отклике" — на содержание, преподносимое массовыми средствами общения. Общество выступает в этой концепции всего лишь как механическая совокупность индивидуумов, отданных на произвол массовых средств общения, неспособных противостоять потоку внушаемых ими идей и представлений и их идеологическим махинациям. Сущность системы корыстной обработки общественного мнения, осуществляемой централизованными командующими учреждениями, сводится, если можно так выразиться, к экспроприации прежней массы мелких производителей и потребителей общественного мнения, действовавших в условиях свободного и уравновешенного рынка.

3

И в политической, и в военной, и в экономической областях власть имущие люди испытывают в той или иной степени беспокойство по поводу подозреваемого ими неблагоприятного общественного мнения масс. Формирование общественного мнения становится поэтому общепринятым способом завоевания и удержания власти. Избирательное право, покоящееся на имущественном и образовательном цензах, уступило место всеобщему избирательному праву и усиленной борьбе за голоса избирателей. На смену малочисленным профессиональным армиям XVIII в. пришли массовые армии, рекрутируемые на основе воинской повинности, — и тем самым возникли проблемы воспитания и поддержания в них националистического духа. Мелкое производство сменилось массовым производством, и вместе с последним возникла система общенациональной рекламы.

С увеличением размеров и централизацией социальных институтов увеличились также размах и интенсивность усилий творцов общественного мнения. Масштабы и действенность орудий формирования

общественного мнения не отставали, по сути дела, от масштабов и действенности других крупнейших институтов, способствовавших возникновению современного общества как общества, состоящего из пассивных масс. В дополнение к расширившимся и централизованным средствам государственной власти, эксплуатации и насилия современная элита овладела, следовательно, небывалыми еще в истории орудиями управления умами и их обработки, включая систему всеобщего обязательного образования и массовые средства общения.

Политические наблюдатели прежних времен полагали, что расширение сферы воздействия и количественное нарастание орудий регулярного массового общения будут способствовать расширению и оживлению деятельности низовой общественности. Авторы, придерживавшиеся таких оптимистических воззрений, высказанных еще до появления радио, телевидения и кино, трактовали регулярные средства общения попросту как средства расширения круга лиц, могущих обмениваться своими личными мнениями, и как средства увеличения скорости развертывания дискуссий. В современных условиях, писал Чарльз Кули, "соревнование идей

бесконечно увеличивается и всякие цепкие представления, бытующие только лишь вследствие отсутствия сравнений, должны будут, по-видимому, исчезнуть, ибо все, что действительно созвучно разборчивому уму, будет все более приветствоваться и распространяться". Находясь под впечатлением распада традиционного единства территориальных общин, Чарльз Кули все же считал, что новые средства общения будут способствовать динамичности процесса обмена мнениями, присущего классической демократии, и вместе с тем развитию разумной и свободной индивидуальности.

Никому еще, в сущности, не удалось вскрыть и взвесить все формы влияния, оказываемого массовыми средствами общения, так как в своей совокупности это влияние носит, вероятно, столь всеобъемлющий и столь утонченный характер, что при нынешних методах социальных исследований его невозможно полностью уловить. Но мы имеем теперь основания полагать, что массовые средства общения не столько способствовали расширению масштабов и оживлению дискуссий среди низовой общественности, сколько превращению последней в ряд рынков сбыта идей и мнений,

распространяемых ими в обществе, уподобившемся пассивной массе. Я имею при этом в виду не только рост аудитории, имеющейся к услугам профессиональных поставщиков идей и мнений, и уменьшение возможностей возражать; и я веду здесь речь не только лишь о резком опошлении и обезличении, самих наших органов чувств, к которым взывают теперь эти средства общения и развлечения в своей конкурентной борьбе за овладение нашим "вниманием". Я имею здесь специально в виду своего рода душевное невежество, распространяемое массовыми средствами общения и развлечения. Оно выражается в нескольких формах:

I. Очень мало из того, что мы, по нашему мнению, знаем о мировой социальной действительности, мы почерпнули из наших собственных наблюдений и размышлений. Большинство сложившихся у нас представлений внушено нам массовыми средствами общения, причем дело нередко доходит до того, что мы отказываемся верить своим собственным глазам, пока не прочтем об увиденном в газете или не услышим по радио. Эти учреждения не только снабжают нас информацией, но и управляют нашим жизненным опытом. Применяемые нами

критерии достоверности фактов и наши мерила действительности определяются скорее этими институтами, чем нашими собственными отрывочными впечатлениями.

Вот почему даже в тех случаях, когда люди знакомы с событиями по своему личному, непосредственному опыту, их наблюдения и впечатления не являются, в сущности, ни прямыми, ни первичными: они укладываются ими в шаблонные формы. Чтобы решительно избавиться от подобных шаблонов и воспринимать явления оригинально и свежо, человеку требуется длительное и умелое перевоспитание. Можно допустить, что если б все люди прошли через период депрессии и все испытали бы на себе ее тяготы, то в свете этого опыта они могли бы убедиться в несостоятельности всего того, что толкуют о депрессии массовые средства общения, отвергнуть эти толкования или по меньшей мере отнестись к ним критически. Но для того, чтобы уроки такого коренного сдвига оказали заметное влияние на общественное мнение, требуется непременно привести их в систему и надлежащим образом истолковать.

Короче говоря, жизненный опыт, способный служить базой сопротивления массовым

средствам общения, – это не сырой, первичный опыт, а осмысленный опыт. Если мы говорим о личном опыте людей как о серьезном факторе общественной жизни, то это непременно опыт, носящий в себе элементы интерпретации. А способность обладать такого рода опытом социально обусловлена. Индивидуум, как я уже говорил, не склонен доверять своему опыту, пока этот опыт не подтверждается другими людьми или же массовыми средствами общения. Если результаты непосредственного наблюдения идут вразрез с установившимися приверженностями и убеждениями индивидуума, то он их обычно не приемлет. Чтобы быть приемлемыми, они должны укреплять или оправдывать те подсознательные чувства, которые нередко являются главными пружинами его идеологических приверженностей.

II. Так как средства массового общения еще полностью не монополизированы, то у людей имеется возможность противопоставлять одно из них другому, сравнивать и тем самым противостоять воздействию, исходящему от каждого из них в отдельности. Чем больше имеется элементов подлинной конкуренции между средствами массового общения, тем больше у людей возможностей сопротивляться

им. Но как действительно обстоит ныне дело в этом отношении? Занимаются ли действительно люди сопоставлением различной информации, относящейся к общественным событиям или политическим мероприятиям, противопоставляя содержание одного сообщения другому?

На поставленный вопрос приходится ответить так: как правило — нет; подобные , сопоставления делают лишь очень немногие. Мы знаем, во-первых, что люди весьма склонны выбирать те источники информации, с идеями которых им уже приходилось соглашаться. Существует своего рода отбор новых мнений, производимый на основе ранее усвоенных мнений. Никто, по-видимому, не стремится выискивать какие-либо противоречивые суждения и утверждения в информации, предлагаемой разными источниками. Радиовещательные компании, журналы, газеты часто имеют довольно постоянный круг слушателей или читателей и, таким образом, закрепляют в сознании своей публики распространяемые ими идеи и представления. Во-вторых, мысль о практикуемом противопоставлении одного источника информации другому основана на предположении, что содержание информации действительно различно, что мы имеем

подлинное столкновение мнений. Но это далеко не так. Различные предприятия из сферы массовых средств общения внешне демонстрируют видимость многообразия и состязания, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что это состязание сводится скорее к обыгрыванию различных вариантов немногих стандартных тем, чем к настоящему столкновению идей. Возможность деловой постановки спорных проблем все более оказывается привилегией тех немногих влиятельных групп, которые имеют легкий и постоянный доступ к массовым средствам общения.

III. Массовые средства общения проникли не только в область нашего познания внешней действительности, они проникли также и в область нашего самопознания. Они снабдили нас новыми образцами и мерилami, по которым мы судим о себе, и внушили нам новые устремления, связанные с тем, какими мы хотели бы быть и какими хотели бы казаться. В преподносимых ими образцах поведения они предложили нам новую, более крупную по масштабам и более гибкую шкалу самооценок. Опираясь терминами современной теории самопознания, можно сказать, что эти массовые средства общения

включают в поле зрения читателя, слушателя или зрителя более многочисленные и высокие эталоны — действительные или воображаемые, представленные наглядно или символически, лично ему известные или случайно перед ним мелькнувшие, — по которым ему предлагают равняться. Они расширили тот разряд людей, у которых мы ищем подтверждения наших представлений о самих себе.

Больше того: 1) само представление рядового человека о себе внушается ему массовыми средствами общения, они дают ему образцы и мерила, с помощью которых он судит о себе; 2) они подсказывают ему, каким он хотел бы быть, то есть формируют его стремления; 3) они подсказывают ему, как этого достигнуть, то есть внушают ему пути и способы осуществления желаний, и 4) они подсказывают ему, как он может чувствовать себя таким, каким хотел бы быть, даже не будучи им, то есть дают ему забвение в иллюзии. Разрыв между действительным положением личности и ее устремлениями ведет к развитию узкопрактической жизненной сноровки и (или) к бегству от действительности в область иллюзий. Такова, по-видимому, основная формула, выражающая психологическое воздействие

современных массовых средств общения. Но, как программная формула, она не созвучна истинным требованиям развития человеческой личности. Это формула ложного мира, созданного и поддерживаемого массовыми средствами общения.

IV. В наше время массовые средства общения, особенно телевидение, часто вытесняют беседы и споры граждан в тесном кругу и подрывают возможность разумного, неторопливого и человеческого обмена мнениями. Они являются важной причиной разрушения уединенной внутренней жизни человека, понимаемой во всем ее облагораживающем значении. Этим в значительной степени объясняется тот факт, что они не только не выполняют роль просветительного и воспитательного средства, но представляют собой пагубную силу: они не помогают зрителю или слушателю разобраться в более глубоких источниках его чувства разлада с действительностью, его личных тревог, невыраженного возмущения и смутных надежд. Они не дают возможности индивидууму подняться над своей узкой средой и вместе с тем не разъясняют ему ее ограниченное значение.

Массовые средства общения поставляют много всяких сообщений и известий о том, что

происходит в мире, но редко дают возможность слушателю или зрителю по-настоящему поставить свою повседневную жизнь в связь с этой более широкой действительностью. Они не связывают поставляемую ими информацию по общественным вопросам с заботами индивидуума. Они не углубляют понимание источника тревог, обуревающих отдельного человека, и тревог, обуревающих общество, находящих свое отражение в отдельном человеке. Наоборот, они отвлекают внимание человека от основного, главного и затрудняют ему возможность познать самого себя и окружающий его мир, фиксируя его внимание на надуманных столкновениях страстей и яростных конфликтах, разрешаемых тут же на сцене — обычно с помощью насилия или того, что именуется юмором. Короче говоря, для зрителя они, в сущности, вообще остаются нерешенными. Главный возбуждающий конфликт, обыгрываемый массовыми средствами развлечения, — это противоречие между желанием обладать и невозможностью обладать материальными ценностями или красивыми женщинами. В этих зрелищах всегда царит атмосфера общего возбуждения и сдерживаемого волнения, но все это никуда не ведет и ни к чему

не может привести.

Массовые средства общения в том виде, в каком они теперь организованы и функционируют, выступают, однако, не только как важнейшая причина превращения американского общества в пассивную массу. Они принадлежат вместе с тем к числу важнейших, ныне усилившихся, орудий господства, которыми располагает элита богачей и власть имущих. И к тому же некоторые крупнейшие дельцы из сферы массовых средств общения и развлечения сами принадлежат к кругам элиты или же являются ее важнейшими слугами.

Бок о бок с элитой или чуть ниже ее стоят те пропагандисты, специалисты по рекламе и по идеологической обработке широкой публики, которые призваны контролировать самый процесс формирования общественного мышления, с тем чтобы в своих планах действенной реализации власти, увеличения престижа и упрочения богатства властвующая элита могла оперировать общественным мнением как одним из наиболее покорных факторов.

Но разве люди не стали в наше время более образованными? И разве не правильнее было бы подчеркивать распространение образования, а не рост влияния массовых средств общения? На этот

вопрос можно вкратце ответить так: характер влияния, оказываемого массовым образованием, стал во многих отношениях совпадать с характером влияния массовых средств общения и развлечений.

Раньше в Америке широко признавалось, что основная задача народного образования — это задача политическая: школьное образование призвано сделать граждан более просвещенными и тем самым более способными к размышлениям и суждениям об общественных делах. С течением времени политическое назначение школьной системы сменилось экономическим и свелось к обеспечению возможности получения лучше оплачиваемой работы, то есть к облегчению условий материального преуспевания. Это особенно относится к эволюции средней школы, которая за государственный счет удовлетворяет потребность делового мира в квалифицированных служащих. Школьная система стала в значительной степени чисто профессиональной, а что касается ее политических задач, то во многих учебных заведениях они сведены лишь к шаблонному воспитанию националистических чувств и приверженностей.

Обучение практическим знаниям и навыкам,

имеющим более или менее прямое значение для профессиональной деятельности, — важная задача, но ее не следует смешивать с общим развитием: продвижение человека на работе независимо от достигаемых уровней не равнозначно его саморазвитию, хотя, правда, оба понятия теперь постоянно смешиваются.

В условиях подлинной общественности просвещенный человек отличается способностью рассматривать свои личные заботы и невзгоды под углом зрения существующих социальных проблем и постигать те связи, которые существуют между ними и обществом, в котором он живет. Он отдает себе отчет, что явления, воспринимаемые и ощущаемые им непосредственно как личные заботы и невзгоды, очень часто являются не только личными трудностями и даже, возможно, не могут быть разрешены усилиями отдельных людей, а только путем изменения коренных условий существования той среды, в которой он живет, а иногда и условий существования всего общества.

Людей, живущих в обществе, превратившемся в инертную массу, не волнует ничего, кроме одолевающих их личных забот и невзгод, истинного смысла и источника которых они, однако, не сознают; людей же, живущих в

условиях активной общественности, волнуют общественные проблемы, лежащие в основе их личных забот и трудностей, и они имеют представление о содержании этих проблем. Задача либеральных институтов, как и задача широкообразованных людей, заключается в том, чтобы постоянно превращать личные невзгоды людей в общественные проблемы и рассматривать общественные проблемы под углом зрения их значения для жизни индивидуума. В нынешних условиях, характеризующихся отсутствием широких и серьезных политических дискуссий, гостеприимными убежищами для таких дискуссий могли бы, пожалуй, стать школы для взрослых и подростков. В условиях активной общественности система школьного гуманитарного образования была бы призвана охранять общественность от попыток идеологического подавления, содействовать воспитанию людей, сведущих в общественных делах, обладающих вышколенным умом, не поддающимся идеологическому подавлению, и формированию мужественных, идейных людей, не сгибающихся под бременем жизненных трудностей, выпадающих на долю рядового человека. Однако существующая у нас школьная

система не снабдила нас знаниями, имеющими прямое отношение к духовным нуждам поглощенного заботами и тревогами человека XX в. или к общественным делам гражданина. Этот гражданин не в состоянии ныне постигнуть корни своих ложных пристрастий и подавленных желаний, он не способен четко мыслить ни о самом себе, ни обо всем прочем. Он не замечает, как современная организация общества подавляет умы и мысли людей, и не в состоянии справиться с задачами, с которыми сталкивается ныне "мыслящий гражданин".

Учебные заведения не занимались подобными вопросами и, за редкими исключениями, не занимаются ими и теперь. Они стали всего лишь лифтами для подъема людей по профессиональной и социальной лестницам; школы всех ступеней стали политически робкими. Больше того, многие школы, руководимые "профессиональными педагогами", стали строить свою деятельность, исходя из идеологии "приспособления к жизни", поощряющей бездумное восприятие стандартного образа жизни и мышления, вместо того чтобы бороться за интеллектуальное и моральное совершенствование людей и за совершенствование общественных порядков. Не

приходится особенно сомневаться, что нынешние отсталые педагоги приспособили свои представления о содержании и практике педагогической деятельности к требованиям воспитания стандартных людей. Они не являются активными глашатаями норм и образцов высокой культурной жизни и интеллектуальной разборчивости. Вместо этого они часто преподносят учащимся различные пустяки и пошлости, относящиеся к ловким приемам достижения успеха на профессиональном поприще и к искусству "приспособления к жизни", то есть к растительной жизни стандартных людей. "Демократическая школа" нередко оказывается в основном и главным рассадником умственной посредственности, узкопрофессиональной сноровки и националистических приверженностей.

4

Соединенное действие отмеченных нами структурных тенденций в развитии современного общества и бесконтрольной деятельности его массовых средств общения выразилось в образовании сообществ политически инертных людей. Явление это мы наблюдаем преимущественно в центральных городах. Рост крупнейших городов, приводящий к расщеплению проживающих в них людей на узкие, изолированные друг от друга круги и группы, лишает их тем самым твердого сознания своей целостности как общности.

В небольших территориальных общинах люди знают друг друга более или менее всесторонне, так как им приходится встречаться в различных сферах повседневной жизни. Члены же социально инертных сообществ центральных городов сталкиваются с людьми, не входящими в их тесный круг, только как с представителями определенных профессий; они знают человека другого круга лишь как человека, ремонтирующего автомобиль, как девушку, подающую им завтрак, как продавщицу или как женщину, заботящуюся об их детях в школе в дневное время. Когда люди общаются только

подобным образом, то в отношениях между ними процветают предвзятость и шаблон. Человеческая сущность других людей не находит и не может найти в этих условиях своего проявления.

Люди, как мы знаем, склонны останавливать свой выбор на таких регулярных источниках информации, которые подтверждают то, чему они привыкли верить и что им нравится. Подобно этому, они в условиях обособленности и раздробленности различных кругов общества центральных городов стремятся устанавливать живой контакт с теми людьми, мнения которых совпадают с их собственными; образ мысли людей другого духовного склада они, как правило, не принимают всерьез. Живя в большом городе с его лавиной впечатлений и внешних раздражений, они в целях самозащиты надевают на себя личину людей пресыщенных, ко всему равнодушных, — и эта манера со временем перестает быть только манерой. Они не знают поэтому настоящих столкновений мнений, подлинных разногласий. Когда же им приходится встречаться с подобными явлениями, то они склонны рассматривать их просто как проявление невоспитанности.

Закоснев в рутине, они не способны вырваться из рамок своей более или менее ограниченной

жизни даже в теоретическом споре, не говоря уже о практических деяниях. Они не в состоянии создать себе сознательное представление о строе общества, в котором живут, и о своей общественной роли в нем. Большой город представляет собой социальную структуру, состоящую из подобных мелких мирков, и люди, пребывающие в каждом из них, оторваны, как правило, от людей другой среды. "Духовно обогащающее разнообразие" большого города, о котором так часто говорят, не расширяет кругозора мужчин и женщин, ютящихся в зоне трущоб, или жителей предместий, населенных людьми одного лишь класса, которые могут прожить целую жизнь, не узнав никого, кроме людей того же склада. Если же им приходится общаться с другими людьми, то они воспринимают их только в рамках своих предвзятых и шаблонных представлений о существах, принадлежащих к иному миру. Каждый человек находится в плену представлений своего ограниченного круга; каждый отрезан от всех других легко различимых групп. Именно для людей, живущих в такой узкой среде, массовые средства общения и способны создавать ложный мир — как внешний, так и внутренний.

Политически активные граждане тоже живут в определенном окружении, но они способны преодолеть инерцию этого окружения: каждый в отдельности — усилиями ума, а все вместе — посредством общественных действий. В результате размышлений, дискуссий и организованных действий общество, состоящее из политически активных граждан, сознает себя влиятельной силой и действительно выступает влиятельной силой в решении коренных вопросов общественной жизни.

В отличие от этого члены политически инертного общества не способны вырваться за пределы обособленного мирка, в котором проживает каждый из них, ни усилием ума, ни действием, не считая того крайнего случая, когда они оказались бы под организованным и безостановочным давлением "человека с ружьем". Мы еще не достигли такой крайности, но, изучая психологический облик типичного жителя американского большого города, мы, безусловно, можем уже различить психологическую подготовку к этой крайней ситуации.

Выразим интересующие нас вещи с помощью такого примера. Когда горстка людей не имеет работы и не ищет ее, мы стараемся отыскать причину этого явления в непосредственных

особенностях их личного положения и характера. Но когда 12 млн. человек не имеют работы, то мы уже не можем считать, что все они вдруг стали "лентяями" и показали себя "никудашными" людьми. Экономисты называют такое явление "структурной безработицей", подразумевая под этим прежде всего, что возможности получения работы не зависят от безработных. Структурная безработица не возникает только на одном предприятии или в одном только городе, и она не зависит от того, что делается или не делается на данном предприятии, в данном городе. И К тому же обыкновенный человек, работающий на данном предприятии, в данном городе, мало что может сделать или даже ничего не может сделать, когда, структурная безработица обрушивается на людей его круга.

Так вот: умение провести грань между социальной системой в целом и узкой средой, окружающей отдельного человека, является одним из важнейших средств социологического исследования. Выявив эту грань, мы получаем возможность легко разобраться в нынешнем положении американской "общественности". Кардинальная особенность наших дней заключается в том, что во всех главенствующих областях жизни люди теряют способность

воспринимать целое и погружаются в свой обособленный, бессильный мирок. В военной сфере это явление выступает наиболее наглядно, так как роль, выполняемая здесь отдельным человеком, строго ограничена; только люди, занимающие высшие командные посты, имеют возможность обозревать всю систему в целом, и к тому же эта общая картина – строго охраняемая государственная тайна. Работа, выполняемая людьми в различных иерархически построенных экономических институтах, тоже распадается в силу разделения труда на множество более или менее узких и ограниченных зон и звеньев, а позиции, с которых можно обозревать процесс производства в целом, централизованы; таким образом, люди лишены не только продуктов и орудий своего труда, но и понимания общей структуры и общей связи производственных процессов. В политической сфере раздробление низовых органов и поразительно быстрое размножение организаций среднего уровня тоже приводит к тому, что люди не в состоянии разглядеть все здание в целом, не в состоянии обозреть его вершину и не в состоянии сформулировать проблемы, имеющие решающее значение с точки зрения определения всей политической системы, в которой они живут, и

места, занимаемого ими в этой системе.

Эта потеря всякого ощущения целого и возможности видеть и обозревать его является главным содержанием раздающихся жалоб на упадок общественности.

В большом городе расщепление населения на отдельные узкие круги с обособленным, твердо установившимся образом жизни и мышления заходит столь далеко, что непосредственно затрагивает отдельного человека или отдельную семью. Несмотря на то, что город как административная единица не является инстанцией, выносящей решения общегосударственного значения, большинство граждан не способны объять умом даже свой город как целостную структуру.

Мы наблюдаем, с одной стороны, централизацию и рост масштабов институтов, принимающих важнейшие решения, а с другой – расщепление общества на все более узкие, круги. Обе эти тенденции ведут к усилению зависимости общества от регулярных средств общения, включая сюда и средства самообразования. Но политический обыватель не приобретает при помощи массовых средств общения такого представления об общественных явлениях, которое было бы глубже его собственного

восприятия; вместо этого массовые средства общения втискивают его опыт и наблюдения в рамки твердых шаблонов, так что в результате опыта и наблюдений, истолкованных подобным образом, он становится еще невежественнее. Обыватель не в состоянии отрешиться от самого себя, для того чтобы объективно наблюдать, а тем более объективно судить о том, что попадет в сферу его жизненного опыта, не говоря уже о том, что находится вне сферы его непосредственного опыта. Его жизненному опыту сопутствует не внутренний диалог, который мы называем размышлением, а скорее своего рода бессознательный, все время повторяющийся монолог. У него нет своих идей, он оперирует общепринятыми идеями. Он никогда и ни в чем не может отрешиться и стать выше самого себя, ибо он никогда не поднимается и не может подняться над уровнем повседневно окружающей его среды. Он не имеет истинного представления о сущности своего собственного повседневного опыта и о действительных критериях его оценки; он плывет по течению, следует обычаям, и все его поведение — это результат беспорядочного смещения расплывчатых норм и принятых на веру ожиданий, заимствованных у людей, которых он, в сущности, больше не знает и

которым он больше не верит, если даже когда-либо знал их и верил им.

Он все принимает на веру, со всем мирится; он старается заглядывать вперед на год или на два, а то и больше, если у него есть дети или закладная на недвижимость, но он никогда не задается серьезно вопросом: "Чего я хочу? Как мне достигнуть этого?" Он проникнут каким-то смутным оптимизмом, который поддерживает его и который лишь время от времени нарушается мелкими и вскоре забываемыми невзгодами и разочарованиями. Люди, чувствующие нечто неладное в стандартном образе жизни и мышления, складывающемся в бешеной сутолоке центрального города (где формирование стандартной человеческой личности стало объектом деятельности крайне нагруженной отрасли промышленности)), считают этого человека самодовольным обывателем. Но важно знать, какими критериями он руководствуется в своих суждениях о себе и своих усилиях. Что представляется ему действительно важным? Что является образцом совершенства для такого человека? Он перестает быть самостоятельной личностью, и, что еще важнее, он теряет желание иметь свою индивидуальность; в самом деле, он никогда не стремился стать самостоятельной

личностью, живущей своим умом и придерживающейся выработанного ею самой образа жизни и мышления. Дело не в том, что ему нравится или не нравится такая жизнь, а в том, что подобный вопрос вообще не встает перед ним в ясной и отчетливой форме, так что он не терзает себя размышлениями и оценкой обстоятельств и событий этой жизни. Он стремится лишь заполучить свою долю окружающих его благ, затратив на это возможно меньше усилий и получив взамен возможно больше удовольствия.

Весь распорядок и все течение его жизни полностью отвечают внешним образцам правилам; во всех других отношениях его повседневный жизненный опыт носит смутный, хаотический характер, хотя часто он и не отдает себе в этом отчета, так как, строго говоря, он вовсе не имеет своего собственного жизненного опыта, своих собственных наблюдений. Он не формулирует самостоятельно своих желаний: они внушены ему. В большинстве случаев он теряет свойственную человеку веру в свои силы – если только он вообще когда-либо имел ее. Ибо жизнь в обществе изолированных друг от друга социально инертных людей вселяет в человека неуверенность и способствует развитию чувства собственного бессилия; такая жизнь заставляет

людей ощущать какое-то беспокойство и неясную тревогу; она отделяет индивидуума от сплоченного коллектива; она уничтожает прочные коллективные нормы. Так как деятельность обывателя не посвящена высоким целям, то он постепенно начинает ощущать ее бессмысленность.

Понятие инертного общества непременно вызывает представление о властвующей элите. В противоположность этому понятие активной общественности ведет нас к традиционному либеральному учению об обществе, в котором либо совсем не существует властвующей элиты, либо, во всяком случае, не существует стабильной элиты, самодержавно хозяйничающей во всех областях общественной жизни.

Высшие слои современного американского общества становятся все более однородными и зачастую оказываются сознательно объединенными; на этой верхушке возникла властвующая элита. Средние звенья этого общества представляют собой ряд предоставленных самотеку и загоняемых в тупик взаимно уравнивающих сил, которые не связывают низы с верхами. Низы же этого общества раздроблены и становятся все более бессильными, не говоря уже о том, что они

лишены инициативы; в низах американской социальной системы возникает инертное общество.

XIV. Консервативные умонастроения

Если исходить из посылки, что современная Америка представляет собой демократическое общество, то для познания природы властвующей элиты и ее политики нам надлежит обратиться к мыслящим кругам общества. Ибо демократия предполагает, что те, кто испытывает на себе последствия проводимой политики, обладают достаточными знаниями — не говоря уже о власти, — чтобы проверять и контролировать деятельность людей, выносящих политические решения. Каждый человек вынужден полагаться на знания, имеющиеся у других, так как никто не в состоянии постичь на основании собственного опыта больше, чем малую частицу задевающих его ныне общественных явлений. Наш жизненный опыт носит в большинстве случаев опосредствованный характер и, как мы уже видели, подвержен многообразным искажениям. В каждую эпоху творцы общественного мнения рисовали образ элиты своего времени и своей страны. Эти изображения менялись так же, как и действительность, которую они как будто изобразили. И в самом деле, на протяжении жизни нашего поколения многие из старых

представлений об элите подверглись пересмотру и вместе с тем было создано немало новых представлений.

В последнее время это занятие служило не столько задачам более точного познания действительности, сколько пропаганде тех удивительно консервативных умонастроений, которые ныне преобладают среди творцов теорий, посвященных элите. В нынешних концепциях мы видим перед собой не элиту, безответственно распоряжающуюся небывалыми средствами власти и тайных махинаций, а некую совокупность действующих вразброд здравомыслящих людей, сгибающихся под тяжестью событий и делающих максимум того, что они могут сделать при нынешней тяжелой ситуации. Система идей, лежащая в основе этих представлений, призвана оправдать не столько реальную власть, находящуюся в руках реальной элиты, или доказать разумность ее решений, сколько оправдать позицию ее идеологов. Изображения, преподносимые нам как самые серьезные концепции, либо вовсе не имеют отношения к фактам, связанным с политической жизнью и деятельностью властвующей элиты, либо представляют собой попросту личные домыслы, служащие скорее средством успокоения

гражданской совести людей из тесных кружков хорошо обеспеченных литераторов (наемных или ненаемных), чем рельефным изображением всех тех сил, которые ныне обнаружили себя с такой предельной ясностью в деятельности американской властвующей элиты. Несмотря на эту ясность и очевидность, ученые, сознательно или бессознательно, стали выискивать устраивающие их идеи, относящиеся к элите, но не нашли их в реальной действительности и не ухитрились искусственно создать их. В реальной действительности, они столкнулись с иррациональностью и аморальностью, господствующими в общественной жизни наших дней, а то, что они ухитрились теоретически представить, — это всего лишь теоретическая разработка их собственных консервативных умонастроений. Подобные умонастроения вполне естественны у людей, живущих в условиях материального бума, прославления национализма и в обстановке политического вакуума. В основе этих умонастроений лежит сознание бессилия, воспринимаемое без горечи и волнения, а в иных случаях — ощущение мнимой силы, базирующееся на простом самодовольстве. Эти умонастроения, ослабляющие волю к политическому действию, позволяют людям мириться с общественным

злом, не воспринимая его как личное оскорбление, и отречься от основной цели западного гуманизма, которая так сильно ощущалась в жизни Америки XIX в., – от подчинения человеческой судьбы гордой власти разума.

1

Люди, старающиеся найти идеологические оправдания для своих консервативных умонастроений, склонны искать опору для себя и для своих настроений в какой-либо прочной традиции. Они считают себя почему-то обманутыми либерализмом, радикализмом и глашатаями прогресса и пребывают теперь в состоянии известного духовного испуга. Для многих из них идеалом является, по-видимому, общество, изображенное идеологами классического консерватизма.

Консерватизм в его классической форме – это, конечно, приверженность к старине, получившая сознательно выраженную форму, теоретически разработанная, аргументированная и рационализированная. Классический консерватизм непременно включает в себя и идею "прирожденной аристократии". Всем проповедникам освобождения от великих цепей рационализма человеческого мышления приходится раньше или позже стать на необэркианскую точку зрения, берущую под свою защиту традиционную элиту, так как идея существования подобной элиты является в конечном счете главной предпосылкой

подлинно консервативной идеологии.

Наиболее откровенные – а потому и наименее успешные – попытки найти (или изобрести) в современной Америке традиционную элиту оказываются на поверку всего лишь благими и голословными уверениями; в качестве орудия познания современной действительности они столь же малопригодны, как и в качестве руководства к практическому политическому действию.

Консерватор, рассказывает нам Рассел Кэрк, убежден, во-первых, что общество управляется "божественным замыслом" и что человек не способен постичь своим разумом великие силы, господствующие над миром. Общественные перемены должны поэтому совершаться медленно, ибо "истинным орудием, на которое следует полагаться в деле осуществления перемен, является провидение", а критерием мудрости государственного деятеля служит "степень его понимания реального направления социальных сил, управляемых провидением". Консерватор, во-вторых, влюблен в "старинный образ жизни с его многообразными и таинственными корнями" – и влюблен в него преимущественно, пожалуй, потому, что считает "традицию и здоровое предубеждение" средством обуздания

самонадеянной воли и извечных инстинктов человека. И к тому же "общество жаждет руководства", и консерватор считает, в-третьих, что между людьми существуют "естественные различия", создающие естественный порядок деления людей на классы и иерархическую систему распределения власти.

Традиция священна; через нее проявляются замыслы провидения, относящиеся к человеческому обществу, и традиция должна быть поэтому нашим руководителем. Все, что освящено традицией, представляет собой накопленную веками мудрость и, более того — существует по "воле божества".

Нам приходится, естественно, задаться вопросом: как же нам узнать, какие именно традиции являются орудием провидения? Какие именно события и перемены, совершающиеся вокруг нас, соответствуют божественному замыслу? С какого именно момента весьма трезво и сознательно рассчитанные предначертания отцов-основателей стали традиционными и потому священными и нерушимыми? И следует ли нам считать, что общественный уклад в Соединенных Штатах, существовавший до начала прогрессивного движения и до реформ, связанных с "новым курсом", представлял собой

нечто близкое тому, что классические консерваторы называли бы иерархиями и классами, основанными на "естественных различиях"? А если нет, то где же тот образец, который мы обязаны перенять и заботливо внедрять по велению классических консерваторов? И выражают ли те, кто ныне руководит политическими и экономическими институтами США, искомую нами волю провидения? И как нам узнать, выражают они ее или нет?

Консерватор защищает иррациональность традиции и отрицает возможности, заложенные в человеческом разуме; он отрицает правомерность стремления человека обрести власть над своей личной судьбой и коллективно строить свой собственный общественный мир. Как же он может тогда пользоваться разумом как средством понимания традиций и людей и решать, какие перемены ниспосланы провидением и какие навязаны нам злыми силами? Консерватор не в состоянии предложить нам какой-либо разумный руководящий принцип, чтобы разобраться в том, кто из лидеров постигает волю провидения и претворяет ее в жизнь и кто из них является скрытым реформатором и левеллером. Воззрения консерватора не дают нам путеводной нити для определения того, к какому из этих двух

естественных разрядов действительно принадлежит тот или иной претендент на руководство обществом.

И все же ответ на эти вопросы, хотя и не всегда ясный, у консерватора всегда имеется: если только мы не разрушим естественный порядок деления общества на классы и естественную иерархию в распределении власти, то у нас будут такие начальники и руководители, которые скажут нам, что является добром и что является злом. Если мы сохраним существующие естественные различия и фактически воскресим прежние естественные различия, то эти вещи будут решаться руководителями. В конечном счете в идейном багаже консерватора классического направления остается один-единственный принцип: принцип радостного и благодарного подчинения руководству некоей группы людей, которую он считает освященной традицией элитой. Если в Америке действительно имелась бы подобная, для всех различимая группа людей, то идеи консерватора были бы ясны хотя бы с точки зрения их социальной привязки. Тогда тоска по классической старине и классической общественной иерархии могла бы найти себе реальный исход. Ибо эти начала были бы в

зримой форме воплощены в авторитете какой-то аристократии, и аристократия эта осязательно воспринималась бы как подлинный образец личного поведения и ведения общественных дел.

Именно в данном пункте американские публицисты консервативного направления запутались и пребывают в замешательстве. Их замешательство отчасти объясняется страхом, вызванным тем, что они сталкиваются в Америке с затопляющей все и вся либеральной риторикой; запутались же они главным образом в двух следующих простых фактах, относящихся к американским социальным верхам в целом и к правящим кругам в частности. Эти факты таковы.

Люди, пребывающие в верхах, не подходят под образцы совершенства, выдвинутые консервативной теорией элиты. И у них нет какой-либо идеологии, которая по-настоящему годилась бы для общественных целей.

Крупнейшие богачи Америки всегда отличались самым убогим культурным уровнем: они могли служить образцами лишь в сугубо материальной области, в области наживы и накопления денег. Единственная основа их авторитета – материальный успех. Можно было бы, конечно, предаваться тоске по почтенным семействам прежних времен и их последним

гнездам, но эти образы котируются обычно невысоко, так как они относятся скорее к покрытому мишурой прошлому, чем к реальному настоящему. Наряду со старинными богачами, даже оттесняя их на задний план, стоят теперь искусственно создаваемые профессиональные знаменитости, обладающие всеамериканской славой, — и люди эти таковы, что свое культурное убожество и политическую безграмотность они зачастую афишируют и превращают в особое достоинство. Профессиональные знаменитости по самой природе своей — преходящие фигуры, созданные массовыми средствами развлечения и зрелищ, а не деятели, престиж и авторитет которых покоится на воплощаемой ими преемственности традиций. Что же касается богачей новой формации, то тexasские мультимиллионеры слишком примитивны, а богачи из мира корпораций слишком скомпрометированы своей причастностью к тому, что мы потом назовем аморальностью в верхах. Главные же администраторы из мира корпораций считают для себя какие бы то ни было идеологии — будь то консервативные или иные — излишней роскошью; к тому же их наймитам предоставляется возможность свободно разглагольствовать на своем либеральном

жаргоне — что они и делают, — зачем же им самим утруждать себя защитой всяких там консервативных принципов? Больше того, не является ли, в сущности, одним из неперенных условий достижения успеха в американской политической и экономической жизни умение пользоваться — часто пользоваться — либеральной риторикой, составляющей стандартное содержание всяких пристойных и успешных ораторских упражнений?

Не существует, следовательно, никаких высокопоставленных общественных фигур, которых консервативно настроенные исследователи могли бы прославлять как образцы совершенства; нет такой элиты, идеи которой представляли бы собой контраст с либеральной неразберихой, осуждаемой этими учеными, и которая была бы готова и способна усвоить новый консервативный символ веры и пылко стремилась бы к этому. Не было *а*. Америке и какой-либо докапиталистической элиты или элиты, существовавшей до появления либеральной идеологии, чей образ могли бы рисовать американские консерваторы, хотя бы в порядке нежных воспоминаний. В отличие от европейских авторов они лишены возможности сравнивать рудиментарные — хотя и

модифицированные — прослойки феодального общества с вульгарно преуспевающими элементами капиталистического общества.

Следовательно, величайшая проблема, стоящая перед идеологами американского консерватизма, заключается просто в том, чтобы найти такой круг людей, интересам которых служила бы консервативная идеология и которые в свою очередь приняли бы ее. Предпосылкой возникновения европейского классического консерватизма являлся культ старины, существовавший среди таких социальных элементов, унаследованных от допромышленных обществ, как дворянская аристократия, крестьянство и мелкая буржуазия с ее цеховыми пережитками. Все это как раз такие элементы, которых в Америке никогда не было. Ибо в Америке буржуазия с самого начала играла господствующую роль — и в экономике, и в политике, и в сфере распределения общественного престижа. В Америке никогда не было и не может быть консервативной идеологии классического типа.

Высокопоставленные и могущественные круги в Америке не пропагандируют никаких ясно выраженных консервативных идей и фактически питают отвращение к консервативной

фразеологии. Если можно, вообще говоря, отыскать основную установку современных идеологов консерватизма, то она сводится к стремлению упразднить политические институты как независимую сферу гражданского волеизъявления во имя деспотического, ничем не сдерживаемого господства крупнокапиталистических корпораций и их руководящего персонала. У них нет связи с теми источниками современной консервативной мысли, с которыми многим мыслящим американцам так хотелось бы связать их. Что же касается идеологии, которую американская элита сочла действительно созвучной своим умонастроениям, то она исходит не от Бэрка и не от Локка, — она исходит от Горация Олджера. В своей честолюбивой борьбе за захват командных позиций американская элита черпала вдохновение в таких простых правилах, как "действуй и побеждай", "дерись и добивайся удачи". Сознание своей небывалой власти не было развито ею в какую-либо сознательную идеологию. Ей не пришлось столкнуться с оппозицией, опирающейся на идеи, находящиеся в резком противоречии с либеральной риторикой, которую она тоже, как и все, использует как набор стандартных фраз в своих выступлениях

перед широкой публикой.

Вот почему консервативные писатели 40-х и 50-х годов еще меньше, чем писатели радикального направления 30-х годов, находятся в реальном соприкосновении с лидерами или творцами той политики, которую они хотели бы направлять или обосновать. Всякая потребность в "идеологии", испытываемая правыми и центристскими элементами американского общества, вполне удовлетворяется обычной продукцией массовых средств общения — а продукцию эту можно заказывать. Обладающая богатством и властью элита не ощущает сейчас потребности в какой-либо идеологии, и меньше всего в идеологии классического консерватизма.

Это, впрочем, не мешает кой-кому проявлять особое усердие и выступать в защиту американской элиты и высших классов вообще и всей системы, в рамках которой они преуспевают. Правда, среди авторов, не принадлежащих к наемным публицистам или академическим поденщикам, это занятие не пользуется уже такой популярностью, как раньше. Но зато авторы, принадлежащие к этим разрядам, сразу же ухватываются за малейший повод, чтобы развивать подобные идеи. Помимо личного рвения, их воодушевляет то, что всякие

рассуждения об опекунской миссии Америки в отношении других народов все еще встречают благоприятный отклик, особенно среди руководящих администраторов из мира корпораций, — и каждую неделю нам обстоятельно доказывают при помощи анкетных опросов и диаграмм, что американская экономика — лучшая в мире. Такая форма обнаженной защиты не устраивает, однако, тех, кто стремится к классическому консерватизму, ибо, для того чтобы возыметь свое действие на американскую публику, подобная защита должна изображать элиту, как динамичную и, стало быть, чуждую традиции силу. Капиталистическая элита (в отличие от докапиталистической) должна всегда изображаться как группа людей, самостоятельно прокладывающих себе дорогу в жизни, взрывавших традиции, чтобы пробиться в верхи посредством чисто личных свершений.

2

Если консерватизм классического направления, связанный с воспеванием общепризнанной элиты определенного типа, не очень-то возможен в нынешней Америке, то это не значит еще, что мыслители с консервативными устремлениями не нашли других путей для воплощения своих идеалов. В поисках нужной им аристократии они сплошь и рядом трактуют само понятие аристократа крайне смутно. Постепенно расширяя это понятие, они превращают его скорее в моральную категорию, нежели в социально определенную, исторически конкретную. Во имя утверждения "подлинной демократии" или "либерального консерватизма" они раздвигают границы понятия аристократизма. Они толкуют о "естественном аристократизме", не имеющем ничего общего с существующими общественными порядками, классами или иерархиями власти; аристократия становится, таким образом, совокупностью ничем не связанных между собой личностей, возвышающихся над другими людьми своими моральными качествами, а не определенным, социально признанным классом. Подобные представления пользуются ныне большой

популярностью, так как они дают выход консервативным умонастроениям и в то же время не связаны непременно с восхвалением нынешней поросли "аристократов". Так обстоит дело у Ортега-и-Гассета и у Питера Вирекка. Последний пишет, например, что подлинное значение имеет не "аристократический класс", а "аристократический дух". Внешний декорум и система поведения, построенная по принципу "благородство обязывает", в которых выражается этот "аристократический дух", "доступен каждому человеку независимо от его классовой принадлежности". Иные американские авторы пытались найти скрытую форму присоединения к этим взглядам: они не высказывают их прямо, а исходят из них как из скрытой посылки в своих рассуждениях, имеющих дело не с элитой, а с "массой". Но это все равно опасно, ибо опять-таки идет вразрез с либеральной риторикой, требующей непрерывных комплиментов, расточаемых гражданам.

Расширительное толкование аристократизма и выхолащивание его социального содержания никого, в сущности, не устраивает, так как при этом исчезают общепризнанные критерии для суждения о том, кто составляет и кто не составляет элиту. Никем не признанная элита не

может служить реальным стержнем для политической теории. К тому же подобное расширительное толкование не имеет ничего общего с существующими политическими фактами и тем самым политически несостоятельно.

3

Но консервативные умонастроения все же сильны, почти столь же сильны, как и всепроникающая либеральная риторика, и существует возможность построения таких теоретических схем, которые устраивают и либералов и консерваторов. Для этого требуется не признавать существования социальной верхушки в ее настоящем виде и отказаться от изображения более приемлемой социальной верхушки. Достаточно просто отрицать существование какой бы то ни было элиты или даже высшего класса вообще или, во всяком случае, утверждать, что если они и существуют, то в американских условиях не играют, в сущности, значительной роли. Если твердо считать, что дело обстоит именно так, то можно предаваться консервативным умонастроениям, не испытывая в то же время необходимости связать их с соответствующей трактовкой реально существующей элиты или воображаемой аристократии.

Когда консерваторы из беззубой школы либерализма пишут о высших классах, они нередко смешивают желаемое с действительным. Они либо обнаруживают склонность отодвинуть

существование элиты в прошлое, либо же представляют последнюю как совокупность рыхлых и раздробленных элементов, существующих в настоящем. В XIX в. либералы, полагаясь на будущее, отодвигали элиту в прошлое, в XX же веке под давлением властных проблем современности они признали ее существование в настоящем, но провозгласили, что она настолько раздроблена, что практически бессильна. Если говорить о сфере политики, вещали эти авторы, то никто здесь практически не оказывает решающего влияния — и для понимания совершающихся здесь явлений нам надлежит прибегнуть к официальным и вместе с тем правильным воззрениям о представительном политическом строе. Если говорить о погоне за богатством и высокими доходами, то это, говорят они, не имеет в конце концов решающего значения, хотя, пожалуй, и отражается на моральном уровне общества в целом. И кроме того, все люди в Америке нынче богаты. Этот легковесный либерализм является главным источником нынешних консервативных умонастроений.

Из всех причин и следствий распространения консервативных умонастроений наиболее важным явлением следует, пожалуй, считать

риторическую победу и вместе с тем духовный и политический крах американского либерализма. Нет никакого сомнения, что "либерализм" того вида, который господствовал в 30-х годах, лишился в послевоенную эпоху политической инициативы. В обстановке экономического бума и милитаристского террора послевоенной эпохи кучка примитивных политиканов, подвизавшихся на средних уровнях власти, использовала в своих целях созданную в последнее время в Америке атмосферу страха, лишила внутреннюю политику всякого рационального содержания и резко снизила уровень сознательности общественной реакции на политические события и явления. Эти люди подвергли резкой критике политику "нового курса" и "справедливого курса", пытаясь заново изобразить историю проводивших их правительств, и даже стремились лично скомпрометировать людей, участвовавших в этих правительствах. Все это они делали в такой манере, которая ясно обнаруживает, что они ставили ставку на гложащее чувство обиды, испытываемое теми материально преуспевшими прослойками, которые во время второй мировой войны и после нее добились значительного богатства и не получили в то же время причитающихся им, по их мнению,

общественных почестей и власти.

Мелкотравчатые правые политиканы в большей степени апеллировали к чувствам людей, ущемленных по части общественного престижа, чем к чувствам людей, недовольных своим экономическим положением. Они делали это путем нападок на символы, личности и институты, пользующиеся прочным престижем. В самом начале своей кампании им почти удалось разрушить одну из цитаделей старинных богачей – дипломатический корпус. А в разгаре кампании один из лидеров этих политиканов, организовав "проработку" одного армейского генерала, дал возможность широкой публике лицезреть, как военный министр, тоже происходящий из старинной богатой семьи, подвергся наглým поношениям в публичной перебранке с нигилистами.

Мелкотравчатые правые политиканы создали и энергично пропагандировали новое понятие национальной лояльности как лояльности по отношению к отдельным шайкам, посягавшим на конституционные устои государства и призывавшим личный состав государственного аппарата следовать их примеру. В ходе их деятельности ясно обнаружилось, что в системе государственного управления центральное место

заняли ныне тайная полиция и секретные "расследования", — и это стало настолько ясно, что внимательные наблюдатели стали самым серьезным образом говорить о существовании закулисного кабинета, опирающегося в значительной степени на такие новые средства осуществления власти, как подслушивание телефонных разговоров, тайная слежка, шантаж или угроза шантажа. В ходе деятельности мелкотравчатых правых политиканов ярко обнаружилось притупление политических эмоций и политической реакции населения, подвергавшегося на протяжении жизни целого поколения неуклонному и все нарастающему опошляющему влиянию массовых средств развлечения и отвлечения. В ходе этой деятельности наглядно обнаружилась аморальность в верхах и безыдейность избранных кругов высшего и среднего классов. И, наконец, в ходе этой деятельности перед нами наглядно предстал захиревший и перепуганный либерализм, робко обороняющийся от опасного и безжалостного неистовства политических гангстеров.

В послевоенные годы, когда либерализм 30-х годов очутился на скамье подсудимых, либералы стали отдавать себе (время от времени) отчет в

том, что на них плотно надвигается тупая и бессмысленная сила. Вся система распределения общественного престижа прочно сложившегося буржуазного общества оказалась под ударом. А так как в Америке никогда не было другой системы и так как люди, придерживавшиеся в свое время либеральных и левых убеждений, не мыслят себе иной системы, то ожесточенность этих атак повергла их в страшный испуг и их политическая жизнь превратилась в ощущение беспокойства и необходимости постоянно обороняться.

Послевоенный либерализм организационно оскудел. Пребывание — в довоенные годы — либерализма у власти лишило независимые группы либералов жизненной энергии, иссушило корни новой либеральной поросли, отняло инициативу у провинциальных лидеров, подчинив их центральному руководству, повсеместно приостановило процесс формирования новых лидеров. "Новый курс" не оставил после себя какой-либо либеральной организации, призванной защищать либеральную программу: орудием проведения "нового курса" была не новая партия, а скорее рыхлая коалиция внутри старой партии, которая как носительница либеральных идей быстро распалась. Более того,

"новый курс" до конца исчерпал исторически накопленный запас либеральных идей; придав этим идеям силу законов, он лишил их притягательной силы новизны. Он превратил либерализм в некий набор административных правил, которые надлежит защищать, вместо политической программы, за которую следует бороться.

Морально запуганные послевоенные либералы не защищали никаких левых или хотя бы воинственно-либеральных позиций. Занятое ими оборонительное положение привело их прежде всего к тому, что они стали прославлять "гражданские свободы". В самом деле, многие из послевоенных либералов столь усердно занялись прославлением гражданских свобод, что у них осталось мало времени для их защиты; и что еще важнее — большинство из них столь усердно занялись защитой гражданских свобод, что у них не было ни времени, ни охоты пользоваться ими. "В прежние времена, — писал в конце 40-х годов Арчибальд Маклейш, — свобода была вещью, которой действительно пользовались... Ныне же она превратилась в такую вещь, которую сберегают, откладывают и охраняют, как всякое другое имущество — как хранят в банке документ или облигацию".

Гораздо безопаснее прославлять гражданские свободы, чем защищать их; гораздо безопаснее защищать их как формальное право, чем пользоваться ими как действенным политическим орудием. Даже те, кто наиболее охотно подрывает эти свободы, делают это, обычно прикрываясь их же именем. И уж заведомо легче заниматься доказательствами того, что кто-то в прошлом использовал гражданские свободы вполне правомерно, чем сказать свое собственное слово о *нынешнем* состоянии гражданских свобод — и сказать его внушительно и эффективно. Защита гражданских свобод — равно как и практики их применения, имевшей место 10 лет назад, — стала главным занятием многих либеральных и когда-то левых ученых. Все это представляет собой верное средство отвлечения умственных усилий от сферы политических размышлений и политических задач.

Оборонительная позиция, занятая послевоенными либералами, заставила их живейшим образом откликнуться на обуревающие элиту и простой народ тревожные заботы, относящиеся к положению Америки в современном мире. Эти тревоги связаны не только с международной напряженностью и терзающим многих людей ужасным,

беспомощным ощущением неизбежности новой войны. Кроме этих тревог и забот, имеется еще одна, специальная забота, серьезно занимающая многих американцев. США вовлечены ныне в широкое соревнование с другими странами, и особенно с Советским Союзом, за культурный престиж – соревнование, связанное с общей борьбой за национальный престиж. Оно вращается вокруг американской музыки, литературы и искусства и американского образа жизни, понимаемого в несколько более высоком смысле, чем тот, который обычно вкладывается в это понятие. Экономическая, военная и политическая мощь США значительно превосходит притягательную силу их культуры. За границей Америка известна своей мощью, но ее культура не пользуется престижем ни внутри страны, ни за границей. Это дало многим либералам повод включиться в новейшую кампанию по прославлению Америки. Они включились в нее не только вследствие ощущаемой ими необходимости доказать свой патриотизм в целях обороны от нападков мелкотравчатых правых политиканов, но также из желания служить настоящим задачам поддержания культурного престижа США за границей.

История превращения американского либерализма в совершенно безопасное для богатых и власть имущих кругов течение не исчерпывается, однако, историей перехода либерализма на оборонительные позиции и его организационного ослабления. В течение последних 50 лет либерализм переживал серьезный моральный и интеллектуальный упадок. Как провозглашение известных идеалов, классический либерализм, подобно классическому социализму, все еще является самостоятельной разновидностью вековых традиционных течений общественной мысли западного мира. Что же касается либеральной риторики, то ее основные формулы полностью вошли в общепринятый, стандартный политический лексикон. Одержав эту риторическую победу, приведшую к тому, что самые различные политические позиции провозглашаются и защищаются ныне в одних и тех же либеральных выражениях, либерализм стал совершенно непригоден для выявления спорных проблем и размежевания политических платформ.

Жизнь в Америке отличается большими контрастами и многообразием, но этого никак нельзя сказать о политических платформах, а тем

более о политических альтернативах. В официальной фразеологии людей, защищающих самые различные интересы, гораздо больше общего, чем специфического. Все они оперируют либеральной риторикой, хотя всерьез принимают ее одни лишь либералы. Стандартное представление о США как о прогрессивной в основном и даже радикальной стране находит себе опору только в сфере техники и, странным образом, в формах организации различных отраслей промышленности массовых развлечений и увеселений. Эти отрасли стали столь "динамичными" и "радикальными", что создали характерный американский стиль шумных развлечений. Обе эти внешние сферы жизни нередко неправильно трактовались (как внутри страны, так и за границей) как показатели динамичности и прогрессивности США, в то время как в действительности США — это консервативная страна, и притом без какой-либо признанной консервативной идеологии. Интеллектуальная дряблость политической жизни Америки такова, что она вполне обходится одной лишь либеральной риторикой. Если либерализм как политическая фразеология определенного типа стал вывеской для всевозможных политических платформ, то как теория общества

он оказался чуждым действительности, а как политическая программа — вводящим в заблуждение. Никакая ревизия либерализма как теории современной общественной эволюции не оказалась в состоянии устранить лежащий на нем отпечаток XIX в. Либерализм как социологическая теория исходит из понятия общества, пребывающего в состоянии автоматически устанавливаемого равновесия".

Идея всеобщего равновесия во всех ее разнообразных формах господствует ныне над представлениями об общественной жизни, имеющимися у людей, неспособных вырваться за пределы житейского здравого смысла. К идее всеобщего равновесия сводится и учение о природе политической власти, которого придерживается большинство ученых-социологов. Она же является опорой консервативных умонастроений в том виде, в каком они распространены ныне среди либеральной интеллигенции. Эти умонастроения нельзя квалифицировать как консерватизм классического типа; они не могут найти себе историческую привязку в обществе, предшествовавшем капиталистической, а тем более промышленной эпохе; их защитники не в состоянии также оперировать образом общества,

где политическая власть узаконена традициями, толкователями которых выступает общепризнанная аристократия.

Как плод абстрактной мысли, эти консервативные умонастроения представляют собой всего лишь новый вариант классического либерализма – новый вариант, созданный в XX в., несколько не похожем на классическую эпоху. Новейшая консервативная теория рисует нам образ общества, в котором авторитарное начало сведено к минимуму, так как оно управляется магическими силами рынка. Понятие "провидения", которым оперировал классический консерватизм, здесь заменяется созданным либерализмом понятием "невидимой руки" рынка, ибо надо иметь в виду, что светский вариант религиозного понятия "провидения" сводится к вере, что непреднамеренные последствия многочисленных волевых актов выливаются в некую закономерность и что процесс формирования этой закономерности не требует никакого внешнего вмешательства. Исходя из этого представления, можно, следовательно, утверждать, что никакой элиты и никакого правящего класса вообще не существует, что никаких могущественных центров, требующих оправдания, не имеется. Оправдание

господства элиты путем изображения ее в благоприятном свете заменяется здесь отрицанием того, что какая-либо группа людей, какой-либо класс или организация действительно обладают значительной властью. Американский либерализм легко превращается, таким образом, в опору консервативных умонастроений. Дело, в сущности, обстоит так, что обладающая богатством и властью элита не ощущает никакой потребности в ясно выраженной консервативной идеологии именно потому, что в американском обществе господствуют подобные либеральные понятия и исходные представления.

4

Величайшая привлекательность романтической теории плюрализма для консервативно настроенных кругов состоит в том, что она избавляет их от необходимости прибегать к ясно выраженной защите людей, официально руководящих общественными делами. Раз принято, что все высокопоставленные круги и все управляемые социальные институты уравнивают друг друга, так что каждый из них, в сущности, совершенно бессилен, то ни на один из них нельзя возлагать ответственность за современный ход событий и за принимаемые ныне решения. И, стало быть, всякие серьезные политические усилия и устремления являются, в сущности, иллюзорными усилиями, которые трезвые люди могут наблюдать с интересом, но, уж, конечно, не позволят им душевно увлечь себя.

Вот в чем заключается политическое содержание нынешних консервативных умонастроений; в конечном счете это ни к чему не обязывающая манера восприятия политических явлений, свойственная претенциозному самодовольству. И что довольно-таки необычно для консервативных умонастроений, мы имеем в данном случае перед собой не снобизм,

сочетающийся с тоской о прошлом, а, наоборот, снобизм, сочетающийся с погоней за ультрановизной, то есть опирающийся не на традиции, а на моду и прихоть. Люди, развивающие эти воззрения, не борются за интересы страны или даже вообще не думают о своей стране; они думают и заботятся только о себе. В узких кружках единомышленников они культивируют друг у друга эти снобистские воззрения, которые приобретают, таким образом, сектантский характер, оказываясь совершенно в стороне от основного течения политических дел и реальных политических решений.

Можно считать, следовательно (и это будет вполне точно), что консервативные умонастроения представляют собой лишенную серьезного значения модную причуду, которой забавляется небольшая кучка хорошо обеспеченных литераторов в период материального процветания. Эту концепцию нельзя, конечно, считать серьезной попыткой уяснить себе мир, в котором мы живем, и требования, которые мы могли бы предъявить к его политическим деятелям — консерваторам, либералам или радикалам. У нас не нашлось такой ассоциации мыслящих людей или ряда либеральных кружков, которые дали бы нам

теоретическое объяснение проблем и противоречий, политических решений и мероприятий, из которых складывается история нашего времени. Господствующая у нас помесь либеральной риторики и консервативных воззрений фактически затемнила содержание стоящих перед нами трудных проблем и привела к тому, что историческое развитие не опосредствуется у нас теоретической мыслью. Господство консервативных умонастроений и либеральной риторики ведет к тому, что общественная мысль в сколько-нибудь широком смысле этого слова стала в значительной степени непричастна к видимым, всем известным политическим фактам и что в послевоенной Америке разум оказался оторванным от реальной действительности.

Мелкотравчатым консервативным идеологам и политикам так же мало, конечно, удалось обрести политическую власть, как либералам, действовавшим в свое время в исполнительных органах власти, удалось удержать ее. Пока оба этих лагеря были заняты словесной перепалкой в средних этажах государственного здания, менее шумливые и более искушенные консерваторы прочно обосновались на его верхних этажах. Занятые своей сложной борьбой с шумливыми

правыми элементами, либеральные и некогда левые элементы, в сущности, содействовали продвижению консерваторов, ныне обосновавшихся у власти, — и точно так же обстояло дело тогда, когда они с головой ушли в борьбу со своим собственным левым прошлым и потеряли всякую возможность эффективной самозащиты против оскорбительных обвинений со стороны мелкотравчатых правых политиканов. Элита из мира корпораций, армии и государственного аппарата с выгодой использовала в сфере экономики, политики и военных дел разнузданные действия и фиглярство мелких правых политиканов, выступавших (зачастую невольно) в роли ее ударных политических отрядов.

В обстановке материального преуспевания, когда правые демагоги задают тон общественной реакции на политические события; когда наиболее искушенные консерваторы втихомолку овладели государственной властью, победив в значительной мере без борьбы; когда либеральные идеи, ставшие в 30-х годах официальными идеями, присваиваются и опошляются ныне чуждыми либерализму элементами; когда мы имеем перед собой такие либеральные упования и программы, которые

тщательно подгонялись под образцы пустой риторики на протяжении 30 лет, ознаменованных победой либеральной фразеологии; когда радикализм увял, а связанные с ним надежды полностью умерщвлены в результате 30 лет поражений, — именно в этой обстановке консервативные настроения овладели умами ученых наблюдателей. В их среде не раздается никаких требований и не наблюдается никакого расхождения с официальной политикой, никакой оппозиции тем чудовищным решениям, которые выносятся без глубокого и широкого обсуждения, а в сущности, и без всякого обсуждения вообще. Их не возмущает нагло недемократический образ действия высших военных и гражданских властей, ставящих все время страну перед совершившимися политическими фактами. Они не борются с безыдейностью во всех формах ее проявления, утвердившейся в общественной жизни, и не борются с теми силами и людьми, которые ее насаждают. Но что знаменательнее всего — среди ученых мужей мы наблюдаем слабое противодействие, а то и полное отсутствие противодействия разрыву между властью и знаниями, между общественной реакцией на политические явления и действиями власть имущих, никакого противодействия разрыву

между разумом и действительностью. Современные властители в состоянии поэтому управлять без всякого идеологического покрова, политические решения принимаются без благотворного воздействия политических дискуссий или политических идей, высшие круги США стали воплощением американской системы организованной безответственности.

5

Не следует думать, что немногие и узкие ячейки активной общественности, которые еще существуют, или хотя бы народные массы США разделяют консервативные умонастроения интеллигенции. Но не следует также думать, что у них прочно сложились истинные представления об американской элите. Их представления расплывчаты и вращаются главным образом вокруг общественного положения и богатства элиты, а не вокруг ее власти. И сводятся они к чисто моральным оценкам, выдержанным в духе политической обывательщины.

Сомневаться в моральной чистоплотности высокопоставленных и могущественных кругов — это, несомненно, старинная американская традиция. Порой, как, например, в течение 30-х годов, это недоверие относится главным образом к богачам из мира корпораций, которых тогда называли экономическими роялистами; порой, как, например, в межвоенный период, оно относится к адмиралам и генералам; а в любое время оно хотя бы в малой степени относится к политическим деятелям.

Следует, конечно, критически относиться к диковинным выдумкам и легковесным

обвинениям, фигурирующим в речах, произносимых во время избирательных кампаний. И все же достаточно упорное внимание, уделяемое в деловых и правительственных кругах таким явлениям, как "коррупция", говорит о широко распространенном беспокойстве по поводу состояния общественной морали и личной добропорядочности в высших сферах и свидетельствует, что дело это стало предметом скрытых забот почти в каждой области американской жизни.

К этим областям относятся военные и политические институты, а также институты, имеющие непосредственное отношение к экономике; сюда же относится и элита как совокупность руководителей этих важнейших институтов и как группа частных лиц. Множество мелких разоблачений, обостривших моральную тревогу у тех, кто еще способен тревожиться по поводу подобных вещей, показало, какого широкого распространения достигает аморальность в общественных делах.

Каких только элементов высших кругов или элементов, претендующих на принадлежность к этим кругам, не коснулись эти разоблачения! Можно теоретически допустить, что все эти

случаи, обратившие на себя недолгое внимание общественности — или по крайней мере все установленные случаи коррупции, — представляют собой из ряда вон выходящие явления. Но, с другой стороны, американское общество чувствует, что чем выше занимаемое тем или иным лицом положение, тем меньше у него шансов попасться. Чувствуется, что все эти мелкие случаи отражают собой нечто более значительное, что их корни идут глубже и обрели теперь прочную почву в образе жизни высших и средних американских кругов. Но в условиях функционирования массовых средств отвлечения это ощущение быстро исчезает, не причиняя ущерба тем, кто его порождает. Надо иметь в виду, что недоверие, питаемое в Америке к лицам, занимающим высокое и влиятельное положение, не зиждется на какой-либо доктрине и лишено политической заостренности; это недоверие, не выходящее за пределы ожидания очередных разоблачений, воспринимаемых в той или иной степени широкой публикой как нечто само собой разумеющееся. Коррупция и злоупотребления, мелкие или крупные, суть факты, безусловно наблюдающиеся в высших кругах, и зачастую даже факты, характеризующие самую сущность общественной деятельности

многих людей из этих кругов. Но вместе с тем атмосфера аморальности, окружающая в наши дни американское общество, связана также с отсутствием должной общественной реакции на подобные факты. Нездоровые явления в общественной жизни нашего времени не вызывают действенного морального негодования; на смену старой буржуазной морали в Америке пришла аморальность в верхах.

XV. Аморальность в верхах

Не следует представлять себе дело таким образом, что понятие аморальности в верхах имеет отношение только к политической сфере или что оно сводится преимущественно к факту наличия разложившихся людей в якобы здоровых в основном социальных институтах. Политическая коррупция является одной из сторон более широкого явления аморальности; вопрос о существующем ныне уровне общественной нравственности не исчерпывается вопросом о действиях отдельных разложившихся людей. Аристократическая безнравственность — это закономерная особенность американской элиты, а всеобщее примирение с ней — это существенная особенность общества, превратившегося в инертную массу.

Морально разложившиеся люди могут, конечно, встречаться и в здоровых социальных институтах, но когда сами институты подвергаются разложению, то это неизбежно влечет за собой разложение многих людей, пребывающих и работающих в них. В эпоху господства корпораций экономические отношения обезличиваются, и это ведет к тому,

что нынешний руководитель экономического предприятия в меньшей степени, чем раньше, проникнут чувством личной ответственности. В объединенных кругах руководителей бизнеса, военного дела и политики голос личной совести людей постепенно смолкает, и о них все явственнее дает себя знать аристократическая безнравственность. Это явление не исчерпывается процессом морального разложения управленческой верхушки корпораций, армии или государства; оно образует характерную особенность богачей из мира корпораций как целой прослойки капиталистического общества, интересы которой неразрывно сплелись с политикой милитаризованного государства.

Если с этой точки зрения подойти к изучению, например, нынешних источников финансирования избирательных кампаний честолюбивых молодых американских политиков, то первостепенную важность приобретает не вопрос о моральной разборчивости или неразборчивости этих политиков, а вопрос о том, мог ли вообще тот или иной молодой политик, сделавший столь быструю и высокую карьеру, совершить это, не обладая (или не воспитав в себе) несколько притупленным нравственным чувством. Многие проблемы, связанные с

"преступностью среди служащих" и ослаблением нравственных устоев общественной жизни, с миром высокооплачиваемого порока и снижением уровня личной добропорядочности, являются в основе своей проблемами аморальности *общественной структуры*. Они не сводятся попросту к проблеме слабохарактерного человека, поддавшегося влиянию дурной компании. И многие люди сознают это, хотя бы и смутно. Услышав о разоблачении очередного случая аморальности в верхах, они сплошь и рядом говорят: "Так, так, нынче оказывается, поймали еще одного голубчика", – подразумевая под этим, что раскрытые злоупотребления представляют собой не из ряда вон выходящие происшествия, в которых замешаны случайные личности, а симптомы широко распространенного явления. Существуют достаточно веские доказательства того, что они правы. Но в чем сущность того скрытого общего явления, показателями которого выступают все эти частные случаи?

1

Нынешняя расшатанность нравственных устоев объясняется тем обстоятельством, что прежние нормы и оценки добропорядочности потеряли свою власть над людьми, живущими в эпоху господства корпораций, и вместе с тем не были заменены никакими новыми нормами и оценками, морально оправдывающими и санкционирующими рожденные корпорациями порядки и нравы, которым приходится ныне следовать. Дело обстоит не так, что широкие массы сознательно отбросили унаследованные моральные нормы; оно скорее обстоит таким образом, что в представлении многих людей эти нормы оказались выхолощенными. Не существует больше моральных критериев, при помощи которых можно было бы судить, что является приемлемым и что является неприемлемым. Как отдельные личности, люди сейчас морально беззащитны, как группы — они политически индифферентны. Когда говорят, что "публика" находится в состоянии морального замешательства, то имеется в виду именно это всеобщее отсутствие моральных препон.

Но в состоянии подобного морального замешательства находится, конечно, не только

"публика". "Трагедия официальных кругов Вашингтона, – писал Джеймс Рестон, – состоит в том, что они натыкаются на каждом шагу на пережитки старых политических обычаев и устарелых институтов и вместе с тем не проникнуты больше той древней верой, на которой основывались эти обычаи и институты. Они цепляются за то, что в них стало негодным, и отбрасывают прочь непреходящие ценности, которые в них заложены. Они призывают к вере, но сами лишены этой веры. Они знают слова старых песен, но забыли, как они поются. Они включились в идеологическую войну, но не способны определить свою собственную идеологию. Они осуждают материализм своих атеистических противников, но вместе с тем прославляют свой собственный материализм".

Богачи из мира корпораций обладают ныне огромной властью в экономических и политических институтах, но им никогда не приходилось добиваться морального согласия тех, над кем они эту власть осуществляют. Любая группа, представляющая такого рода обнаженные материальные интересы, каждый новый никем не санкционированный очаг социального могущества, возникавший на протяжении жизни двух последних поколений в виде корпорации,

фермерского объединения, профессионального союза или государственного учреждения, непременно прикрывался девизами, густо начиненными моральной словесностью. Ибо есть ли в Америке что-нибудь такое, что не делалось бы во имя общественных интересов? Когда эти лозунги стираются, искусно изобретаются новые, которые с течением времени тоже опошляются. И во все времена периодически повторяющиеся экономические и военные кризисы порождают атмосферу страха, колебаний и тревог, дающую новый толчок к усердным поискам морального оправдания и формального выгораживания существующих социальных институтов.

Термин "кризис" лишился ныне содержания: слишком уж много высокопоставленных людей эксплуатировало его с целью прикрытия своей необычной политики и необычных деяний; в сущности говоря, именно отсутствие политических кризисов выступает кардинальным признаком того явления, которое мы называем аморальностью в верхах. Ибо под настоящими кризисами следует понимать такие ситуации, когда широкие слои населения сталкиваются с настоящими альтернативами, моральный смысл которых настолько обнажен, что может стать предметом публичного обсуждения.

Аморальность в верхах, общее ослабление авторитета старых моральных ценностей и создание системы организованной безответственности — все эти явления не были вызваны какими-либо политическими кризисами; они, наоборот, были связаны с такими вещами, как угодливое равнодушие и безмолвное моральное опустошение.

Большинство американцев воспринимает высшие круги преимущественно как известную группу знаменитостей. Разбирая вопрос о профессиональных знаменитостях, я отметил, что утвердившиеся у власти члены элиты не обладают монополией на общенациональную славу. Они разделяют ее во всей стране с фривольными или пылкими созданиями из мира профессиональных знаменитостей, что служит некоей ослепляющей публику маскировкой их реальной власти. Так как весь аппарат рекламы и прославления работает постоянно и преимущественно на профессиональных знаменитостей, то властвующая элита остается в этом смысле в тени. Следовательно, благодаря этим отвлекающим моментам, связанным с распределением общественного престижа, элита становится менее заметной для широкой публики или, вернее сказать, публика привыкла смотреть на нее так,

как она смотрит на знаменитостей, которые то забавляют и развлекают ее, то вызывают в ней отвращение – смотря по обстоятельствам.

Отсутствие какой-либо прочной системы моральных убеждений еще больше способствует тому, что массы поддаются воздействию всякого рода идеологических махинаций и отвлекающих их внимание моментов, исходящих из мира знаменитостей. Под влиянием быстрой смены преподносимых им жизненных девизов, правил поведения и нравственных ценностей они со временем проникаются скепсисом и цинизмом, своего рода мещанским макиавеллизмом. Поэтому и получается, что они испытывают платоническое удовольствие, когда читают и слышат о привилегиях богачей из мира корпораций, о ночных шалостях профессиональных знаменитостей и об угрюмо-счастливой жизни мультимиллионеров.

Но как бы то ни было, в Америке до сих пор сохранился такой вид социальных ценностей, курс которого несколько не упал. Это деньги или вещи, которые приобретаются за деньги (ценность последних даже в период инфляции представляется столь же прочной и долговечной, как нержавеющая сталь). "Мне приходилось быть и богатой и бедной, – заметила как-то Софи

Таккер, – и поверьте мне, что нет ничего лучше богатства". По мере того как многие другие социальные ценности теряют свое значение, истинной проблемой для американцев становится не вопрос о том, "есть ли на свете что-либо такое, чего нельзя достичь при помощи разумно использованных денег", а вопрос о том, "много ли есть на свете вещей, не обмениваемых на деньги, которые более дороги и желанны, чем вещи, обмениваемые на деньги". Деньги являются единственным бесспорным мерилom преуспевания в жизни, а преуспевание до сих пор считается в Америке высшей ценностью.

Там, где деньги определяют смысл и содержание жизни, там человек с деньгами (каким бы путем они ему ни достались) будет в конечном счете пользоваться почетом. Давно сказано, что миллион долларов покрывает собой бездну грехов. Дело не только в том, что люди стремятся к деньгам, но и в том, что они ко всему подходят с денежными мерилами. В обществе, в котором никто не может серьезно соперничать в вопросах чести и славы с человеком, "делающим деньги", под "практической значимостью" подразумевается пригодность для целей личной наживы, а под "здравым смыслом" – умение добиваться финансового успеха. Погоня за

наживой является высшим душевным стремлением, и по сравнению с наживой воздействие всех других ценностей на духовный облик американцев уменьшилось; в погоне за легкой наживой и быстрым накоплением богатства люди легко ожесточаются морально.

Значительная доля явлений, связанных с коррупцией в Америке (но не все подобные явления), выступает попросту как звенья в цепи давно знакомых нам усилий, направленных к приобретению и умножению богатства. Однако в наши дни обстановка, в которой происходит эта извечная погоня за наживой, изменилась. Если экономические и политические институты невелики и раздроблены (как это представлено в простых теоретических моделях классической политической экономии и как это было в условиях джефферсоновской демократии), то в таком случае никто не располагает возможностью предоставить кому-либо крупные материальные преимущества или самому получить их от кого-либо. Но если политические институты и экономические возможности отличаются концентрацией и вместе с тем взаимосвязанностью, то государственные или общественные посты могут быть использованы в целях личной выгоды.

Явление аморальности в верхах наблюдается в торговых и промышленных корпорациях не в меньшей степени, чем в правительственных учреждениях. Политические деятели могут предоставлять незаконные финансовые поблажки и льготы только тогда, когда имеются хозяйственные деятели, готовые и желающие воспользоваться ими. А хозяйственные деятели могут домогаться политических услуг только тогда, когда имеются политические агенты, способные их предоставить. Нет сомнения, что прожектор общественной гласности больше нацелен на дела правительственных чиновников, чем на дела бизнесменов, — и это вполне понятно. К государственным чиновникам общественность предъявляет более высокие моральные требования, а потому и легче в них разочаровывается. Что же касается бизнесменов, то обычно считается, что их дела являются частными делами; и если они успешно скользят на грани законности, то американцы обычно ставят им в заслугу, что им удалось выйти сухими из воды. Но в цивилизации, насквозь проникнутой духом бизнеса, как это имеет место в США, правила ведения бизнеса неизбежно переносятся и в сферу правительственной деятельности, и особенно в нынешних условиях,

когда в состав правительства вошло столько бизнесменов. Много ли найдется заправил корпораций, которые стали бы по-настоящему бороться за издание закона, предусматривающего публичную и тщательную отчетность по всем договорам, связанным с наймом руководящих администраторов, и по всем делам, связанным с расходованием специальных счетов? Система высоких ставок подоходного налога породила целую сеть тайных соглашений между крупными фирмами и высшими чиновниками. Существует, как мы уже видели, немало искусных способов обхода налогового законодательства, и к тому же уровень жизни многих высокооплачиваемых лиц в большей мере определяется нарочито усложненной системой расходования специальных счетов, чем официально получаемым вознаграждением. Подобно законам, запрещающим продажу спиртных напитков, законодательство о подоходном налоге и ограничения военного времени не пользуются прочной поддержкой деловых кругов. Их нарушение считается незаконным, но не зазорным действием, а обходить их и оставаться при этом безнаказанным считается особым шиком. Законы, не пользующиеся моральной поддержкой, влекут за собой беззаконие и — что

гораздо важнее — способствуют развитию аморальной изворотливости.

Общество, в котором широко распространено убеждение, что его высшие и средние круги образуют собой сеть взаимопереплетающихся групп, занимающихся ловким жульничеством, не способно формировать людей, отличающихся чувством морального долга; общество, не обладающее ничем другим, кроме деловой хватки, не может формировать людей, обладающих чуткой совестью. Общество, сводящее понятие "жизненного успеха" всего лишь к обладанию крупными деньгами (и с этой точки зрения осуждающее материальную неудачу как главный порок), возведшее деньги на уровень абсолютной ценности, — такое общество неизбежно плодит продувных дельцов и темные дела. Благословенны циники, ибо только они располагают тем, что необходимо для достижения жизненного успеха.

2

Люди, возглавляющие иерархии основных социальных институтов и их аппараты управления — заправилы корпораций, официальные руководители государства, а также (все чаще и чаще) политически возвысившиеся военные лидеры, — воспринимаются окружающими людьми не только как лица, достигшие успеха, но и как лица, от покровительства которых зависит их собственный успех. Это они разрабатывают и применяют критерии выдвижения людей. Те, кто стоят на ближайшей после них ступеньке иерархической лестницы, являются обычно членами их клики, их клиентелы, они принадлежат к тому же типу трезвых и здравомыслящих людей, что и их патроны. Но различные иерархии связаны друг с другом многолинейными связями, и внутри каждой клики имеются лица, преданные другим кликам. Существуют не только служебные, но и личные зависимости, существуют не только объективные, но и личные критерии для выдвижения людей. Прослеживая карьеру любого человека из состава различных высших кругов, мы непременно сталкиваемся с историей его личных связей и зависимостей, ибо первый,

важнейший момент, характеризующий высшие сферы — с точки зрения условий успешного продвижения в них, — заключается в том, что каждое власть имущее лицо (или клика) стремится здесь допускать к руководству только лично преданных людей. Вторая особенность характеризующая преуспевающих людей, состоит в том, что они в совокупности образуют собой не монолитную структуру, а сложное сочетание по-разному связанных и нередко враждующих между собой клик. Третий момент, который нам надлежит сознательно учитывать, сводится к тому, что в каждой из таких сфер молодые люди, стремящиеся к успеху, постоянно пытаются обрести личные связи с людьми, правомочными решать вопрос об их выдвижении.

Вот почему в американской литературе, предназначенной для лиц, стремящихся к практической карьере (бойко спекулирующей на великом культе материального успеха), мы наблюдаем знаменательное изменение преподносимых ею советов насчет всего, "что требуется для успеха". Созданный этой литературой в конце XIX в. образ человека, отличающегося строгими личными добродетелями, силой воли и честью, благородством и органической неспособностью

встать на "легкий путь, ведущий к женщинам, вину и табаку", уступил место образу человека, владеющего "самым важным из отдельных факторов – впечатляющей индивидуальностью", "привлекающей внимание своим обаянием" и "излучающей атмосферу уверенности в себе". Правила этого "нового образца жизни и поведения" велят часто улыбаться, внимательно выслушивать других, исходить в разговоре с другими из их интересов и давать им почувствовать, что с ними считаются, – и все это следует делать искренне. Короче говоря – личные отношения стали частью "служебных отношений", богатства человеческой индивидуальности приносятся в жертву общественному спросу на стандартную личность с единственной целью добиться личного успеха в обществе, в котором образ жизни и мышления людей определяется господством корпораций. Апологетические версии трактуют дело таким образом, что карьера людей из состава элиты обусловлена их высокими достоинствами и усердным трудом, но фактически они обязаны своей карьерой кликам, которые приняли их в свои ряды – приняли зачастую по совершенно иным соображениям; и людям этим приходится постоянно убеждать других, а также самих себя,

что они представляют собой нечто противоположное тому, что они собой действительно представляют.

Высшие круги США кичатся тем, что они якобы состоят из людей, самостоятельно пробивших себе дорогу в жизни. Так они желают думать о себе и такова сотворенная ими и широко разрекламированная легенда.

Общераспространенные доказательства достоверности этого мифа сводятся к ссылкам на единичные случаи, наукообразные же доводы покоятся на якобы строгих статистических изысканиях, показывающих, что среди верхушки имеется та или иная доля людей, вышедших из низов. Мы уже видели, какой процент в кругах элиты составляют люди, выдвинувшиеся из низов. Но гораздо важнее, чем вопрос о проценте сыновей наемных рабочих в составе высших кругов, — это вопрос о том, какими критериями руководствуются при приеме в эти круги и кто эти критерии применяет. Если человек продвинулся, то это вовсе не значит, что он непременно обладает высокими личными достоинствами. Если общепринятые теперь оценочные цифры были бы обратными, то есть гласили бы, что 90% состава элиты — это сыновья наемных рабочих, но критерии самопополнения

элиты остались бы при этом неизменными, то и тогда мы не имели бы права считать, что продвижение этих лиц непременно свидетельствует об их высоких достоинствах. Только в том случае, когда критерии для выдвижения на высшие посты основывались бы на достоинствах претендентов, и только в том случае, когда эти критерии действовали бы автоматически — как это совершается, например, в процессе конкурентной борьбы между отдельными предпринимателями, — только тогда статистические данные о движении по социальной лестнице говорили бы нам что-нибудь о личных достоинствах изучаемой группы людей. Представление о том, что человек, самостоятельно выбившийся в люди, почему-то "хорош", а человек, родившийся в богатой и привилегированной семье, нехорош, приобретает нравственный смысл лишь в том случае, когда карьера делается самостоятельно, когда человек — сам себе хозяин, как, например, частный предприниматель. Оно имело бы смысл и в применении к строгой чиновно-бюрократической карьере, при которой выдвижение регулируется и проверяется сдачей испытаний. Но в применении к практикуемой в верхах системе кооптации своих людей, основы которой были выработаны в

корпорациях, это представление имеет мало смысла.

С точки зрения формирования духовного облика людей такого явления, как "человек, который сам себя создал", не существует. Ни один человек не стал в духовном отношении таким, какой он есть, совершенно самостоятельно (и меньше всего члены американской элиты). В мире иерархических верхушек корпораций отбор людей производится теми, кто занимает более высокое по сравнению с ними положение в этих иерархиях, и производится в соответствии с принятыми у них критериями. Мы уже видели, какие критерии отбора применяются ныне в американских корпорациях. Люди приспособляются к этим критериям, и их духовный облик формируется, таким образом, под воздействием этих стандартов, под воздействием существующих общественных стимулов. Но если нет на свете такого явления, как человек, который сам себя духовно сотворил, то зато существует такое явление, как человек, который сам себя духовно опустошил, и среди американской элиты подобных людей немало.

При наличии таких объективных условий завоевания успеха, человеку, вступившему в жизнь бедняком, не требуется особых дарований

для того, чтобы стать богачом. Только там, где способы приобретения богатства доступны лишь людям одаренным или влекут за собой приобретение личных достоинств, — только там факт личного обогащения подразумевает наличие подобных достоинств. В условиях, когда выдвижение людей регулируется руководящими кликами, вопрос о том, начали ли вы богатым или бедным, имеет меньше отношения к выявлению тех качеств, которыми вы обладали в момент достижения успеха, чем к раскрытию принципов, которыми руководствуются лица, производящие отбор преуспевающих.

Все эти вещи сознаются достаточным числом людей, не принадлежащих к высшим кругам, и это породило циничные представления об отсутствии всякой связи между дарованием, и продвижением вверх, между личными достоинствами и объективными условиями преуспевания. В таких представлениях кроется сознание аморальности социального механизма достижения успеха, сознание, обнаруживающееся в широкой распространенности таких формул, как "все это лишь очередное мошенничество" или "важно не то, что вы знаете; важно то, кого вы знаете". Значительное число людей мирится теперь с аморальностью социального механизма

достижения успеха как с непреодолимым фактом.

Сознание аморальности социального механизма преуспевания склоняет некоторых наблюдателей к построению особой теории "человеческих отношений в промышленности", нашедшей косвенное отражение в академических социологических исследованиях; других наблюдателей оно побуждает к восприятию духовных утешений, поставляемых новейшей литературой, проповедующей смирение и душевный покой, вытеснившей в некоторых "смирившихся" кругах прежнюю литературу, проповедовавшую непомерно честолюбивые устремления и указывавшую пути достижения успеха. Но независимо от конкретной формы реакции сознание аморальности социального механизма достижения успеха зачастую способствует тому ослаблению общественной реакции на факты социальной действительности, которое мы назвали одной из коренных особенностей явления аморальности в верхах. Прежний яркий образ человека, самостоятельно выбивающегося в люди, потускнел, но на смену ему не пришел никакой другой образ преуспевающего человека. Самый ореол успеха как американского эталона совершенства тускнеет по мере того, как успех становится одним из

многих проявлений аморальности в верхах.

Моральное недоверие к американской элите — равно как и явление организованной безответственности — связано с сознанием аморальности в верхах, а также со смутным ощущением невежества в верхах. Было время, когда люди, правившие Соединенными Штатами, являлись вместе с тем культурно утонченными людьми; властвующая элита и цвет американской культуры были в значительной части представлены одними и теми же людьми, а там, где эти круги не совпадали, они нередко тесно переплетались между собой. Знание и власть пребывали в действенном контакте друг с другом, ибо они находились под контролем сведущей и активной общественности; более того, эта общественность имела решающий голос во многом, что подлежало решению.

"Нет ничего поучительнее, — писал Джэймс Рестон, — сравнения дебатов в палате представителей, происходивших в 30-х годах XIX в. по вопросу о борьбе Греции с Турцией за Независимость, с дебатами в конгрессе в 1947 г. по греко-турецкому вопросу. В первом случае дебаты были преисполнены достоинства и отличались красноречивой убедительностью, рассуждения правильно разворачивались от

известного принципа, через иллюстрацию, к выводу; во втором случае дебаты представляли собой унылое зрелище подтасовки обсуждаемых вопросов, содержали в себе множество не относящихся к делу моментов и обнаруживали плохое знание истории". В 1783 г. Джордж Вашингтон проводил свой досуг за чтением "Писем" Вольтера и "Опыта о человеческом разуме" Локка, Эйзенхауэр же почитывает рассказы о ковбоях и детективные повести. Лица, достигшие ныне высших политических, военных и экономических сфер, принадлежат, как правило, к людям того типа, которым сводки и докладные записки вполне заменили, по-видимому, не только серьезные книги, но и газеты. При нынешней аморальности социального механизма достижения успеха это, надо полагать, неизбежно; но все же несколько странным и смущающим является то обстоятельство, что эти люди не достигли уровня, при котором они, быть может, немного устыдились бы своей некультурной манеры проведения досуга и скудости своей духовной пищи, и что никакие круги культурно развитой общественности не в состоянии воздействовать на них и пристыдить их.

К середине XX в. американская элита

превратилась в такую породу людей, которую никак нельзя считать цветом американской культуры или хотя бы культурно развитыми и духовно восприимчивыми людьми вообще. В правящих кругах не наблюдается подлинной связи между знанием и властью; а в тех случаях, когда образованные люди соприкасаются с кругами могущественных лиц, они выступают при этом не как равные партнеры, а как наемная сила. Элиты из мира власти, богатства и славы не связаны даже мимолетным знакомством с элитой из области культуры, знания, утонченных идей и чувств. Они не соприкасаются с ней, хотя, правда, наименее значительные и наиболее тщеславные люди из этих двух сфер порой смыкаются в мире профессиональных знаменитостей.

Большинство людей склонно полагать, что самые могущественные и богатые люди являются, как правило, и самыми сведущими или, как они склонны выражаться, "самыми башковитыми". Подобные представления подкрепляются множеством житейских изречений о профессиональных ученых, которые "занимаются тем, что учат, по той причине, что не способны действовать", или изречений насчет того, что "если ты в самом деле такой башковитый, то почему ж ты не богач?"

Но все эти остроты означают лишь, что люди, оперирующие ими, исходят из убеждения, что власть и богатство — это наивысшие ценности для всех людей, и особенно для "дошлых". Они считают также, что знание всегда вознаграждается — или, безусловно, должно вознаграждаться — подобным образом и что власть и богатство являются как раз показателями подлинных знаний. Могущественные и богатые люди непременно являются наиболее сведущими людьми, — а то как же иначе они могли бы стать такими, какие они есть? Но утверждать, что лица, добившиеся власти, непременно являются "доками", значит утверждать, что власть *тождественна* знанию; утверждать, что лица, добившиеся богатства, непременно являются "доками", значит утверждать, что богатство *тождественно* знанию.

Широкая распространенность подобных представлений свидетельствует о реальном факте: даже в наше время простые люди склонны объяснять и оправдывать власть и богатство наличием знаний и способностей. Эти представления показывают также, к какому разряду жизненных ценностей относят теперь науку и знание. Знание не воспринимается больше широкими кругами населения под углом

зрения его идеального назначения; оно рассматривается как практическое орудие. В обществе, где жизнь и воззрения людей формируются теми, кто обладает властью и богатством, знание ценится как орудие достижения власти и богатства, а также, разумеется, как нечто, дающее возможность блеснуть в разговоре.

Формировать человека (разъяснив ему смысл его внешней и внутренней жизни и сделав его свободным) — таково идеальное назначение знания применительно к индивидууму. Формировать общество (вскрывая гуманный смысл его существования и делая его свободным) — таково идеальное назначение знания применительно к обществу. Но в наши дни индивидуальное и общественное назначение знания совпало в том отношении, что по обеим линиям знание служит теперь чисто внешним целям: оно помогает "дошлому" парню идти в гору, а просвещенной стране придает культурный престиж, освящая силу авторитетом.

Знание редко дает власть образованному человеку. Однако мнимые и якобы скрытые знания, приписываемые некоторым людям, делающим карьеру, и весьма бесцеремонное использование этого обстоятельства

преуспевающими людьми оказывают свое действие на других людей, не способных критически относиться к вещам. Знание объективных явлений, так же как и вскрываемые им возможности практического применения вещей и явлений, не несет в себе, конечно, оценок "хорошо" или "плохо". "Дурные люди, – писал Джон Адамс, – преуспевают в науках столь же быстро, как и хорошие люди; и наука, искусство, тонкий вкус, тренированный ум и изящное перо используются как в праведных, так и в неправедных целях". Это писалось в 1790 г.; ныне мы имеем все основания считать, что это действительно так.

Проблема связи между знанием и властью всегда сводилась и сводится к проблеме отношений между людьми, обладающими знаниями, и людьми, обладающими властью. Представьте себе, что мы отобрали сотню наиболее могущественных американцев из всех нынешних сфер социального могущества в США и поставили их в ряд. Предположим далее, что мы отобрали также сотню наиболее образованных людей из всех областей общественных знаний и тоже поставили их в ряд. Сколько людей окажется одновременно в *обоих* наших рядах? Наш отбор будет зависеть,

конечно, от того, что мы будем подразумевать под могуществом и под знанием, особенно от того, что мы будем подразумевать под знанием. Но если мы вложим в эти понятия их истинное содержание, то, безусловно, обнаружим, что лишь очень немногие люди в США наших дней окажутся одновременно в обоих рядах, а то и вовсе никто; и не подлежит сомнению, что в период основания Соединенных Штатов мы нашли бы гораздо больше таких людей, чем находим их сегодня. Ибо в XVIII в. дело обстояло так, что власть имущие люди, несмотря на то, что они жили в стране, пребывавшей в положении отдаленной колонии, занимались науками, а ученые нередко находились в те времена у власти. В этом отношении, я полагаю, мы претерпели прискорбную деградацию.

В США мало людей, совмещающих в себе и власть и знание, но зато власть имущие лица окружают себя людьми, обладающими значительными знаниями или по меньшей мере людьми, имеющими опыт в тонких делах. Человек науки не становится у нас философом на троне, Марком Аврелием, а становится нередко консультантом, и притом консультантом человека, в котором нет ничего царственного и ничего мудрого. Можно, безусловно, считать

установленным, что председатель секции развлекательной литературы Союза писателей помогал одному из ведущих сенаторов "отшлифовывать речи, которые тот произносил в 1952 г. во время кампании по выборам в сенат". Но из этого никак нельзя заключить, что общение с властью имущими людьми является типичным для карьеры образованного человека. Связи между академическими и правительственными кругами слабы, и когда такие связи возникают, то ученые выступают при этом как "эксперты", под чем обычно подразумеваются наемные специалисты. Как и большинство членов современного общества, образованный человек вынужден зарабатывать себе на жизнь своим трудом, и эта забота дает основное направление его мыслям. В условиях, когда продвижение человека на работе зависит от благосклонного отношения других, более влиятельных лиц, благоприятные оценки последних становятся для него первейшей заботой. Вот почему в тех случаях, когда мыслящие люди прямо обслуживают власть имущих — занимая определенное место в служилой иерархии, — они сплошь и рядом не имеют возможности свободно и независимо высказывать свои соображения и мнения.

Люди, трактующие наше общество как демократическое общество, исходят из допущения, что в США существует активная общественность; в своих риторических заявлениях они уверяют нас, что истинные истоки верховной власти находятся в недрах этой общественности. Демократия непременно предполагает наличие двух условий: сведущей, постоянно дающей о себе знать общественности и таких политических лидеров, которые руководствуются разумом или по крайней мере несут разумную ответственность перед существующими кругами осведомленной общественности. Только тогда, когда общественность и политические лидеры обладают способностью быстрой и глубокой реакции на общественные нужды и проникнуты чувством ответственности, в человеческих делах царствует демократический порядок, и такой порядок возможен лишь тогда, когда знание выполняет общественную функцию. Для того чтобы разум был в состоянии формировать общественную жизнь, он должен иметь свою собственную, независимую от власти общественную базу и вместе с тем обладать возможностью мощно влиять на политические дела. Если выразить это в понятиях теории народовластия, то

формирующее влияние разума на общественную жизнь возможно лишь в условиях существования свободной и просвещенной общественности, к которой мыслящие люди в состоянии обращаться и перед которой власть имущие люди несут реальную ответственность. Но такой общественности и такого рода людей – будь то из среды власть имущих или из среды ученых и мыслителей – в наше время нет, и потому знание не выполняет ныне в Америке демократической функции.

Типичный представитель нынешних высших кругов – это человек посредственного ума; иногда это добросовестный человек, но все же посредственность. Его проницательность сказывается лишь в том, что время от времени он сознает, что не способен справиться с проблемами, которые он иногда считает необходимым решать. Но такие чувства он обычно скрывает: его публичные высказывания – бессодержательные, изобилующие избитыми истинами – выдержаны в сентиментальном и благочестивом, бравом и непреклонном, призывно-бодром тоне. Он способен воспринимать лишь конспектированные и упрощенные, изжеванные и искаженные идеи. Он принадлежит к людям, вершащим дела в эпоху

телефона, докладных записок и сводок.

Говоря о безыдейности и умственной посредственности власть имущих, я, конечно, не намерен отрицать, что среди них попадаются иногда и умные люди (хотя это отнюдь не обязательное явление). Однако занимающий нас вопрос — это не вопрос о распределении "ума", понимаемого как нечто однородное, как нечто такое, что может быть представлено большим или меньшим количеством. Речь идет скорее об особом роде и качестве ума, формируемом и отбираемом в мире власть имущих. Речь идет о том, какое значение придается всепроникающим элементам интеллигентности — этой главной ценности в жизни, характере и поведении человека. Именно этого мерила мы не находим у американской властвующей элиты. Вместо него мы находим у нее такие критерии, как "вес" и "умение судить и вершить", — и подобные критерии играют в прославленном возвышении людей из элиты гораздо большую роль, чем духовная утонченность или сила ума.

Власть имущего человека, преисполненного сознанием своего веса и значения, окружают со всех сторон его технические помощники в делах управления, призванные воплощать знание, которого он не имеет, и даже ораторское

искусство, которым он не обладает. Это работники его пресс-бюро, его ближайший ученый помощник, снабжающий его идеями, работники его административного бюро и секретари. Не следует забывать и членов разных комиссий и комитетов, состоящих при нем. Наряду с увеличением вспомогательных средств для разработки политических решений среди официальных руководителей Соединенных Штатов наблюдается катастрофический недостаток людей, способных к самостоятельному мышлению, и потому в верхах нередко наблюдаются колебания и нерешительность.

Одним из вредных последствий недостатка знаний у людей из элиты является возвышение экспертов, ставшее ныне не просто фактом, а узаконенным фактом. Когда министра обороны спросили недавно, какого он мнения об отрицательной оценке военной политики, данной лидером оппозиционной партии, он ответил: "Вы полагаете, что его можно считать экспертом по этим делам?" Под давлением репортеров, домогавшихся более конкретного ответа, министр заявил, что "военные руководители считают нашу военную политику разумной и я тоже считаю ее разумной", а затем, когда его попросили высказать свое мнение о некоторых конкретных

вопросах, он добавил: "Все, что можно сделать в некоторых случаях, это спросить совета у господ бога". Когда богу и экспертам столь уверенно приписывается такая крупная роль, то что же, собственно, остается делать политическому руководству? И еще меньше места остается в этой концепции для принципа общественного обсуждения спорных проблем, имеющих в конце концов не только военное, но и в равной степени политическое и моральное значение. Но в этой концепции нет ничего неожиданного, ибо еще во времена, предшествовавшие японскому налету на Пирл-Харбор, наблюдалась тенденция к отказу от публичного обсуждения политических проблем и к ликвидации оппозиции под прикрытием удобного девиза двухпартийной политики.

Отсутствие духа общественности сказывается не только в умственном застое политических кадров и их советников — оно приводит к тому, что практикуемая система разработки крупнейших решений и важных политических акций не предполагает необходимости их обоснования или критики, словом, их обсуждения в какой-либо разумной форме. Более того, часто бывает так, что их даже не пытаются оправдать. Разумное обсуждение подменяется односторонней идеологической обработкой населения,

демократические формы осуществления власти подменяются тайными махинациями и самовластными решениями власть имущих. Начиная с XIX в., когда политика сменилась администрированием, крупные политические акции все чаще и чаще лишены даже внешних атрибутов решений, вынесенных в результате разумного обсуждения; они предпринимаются господом богом, экспертами и людьми типа мистера Вильсона.

Все больше и больше расширяется круг государственных дел, скрытых под покровом официальной секретности, все больше и больше расширяется сфера тайной слежки за людьми, которые могли бы разгласить то, что публике, не состоящей из экспертов, имеющих "допуск", знать не положено. Вся цепь решений относительно производства и использования атомного оружия была выработана без подлинного общественного обсуждения, причем обстоятельства, знание которых было необходимо для делового обсуждения этих проблем, официально скрывались, искажались или даже представлялись в заведомо ложном свете. По мере того как эти решения начали приобретать все более роковое значение не только для судьбы американцев, но буквально для судьбы всего

человечества, доступ к источникам информации закрывается, а факты, требуемые для вынесения решения (и даже вынесенные решения!), не пропускаются в основательно нагруженные каналы информации под политически удобным предлогом "сохранения государственной тайны".

И в то же время политическая словесность, заполняющая каналы общественной информации, постепенно становится все более и более примитивной и грубой. Высшим принципом, определяющим содержание глупых сведений, предназначенных для масс или для тех, кого считают массами, является, вероятно, демагогический тезис, что подозрения и обвинения, достаточно часто повторяемые, оказывают каким-то образом такое же действие, что и прямое доказательство вины, подобно тому как эффект многократного расхваливания какой-нибудь марки зубной пасты или сигарет считается равносильным эффекту реальных достоинств. Крупнейшей отраслью пропаганды, затопляющей Америку, крупнейшей по крайней мере с точки зрения размаха и крикливости, является торговая пропаганда, рекламирующая мыло, сигареты или автомобили; именно такие вещи, или, вернее, их названия, Америка, как правило, славит громче всего. Важно отметить,

что эта колоссальная пропаганда, рекламирующая различные товары, зачастую является лживой и вводит в заблуждение. Она обманывает публику при помощи интригующих намеков и умолчаний, настойчивого вдалбливания, а порой и при помощи категорических заверений; она чаще апеллирует к чревоугодию или к похоти, чем к уму или сердцу. Публичные сообщения, исходящие от лиц, выносящих важнейшие решения, или от тех, кто хотел бы побудить нас проголосовать за их избрание на решающие посты, становятся все более похожими на стандартные образцы вздорных и вымышленных сведений, созданные торговой пропагандой и рекламой.

В США наших дней власть имущие люди не столько догматичны, сколько безыдейны. Всякая догма обычно представляет собой более или менее разработанное обоснование известных идей и моральных ценностей и, следовательно, включает в себе известные элементы (правда, узкие и застывшие) ума, теоретического мышления и практического разума. Но в наше время мы сталкиваемся как раз с отсутствием какого-либо духовного начала, которое представляло бы собой общественную силу; мы сталкиваемся с равнодушным отношением к

знанию и боязнью того, что знание может оказать освободительное влияние на общество. Результат таков, что мы имеем политические решения, лишенные разумных обоснований, дающих возможность критически взвесить их и обсуждать.

Опасность для Америки кроется не в варварской политической слепоте непреклонных примитивных политиканов, а в почтительно воспринимаемых рассуждениях государственных секретарей, в банальностях, изрекаемых с важным видом президентами, в ужасающем самодовольстве новейших американских политиков из солнечной Калифорнии, искренне уверенных в том, что истина находится у них в жилетном кармане. Эти люди не имеют самостоятельных идей: их заменяют усвоенные ими пошлости и плоские истины; а догмы, придающие законную силу их деятельности, пользуются столь широким признанием, что не находят никакого разумного отпора. Люди этого типа – сумасбродные реалисты: во имя реализма они создали в своем воображении некую бредовую действительность; в которой все придумано ими самими; во имя практицизма они составили себе утопический образ капитализма. Они отказались от принципа ответственного и

разумного объяснения событий и явлений и заменили его практикой маскировки последних при помощи сбивающих с толку средств идеологического воздействия; они отказались от практики публичного обсуждения под предлогом нехитрых концепций о психологической войне. Вместо способности к критическому мышлению мы находим у них бойкость суждений, свойственную мещанскому здравому смыслу; вместо умения тщательно разрабатывать альтернативные решения и взвешивать их последствия – административную хватку.

4

Несмотря на изгнание ума и творческого мышления из сферы общественных дел, несмотря на аморальность социального механизма выдвижения людей на руководящие посты и повсеместное господство системы организованной безответственности — и, пожалуй, не вопреки, а благодаря этим обстоятельствам, — люди из высших кругов извлекают выгоду из всех форм власти, сосредоточенной в основных социальных институтах, которыми они управляют. Ибо власть этих институтов, реально осуществляемая или потенциальная, приписывается им как официальным заправилам. Их посты, их деятельность и даже их личности светятся в нимбе этого приписываемого могущества; все командные пункты в сфере власти и могущества окружены ореолом престижа, в лучах которого купаются официальные руководители государства, богачи из мира корпораций, адмиралы и генералы. Элита известного общества, какими бы скромными данными ни обладал каждый из ее членов, воплощает в себе престиж власти, существующей в этом обществе. Больше того, лишь немногие из лиц, облеченных подобной властью, способны

долго противостоять соблазну связать свои представления о самих себе, хотя бы частично, с громкой славой учреждений, которые они возглавляют. Действуя как представитель своей страны, своей корпорации или армии, такой руководитель начинает со временем считать себя, свои речи и убеждения воплощением исторически накопленной славы великих институтов, с которыми он постепенно начинает себя отождествлять. Когда он говорит от имени своей страны или как защитник ее интересов, то в звучании его слов ему чудятся также отзвуки ее вековой славы.

В отличие от прошлого общественный престиж не связан ныне преимущественно с особым положением в местных общинах. Он сопутствует ныне командному положению в крупных иерархиях, приобретших общенациональные масштабы. Он сопутствует богатству, если даже на последнем и лежит отпечаток гангстеризма. Он сопутствует обладанию властью, если даже власть имущий лишен всех достоинств, которые для этого требуются. В низах же, в обществе, превратившемся в инертную массу, рушатся старые и привычные моральные препоны, мешавшие раньше реализации притязаний на

престиж, — и в поисках образцов совершенства американцы обращаются к высшим кругам, с тем чтобы сформировать себя по их образу и подобию и по ним судить о себе. Однако в наши дни американские авторы более склонны, по-видимому, искать подобные образцы среди высокопоставленных людей прошлых эпох, а не среди людей нашей эпохи. Побуждает ли . их к этому действительное различие между нынешними деятелями и деятелями минувших времен или же это попросту объясняется политическим удобством и выгодностью ретроспективного анализа высших кругов — сказать очень трудно. Факт, во всяком случае, таков, что политический престиж таких деятелей, как Вашингтон, Джефферсон или Линкольн, мало кем оспаривается, а политический престиж современных деятелей оспаривается многими. После смерти видные политические деятели легче, оказывается, добиваются признания, чем при жизни; политические лидеры рассматриваются их современниками всего лишь как политические дельцы (крупные или мелкие), но никогда не воспринимаются ими как великие люди; а в наше время их все чаще рассматривают под углом зрения аморальности в верхах.

Теперь, как и раньше, власти сопутствует

престиж, и вместе с тем на место прежних разрядов людей, служивших образцами, пришла преуспевающая братия: профессиональные администраторы из мира корпораций, превратившиеся в политическую элиту и ставшие ныне для американцев *официальными* образцами. Время покажет, станут ли они действительно образцами совершенства в представлениях и устремлениях широкой публики и выстоят ли они дольше, чем вытесненные ими либералы 30-х годов. Образы этих людей будят сомнения, вызывают глубоко укоренившиеся ассоциации, связанные с аморальностью современного социального механизма выдвижения руководителей и с аморальностью в верхах вообще. Среди образованных американцев все усиливается ощущение того, что авторитет подобных людей создан искусственно. Весь их духовный склад и условия, при которых они становятся "большими" людьми, очень уж легко порождают подозрения в том, что это сфабрикованные фигуры; слишком уж маячит на них тень подставных писак и гримеров; тщательность фабрикации слишком бросается в глаза.

Следует, конечно, иметь в виду, что люди из высших кругов не всегда стремятся навязать себя

низшим слоям населения в качестве образца и что низшие слои населения не всегда приемлют их образы в качестве образцов совершенства. Элита может пытаться реализовать подобные претензии среди народных масс, но массы могут их отвергнуть. Они могут, наоборот, относиться с полным равнодушием или даже развенчивать мнимые достоинства власть имущих, представлять их образы в карикатурном виде, высмеивать их претензии прослыть образцами совершенства.

Разбирая вопрос о людях, воплощающих собой типичные черты национального характера, Уолтер Бэдджот отвлекается от возможности подобной реакции. Очевидно, однако, что, имея дело с нашими современниками, мы обязаны ее учитывать, так как именно такая реакция и порождает неизменно расточительные, а порой и бешеные затраты на то, что именуется "обработкой общественного мнения". Люди, обладающие могуществом и престижем, остаются, пожалуй, в выигрыше, если они не проявляют активного стремления к шумной славе. Истинно гордые семейства старинных богачей не станут домогаться ее, но зато профессиональные знаменитости — специалисты по части такого активного домогательства славы.

Политическая, экономическая и военная элиты все больше и больше соперничают, как мы видели, с профессиональными знаменитостями и стремятся заимствовать у них общественный престиж. Можно, пожалуй, считать, что людям, обладающим беспримерным могуществом, но лишенным ореола общественного престижа, всегда свойственно искать престиж — хотя бы и испытывая при этом неловкость — среди тех, кто пользуется популярностью, но лишен могущества.

Внимание народных масс отвлекается от деяний и личностей властвующей элиты делами и славой профессиональных знаменитостей, а также явлениями экономического процветания, обусловленного военными факторами; внимание либерально настроенной интеллигенции, интересующейся политическими проблемами, отвлекается такими факторами, как чисто местная борьба политических сил внутри отдельных избирательных округов и политическая борьба в средних звеньях власти, деятельность которых поддерживает иллюзию, будто США все еще представляют собой общество, основанное на принципе равновесия. Если внимание массовых средств общения сосредоточено на профессиональных знаменитостях, то внимание либерально настроенной интеллигенции, и

особенно внимание ученых-социологов, сосредоточено на шумливых средних звеньях власти. Профессиональные знаменитости и второразрядные политические деятели являются наиболее заметными фигурами во всей нашей социальной системе; в самом деле, обе эти группы, вместе взятые, монопольно владеют, как правило, той ареной гласной общественной жизни, которая находится в поле зрения рядовых людей, и, таким образом, затмевают собой властвующую элиту и отвлекают от нее общественное внимание.

В состав высших кругов США входят ныне, с одной стороны, профессиональные знаменитости, волнующие воображение публики и ослепляющие ее своими забавными выходками и эротизмом, а с другой стороны, люди отмеченные ореолом престижа, окружающего власть и общественное влияние, могущество и богатство. Между этими двумя вершинами общественной пирамиды имеется известная взаимозависимость. Властвующая элита не столь заметна, как профессиональные знаменитости, и зачастую не стремится быть заметной, а "сила" профессиональных знаменитостей заключается в их способности отвлекать на себя общественное внимание. Поистине странная толпа кумиров

высится сейчас над американским обществом! Профессиональные знаменитости — это в большинстве своем прилизанные куклы или непристойные шуты; власть же имущие в основном редко олицетворяют собой лучшие духовные качества народа.

Вполне понятно поэтому то чувство моральной неловкости, которое наблюдается в кругах самой американской элиты. Наличие такого чувства неловкости полностью подтверждается наиболее серьезными людьми из среды элиты, которые осознали, что именно по знаменитостям из высших кругов судят за границей об американцах. Двойственная природа прослойки американских знаменитостей отражается за границей как в двойственном облике американцев, едущих туда развлекаться или по делу, так и в представлениях об "американцах", которых придерживаются многие образованные и трезво мыслящие европейцы. В почете у американской публики находятся ныне либо непристойные, либо мрачные личности; в туго завинченной ныне американской системе распределения престижа общественный почет достается либо совершенно ничтожным, либо зловещим фигурам.

Американская элита не состоит из людей,

воплощающих лучшие качества народа, поведение и характер которых служили бы американцам в качестве образца, объекта подражания и устремления. Не существует такой группы, о членах которой рядовые люди могли бы вполне справедливо сказать, что они с радостью согласились бы стать такими же. В этом фундаментальном значении США действительно не имеют национальных лидеров. Но такова уж природа циничного и политически бесформенного недоверия, питаемого широкой публикой к власти имущим, что оно легко испаряется без каких-либо реальных политических последствий. После людей и событий, которые страна пережила и видела перед собой за последние 30 лет, дела все же обстоят именно так, и это лишний раз доказывает, насколько трудно найти и использовать ныне в Америке умеренные политические средства для нравственно чистых целей.

Америка — консервативная страна без какой-либо консервативной идеологии — предстает ныне перед миром как олицетворение голой и деспотической силы, как это обнаруживается, например, в тех случаях, когда люди, делающие в Америке высокую политику,

навязывают другим странам во имя реализма свои нередко сумасбродные определения и оценки мировой действительности. Второразрядные умы всегда находятся под властью выпренно выраженных плоских идей. В либеральной риторике в принцип возводится ныне расплывчатость мысли, в консервативной — иррациональность. В условиях функционирования объединенной частно-капиталистической экономики, возвышения военщины и политического вакуума, существующего в современной Америке, разумное обсуждение политических идей заменяется односторонней обработкой общественного мнения, режимом официальной секретности, современными избирательными кампаниями, снижающими уровень политического сознания народа, и ужасной политикой совершившихся (и топорно обделанных) фактов.

Люди из высших кругов не представляют нацию, их высокое положение не является результатом их моральных достоинств; их сказочный успех не связан прочным образом с какими-либо похвальными дарованиями. Власть имущие были отобраны и воспитаны теми, кто обладал до них орудиями власти, источниками богатства, аппаратом фабрикации знаменитостей,

существующими в обществе, в котором они живут. Они не отобраны и не воспитаны таким гражданским государственным аппаратом, который был бы связан с миром знания и творческих идей. Это не люди, воспитанные партиями, проникнутыми сознанием ответственности перед страной, открыто и четко обсуждающими проблемы, к которым наша страна столь неразумно ныне подходит. Это не люди, несущие ответственность перед контролирующим их множеством добровольных ассоциаций, связывающих политически активных граждан с верховными государственными органами. Носители такой громадной власти, какой еще не знала история человечества, они обрели эту власть только благодаря американской системе организованной безответственности.

* Текст приводится по изданию:

Миллс Р. Властвующая элита. — М.:
Издательство иностранной литературы, 1959.

*Перевод с англ. Е. И. Розенталь, Л. Г.
Рошаль, В. Л. Кон.*

АБРААМ МОЛЬ